

ТАРАСОВА КРИСТИНА

КАРАМЕЛЬ

Карамель

«Новый Мир» представляет собой оплот человеческого мира и
безупречность градостроения. Мы – оплот сознания, науки и
медицины, высшее эволюционное звено. Мы воля Создателя.
Мы – Боги»

В учебниках Академии пишут, что Землю погубила химическая катастрофа. После Коллапса для жизни остался пригоден небольшой город, поделённый крестом на четыре района, в центре которого высится Здание Комитета Управляющих. Люди возвела град на граде и живут поверх старых зданий, автомобили способны передвигаться по воздуху, а детям дают странные имена. Чувства считаются болезнью, а мнение, разнящееся с государственным, отклонением.

Но неужели никто не живет внизу — над вредными испарениями? А что если мир вне города и защитной стены тоже существует?

"Мы — ваши Создатели", — утверждает главная героиня истории Карамель — сладкая и тягучая, увязнувшая в грязи мегаполиса; и именно ей предстоит провести читателей по Новому Миру — идеальному граду тоталитарного будущего.

События первого дня

«Мы ваши Создатели!» — вторит голос над головой: слова разверзают город, а слоги рассыпаются и налипают на дороги, что скрешиваются паутиной.

«Мы будущее этого мира» — продолжает говорящий. Я с трудом открываю плачущие от соли глаза и наблюдаю ухватывающую воду: она стремится обнять меня; ощущаю удар волны.

«И если вы живёте...»

Вода наполняет лёгкие словно сосуд, но чья-то дрогнувшая рука не останавливается, а потому жидкость переливает через край, ошипывает, давит.

«...дышите нашим воздухом...»

Вскидываю руками к некогда молебному небу, но вместо того сталкиваюсь с бессердечной поверхностью воды.

«...едите нашу пищу...»

Я хочу закричать.

«...смотрите на наше небо...»

Кричу.

«...Знайте! Без нас не будет вас»

Захлёбываюсь: ледяная жидкость взбирается и наполняет изнутри.

«Вы наши подчинённые, а мы Боги»

Тело обдаёт жаром; я чувствую: вот-вот вспыхну, загорюсь.

«Восхваляйте же своих Создателей!»

Открываю глаза.

Помню, что тонула. Помню ледяную воду и обжигающее нахождение в ней — такое возможно? Прихожу в себя и взглядом препираюсь с огромнейшим экраном перед Зданием Комитета Управляющих. Не было ни дня, чтобы во время перерыва в Академии и душных офисах не прервали неоновое-маркетинговое безобразие и не включили новостную сводку, напомнив — и млад, и стар — благодаря кому те ещё на поверхности.

— Звучит как реклама, — с явным недовольством отмечает Ирис.

— Это и есть реклама, — парирую я. — Всё в этом мире реклама, моя дорогая.

Она сидит напротив: скалится и ведёт бровью.

— Тебе видней, разумеется, — говорит Ирис. Ядовито, разве что слюной не брызгает.

— Разумеется, — подхватываю я. — Голдман есть один большой рекламный ход, не учи создателей рекламы упомятому.

Подруга оборачивается и награждает покладистой улыбкой, хотя я наблюдаю ещё большее недовольство в хищном взгляде. Кончик носа — птичий клюв — услужливо опущен, но дуги чёрных бровей сведены от сосредоточения. Того и гляди складка на носу лопнет и через натёртую блеском кожу посыплется наполнитель тряпичной куклы. Ирис до раздражения глупа, а когда требуется — умна; идиотское качество, терпеть его не могу. Она выжидает добычу — секунды/минуты/часы; пока та не забьётся в предсмертных конвульсиях: борьба без участия устраивала её и насыщала. Вот только я не добыча.

— Сегодня на Золотое Кольцо? — предлагаю следом.

— Заманчиво, подружка.

К нам подходит служащий. Кладёт тарелку со стейком: напитанный жиром

синтетический кусок, вонючий и красивый, лоснящийся, гадкий. Вопрошающий мальчишечий взгляд уточняет, кому из нас предназначен заказ.

— Очевидно, не находишь? — бросаю я и вместе с тем отталкиваю тарелку в сторону Ирис. — Искусственные помои, как ты это ешь?

— Твоя зелень тоже не без искусственного дерьма выращена, поверь, — ехидничает Ирис и гонит служащего за напитками.

Вскоре приносят мой заказ. Спаржу с лимонным соусом.

— Не забудь промычать, когда доешь, — шмыгает подруга.

— А ты — всунуть два пальца в рот. Как всегда, — говорю я. — И вообще-то коровы не едят спаржу, пустая твоя голова. Язвишь — так хоть делай то осмысленно, с аргументом.

— Почём знать, чем сейчас кормят коров?

— Достаточно посмотреть на тебя.

Ирис роняет столовый прибор.

— Ты хочешь обсудить это, в самом деле? — спрашивает девочка.

— Обсуждать нечего: контролируй, что и когда запикиваешь в рот, и не придётся опосля пихать два пальца.

— Это твоя семейка вся на контроле, люди обыкновенные более расслаблены в подобных вопросах.

— Всё оправдания, Ирис. Хочешь выглядеть худой, а не истощённой — прекрати делать то, что приводит к истощению, и начни делать то, что приведёт к худобе.

— Это не так просто, я говорила.

— О ментальных проблемах? — пытаюсь пристыдить. — Говори громче, может, соответствующие службы заинтересуются тобой и помогут решить свалившиеся беды. Патруль Безопасности работает без выходных, подружка.

— Прекращай.

— Однако не оставляй следующую мысль: твои беды тобой и выдуманы. От скуки. Ты скучная, Ирис, и пытаешься выудить в этом мире хоть что-то способное заполнить пустоту твоей жизни. Выбор пал на калории. Мне жаль. А, может, и нет.

Пожимаю плечами и оставляю подругу без разговора: она замолкает и нервно перебирает салфетку (к стейку так и не прикасаясь), я же надламываю стебель спаржи и, засовывая его в рот, распаиваю книгу, тайком вынесенную из отцовского кабинета. Отец предпочитает держать старую печать — равно иным ценностям в доме — на пыльных полках; к тому же, говорит, воздух здешних улиц отравляет чернила, меняя содержимое в текстах.

Проходит обеденный перерыв и столовую разрезает сигнал, предрекающий скорые уроки у других курсов. Мы же на сегодня отучились. На парящем в воздухе экране — вопиюще-огромном — появляется — барабанная дробь — моё лицо.

— Мы ваши Создатели, — объявляет копия.

Повторяется речь про Богов и Мир.

Отец выкупил несколько часов в неделю на экране, дабы отделы из Управления могли присмотреться ко мне: как держусь в камере, как веду себя перед зрителем, какое влияние имею, о чём рассуждаю. Внимание — положительное, уместное — благоприятно сказывалось на будущем, в этом было преимущество наших медиастандартов. Для этого выступления я записала обращение к южанам (о них — позже).

— Пойдём, нам пора, — обращаюсь к Ирис и поспешно заталкиваю книгу в сумку.

Девочка негласно поднимается. Решаю утешить её раздосадованное лицо и вновь предлагаю отправиться после учёбы на Золотое Кольцо.

— За твой счёт, — лукаво протягивает подруга.

Как будто бывает иначе...

Прежде чем оставить обеденное место, поднимаю нетронутый столовый прибор и разламываю блестящий стейк Ирис, дабы никто из служащих или бродяг на прикорме не смел прикасаться к продуктам, которые достаются непосильным трудом достойнейшим из достойных. Я благодарна Новому Миру за то, что вхожу в число этих достойных. Мы элита. Мы важны. Только мы важны. Мы строим град будущего, мы строим само будущее!

Подходим к лифту — оказываемся внутри. Двери неспешно закрываются.

Место, где мы обедаем, располагается на крыше Академии — под стеклянным куполом. Искусственная выцветшая листва оплетает арку над входом, напоказ выставлены миниатюрные столы в две персоны, кафельная плитка уводит служащих в подобие шатра, где осуществляется готовка, стук каблуков сливается с чужой речью в песнь города. Поднимаю глаза к небу, кажется, ещё чуть-чуть и непременно достанешь грязные облака руками. Выше Академии лишь Здание Комитета Управляющих, где заседают отец и мать и где появляется речь о создателях в моём исполнении.

Образование есть вторая ступень после Семьи, конечная — Управление. Кто-то говорил мне, после третьей следует вновь семья и, получается, цепь бытия нерушима: звенья скрепляются в круг. Не думаю, что этому можно верить. Я собираюсь взобраться на высшую ступень управления и там влиться, застыть. Ничего иное не принесёт упоение нраву Голдман. Мы Создатели. Мы есть правящая рукоять, что показывает движение сотням шестерёнок этого города.

Двери лифта плавно выпускают нас: Ирис давит улыбку юноше, что приближается, но юноша не видит Ирис, что пытается угодить; здоровается со мной и замирает напротив. Робкого ума подруги хватает, чтобы исчезнуть в тот же миг; она привыкла оставлять наши беседы наедине.

— Сладкая девочка, — улыбается Ромео.

— Давай без этого, — пресекаю я и быстро оглядываюсь.

Группа учащихся застывает дальше по коридору — мы им без интереса. Или так кажется... Ни в чём нельзя быть уверенным. За нами постоянно следят. За нами постоянно следят?

— Как скажешь, — кивает юноша, — сладкая девочка.

— Твои шутки до добра не доведут. Здесь люди и камеры.

— Ни люди, ни камеры не влияют на мою радость при виде тебя.

— А вот их мнение и слова — влияют. Не хочу быть причастна к возможным разбирательствам. Ты видел меня на Здании Комитета Управляющих? Моей семье скандала не хватало, Ромео!

Конечно, я просто хотела упомянуть о собственной заслуге: дочь Голдман впервые на экране.

— Прекрати отчитывать, — бросает юноша и облокачивается о стену — серую, холодную. Окон нет ни в коридоре, ни в кабинетах. Тянущиеся холодные лампы и только. Знаю, у многих и в личных квартирах нет окон (потому хороши дома); да и для чего нужны окна, через которые на тебя смотрит небо, цветом и настроением схожее с куском обглоданного картона? — Конечно, видел! Твоё личико смотрело на каждого в городе. На

каждого!

— Это приятно.

— Чем займёшься?

Уроки закончились, и мы могли отправляться домой. После учёбы я всегда оставалась на обед в Академии — иногда компанию составляла Ирис, иногда — Ромео. И никогда — они вместе. Ирис ощущала некий дискомфорт от нахождения за одним столом с противоположным полом...если точнее — кусок салата в рот засунуть не могла. Здесь без комментариев. Сегодня мы обедали с Ирис, потому что Ромео оставался в библиотеке — работал над индивидуальным проектом, я не интересовалась.

— Чем займусь? — повторяю. — Наверное, заглаживанием вины за то, что завуалированно обозвала подругу-анорексичку анорексичкой.

— Это жестоко даже для тебя.

— Правда? Куплю пару тряпок, она растает. Ничего не меняется, это порядок вещей. Как говорит отец: «стабильность есть признак мастерства».

— Удобно и прогрессивно, когда ты можешь решить свои проблемы за деньги — цена вопроса в их количестве.

— Считаю более удобным способом решение проблем — фамилию. Её авторитетность.

— Фамилия способна проблемы создавать, деньги же — никогда.

— Будем спорить?

— Можем, пока я провожаю тебя до гардеробной.

Мы учимся с Ромео на одном курсе. Ирис учится с нами. И ещё два десятка ребят. До выпуска из Академии остаётся полтора года. За окончанием образования идёт следующая ступень — управление, я говорила. И я должна быть готова к этой ступени, должна прийти к ней заранее и подать себя с первых секунд нахождения в Здании Комитета Управляющих. Имя отца и имя матери обеспечат мне толику уважения, но истинное восхищение я заслужу своими деяниями, взглядами и решениями. Я привнесу только положительное, я вознесу управляющих, я создам собственный элизий, где соберутся лучшие из лучших и умные из умнейших. Все мы будем исправно выполнять свою работу и освещать будущее поколений — как заведено. Мы Создатели и мы создаём лучший мир. И я должна занимать позицию тех людей, что правят остальными.

Смотрю на отдаляющийся по коридору силуэт Ромео. Думается, его спина будет также отдаляться от меня по коридору в Здании Комитета Управляющих. В планах работать вместе, заседать в одной палате. Мой отец относится к Палате Социума: решает вопросы о равенстве и неравенстве, лишает прав недостойных относиться к управляющей знати. Ромео тоже постоянно рассуждает о людях и их правах: говорит, привнёс бы в Палату Социума необходимые для мирного взаимодействия районов изменения, но не откровенничает, не перечисляет их. В любом случае, я доверяю Ромео — он сделает всё на благо Нового Мира. На благо меня. Однако, к прочему, ему нравится работать с числами. Может, он займёт Палату Финансов? Это почтенно — держать валюту города, контролировать расходы и доходы районов, равнять их, выделять суммы и суммами облагать, изымать и направлять. Мне — даже! — хочется, чтобы мой будущий супруг занимал место в Палате Финансов: престиж и уважение окружают всякого, кто держит руку на городском кошельке, ибо люди падки к деньгам в любое время и в любой век.

К слову, Комитет Управляющих состоит из девяти палат (Социума, Финансов, Производства, Медицины, Образования, Рекламы, Безопасности, Передвижения и

Администрации) и четырёх Залов (Суда, Труда, Контроля и Семьи). Палаты исполняют функцию деятелей: обтачивают истины Нового Мира, ищут наиболее выгодные условия для комфортного существования граждан, совершают открытия, вносят корректировки и нововведения или отказываются от них вовсе, а в Залах ведутся неизменные действия. Например, в Палате Социума отец решает, достойны ли атавизмы Нового Мира в лице смердящих исполнителей из южного района зваться ровней северянам. А в Зале Суда следует одного из исполнителей наказать, если он поведёт себя недостойно жителю идеального общества. В Палатах думают, как усовершенствовать наш мир, а в Залах принимают меры по регулированию этих совершенств.

Ромео оборачивается, чтобы убедиться — я следую. Но я не следую. Смотрю на него и думаю.

У него густые, иссиня-чёрные волосы, они опрятны и волнами прилегают к голове; у него тёмная, словно бронзовая, отливающая статью и красотой, кожа; его карие — почти чёрные — глаза буравят меня: ничего в них нет. Люди такие пустые. Такие глупые. И он в том числе. И он в том числе? Они ищут ответы на сложные вопросы, а сюр ситуации в том, что сами они просты.

— Ты задумалась. Всё хорошо? — интересуется Ромео.

— Ещё спрашиваешь, — с мнимым оскорблением бросаю я и возвращаюсь в поток движущихся учеников. — Представила тебя в Здании Комитета Управляющих.

— Кем я был?

— Не определилась.

— Похоже на правду.

Забираем верхнюю одежду из гардеробной — Ромео помогает попасть в рукава пальто. Он галантен и воспитан, а ещё понимает — со мной нельзя иначе. Задана определённая планка, нарушить её равно подписать мою инициативу к разрыву. Благодарю и сбрасываю с плеча Ромео волос пшеничного цвета. Мой.

— Оставила бы, — быстро улыбается юноша.

— Зачем? Вклеишь в личный дневник?

— Откуда знаешь, что он у меня есть? Может, ещё назовёшь цвет обложки?

— Розовый, со стразами.

— Стопроцентное попадание.

Пытаюсь сдержать смех. Только Ромео так умеет.

— Ладно, идём.

Юноша кивает:

— Наверняка твой водитель уже на парковке.

Достаю из кармана защитную маску и надеваю её на лицо. С того момента, как объявили, что загрязнение воздуха превысило допустимую норму (у загрязнения бывает норма?), граждан обязали носить защитные маски с фильтрами. Маски поставляли бесплатно, что демонстрировало искреннюю озабоченность государства гражданами. Жаль, все они серого цвета — я бы хотела комбинировать их с одеждой, но изменение внешнего вида масок нарушает правила их использования. В итоге по улицам плывут десятки и сотни серых лиц, сочетающихся разве что с серым пасмурным небом над головой.

Покидаем здание Академии — шумный город даёт о себе знать в тот же миг — и оказываемся на крыше. Крышу называют стилобатом, но звучит это как-то претенциозно. Сотни летающих автомобилей и дронов разрезают воздушное пространство, а десятки

пешеходных троп выются от одного здания к другому. Мы живём на поверхности. Мы живём на поверхности, а под нашими ногами гниют былые города, под нами бьётся, корчится и умирает искалеченная земля, а мы, находясь на вершинах высотных домов и обустроив град на граде, вкушаем плоды прекрасной жизни. Мы есть люди будущего, мы — люди с поверхности.

Новый Мир подразумевает элиту — достойных, уважаемых граждан; тех людей, что представляют высшее звено человеческой цепочки развития, это сверхлюди. Иные — как атавизмы — вскоре отомрут на теле города. Мы боремся с ними. Мы боремся за это. Мы позаботимся о них: о мелких несовершенствах, которые нам, вершителям (подобно искусным творцам) придётся самостоятельно удалить на обтачиваемом камне для того, чтобы создать абсолютное совершенство фигуры.

Новый Мир представляет собой апофеоз человеческой мысли и безупречность градостроения. Он возвышается на некогда функционирующих небоскрёбах и связывает меж собой здания множествами протянутых троп; когда-то город был разделён крестообразной рекой (рытвины, от которой, возможно, до сих пор под нашими пятнами) — то послужило условным разграничением районов. В Северном районе собраны жилые многоквартирные улицы и частные дома, в Западном (его ещё называют торговым) районе осуществляется купля-продажа всего существующего в Новом Мире, а также находятся развлекательные и увеселительные заведения. Золотое Кольцо, куда мы направимся с Ирис чуть позже, располагается на Западе Нового Мира. Восточный район сосредоточен на производстве и поставках. В Южном районе живут бедняки, обслуживающий персонал, заводчане, работающие на фабриках — все те, кто трудится на благо элиты, трудящейся на благо государства. Население Нового мира едва превышает двадцать тысяч человек, большая часть из которых — представители Северного района. Обслуживают их жители Южного — тараканы, которым не хватило ума стать кем-то вроде нас. Их цели более низменны, потребности минимальны; они работают на заводах и фабриках, выполняют обслуживающую функцию. Отец убеждает отзываться о них не так критично, ибо северяне разбалованы, а без южан нам придётся обхаживать себя самим. Не вижу здесь ничего ужасного: я и без слуги смогу дотянуться до стакана с водой; лишь бы не видеть этот человекоподобный мусор.

Старые здания, на которых построены новые дома, обнесены дополнительными конструкциями для укрепления. Рабочие Южного района зачастую спускаются туда, дабы проверить исправность строений или усовершенствовать их. Сложно вообразить, какими последствиями это оборачивается для организмов недостойных, ведь чем ближе к земле (настоящей земле), тем выше уровень заражения и больше плавающих в воздухе болезней. Они — подобно туману — прижимаются к почве. Однако жертва южан не восхищает северян, а лишь демонстрирует: такая служба истинна для недостойных управления.

— До завтра, сладкая девочка, — говорит Ромео, проводив меня до посадочного места — особой платформы, где в воздухе замирают автомобили и забирают пассажиров.

Вместо ответа закатываю глаза. Дверь автомобиля отъезжает в сторону — сажусь.

— Доброго дня, мисс Голдман, — здоровается водитель.

Молча киваю и с удобством располагаюсь на диване. Хотелось бы дочитать книгу, но не стоит лишнему человеку знать о наличии старой печати в сумке. Одно дело ходить с книгой по коридорам Академии — их зачастую используют в написании каких-либо исследовательских работ; главное условие — не выносить дражайший антиквариат за

пределы учебного заведения. Я же подстёгивала коллекцию отца. Книги старой печати хороши и плохи одновременно тем, что обнажают мысли (отвратительные и неправильные для неокрепшего сознания молодых граждан) людей былых поколений. Я читаю давно усопшие истории и делаю выводы об ограниченности ума жителей тех лет. Лет, когда не было Нового Мира. Лет до Урбанистической Революции. Лет, когда земля раскололась и собралась в верхний и нижний миры.

Автомобиль всплывает в воздух. Момент отрыва от земли всегда заставляет встрепенуться: тот самый миг, когда ты поднимаешься над городом, от которого млеешь и который боготворишь, и вот ты уже на десятки метров возвысился над последним мостом и несёшься над бескрайней пропастью Нового Мира.

Безучастно поглядываю в окно: из здания Академии выходит Ирис — неаккуратно поправляет маску и двигается к парковочным местам. Ромео отправляется домой вдоль мостов — навесных конструкций, что связывают крыши и позволяют гражданам Нового Мира передвигаться не только на летающих машинах. Лично я не терплю прогулки пешим шагом и считаю их уделом недостойных. Недостаточно достойных. Да, так.

— Улица Goldman, — объявляет водитель.

Мы замираем над парковочным местом у огромной площадки, на которой стоит двухэтажный дом, и медленно опускаемся. Замки отщёлкивают, двери отходят. Территория дома большая, много свободного и незадействованного пространства — вообразите, какого это, если за каждый дюйм в Новом Мире требуется платить немалую цену. О подобии сада — сухого, склоченного, замученного и высушенного — позже.

— К трем отправимся на Золотое Кольцо. Жди, — говорю водителю с безучастным взглядом и покидаю машину.

— Да, мисс Goldman.

Выстукиваю по плитке до дома и замираю у сенсорной панели, что впаяна рядом с входной дверью: прислоняюсь ладонью — чипированной частью — и, услышав одобрителный щелчок, захожу.

— Здравствуйте, мисс Goldman. Добро пожаловать домой, мисс Goldman, — приветствует служащая, что ожидает моего прихода.

Сбрасываю пальто и защитную маску; Миринда поднимает верхнюю одежду и спешит утаить её в гардеробе. Миринду наняли, когда я родилась. Её руки — сухие: и были, и остались; помню, как она поднимала меня из кровати и напевала колыбельные. Её глаза — печальные. Её кожа — тёмная; в светлом доме, кажется, женщине нет места: грязное пятно на белой стене, несуразная скульптура на фоне хлопковых комнат. Миринда встречает меня из Академии, готовит еду, прибирается, стирает — со всеми своими обязанности справляется с присущими ей кропотливостью и ответственностью. Тёмно-коричневые волосы её похожи на шоколад, ключицы — острые — выглядывают сквозь полупрозрачную ткань ворота блузки. Она носит чёрный комбинезон с бархатными вставками и кружевом на рукавах.

Слышу отцовский голос этажом выше. Беседы о состоянии социального отдела. Сегодня отец работает удалённо — сидит в кабинете, постукивая по отзеркаленным в столе клавишам, разговаривает по наушнику, отвлекается на статьи из «Вестника», пьёт из кофейной кружки не кофе, окидывает взглядом собранную библиотеку (что окидывает взглядом его в ответ).

Поднимаюсь по лестнице — длинный коридор без света уводит к кабинету. Двери

распахнуты — вижу силуэт отца, склонившегося над столом: пальцы прыгают по клавишам, наушник шепчет в ухо, на папке с документами стоит кофейная кружка. Отец предсказуем (нет, лучше подходит слово «стабилен», ведь такой уклад радует и вдохновляет. Отец всегда одинаков и всегда великолепен — это восхищает.

— Здравствуй, дочка, — не отвлекаясь от плавающего в воздухе экрана, говорит отец.

— Работаешь, — констатирую я.

— Как всегда.

— Как всегда.

Мне нравится бывать в кабинете. Нравятся тянущиеся от пола в потолок книжные стеллажи со старой печатью, нравится прозрачный стол по центру, нравится обращённое спиной к панорамному окну кресло, нравятся маленькие диваны, нравятся кубические картины, нравится запах пыли и чернил, нравится монотонный, решающий городские проблемы, голос отца, нравится видеть всё то, что я вижу, потому что понимаю, каким непосильным трудом оно зарабатывалось.

Мать говорит, отец женат скорее на работе, но я не вижу в этом ничего плохого — я бы и сама избрала тот же путь. Быть трудоголиком лучше, нежели лентяем.

Медленно подхожу к панорамному окну за спиной отца (право, как он смеет обращаться к Новому Миру затылком?): пальцами касаюсь вдалеке находящегося Здания Комитета Управляющих. Единственное строение, которое видно в городе отовсюду, так оно велико и значимо. Смотрю на острый пик и поражаюсь его красоте и превосходству. Я была в Здании Комитета Управляющих однажды, в одном из Залов собраний. Дышать там нечем, а посмотри в окно — пустошь, белена. Волны, пытающиеся схватить сухие и худые высоты, обнимают и прижимаются к тебе по другую сторону окна. Ты среди и над облаками, это невыносимо. Я обводила пустые столы взглядом и представляла, как спустя несколько лет сменю управляющих в отделах. Я цеплялась глазами за цепляющиеся о макушки высоток облака и представляла, как буду в скором времени наслаждаться их видом и задышаться в кабинетах, и взгляд мой ни единого раза не упадёт на серый город. Да и для чего? Для чего ползающие по мостам муравьи и летающие над ними осы, если тебе открыто небо, соблазнительно манящее худым пальцем по направлению раскрытого окна? Сделай шаг, и ты замрёшь в Новом Мире и в его главных достоинствах — величественном небе и видом на власть; облака накроют тебя белоснежными одеялами и позволят остаться в них... Я слышала, падающие с высоты остаются в этом полёте навсегда; встреча с землёй не наступает: они застывают, наслаждаясь вечным полётом.

Прижимаюсь лицом к окну и смотрю под ноги. Дом Голдман стоит почти на краю, а потому я вижу сплетающиеся и уходящие вниз мосты, что теряются во мраке чёрных домов. Эти старые здания служат почвой и подпорками нашим новым строениям. Улица Голдман спокойная. Автомобили практически не летают, так как основные полосы для воздушного ориентирования смещены к центру, чужаки не ходят по мостам, так как участок выкуплен целиком, а иные не смеют ошиваться поблизости управляющих, ибо сами понимают собственное уродство. И, разумеется, осознают, что за чрезмерный — равно нездоровый — интерес можно оказаться привлечённым к ответственности и Суду. Суд — честный, справедливый, действующий на благо государства и граждан есть важнейший элемент структуры нашего общества. Я уважаю Суд и нахожу академическую дисциплину по судебным разбирательствам одной из интереснейших. Вообще каждая Палата представляет перечень требуемых к изучению уроков, а каждый из Залов предлагает увлекательные

элективы к дополнительному совершенствованию навыков. Палата Социума, например, предлагает на курс учащимся философию, социологию и психологию (мы остановились на манипуляциях и их реализацию по отношению к гражданам, которые будут слушаться нас). Палата Рекламы требует знание маркетинга, риторики и теории продаж. Палата Финансов включила в Академию курсы по финансовой грамотности, экономике и капиталу. Палата Медицины — биологию, физиологию и половое воспитание (единственный урок, который поделён на две группы: мужскую и женскую). Есть, конечно, дисциплины, не относящиеся ни к одной из палат (например, литературное чтение или географическая сводка; они называются общими и в аттестат об образовании заслуженным баллом не выносятся. Стоит ли упоминать, что по всем предметам у меня высший балл? Нет. Устаю ли я? Тоже нет. Лень, как говорит отец, есть оправдание слабому или ослабевшему духу, а человеческое нутро на самом деле поблажек не знает и не терпит. Следовать опустошающим мыслям неприемлемо; мы должны трудиться на благо государства и, соответственно, лучшего мира, в котором главенствующую позицию занимаем мы сами!

Отец вздыхает и отвлекается на дела, перечитывает бумаги и отвечает на сообщения через встроенный в рабочий стол сенсор. У меня тоже такой есть, но меньше размером. В основном, я разговариваю с дядей и помощницей по вещевому магазину Голдман. Ну, не в основном даже...я правда только с ними и разговариваю, больше у меня никого в контактной книге нет. Это очень не нравится матери: недавно она заявила, что к своим годам я должна начать обзаводиться хорошими знакомствами (и вообще, что круг общения из чёрного парня и подружки-вертихвостки — замкнутый). Отец заступился и сказал, что сам начинит мою контактную книгу полезными номерами и мне не придётся тратить на это годы и силы, как делал он.

Я считаю уходящие вниз этажи, которые могу разглядеть. Те, на которых построена соседняя улица и которые никогда больше не осветятся изнутри. Один этаж, второй, третий — и вот тень моста падает поперёк; четвертый, пятый — следующий мост перечёркивает окно, а тень ставит на нём крест; шестой, седьмой — стёкла погружаются во тьму и ни единый блик проплывающих вывесок не дотягивается до них; восьмой, девятый — конец. Окна пропадают: тонут в чёрном океане, погружаются в беспросветную тьму. Я знаю, что даже пешим шагом ниже спускаться нельзя, не получится, там поджидает смерть; да и мысль о том, чтобы покинуть поверхность — девиантна. Это отклонение, болезненный вирус-червяк в голове.

Я знаю, что человек убивал природу, после чего она решила убить человека. Глупая, ведь у неё не вышло...Теперь киснет у нас под ногами, а мы с величием продолжаем жить. Мы. Люди с поверхности.

В детстве я любила читать журналы. Старые, напечатанные. Их выплёвывали станки, о чём мне рассказывал дядя. Удивительно, ведь ныне все тексты набирали на клавиатурах или под диктовку и распространяли в электронном виде. А что касается журналов...там рассказывали о жизни сразу после Коллапса (на самом деле я удивлена, что после масштабной, всеобъемлющей катастрофы люди нашли в себе силы и желание передать горстку информации о происходящем будущим поколениям). Я открывала эти тексты, чтобы вновь и вновь перечитывать горе людей; мне хотелось наблюдать за ними, смотреть со стороны. Я так часто это делала, что особенно тревожащие из моментов выучила наизусть. Они писали:

«И озарилось небо диким пламенем:
Пламенем,
Подобно глазам матери,
Из рук которой вырывают дитя»

Каждый стих преследовала иллюстрация. Как сейчас помню: с этими строками изображался невысокий холм с крохотными домами в несколько этажей, на небе двигались красные шары, а вместе с ними во тьме рассыпались крохотные точки — звёзды. В Новом Мире звёзд не было...то есть по природе своей они существовали и все о них прекрасно знали, но их никогда не видно: днем — из-за пасмурной погоды, а ночью — из-за застилающего улицы непроходимого тумана (к тому же находиться за пределами дома после объявления комендантского часа категорически запрещено — это нарушение под суд). Дядя подарил мне звёзды. Маленькую проекцию на потолок. Стихи дальше:

«Ночь поменялась с днём:
Всё озарилось будто свет,
Который исходил от крошечных
людских сердец,
ударил в небесах»

Силуэты бегущих людей смывались, крыши домов горели, деревья вспыхивали, а через секунды тонули в огненном океане.

«Люди сбегали — сбегали куда? —
Искали места,
Где укрыться могли,
Где могли бы спасти и детей,
и себя».

На следующей иллюстрации женщина с изрешеченным морщинами лицом и дряблыми руками прижимала к себе свёрток грязной ткани. Дитя. Я вглядывалась в картину, однако настигало меня не сострадание и сочувствие, не переживание и тягота от осознания, к чему пришёл человек. Я видела старуху. Я думала о старости. Я думала о неразвитости былых государств, о неспешности их развития. Получив блага, которые устраивали их в определенный момент, они забывали, что рано или поздно осточертеет и это. Почему после исторически важных переворотов люди стремятся к созданию и изобретению нового? Они боятся, что вернуться в ту же кучу животных фекалий, синонимично выступающей их жизням, и вновь будут по горло хлебать заслуженное. Люди боятся перемен, но после толчка — подразумевающего пинок — боятся вернуться в былые обстоятельства и времена, приведшие к сему, отчего бегут и выдумывают на ходу. Люди умели и умеют создавать новое. Но только тогда, когда их ужалит. Электричество, двигатели, автомобили, даже лекарства — про всё я читала и всё это заставляло меня размышлять о людском потенциале, который не раскрывала — как говорит статистика из отцовских книг — большая часть живущих на Земле. Мы же — люди с поверхности — та самая часть, которая может и делает это. Люди, рождённые в Новом Мире — априори достойные и награждённые всеми

возможностями для раскрытия собственного потенциала. Наша элита разрастается по городу, и, может, нас не так много, как раньше заполняли землю те бессмысленные тараканы-люди, но мы занимаемся действительно важными вещами. Мы привносим новое. Мы создаём новое. Мы создаём лучшее. Мы создаём лучший Новый Мир.

Когда люди оказались ограничены в пространстве и земельных участках, пригодных для построения новых домов, они начали строить поверх былых конструкций; когда дорог для машин перестало хватать, наши автомобили поднялись в воздух; когда люди поняли, что выше всего существующего и сами есть боги — они поднялись над поверженной землей и вознеслись к небу.

Потому я была убеждена, что люди идеального государства могут выглядеть исключительно идеально. У нас есть все возможности, у нас есть развитая медицина. И старость — не предел красоты.

«Молитвы их стёрлись,
Молебн сошёл
С жизнью былой.
Им хотелось укрыть
В объятых своих
Не только родных,
Но и вещи.
Алчных людей погубил
их же грех,
То не предвидел и вещей».

Мужчина волочил за собой чемодан, а подле — рассыпавшиеся по иллюстрации — собирали оставленные кем-то пожитки; мародёры всегда и во всём наживались на всеобщих несчастьях, и таким не было места в граде будущего — глупцы не поднимали глаз с земли и разбросанных вещей на волну, что росла за их спинами.

«Боги подняли воды,
Потопили уродов.
Потопили дома,
А затем — города.
Сор не видать,
Но люди с поверхности всегда существовали
И будут существовать»

Перед глазами тревожная иллюстрация: затопленные автомобили и здания под водой, трупы людей парят будто в воздухе, но они не смеют взлететь и возвыситься к нам, конечности утопленников раскинуты в разные стороны.

После пожаров и затопления, после горящих лесов и всепоглощающих цунами произошли утечки с заводов: химикаты попали в воду. Оставшихся в живых людей окружили взрывы, бесчисленные и бесконечные взрывы. Очистка ещё не была свершена до конца...

«Огонь и вода —

Как извечная пара —
Сошлась на реке,
Что крестом делит град,
Сошлась на реке,
Окунулась во мрак.

Наши предки тогда
Обрели навека
Приют и покой.
Над природой самой
Взяли контроль.

Они обманули стихию,
Утешив людей истерию».

Я всегда касалась пальцами последующей иллюстрации. Небольшого города, изображённого по обыкновению сверху: его делила река — крестом, на четыре района. Я рисовала крест. Север уводил к Дамбе и искусственному пляжу. Вода пугала и заволаживала, а Новый Мир утягивал в свои блаженные каменные джунгли и связывал по рукам и ногам.

По началу существования нового мира ещё с малой буквы люди смели делиться на стороны. Одна из них доказывала, что в случившемся была вина человека и на то божия воля — он (почему «он», а не «она»?) наказал нас за грехи. Вторая пыталась заглушить первых и утверждала, что нас испытывала сама природа на приспособленность, и — в итоге — мы не только прошли проверку, но и уподобили себе упомянутую. Победили в споре люди с поверхности — иные. Учёные, что наблюдали за распрями двух союзников (и в этот же миг противников) и благодаря которым мы получили всё то, что получили. Спорящие не дожили до наших дней, а вот первые Создатели одарили будущие поколения изобретениями, технологиями, ресурсами и прочим.

Я вновь смотрю себе под ноги — во мрак и пустоту. Мы в самом деле подчинили себе природу. Мы подчинили сам мир, воссоздав новый. Мы Боги. Мы Создатели.

— Верни книгу на место, — вдруг говорит отец, и тембр его голоса схож со звуком ударившейся бутылки о стол.

Оборачиваюсь и наблюдаю хмурый взгляд, впаянный в документы. Отец сердится, но сердится не на меня...на работу. Его так раздражают глупцы, что пытаются свергнуть людей с поверхности. Чудаки! Однажды их предки сами отказались помогать нам в построении великого града и развитии инфраструктур, а сейчас заявляли о своих правах?

— По правой стене от двери, третий шкаф от окна, вторая полка снизу, — бормочет отец, выплывывая каждую часть предложения по отдельности.

Высчитывать положение сказанного не приходится — книга, которую я взяла, в самом деле обитала на обозначенном месте.

— Вместо работы караулишь свою дражайшую коллекцию? — язвительно отвечаю я.

— Когда вредоносные короеды потихоньку обгрызают её — грех не следить.

Оставляю слова отца без ответа, а взор свой обращаю к панораме города. Дома связаны мостами, и картина схожа с паутиной, в которой запрятался опасный хищник. Он, сотворив искусную работу, позволяет попавшим в ловушку бытия ощущать себя на что-то годными;

они отвлекаются и, убедившись в своей безопасности (псевдобезопасности) и своих знаниях (псевдознаниях), отравляются прыснувшим ядом из городским труб. Смерть неизбежна.

Вот только понять не могу...кто-то над нами был этим пауком, а мы — жалкими созданиями, обречёнными на съедение, либо же мы — самые властные существа?

— Хочу паука, — говорю я, продолжая осматривать городскую паутину.

— Скоро твой день рождения. Учту.

Отец потирает лоб: его сухой силуэт отражается в блестящем от чистоты стекле и перебивается несколькими бликами от подсветки на участке дома.

Почему я задумываюсь над тем, кто из нас паук, а кто блошка на съедение? Мы совершенство! Мы — люди с поверхности. Самые сильные и самые умные. Самый приспособленный вид. Мы. Только мы.

Отец хочет что-то сделать, чертыхается, противится самому себе. Наконец, не стерпев, подползает рукой под стол, в одну из стоящих там коробок, и достаёт бутылку. Виски. Следом выплывает кофейная кружка, встаёт с приятельницей. Отец наполняет их: одну меньше другой. И протягивает мне. Бокалы используются только на кухне при сервировке, потому что малая порция алкоголя — вина — допустима на ужин, вот только отец — из-за обилия работы и стресса — нуждается в дополнительной концентрации внимания. Он говорит, что крепкие напитки укрепляют дух. Не подавая виду, принимаю кружку. Возраста, с которого разрешается упомянутое, я не достигла.

— Можешь не цитировать свою мать, — бросает отец, — и не учить меня тому, что можно, а что нельзя. Я убеждён: лучше попробуешь в родительской компании и поймёшь, что ничего особенного в этом нет, нежели совершишь нечто деструктивное и имеющее дурные последствия.

Мать говорит, алкоголь разрушает молодой мозг и губит тех, кто старше. Количество не уточняет, но она против выпивки в любом объеме, проявлении и контексте. Вся такая правильная, никогда не притрагивается к напиткам с градусами (хотя немного вина — повторяю — полагается к ужину, это прописано в государственной диете). Она пьёт лишь воду и зелёные чай.

— На следующей неделе, — вяло произносит отец, — жди визита гостей. Кое-кто хочет, чтобы ты повторила речь для рекламы и дала небольшое интервью.

— Вестник, новости? — спрашиваю я и отпиваю.

Держу алкоголь во рту, давая расплыться ему по языку, преодолеваю горький привкус, какой преодолевают все жители на поверхности, независимо от их положения и материального достатка, и пропускаю по горлу. Слегка обжигает. Слегка.

Вестником назывался электронный, обновляющийся в режиме онлайн, журнал, который собирал сплетни (официально это не сплетни, но характер изъяснения и темы обсуждения навевают обозвать так) всего Нового Мира; подключиться можно в любой момент — например, через компьютер в рабочем столе (это приложение, моделирующее экраны и клавиатуры). Либо же приобрести сенсор, который будет создавать имитацию печатного издания (я давно не читала Вестник, хотя сенсор лежит где-то в спальне; вот только разряженный). Новостями же называлась трансляция на Здании Комитета Управляющих. Город просыпался в шесть часов утра благодаря исходящему от пика небоскрёба гимна. В семь часов на связь выходили почитаемые и уважаемые северяне. Абсолютного и единственного правителя не было, то верно, ибо каждый из нас — каждый гражданин нашего города, каждый порядочный член общества, каждый работник и спец комитета —

имеет отношение к созданию и вёрстке Нового Мира. Мы вместе делаем его лучше, мы вместе строим своё будущее. А потому на равных делимся мыслями, историями и суждениями. Я бы хотела оказаться на экране утреннего обращения...когда-нибудь это случится.

— Новости, — отвечает отец и залпом испивает кружку, встряхивает плечами и оказывается рядом со мной, смотрит на город. — Будь на высоте.

— Как всегда, — подхватываю я и болтаю кружку в руке, чтобы жидкость цвета жжёного сахара встряхнулась и убрала осадок со дна.

— Как всегда, — соглашается отец, и острый нос его поднимается ещё выше — глаза перебегают со Здания Комитета Управляющих на серое небо; недолго смотрит и хмурится, затем вздрагивает и просит: — Матери — ни слова.

Киваю и отпиваю ещё: горечь приедается, начинает нравиться. Первый глоток — всегда пробный и чаще всего отвратительный, второй — сравнительный. Как первый шаг или первое действие — тебе стоит лишь повторить его несколько раз, и вот он зовётся твоей обыденностью и — даже — симпатизирует. Так человек привыкает к новому. Давным-давно и жизнь поверх былых домов казалась дикостью, а идея с летающими автомобилями — безумной и пропащей.

Однако я знаю точно: отец брался за бутылку лишь в тех случаях, когда связная речь в работе более не требовалась, а проблемы скребли дела изнутри.

— Что случилось? — спрашиваю я и тороплюсь исправиться: — Что случилось в Новом Мире такого, что огорчило тебя больше обычного?

Отец умно молчит. Тогда я, глядя на дно кружки — осадок медленно парирует и приземляется, — предполагаю:

— Готовят восстание?

— Ты не должна интересоваться подобным, — пресекает суровый взгляд. — В идеале тебе бы не произносить таких слов.

— В идеале Новому Миру не знать о безвольных глупцах, что тешатся надеждой присоединения к нам, ибо сами они должны внимать своей изменной природе.

Люди, как выражается отец, даже к дерьму в сапогах способны привыкнуть. Просто однажды — велика вероятность — кто-нибудь один вспомнит, что так не делается, и опосля начнёт подбивать снять сапоги других. Следует наказать лишь одного, отняв с сапогами ноги, и тогда замолчит ещё тысяча.

Новый Мир — утопия, колыбель человечества, элизий. Мы гордимся возведёнными до неба домами, без перерывов работающими заводами, мы гордимся людьми, которые совершенствуют город и решения свои принимают исходя из интересов государства, а значит, и общества. Но не всё так безоблачно...Враг сокрылся под нами, враг без лица. Вредные испарения начали разъедать основания домов: тех домов, на которых построен Новый Мир. Это могло значит одно: в любой момент они могут расслоиться, рассыпаться, пасть. Чтобы избежать неприятностей и не позволить нашему граду рухнуть (буквально), мы отправили вниз оставшихся недостойных: исторически отвергнутых и изгнанных Судом. Тех, кто даже к Южному Району не имеет никакого отношения, ибо мысли их деструктивны от и до и не приживаются в мире будущего, в мире идеальных людей. Я резко отзываюсь о южанах, считая их неровней нам, управленцам с севера, но они заслуживают нахождения в Новом Мире на законодательном уровне, ведь принимают его ценности, уважают его правила, работают на поддержание общего блага, отчисляют налоги. А те человекоподобные

создания — твари, монстры — никогда не найдут прибежища в городе: им запрещено подниматься, запрещено использовать мосты; пускай гниют вместо оснований домов, близ ядовитых испарений, остаточной радиации и бремени их ничтожности.

— Люди Острога всерьёз думают, что пора бы нам принять их к себе, соотнести с Южным Районом, — говорит Отец.

Место, где обитают недостойные (прямо под нами, в тени мостов), принято называть Острогом. Острог не изучается в Академии и не обсуждается в Здании Комитета Управляющих. Все о нём ведают, но упоминание табуировано. Отец — как представитель Палаты Социума — зачастую сталкивается с проблемами людей из Острога, но должен искусно обыгрывать это в официальных документах. Чаще всего используют нейтральное слово «строители», а место обитания этих строителей никак не обозначают, словно они не нуждаются ни в крове, ни в тепле, ни в пище. И они в самом деле не нуждаются.

Великое Восстание было около сотни лет назад. Тогда жители Острога одновременно подорвали несколько жилых многоквартирных домов в северном районе и заводы. Их собратья — южане — были отправлены на работы по восстановлению, а сами остроговцы истреблены. Не все, разумеется... достаточно, как я говорила, «наказать лишь одного, отняв с сапогами ноги, и тогда замолчит ещё тысяча». Ныне они продолжают трудиться: конструировать основания Нового Мира. Почему мы не переживаем, что они совершат нечто ужасное назло и подпортят удерживающие нас структуры? Потому что иначе мы рухнем им на головы, а люди Острога слишком лицемерны и эгоистичны, слишком тщеславны, чтобы не захотеть после падения основного врага взойти на его место.

— И что ты ответишь им? — спрашиваю я.

— Что и всегда.

Отрываю глаза от кружки и, глядя на отца, предполагаю:

— Перенаселение?

— Именно. Всем прекрасно известно, что Новый Мир рассчитан на определённое жёстко контролируемое и регулируемое количество граждан, а потому строителям не место даже в Южном Районе, они не смеют подняться.

— Ты думаешь, не устали те нелюди слушать и слышать про возможное перенаселение? — усмехаюсь я. — Может, сказать им прямо, что они недостойны ступить с нами вровень? Может, скажешь им сам, что они — просто подпорка: старая и гнилая, но хоть такая — способная удержать сваи, на которых растёт Новый Мир?

— Не злорадствуй, дочка, — говорит отец.

Его пустые (цветом льда) глаза устремлены по направлению пустого города. Отец никогда не смотрел себе под ноги, не смотрел и в сторону Острога в момент беседы о нём; железная выдержка. Я восхищена.

— Так в чём проблема? — любопытствую следом. — Зачем это...?

И я киваю в сторону бутылки.

— Причина уже прозвучала из твоих уст... — Отец замирает и обращает свой взор на меня — давит им. — Восстание, дочка. Возможно восстание. Когда люди слишком часто слышат «нет», они начинают злиться: даже если ничего не просили и не спрашивали.

— Мне их не понять.

— Потому будущее Нового Мира на тебе и таких как ты, дочка. На истинных управленцах и достойных гражданах. Твоими руками будет создан дивный новый мир...

— Я осознаю всю ответственность.

— Это главное.

— Сейчас поеду к Ирис, на Золотое Кольцо.

Отец ведёт бровью.

— На карте достаточно?

— Обижает.

— Твоя подружка тобой пользуется.

— Что очевидно...

— Хм.

— И вообще: кто нет? Она — мной, я — ею. Взаимно. Ты сам учил: люди должны приносить пользу, а не эмоции, приносить выгоду.

— Не принося при этом проблем, — перебивает отец.

— От Ирис проблем не было, — спорю я.

— Пока что. Будь осторожна, я вижу в этой девочке ушлый прищур, она жаждет твоей ошибки, малейшей оплошности, упущения, просчёта. Будь осторожна.

— Я доверяю только семье.

— Разумно, дочка. Ладно, иди.

Благодарю отца за выпивку и оставляю кружку, вскользь напоминаю о пауке и покидаю кабинет.

— Книгу ещё не дочитала!

Поверить не могу, что моё лицо покажут в утренних новостях, в обращении к гражданам, в интервью с независимыми СМИ. Это не просто минутная реклама и броская речь, это перспективнее. Намного. Это значимо. Это ответственно. Кто ещё из Академии смеет позёрствовать тем, что его мнение спросят на камеру для всего Нового Мира? Я поражена и воодушевлена этим известием! Хотя пытаюсь контролировать даже радость и восторг... нужно уметь держать себя в руках, уметь концентрироваться, уметь собираться и не подавать вида. Я горжусь, что я северянка с такими корнями, горжусь именем своей семьи, горжусь тем, что я Голдман. И на следующей неделе старшая дочь Голдман обратится к Новому Миру, расскажет о себе и своих взглядах, покажет свою преданность государству и политическому режиму, продемонстрирует идеального управленца. Какую из Палат я выберу, когда меня спросят? Куда получу рекомендацию? А, может, приглашение...?

Нет, Голдман, успири пыл. Тебе радостно, но держи себя в руках. Ты северянка. Ты Голдман. Спокойно улыбайся и молчи.

Быстро переодеваюсь, оставляя форму Академии для Миринды (пускай приведёт её в порядок, мне нравится запах стирки и чистоты), и отправляюсь на прогулку с Ирис. Водитель ожидает у посадочного места.

Мы летим.

Я смотрю на верхушки зданий, на ветки мостов. Периодически взглядом врезаюсь в просматриваемое между домами, находящееся на горизонте, ограждение. Разглядеть его похорошему не получается:двигающийся по воздуху автомобиль притупляет любопытство, позволяя лишь на секунду убедиться в наличии этого самого ограждения, о котором рассказывают в Академии. Оно уберегает и утаивает наш город — весь Новый Мир. Дабы ни одно из возможно оставшихся в живых после Коллапса существ не смело ворваться извне и разрушить нашу идиллию. Ограждение прозрачное, высокое, под напряжением. Его столпы выше самого Здания Комитета Управляющих.

Однажды я спросила у отца, смогу ли из окон его кабинета в Здании Комитета

Управляющих разглядеть мёртвую землю, находящуюся за периметром Нового Мира, на что отец, пристыдив, ответил: «Твои уста не должны покидать речи о пренебрежительных понятиях: нет мира за пределами Нового Мира, а помыслы об обратном — девиантны. Не желаешь быть наказанной или привлечённой Службой Безопасности — молчи и смотри на город. Но и его разглядеть с высоты ты не сможешь — в окна упираются облака». Так он сполна поведал об интересующем меня и с того момента я не заискивала взглядом ограждение, но знала — даже с самого высокого строения не разглядеть ни его, ни проклятую землю. Дома в Новом Мире расположены особенно, умно, геометрично — они покрывают и перекрывают друг друга, роняют тени и поглощают естественный свет, отчего по всему периметру протянуты искусственные огни. В тёмное время суток город особенно притягателен, всё в нём обостряется: рекламные вывески горят ярче, машины переговариваются двигателями громче, каждое окно в каждом доме подсвечено, а взгляды людей обращены к Зданию Комитета Управляющих.

Оборачиваюсь на теряющуюся за спиной улицу Голдман: двухэтажный дом в стиле ар-деко стоит на большом и ровном участке, крыша наискось покрывает половину строения, панорамные окна в кабинете прячут уставший силуэт отца, иссохшие виноградные лозы обвивают арку при входе, огороженные за ненадобностью голые клумбы занимают тропу от моста, размокший грунт напоминает о наличии некогда сада. Красивый дом... Симметричный, ровный. Всё как мне нравится. В репортаже о нём сказали: «Безупречный дом с безупречными людьми и всё в них безупречно: от репутации до фасада». Не помню имя дизайнера, хотя фотография с ним попала на страницы Вестника.

Мы всё летим.

В Восточном — промышленном — районе осуществляется производство товаров, еды и транспорта. Южный же — никчёмный, уродливый, бедный — построен практически в низовьях, претерпевает периодические бунты и удерживает в себе всех тех, кто оказался недостоин называться людьми с поверхности, но не был так ничтожен, дабы отправиться в Острог. Единожды отец поднимал вопрос о возможном отсечении Южного района от земель Нового Мира, была необходимость. Но общими размышлениями управляющие пришли к выводу, что всё-таки польза от южан была — они предоставляют один немаловажный ресурс... Человека. Рабочего. Раба. Много рабов.

Сворачиваем в Западный Район, и перед нами — Золотое Кольцо — скручиваются подобно амфитеатру десятки и сотни магазинов и отделов, рассыпанных по округлой платформе. Её украшают декоративные растения и скучные вывески, вьюны сползают с парапета и тянутся вниз — словно кружевная оборка — по толстым старым плитам и колоннам. Прямо под нами проносится поезд; слышу, как стучат колёса по рельсам, вижу обтекаемой формы транспортное средство.

Наблюдаю Ирис и велю водителю остановиться. Мы паркуемся.

Магазины тянутся по всей улице, а затем широкие лестницы уводят покупателей на этаж ниже, где также до конца улицы виднеются сотни витрин, после чего следующая лестница — конструкция утопает на бесконечное количество этажей.

Я смотрю, как женщина, поднимаясь по ступеням, огибает колонны и идёт дальше по кругу из отделов. Золотое Кольцо — приманка. Хитрая ловушка. Ты теряешься в неоне и без конца снуёшь мимо одних и тех же отделов, пока не опомнишься и не спустишься на ещё один пролёт, где произойдёт то же самое. Северяне с удовольствием отдыхают после работы и между работой, растрачивая зарабатываемые и накапливаемые средства. Руки с чипами то

и дело прислоняются к сенсорным панелям — те издают соответствующие звуки о произведённой оплате. Золотое Кольцо воистину золотое и воистину кольцеобразное — лимонные плиты выстроены подобием Колизея.

Люди из Южного Района закупаются в низовьях Золотого Кольца; мосты подводят их к нижним этажам и потому нет нужды подниматься к нам, северянам. Мы не пересекаемся друг с другом.

— Вы свободны на несколько часов, — обращаюсь к водителю. — Забрать на том же месте.

Покидаю машину и встречаю плетущуюся навстречу подругу. Та ловит мой взгляд и устремляет следом свой — на Здание Комитета Управляющих, от крыши которого тянется длинный острый пик — антенна; а перед ней в воздухе парит огромный экран с нескончаемо транслируемой рекламой, которая начинается с подъёмом и оканчивается с комендантским часом. Хочу увидеть своё лицо (не думаю, что в голове Ирис та же мысль; вообще не думаю, что в голове Ирис что-то есть), но реклама приходится на вновь заработавшую фабрику морепродуктов: в искусственных водоёмах плещется рыба, мгновение спустя — уже будучи приготовленной — оказывается на тарелке какой-то семьи. Фабрики открываются и закрываются — неизменно и стабильно; как и стабильно пребывание продуктов — для северян дефицита не бывает, за поддержание своего статуса и полноту холодильника приходится платить. У моего дяди есть рыбная фабрика, а потому я удивлена, что на попроще этого ремесла вышел очередной конкурент (их дядя рвал не глядя); спрошу у него, как надумаю позвонить.

— Ты опоздала, подружка! — восклицает подруга и подходит ко мне, её острый язык заплетается как у змеи.

Лукаво улыбаюсь и решаю соврать:

— Забыла про тебя.

Ирис хмурится. Она часто — что удивительно — хмурится. Совершенно не боится, что морщины стянут её юный лоб; хотя медицина и потребность в постоянном совершенствовании не позволят морщинам оплести её лицо. Как и у матери. Она вся гладкая, ровная, без единого внешнего изъяна. Скулы точёные, подбородок как из рекламы клиники красоты, щёки отсутствуют напрочь, как и все естественные мимические складки.

— Слышала, у Голдман новая коллекция? — спрашивает Ирис.

— Со слухом у тебя в порядке, — отвечаю я, и мы идём в сторону отделов семьи Голдман, которые достались нам в наследство от деда несколько лет назад. Он был единственным стоящим и достойным носить фамилию Голдман человеком среди всей нашей сомнительной семейки. Я уважала его. Мне не нравилось, что от него пахло сырой рыбой и машинным маслом (у него были рыбная фабрика, доставшаяся в последующем дяде, а уж он из неё сделал сеть, и завод по производству авто, которое перешло в государственное владение, ибо в наследстве наиболее прибыльное дело уходит Новому Миру, дабы следующие поколения трудились во имя его завоевания). Я — как и все члены семьи Голдман — ждала смерти деда, чтобы получить в наследство какую-либо из компаний. Отцу досталась фабрика по производству и продаже зерна (всё, говорил он, что связано с едой, будет приносить прибыль в любое — даже кризисное (особенно кризисное!) время), дяде — рыбная фабрика, на меня дед оформил несколько отделов на Золотом Кольце (которые отец, как я уже говорила, реализовал на моё шестнадцатилетие), а матери перепала кулинарная книга от его жены. Вся ирония заключалась в том, что моя мать терпеть не могла готовить и

— в принципе — никогда эти не занималась, а свою жену дед ненавидел так сильно, что упрятал в психиатрическую лечебницу, из которой она не вернулась. Тот конфликт долго не могли уладить, но всё свели к неудачно сложившейся рекламе. Антирекламе.

Всё в нашем стерильном мире поглотили реклама, связи и богатство. Было то хорошо или плохо? Ответ очевиден... Это было правильно и удобно, это было идеально, потому что избранная правлением — нами же — государственная система не могла ошибаться! Всё было досконально вымерено, математически проанализировано и спрогнозировано на оптимально-положительный результат. Новый Мир прекрасен — он подходит людям и ублажает их потребности, он позволяет их потенциалу раскрыться, даёт пищу, кров, нрав, всё. Новый Мир несокрушим! Политика Нового Мира — верна! Я — равный заседающим в Здании Комитета Управляющих Создатель. Мой час ещё не настал, но, когда придёт время, я расправлю руки для полёта. Я горжусь тем, что рождена в Новом Мире. Я есть Новый Мир.

Мы заходим в отдел с моим именем на вывеске, и Ирис в тот же миг теряется меж зеркал и пускается в ритуальный пляс, хватая платье за платьем и приставляя их к своему тараканьему силуэту. На улице сотни сверкающих и зазывающих плакатов; я же не терплю растрачиваться на навязчивое мелькание... В моём принципе — работать с именем и над именем. Ко мне идут, потому что знают, кто такая Голдман. Потому что знают, что Голдман может им предоставить.

Ирис с восхищением набирает вещи, обвивает свой змеиный стан тканями и рукоплещет тому, что удостоилась родиться в Новом Мире, она упивается и восхищается этим, она изводится красотой и обвешивает руки многочисленными пакетами, но я не принимаю участие в вещевом фетише и в выборе одежды вообще. Когда этаж изучен и каждый отдел облюбован, мы замираем у колонн. Ирис поправляет лямки пакетов и говорит:

— Думаю, на сегодня хватит, дорогая подруга.

Дорогой подругой была она, ибо в действительности обходилась дорого. Удивительно, но под вечер Ирис набиралась силой и красотой; её взгляд преисполнялся жизнью и становился распахнутым, нутро ликовало, пылкость не сходила с розового лица, неумело выбеленного по скулам и лбу (благо маска скрывала всё остальное).

— С тобой так приятно дружить! — восторгается, обгоняя меня, подруга; ловит свет от мелькающих около посадочных мест автомобильных фар. На улице за время нашего шопинга потемнело: неоновые вывески и плакаты заиграли новыми — куда более интенсивными и яркими — цветами.

Успеваю процедить сквозь зубы:

— А с тобой — нет.

Всё равно в маске неслышно. Или слышно, но Ирис делает вид обратного, потому что ссора с Голдман не сулит ничего хорошо.

Машины всё так же носятся по воздуху, а люди снуют по платформам; сотни спрятанных за серыми масками лиц двигаются друг с другом; компаний нет, иногда ходят парами, а потому над Золотым Кольцом нет жужжания бесед.

Мы прощаемся и отправляемся по домам. Ожидающий водитель молчаливо запускает меня в авто и отрывается от платформы — летим. Всё правильно. Дорога занимает чуть больше времени, потому что под вечер из муравейников и ульев выбираются всё больше людей.

— Улица Голдман, — оповещает водитель, когда мы спускаемся на посадочную платформу. — До завтра, мисс Голдман.

Не прощаюсь. Оставляю машину и подхожу к дому, открываю дверь касанием чипа. Руку словно магнитит — так всегда, приятное ощущение; замки отходят в сторону. В коридоре ожидает Миринда — принимает пальто и говорит:

— С возвращением, мисс Голдман. Ваш ужин у вас в комнате.

— Почему не накрыла на кухне? — спрашиваю без интереса и скидываю обувь.

— Ваша мать желала, чтобы вы ели сегодня у себя.

Голос служанки дрожит, и этот страх разжигает во мне искреннюю злобу (нужно поработать над этим моментом). Необоснованной боязнью (мало того что эмоцией, так ещё и настолько низменной, примитивной, отрицательной) Миринда распространяет заразу среди южан, среди недостойных жить в нашем идеальном мире людей, она показывает — смотрите, я боюсь, я дрожу, я не уважаю себя, у меня есть чувства, есть рабская природа. При повороте худого тела на плече у неё отливает кобальтовый отёк; лампа подле дверей освещает божественным нимбом женщину, что поднимает брошенные ботинки и аккуратно ставит их перед ковриком. Или боязнь обоснована? Кто приложил к ней руку? Не видела, чтобы Голдман — даже в самые критические ситуации — выбивали дурь из слуг.

— А я желаю, чтобы она оставила свой террор и пропала вместе с золотой дочуркой, — усмехаюсь я, снимая маску, и отправляюсь в ванную комнату. — Как видишь, не всем желаниям суждено сбыться.

— Ваш ужин перенести на кухню? — неуверенно спрашивает Миринда.

— Упаси! Люблю есть одна: тогда никто и никак не посмеет своим внешним видом докучать мне и мешать овощам усваиваться. Ты слышала, что дурные компании пагубно сказываются на пищеварении? Мне кажется, поэтому я не чувствую насыщения в перерывы Академии — змея Ирис выпивает всю энергию.

— Значит, еду оставить в спальне? — уточняет служанка.

— Ты издеваешься? Это значит: убирайся и подумай над сказанным мной самостоятельно!

Захлопываю дверь, оставляя растерянное лицо по другую сторону, и направляюсь смыть с себя уличную грязь, окружившие город заводские выхлопы. Закрываю глаза — вода приятно бежит по лицу. Бумажное полотенце скатывается в сырых руках — на нём остаются черные отметины. Что это? Роняю полотенце в раковину и выставляю ладони перед лицом — чернила струятся по коже подобно выпирающим венам. Что это? Перевожу взгляд в зеркало и обратно на руки — смоляные нити пропадают. Да что это было?

Может, потому что...

Неважно.

Не думай об этом, Карамель, просто сделай завтра так, как полагается, как прописано в Своде Правил, как регулирует Новый Мир. Ступай. Ты знаешь причину ошибки.

Покидаю ванную и бегу на второй этаж. Родители — их голоса слышно — сидят на кухне, о чём-то беседуют. Правило «никаких разговоров о работе за столом» существует, но не действует. Мне тошно слушать о проблемах, которые валяются в Палате Социума на отцовские — и ещё десяток таких же уважающих северян — плечи по причине недалёкого ума южан и отсутствия здравого смысла у остроговцев.

Наконец, я у себя. В комнате. Она делится — условно — на спальную и рабочую зоны. Кровать, тумба и шкаф ближе к дверям, стол, кресло и экран ближе к окну. Сажусь на излюбленное рабочее место и включаю встроенный сенсор. Помощница оставила рекомендации по смене ценников, а дядя отправил картинку богомола. Смешно.

Распаковываю ужин, оставленный в бумажном пакете, и смотрю на острый пик Здания Комитета Управляющих. Его видно всегда и отовсюду. А, может, это оно наблюдает за всеми? Окна в домах расположены только по направлению к Зданию, иные в новейших конструкциях и дизайнах отсутствуют, а в старых опечатаны и закрыты. Мы смотрим на Здание Комитета Управляющих или оно на нас?

Может, почитать Вестник? Нет! Пустая трата времени! Вестник тот же сплетник; толку от него горошина. Раздавленная.

Нахожу в списке контактов дядю (искать долго не приходится, ха) и жму вызов. Мгновение спустя дядя отвечает. На экране объявляется потный и плотный мужчина в сиреновой рубашке с платиновыми запонками.

— Карамель? — восклицает дядя. — Неужели жива, девочка? Самка богомола ещё не добралась до тебя?

Дядя называл мать самкой богомола, предвидя, что она откусит голову отцу. Ну и потому что у неё зелёный тренч и зелёные туфли. Однажды я спросила, отчего у дяди такая неприязнь...он сказал: «Тому две причины. Первая — мы более не близки с братом. Вторая откроется тебе с годами». Я ждала момента, когда откроется вторая.

— Как твои дела? — спрашиваю я.

— Как всегда. Лучше всех, девочка.

Дядя страшно улыбается. Зубы у него белые, ровные, острые — словно в любой момент готовые вонзиться в глотки конкурентов.

— И у тебя, — подытоживает дядя. — У Голдман иначе быть не может — по крайней мере на камеру. Поняла? Выше нос, девочка.

Делюсь, что видела рекламу нового рыбного завода.

— Как ты посмел конкурентам влезть в твою нишу?

— А кто сказал, что это конкуренты? — улыбается дядя. — Моя новая компания, Карамель, можешь поздравить. Просто под другим именем, ещё одним. Ну знаешь...чтобы людям казалось, будто они сами делают свой выбор, будто избранная ими торговая марка отличается от другой, хотя на самом деле всё штампуется на соседствующих заводах и выходит из-под крыла одного производителя.

— Не хочешь встретиться завтра? — предлагаю я. Слишком сумбурно. Неправильно. Пускай откажется.

— Нет, не хочу, Карамель, — роняет мужчина и наблюдает за моим резко переменявшимся выражением лица. — Ничего не подумай, но мы уже договорились о встрече с твоим отцом. Он велел не привлекать тебя, а потому — если что — я ничего не рассказывал. Рабочие моменты, скука. Ску-ка! Как с твоей учёбой?

— Скука, — подхватываю я.

Дядя был единственным в семье Голдман, кто не занимал ни одну из Палат. Когда-то он входил в Палату Производства, но — опять же вышедшая из-под контроля — антиреклама сыграла с ним злую шутку (плюс жалоба отца сопутствовала): дядю отстранили. Несмотря на это жил он хорошо, основной доход шёл с рыбных фабрик. Был ещё какой-то сторонний источник, но о нём никто не рассказывал. Несправедливо! Разве мне недостаточно лет, чтобы быть посвящённой во все дела Голдман?

— Слышал, ты даёшь интервью на следующей неделе. Папка тобой гордится. И мать, хоть вида не подаёт.

— Непохоже от слова совсем.

— Они очень гордятся. Ты же Голдман — старшая дочь. Ты уважаема среди родственников по праву рождения. Семью не выбирают, Карамель, запомни это, но даже в будущем, когда ты выйдешь замуж и создашь свою семью, кровь в кисель не обратится, родство будет родством. Мы всегда придём на помощь. Я всегда приду.

— В тебе не сомневаюсь, дядя.

Его зовут Алмас Голдман и он абсолютно противоположен отцу. Начиная с внешности и заканчивая характером. В семье Голдман он вроде изгоя. Прогнанный из Палат, отделившийся от управления. Но он северянин. Истинный. Кровный. Мыслями — идеален. Про Голдман, бывает, так говорят: мы довольствуемся любой рекламой, даже отрицательной. Главное правило — не портить имидж. Или в последний момент восстанавливать его. У дяди не получилось. Он наверняка думал, что я отвернусь от него подобно иным Голдман, но я убеждена, что особо умных и предприимчивых людей следует держаться — они не ошибаются, ошибаются вокруг них. Отец отзывался о дяде так: «не думай, что тебе известны его тёмные стороны — держись отстранённо, дочка, у каждого есть неявленная сторона луны». Какой была моя? А какая у отца? У матери? У сестры? У Ромео? У Ирис? Мне кажется, я открыта подобно распахнутой книге, мне кажется, я всем понятна. С одной стороны, это печально. С другой — правильно. Секретов быть не должно, секреты по природе своей деструктивны.

— До встречи, девочка. Увидимся в лучшее время, — смеётся дядя.

Прощаюсь и обрываю связь, с закравшейся на сердце тоской падаю поперёк кровати и размышляю: что я скажу в своём интервью на следующей неделе, как обращусь к иным гражданам, какую мысль постараюсь донести? Что вообще следует сказать дочери влиятельнейшей семьи современности, отличнице Академии и примеру подростков Нового Мира (так обо мне говорят в Вестнике, Ирис рассказывала)? Что бы я сказала прямо сейчас? Наверное:

— Моя фамилия Голдман, и я жительница Северного района. Ближится семнадцатый год, как я знакома с Новым Миром; вообразите, почти семнадцать лет я наблюдаю воочию, как он демонстрирует власть, незыблемую силу, порядок, статику и достаток. Районы исправно функционируют, Палаты и Суды работают на благо живущих в городе. Однако всё это было бы невозможно без управляющих — вас. Собирающихся каждый день в Здании Комитета Управляющих для решения множества вопросов, для направления городской деятельности. Без нас инфраструктура падёт, без нас — и наших идеальных взглядов и действий — не будет существовать идеальный град, выстроенный на граде, но того мы никогда не узнаем, ибо не позволим деструктивному проникнуть в умы людей, не позволим случиться Коллапсу вновь. Мы сами Создатели будущего, мы — творцы нашей судьбы. Благодаря нам город не только существует, но и процветает. Мы — Боги. Мы — Создатели.

События второго дня

«Мы ваши Создатели!» — вторит голос над головой: слова разверзают город, а слоги рассыпаются и налипают на дороги, что скрещиваются паутиной.

«Мы будущее этого мира» — продолжает говорящий. Я с трудом открываю плачущие от соли глаза и наблюдаю ухватывающую воду: она стремится обнять меня; ощущаю удар волны.

«И если вы живёте...»

Вода наполняет лёгкие словно сосуд, но чья-то дрогнувшая рука не останавливается, а потому жидкость переливает через край, ощипывает, давит.

«...дышите нашим воздухом...»

Вскидываю руками к некогда молебному небу, но вместо того сталкиваюсь с бессердечной поверхностью воды.

«...едите нашу пищу...»

Я хочу закричать.

«...смотрите на наше небо...»

Кричу.

«...Знайте! Без нас не будет вас»

Захлёбываюсь: ледяная жидкость взбирается и наполняет изнутри.

«Вы наши подчинённые, а мы Боги»

Тело обдаёт жаром; я чувствую: вот-вот вспыхну, загорюсь.

«Восхваляйте же своих Создателей!»

Открываю глаза.

Помню, что тонула. Помню ледяную воду и обжигающее нахождение в ней — такое возможно? Сколько будет повторяться этот сон? Сон равно дефект. Из-за этой мысли весь учебный день не могу найти себе места. И весь учебный день избегаю Ромео, дабы он не докучал расспросами. Уроки идут без изменений — скучно и стабильно, хоть это радует. Остаётся последняя дисциплина. Ромео, будь он неладен, выплывает из кабинета и двигается навстречу — не спастись, беседы не миновать. Поправляю ворот рубахи и делаю глубокий вдох. Он ничего не поймёт, не заподозрит... Ромео заискивает моего внимания — сдаюсь, замираю, отвлечённо смотрю в сторону. И вспоминаю, как в том странном видении меня накрыло водой: ощущения были реальны. Волна захлестнула. Город тоже захлестывал. Может, я боялась в нём утонуть? раствориться и потеряться, боялась, что меня накроет волной безызвестности?.. Нет, брось, ты же Голдман, а Голдман ничего не боятся. Да и чувство страха — равно иным чувствам — не может докучать высшим людям, людям с поверхности, Создателям.

— Что-то случилось? — интересуется (да, браво, он ничего не понял и не заподозрил) Ромео и чуть протягивается ко мне.

Отклоняюсь, выдерживая привычную (и разрешённую) дистанцию, после чего делюсь повторяющимся сном, который приходит в течение дня то ли воспоминанием, то ли наваждением.

— Да, это звучит глупо, согласна, — быстро роняю я.

— Все не глупо, всё в порядке, — утешает Ромео. — Ощущения не могут быть глупыми, ты так чувствуешь, и это твоё право.

Чувствуешь. Мерзкое слово. Игнорирую его и прошу:

— Только не говори никому.

— Обижаешь.

Слабо улыбаюсь. С Ромео комфортно: он всегда выслушивает; не всегда соглашается (а точнее — никогда), но выслушивает определённо. И почему я опасалась беседы с ним?

А, вот почему. Последующее в его голосе беспокойство (или это забота?) мне не нравится вовсе; чувства есть удел низших людей, так прописано в Своде Правил, так учат в Академии. Чувства равно слабость, чувства равно уязвимость, чувства равно отклонение.

— Не думала обратиться к врачу? — роняет юноша.

Чего?

Без улыбки насмехаюсь:

— Откуда столько наивности, Ромео?

Он встряхивает головой и сбежавший из-под геля чёрный волос прибивается обратно; словно заплатка — встаёт на своё место. У Ромео шрам на виске, который он пытается скрыть чёлкой, и ещё один на щеке — под глазом: едва заметный рубец. Не говорит об их появлении, только хмурится. Ромео часто хмурится. Мне нравится, нахожу это серьёзным.

— Тебя должно волновать твоё здоровье, — говорит Ромео.

— Меня должны волновать часы рекламы, купленные отцом. И моя жизнь на поверхности. Больше ничего.

Юноша кивает будто соглашается. Но он не соглашается, вижу.

— Хорошую репутацию заслуживают годами, плохую — секундами, — настаиваю я. — Моя семья обладает хорошей репутацией.

— А моя — никакой, однако я тоже на поверхности, ещё и вместе с тобой, золотая девочка, — предаётся спору Ромео.

— О да. По этой причине мне пришлось ругаться с родителями, когда я выбрала в партнёры тебя, а не стала ожидать навязываемого ими и перспективами жениха. Ты должен понимать. Не должен забывать.

Ему не нравится, когда я напоминаю об этом. Но я напоминаю, потому что он вынуждает. Ромео не скудоумен — по крайней мере, не всегда. Я беспокоюсь о нашей паре. Я беспокоюсь о своём имени ещё больше. Я беспокоюсь о себе. Но это не чувства — лишь статика. Ты должен знать, как поступить правильно, и только здравый ум, рациональность мышления и зрелость поступков позволят тебе остаться на поверхности.

— Тебе не кажется, что твой парень просто идёт в комплекте к образу идеальной девочки? Я живой, не замечала? Не пытайся стыдить, сама выбирала.

— Тебя задела правда? Будь готов, что люди попытаются вскрыть твои гнойники, дабы преуменьшить боль своих. Но мы не можем позволить себе быть уязвимыми. Мы — Создатели, помнишь?

— Такое не забывается, однако истинный Новый Мир отличается от картинки в твоей голове. Когда ты это признаешь?

— Закрой рот, Ромео, — спокойно говорю я. — Слышал сигнал? Нам пора на урок.

— И всё же тебе следует чаще думать о здоровье: болезнь может случиться с каждым, — настаивает юноша, повышая голос, и получает мой недовольный взгляд. — Прости, буду тише...

— Постарайся.

— Попытайся искоренить заразу на началах.

— Болеют исключительно безумцы.

И это прописано в Своде Правил.

Ромео вздыхает. Потому что с данным заключением нельзя не согласиться. Потому что иначе быть не может. Болезнь равно отклонение, отклонение равно изгой. Люди Нового Мира — в особенности Создатели — не могут быть изгоями. Противоречие.

— Думаю, мы всё обсудили, — протягиваю я, на что юноша протягивает ко мне руку и пытается взять за локоть. — Эй, это ещё что такое?

Он знает, что я не люблю демонстрацию отношений. И даже с соответствующим документом (когда придёт возраст) не стала бы то делать. Бесстрашие — вот, что в моде. Было, есть и будет.

— Просто подумал...

— Не похоже, что ты думал в этот момент, Ромео. Идём на урок.

Смотрю на отдаляющийся к аудитории силуэт Ромео. Думается, его спина будет также отдаляться от меня по коридору в Здании Комитета Управляющих. Что-то напоминает...я это уже чувствовала. Видела. Была в этой ситуации, разве нет? Это называется «дежавю»? — егс только не хватало...

Ромео оборачивается, чтобы убедиться — я следую. Но я не следую. Тогда юноша возвращается в пару шагов, замирает напротив и говорит:

— Я думал, мы идём на урок.

— Верно, — холодно отвечаю я.

— Но ты не пошла.

Почему мне становится тошно от его вида?

— Ты внимателен.

Замолкает. Смотрит. Не слышит подстёгивающую интонацию, но видит соответствующую конструкцию.

— Ладно, прости меня. Я был резок с тобой и мог обидеть...

Ладно?

В любом случае, он говорит то, что на моём месте хотели бы услышать. Перебиваю:

— У меня нет расстройств, Ромео, я здорова.

— Что?

Настаиваю:

— Усталость и только сказывается на мне, всё в порядке.

— Я верю тебе, — без раздумий отвечает юноша и во взгляде его произрастает колос слепого следования: маленький такой росток, что проталкивает сухую землю и даёт начало.

А не стоило бы, Ромео. Делать этого нельзя. Никогда. Потому что только незнакомые люди и недруги смеют говорить друг другу правду — бросаться ею, плевать, обнажать, обжигать; а люди связанные, бесконечно запутавшись в собственных грёзах и фантазиях, врут и врут: врут прямо в глаза, лукавят, обманывают, утаивают, покрывают. И вечно улыбаются. Бояться нужно не врагов; друзья более опасны. Во-первых, им заведомо известны слабые места. Во-вторых, предадут не чужаки, а те, кому ты доверяешь. Чужак предать не способен.

А тебе я соврала, Ромео.

Не чувствую себя здоровой. Полностью — нет. И да, и нет. Не понимаю...Какой-то странный день, вчера было лучше.

— Ты чудесная девушка, — и вот уже уголки губ Ромео поднимаются в неестественной

улыбке. — Ты мне нравишься. Я говорил об этом твоему отцу...

Следовало притупить его пыл, напомнив, что такие признания годны интимной обстановке — в нашем же положении, ситуации и обстоятельствах уместно молчать.

— И повторил бы вновь: я дорожу нашими отношениями и не позволю каким-либо невзгодам помешать им, воспрепятствовать нам с тобой.

Он вновь говорит желаемо. Но желаемо не равно правильно. Запоминаю каждое слово, а в мыслях прогоняю: я сдам тебя при первой же возможности, Ромео. Сдам, потому что так будет правильно, потому что так следует делать по закону, по правилам, по порядку. По Своду. Чрезмерный или кажущийся нездоровым интерес, что превышает полномочия возможностей нашей ступени отношений следует притуплять, обращаясь в Палату Безопасности. Мы на первом уровне партнёрства — с шестнадцати лет обучающимся в Академии дозволено заводить отношения (в них входит выстраивание коммуникации отличительного от обычного общения типа), но отношения эти должны одобряться с обеих сторон родителей и, соответственно, государственным режимом. С совершеннолетием приходит больше возможностей, но к этим допущениям собираются медицинские заключения и вводится дополнительное образование, что меня настораживает. Я бы не торопилась. В любом случае, не терплю лишние компании, не терплю нарушение моего пространства. Третья ступень партнёрства — в двадцать один год — разрешает вступление в брак. Это необязательно, но на моей памяти не было в Новом Мире женщины, которая бы не вышла замуж в дозволенный час. Мужчины женятся позже — ожидают избранниц с предыдущих ступеней отношений. Но разница в возрасте между партнёрами невелика. Оптимальна. Слово «оптимально» подходит многим аспектам нашего мирного существования. Что касается большой разницы в возрасте, она недопустима и считается отклонением — такую пару не одобряют и официально не утвердят. Много что называют отклонением. Я согласна с каждым пунктом. Излишнее любопытство — отклонение, чрезмерная апатия или увлеченность делом — отклонение, чувства — отклонения, неспособность контролировать эмоции — отклонение. Всё должно быть оптимально. Всё должно быть правильно. Иначе — наказание. Иначе — Зал Суда и отречение. А если от тебя отречется мир, в котором ты пребываешь, это равносильно смерти: больше ты не жилец. Ни в этом мире, ни в каком-либо другом (за неимением выбора).

Отец говорил: «Выбирай слова, но перед этим — мысли. Всё под силу». И я выбирала. Всегда. И всегда выбирала правильно, потому что выбирала оптимально, расчётливо, спокойно, по правилам и допущениям. По Своду Правил. По своему воспитанию.

Мы познакомились с Ромео в лифте Академии. Мы и раньше учились вместе, но я не обращала на него (и всех прочих) внимания, пребывая в компании личных дум и будучи сосредоточенной на выдаваемом учебном материале. Тогда из не застёгнутого рюкзака выглядывала книга, что была без разрешения взята из отцовского кабинета (что-то не меняется от слова совсем).

— Предпочитаешь старую печать? — спросил юноша подле меня, что зашёл этажом выше.

Оставила его слова без ответа — лишь спесиво глянула и закрыла рюкзак.

— Я тоже, но достать её проблемно. Приходится спрашивать у друзей. А ты свою откуда взяла? Небось из домашней библиотеки, ты вроде как Голдман, золотая девочка?

— Неблагоразумно рассуждать о старой печати, что запрещена в обороте, под камерой в коробке метр на метр, — ответила я и нажала кнопку лифта, дабы выйти раньше.

Лифт замер. Замер, однако двери не открыл.

— Всё из-за тебя, — шикнула я в лицо незнакомца и попробовала вызвать диспетчера.

— Не спорю, — улыбнулся юноша. — Кстати. Меня зовут Ромео.

— «Кстати», — передразнила. — Добавь фамилию, Ромео, чтобы облегчить кому-то составление отчёта, — и я вновь кивнула на камеру, — а мне — составление жалобы.

— Ты воспринимаешь правила буквально.

— Правила и созданы для того, чтобы воспринимать их буквально, Ромео: слушаться, следовать.

— А мне думается, правила созданы для того, чтобы их нарушать, — засмеялся мальчишка.

— От тебя сплошные проблемы, тебе так не кажется?

— Ты Голдман, верно?

— Не вижу реверанса.

— Точно. И книжка наверняка из отцовской библиотеки, я видел репортаж о вашем доме, видел твоего отца за работой. Тебя не видел.

— Съёмки проходили, когда я была на учёбе.

— Избегаешь камеры... Не любишь их?

— Кто ж любит?

— Но любишь внимание?

— Кто ж его не любит?

Бросила взгляд на замерший глаз в углу лифта.

— Эта камера не работает, можешь не волноваться.

— Отсутствие бдящего не должно преумалять личное желание поступать по закону.

— Только не говори, что процитировала Свод Правил. Тебе шестнадцать, верно?

Ловко сменил тему.

— Только исполнилось, — ответила я.

— Отпрошу тебя на свидание у твоего отца.

— Не посмеешь.

— Поблагодари, что предупредил.

— Зачем мне соглашаться? Мы знакомы пять минут и на протяжении пяти минут спорим. Хочешь, чтобы это продолжалось вечно?

— Вечно? Конечно хочу!

— Ты мне не нравишься.

— Отношения должны приносить пользу и перспективу, а не чувства (тем более симпатии). Кому как не тебе знать, золотая девочка.

— Раз камера не работает, я скажу: ты раздражаешь меня, Ромео, с первого выкинутого тобой слова.

— Прекрасно, нам всегда будет о чём поговорить.

— Наглец.

— Попробуешь ещё раз вызвать диспетчера?

— Что угодно, лишь бы сократить время в твоей дурной компании.

И Ромео — время спустя; как раз, чтобы я успела остыть после беседы и подумать о нём — в самом деле пришёл к моему отцу, предложив поухаживать за старшей дочерью семьи Голдман. Мать, увидев Ромео в кабинете, воскликнула, что подобному союзу не бывать. Отец настоял: пускай молодые знакомятся, свидание не равно брак. Но я всегда знала —

знала! — что первого человека, которого подпущу к себе, назову мужем; не терплю растрачиваться на пустое.

— Не бывать! — повторно воскликнула мать, однако к свиданию подготовила. — Ты Голдман, помни.

— Я просыпаюсь с этой мыслью, можешь не начинать...

Огрызнулась. Случайно. Мать пригладила пальто на мне.

— Веди себя...

— Сама всё знаю.

— Говори...

— Знаю.

— Не торопись с решениями и действиями. Всё в твоей жизни будет, позволь времени распорядиться этим.

— Да-да, ладно.

— Куда пойдёте?

— Ромео сказал, на дамбу, — спокойно ответила я.

— У него есть деньги? — спросила мать.

— Не будь их, его бы не было в Северном районе и в Академии в том числе.

Опять огрызнулась.

— Достаточно ли у него денег на тебя?

— Я не знаю.

— Твоя первая ошибка.

Это уколело. Сильно.

— Я не ошибаюсь, мама.

— Разве? С кем ты вообще идёшь? Я о нём не слышала, не знаю этого мальчика, не знаю его родителей. Кем он хочет быть?

Обречённо:

— Не знаю.

— Вторая ошибка, — констатация. — Тебе плевать, какую должность и какой статус в обществе займёт партнёр? Это и твоя репутация, ты же Голдман!.. — Мать огорчённо выдохнула, расправила плечи и вновь набрала воздуха: — Значит, вы вместе учитесь в Академии, хорошо. Всегда общались?

— На днях познакомились.

— Вот как...

— В лифте. Мы застряли.

— Третья ошибка.

— Назидательные речи окончены, я могу идти?

— Остановись на трёх.

Я вышла из дома: Ромео стоял на крыльце — слегка продрогший; улыбнулся глазами и просил следовать. Он сказал:

— Когда-нибудь я понавлюсь и твоей матери.

Значит, всё слышал.

— Ей даже я не нравлюсь, о чём речь? — ответила наперерез.

— Не бывает, чтобы ребёнок не нравился родителю.

— У тебя наоборот?

Ромео смолчал.

Мы отправились на дамбу. О ней позже, но локация эта хорошая, малолюдная, закрытая и нахождение без причины считается нарушением, это не место для каких-то прогулок. Для встреч, свиданий и совещаний — да. Там достаточно увеселительных заведений. Дамба предполагает наличие воды подле, а потому действует множество ограничений. В ресторанчике под названием «Фалафель» мы беседовали: об учёбе, жизни на поверхности, Новом Мире, низших людях. Ромео осуждал последних и поддерживал меня, после чего я одобрила его, согласилась на партнёрство, согласилась стать парой. И это, как оказывается, не входило в планы родителей. Отец и мать сочли допустимым свидание — одну встречу. Как некий опыт. Но я сказала, что вижу в Ромео перспективу, а потому желаю быть парой. Да и спорить с ним мне нравилось. В спорах узнаёшь много нового и расширяешь кругозор.

— «Блондинка и чёрный парень», ты представляешь такой заголовок в Вестнике? — гневно спросила мать. — Тебя отпускали хорошо провести время, а не привести в дом жениха.

— Он не жених, очевидно. И что за заголовок? Мне выбрать белого парня, чтобы угодить чьим-то представлениям?

— Просто не исключай людскую предвзятость и стереотипность, которая не стирается веками, и за которую ты можешь поплатиться собственными нервами.

— Новый Мир идеален! — крикнула я и направилась в свою комнату. — Если думаешь иначе — обратись к специалистам!

Сначала я думала, семья Ромео настояла на том, чтобы он выбрал в качестве спутницы на ближайшие годы меня. Голдман всеми уважаемы, все хотят быть с Голдман, все желают вести дела с Голдман. Но — как оказалось — не Дьюсберри, не семья Ромео. Они не выказывали интереса, вот так новости. И — в итоге — я всё равно не поняла, чем занимаются его родители, а потому решила не докучать расспросами. Любопытство — наказуемо, вердикт Свода Правил..

— Пойдём на урок, — говорит Ромео в настоящем времени. — Не хочу, чтобы ты получила из-за меня выговор.

— Мы успеваем до третьего сигнала.

— Да.

Мой взгляд каменеет на выточенном лице Ромео, соскальзывает на аккуратный воротник рубашки с золотыми пуговицами и растворяется в коридоре. Огибаю юношу и направляюсь к кабинету философии, размышляя, а не больна ли в действительности... Может, следует обратиться к специалисту? помочь себе — как он сказал? — «на началах»? нет-нет, я здорова. Иначе не бывает. Болеют только безумцы, болеют только изгои. Так говорит Свод Правил. Своду Правил надо верить. Своду Правил следует верить. Да и мы — высшие люди — к недугу несклонны: мы сильны и здоровы, рациональны и правильны, мы...

— Здравствуйте, мисс Голдман, — перебивает голос в аудитории.

За кафедрой для выступлений услужливо качает головой женщина в форме Академии.

— И вам доброго, — швыряю я — словно мелочь попрошайке, просиживающей жизнь между лестницами на Золотом Кольце — и прохожу.

На — чтоб её — философии десяток стульев стоят по вогнутой дуге в центре аудитории, дабы располагающиеся ученики могли смело делиться мыслями друг с другом. Однако мысли должны быть идентичны меж всеми порядочными гражданами Нового Мира, и поэтому я не вижу смысла (и причины) ими делиться. Просто не понимаю — для чего?

Дурной предмет. В нас всех засеяны одинаковые убеждения, мы несём единые принципы и взгляды, наши умозаключения тождественны.

Сажусь на своё привычное место и ожидаю, что Ромео займёт стул подле меня, но он остаётся замыкающим, ещё и справа от Ирис, которую я поначалу не замечаю. Подруга глядит с ехидной улыбкой (или мне кажется?), после чего опускает глаза в распахнутую на коленях тетрадь. Правильно, Ирис, роняй взгляд и держи его в ногах — равно заслуженному тебе. Может, прислушаться к отцу и матери, не порочит ли названная дружба с этой девицей заработанную фамильным деревом репутацию? В Ирис слишком много изъянов, которыми оно откровенно делится. В действиях Ирис нет спокойствия и расчётливости, аргументированности и уверенности...она выплёвывает слова и действия — импульсами — и опосля думает. Да, это плохо. Следует обговорить с отцом нашу дружбу и, как мне кажется, распрощаться с подругой. При первой же возможности — точнее при следующем её девиантном поведении или отклонении в мыслях и речи — сообщу в соответствующую службу.

Вновь смотрю на Ромео. Почему он не сел рядом со мной? Желает разорвать отношения? Желает перестать быть парой? Он вправе, конечно. Но тогда придётся назвать причину, а Ромео не станет выдавать меня и мои беспокойства. Ведь не станет? Может, хочет, чтобы я обиделась и разозлилась? Или злится сам? Так вот злость тоже девиантна. Любая эмоция в увеличенном объёме девиантна; следует контролировать себя и контролировать отдаваемые мозгом импульсы. Разве нет? Да! Житель Нового Мира — Создатель, Вершитель, Бог будущего — должен быть таков.

Почему Ромео не сел рядом?

— Приветствую вас ещё раз, дети Нового Мира, — протягивает женщина за кафедрой, когда по свободным стульям рассыпаются другие учащиеся.

Однажды я спросила у отца: «Почему наш мир называют Новым? Ему же более трёхсот лет!», на что отец ответил: «Новее уже не станет». И как бы горько и смешно воедино не звучал его вердикт, он был истинен.

Мне бы хотелось быть замыкающим поколением — как тот стул, на котором расселся Ромео.

Я читала, что и раньше люди страдали из-за перенаселения или нехватки ресурсов или ещё из-за какой-то глупости, а потому они дошли словно крысы — как беспомощно и нелестно! Хотя мы и защищены от этого, мне бы всё равно не хотелось, чтобы кто-то жил и вкушал плоды выстроенной идеалами жизни после меня. Я приложу руку к созданию империи и точно не захочу делиться!

Интересно, а способны люди жить ещё лучше, чем сейчас? Глупая мысль, конечно же нет! Мы — апогей человеческого сознания, человеческой мысли, мы — апогей науки и медицины, апогей образования. Мы — высшая цепь, высшее звено.

А что такое смерть? Мучение? Спокойствие? Прибыль или убыль? Я бы попробовала это ради новых ощущений... «И весь мир, все люди перестали существовать!» — чудесная эпитафия к Новому Миру!

Я слышала о смерти от других людей и наблюдала сама. Слышала от образованных и от безумцев, от жителей на поверхности и от бедняков, ошивающихся рядом с Золотым Кольцом. Как-то я спросила у Ромео: «Имеют ли люди право самостоятельно решать, когда им уйти?», на что Ромео ответил: «Тогда бы одни сбегали из жизни, не достигнув совершеннолетия, другие бы жили бессмертием. Несправедливо». Абсурд! В мыслях

порядочных граждан такой дикости быть не может. Что значит «сбежать из жизни?». Для чего покидать идеальный Новый Мир, наполненный идеальными людьми и идеальными законами? Новый Мир покрывает все потребности и насыщает сверх; Новый Мир для людей — истинных, достойных. Ромео изумился: «Ты спрашиваешь мнение, а затем отвергаешь не совпадающее с твоим. Для чего ты спрашиваешь?».

Хочу вновь посмотреть на Ромео, но вольности этой не позволяю: чрезмерная заинтересованность ненормальна, следует сохранять лицо и статусность, а потому я смотрю на подобной рыбе ртом хватющую воздух преподавательницу: она о чём-то говорит, но я особо не слушаю. Мысли всегда громче посторонних речей, а потому проходимый материал по возвращении домой из Академии я всегда повторяю и конспектирую в тетрадах. Мне нравится, когда всё системно и удобно, когда есть возможность обратиться к изученному.

Включаюсь в беседу и понимаю: говорим о бедности. Нам цитируют древних философов, и мы поднимаем ладонь, если согласны с высказыванием, или кулак, если полностью отрицаем его истинность. Я не принимаю участие в обсуждении, потому что становлюсь раздражительной, когда представляю бедняков и попрошайек, которых мне доводилось несколько раз видеть. Они омерзительны. Противны! Они недостойны уважения и тем более жизни на поверхности — мы строим прекрасный мир и управляем им не для подобных им. Они — ненужный отросток, болезнь, атавизм; следует ударить по нему скальпелем, почему так не поступили до сих пор? Маленькую россыпь красных точек по телу следует прижечь и вывести. Так просто!

Преподавательница поправляет воротник своей формы и говорит:

— К концу недели напишите эссе по теме бедности в Новом Мире и способах борьбы с ней.

Перечу:

— То есть об её отсутствии?

Женщина обращает внимание на меня — равно другим учащимся.

— Мисс Голдман, — натянуто улыбается она, — конечно, официальные показатели демонстрируют, что бедность давно покинула черту города и наш мир в целом, но...

— Отец говорит: «Всё, что произносится перед «но» следует обнулять», а вам известно кто такой Говард Голдман и что словами он не раскидывается.

— Господин Голдман очень умён, это справедливая мысль. Простите, мисс Голдман, что заставила усомниться в истинах Нового Мира. Просто напишите...

— Так о чём же? — выпытываю я.

— Возьмите выдуманную ситуацию...

— Новый Мир и управляющие им похожи на фантазёров?

— Обобщённую ситуацию, мисс Голдман, примерную. Я не так выразилась, простите. Возьмите абстрактную ситуацию — представьте и решите её, я верю в ваши силы. На этом сегодня остановимся, мы устали.

И преподаватель обводит нас поочередно взглядом. Зрительный контакт — вот, что важно; так проявляют уважение. Отсутствием зрительного контакта, соответственно, неуважение.

Признаться, мне скучно учиться. Ещё на первом курсе — с неизмеримой тягой к знаниям — я поняла, что преподаватели в нынешних учебных заведениях не дают ответы на интересующие тебя вопросы, они закрывают на них глаза и избегают неудобные темы. Была ли в том их вина или они следовали предписанию и не могли больше дозволенного открыть

собственного рта? Не скажу, что система образования меня разочаровала (так говорить попросту нельзя), но именно в Палату Образования следует внести множество правок. Последняя была, когда я едва доставала до кнопки лифта; убрали половину ненужных дисциплин (вроде числовой математики) и добавили другую ненужную половину.

Ирис оставляет свой стул и стучит противными каблучками в мою сторону.

— Повторим вчерашний день? — спрашивает подруга. — Едем на Золотое Кольцо?

— Как обычно, в три, — говорю я в ответ на гадкую усмешку, сокрытую во взгляде, и спешу покинуть аудиторию, совершенно позабыв о Ромео и связанных с ним переживаниях (с чем-чем, Голдман?).

Никто не торопится и не догоняет; я привыкла спускаться в лифте одна и не терплю каких-либо компаний. Всем это известно. Неприятнее чувства быть не может, нежели когда незнакомцы случайно задевают друг друга плечами и пытаются выпалить несуразные тексты в попытке сгладить неуместно образовавшееся молчание. Если уж зашёл в лифт — будь добр, заткнись и жди своего этажа.

А Ирис... вот же змея! Даже если плюнуть ей в лицо и следом предложить погулять по магазинам, она улыбнётся, утрётся и согласится.

На шестнадцатилетие я получила в подарок право владения помещением на Золотом Кольце — что могло прийти в голову юной деве для реализации пространства? Я открыла отдел женской одежды. Особо работать не приходилось: переговорами с заводами, производящими материал и ткани и поставляющими изделия, занималась моя помощница, она же получала товар и следила за его сбытом, руководила складом и оформляла витрины. Что делала я? Помимо того, что числилась владельцем? Позволяла этому делу существовать от моего имени. Имя — вот, что важно. Заработанное и реализованное имя. Репутация.

В закрывающиеся двери лифта пробирается чья-то рука. Боязно и неприятно. Словно щупальце.

Отступаю и непонимающим взглядом препираюсь с Ромео, тело которого ныряет меж створками лифта и замирает непозволительно близко ко мне. Молча смотрю на юношу, и сожалею, что вовремя не отвела взгляда. Ромео виновато отстраняется — остаётся шлейф едва уловимого сладкого аромата. Чем он пахнет? Хочу ли я ощутить это вновь? Двери закрываются и отправляют нас в холл.

— Прости меня, — говорит юноша. — Прости, правда. Ты, кажется, ещё больше взволнована, а я просто хочу, чтобы ты знала...

— Ненормальный, — выпаливаю я.

— Отчего же? Я торопился, всего лишь хотел догнать тебя.

Подтверждаю:

— Ненормальный.

— Ты должна знать кое о чём.

— Мне всё равно, Ромео, как же ты не понимаешь?

— Хочу, чтобы ты знала.

Знала что?

— Мне плевать, Ромео! Держи себя в руках! Успокойся.

Вместе со мной Ромео выпаливает:

— Я никогда не предам тебя!

Ну класс. И вот мы оба настороженно смотрим друг на друга. Сказанное мной ударяет ему неслабую пощёчину. Сказанное им лишает меня речи.

— Это неправильно, — наконец отталкиваю я.

Но что именно неправильно? Его появление тут? Моё поведение? Его? Моё здоровье? Его мысли и чувства? Слишком много «неправильно», так быть не должно. Почему всё это свалилось разом? Вчера этого не было. Вчера этого не было?

Лифт дёргается и свет на секунду пропадает. Только не сейчас... Не слишком ли часто происходят перебои?

— Я не предаю тебя, — говорит Ромео, — Ты не должна опасаться, потому что мы вместе и потому что я ощущаю ответственность за наш союз. Ты права, всему виной усталость, только она. И она пройдёт. Всё у нас наладится...

Не могу понять, правильны ли его речи или нет... Говорит, что не предаст. А если я оступлюсь? Нельзя умалчивать о болезнях, недугах и незаконных делах — отец однажды написал донос на родного брата! В понятиях государства не должно быть разграничений по крови или на личное и общественное. Всё должно быть по закону. Должно быть правильно.

Ромео ловит взгляд и, пытаясь растопить моё сердце подобно карамели, говорит:

— Сладкая девочка...

Вот уж нет.

— Карамель, — протягивает он.

Родители дали мне имя Карамель Голдман и поставили тем самым клеймо на всю жизнь. Кара — наказание, мель — низ, опустошение. Мать однажды проронила: сладкая внешне девочка с горькой желчью внутри.

Ромео назвали в честь борющегося за что-то книжного героя. Не читала... сам Ромео — Ромео реальный — обещал когда-нибудь достать книгу с персонажем, именем которого его окрестили. Наверняка, там какая-нибудь дикая история о войне или любви. О чём писали люди ветхих поколений — до революции знаний и роста общественного и государственного порядка? О войнах и любви — исключительно эти два пункта двигали сюжеты, исключительно они служили темами для рассуждений и повествований. Как плоско! Словно ничего более нравственное и интеллектуальное не произрастало в головах тех людей (да и не существовало вовсе). Неужели они были настолько глупы? А как же мировой порядок? А служение государству? А становление свой личности в тандеме с идеальным обществом? А великая цель? Неужели мысли тех людей были так примитивны, что они заключали в книгах собственное слабоумие на фоне уродливых образов Старого Мира?

— Благодарю за поддержку, Ромео, — говорю я и почти незаметно отдёргиваю ворот рубахи, чтобы стало легче дышать.

Мне кажется, воздуха здесь не хватает. Здесь или вообще, не знаю. Кажется, я тону.

— Карамель? — зовёт Ромео.

Он всё всегда примечает. И на этот жест обращает внимание. Сколько у него было возможностей написать на меня донос? И сколько раз он смолчал... Хорошо это или плохо? Хорошо для меня, но по нормам — неприемлемо. Это говорит о двух бедах: я болею или заболеваю, допуская даже мысли о нарушении правил, и болен сам Ромео, покрывая моё состояние.

— Карамель?

— Просто задумалась.

Бросаю неловкий взгляд. Ромео, очевидно, беспокоится — это раздражает даже больше сковывающей горло рубахи. Расправляю плечи и спокойно констатирую, что доберусь до дома и непременно отдохну. Спокойно констатирую или спокойно вру?

В ноги отдаёт напряжение — лифт останавливается. Ромео больше не смотрит на меня: чёрные глаза устремлены по направлению медленно открывающихся дверей. Теперь мы вновь должны стать идеальны. Под глазами десятка камер. Под глазами десятка людей. Мы идеальны.

— До завтра, Карамель, — прощается Ромео и выходит.

Провожая его взглядом:

— До завтра, Ромео.

Юноша торопливо пронесется мимо гардеробной. А как же взять пальто? Оно у него горчичное такое, прямого кроя, до щиколоток. Вон, висит. Моё же голубое — в цвет глаз; и с поясом на талии. Рядом. Забираю его и прихорашиваюсь у зеркала, достаю из кармана защитную маску и надеваю её на лицо.

Доберусь до дома, отдохну и подготовлюсь к прогулке с Ирис. Кажется, она говорила про занятия по религиозной — дореволюционной — этике (очередная никому ненужная дисциплина для общего ознакомления; относится к элективам в дополнительные часы, поэтому к посещению необязательна). В мире, где всё опирается на науку, просто необходимы занятия, доказывающие, что обратного нет и быть не может, что религия и мистика — пережитки былых поколений, неясность разума, отсутствие конкретных знаний. И демонстрируется это на исторических примерах — ситуациях, которые происходили до Урбанистической революции. Всё, что не наука — плод человеческого воображения: больных людей, которые вовремя не обратили внимания на свой недуг, а потому он разросся подобно червяку под дождём. Я стабильно отказываюсь от присутствия на подобных лекциях, потому что уверена — только человек заправляет миром. Ирис же бегаёт на подобные занятия ради поддержания собственной чудаковатости: эту чудачку всегда тянет к чудаковатым преподавателям по чудаковатым предметам.

Промозглый ветер ударяет в грудь: приходится застегнуть пальто и подвязать пояс. Интересно, как по такой погоде решил пройтись Ромео (а он всегда добирается до дома самостоятельно)? И где водитель? Обыкновенно он приезжает за несколько минут до окончания уроков и ждёт меня на парковке. Благо, я могу потратить это время на созерцание красот города, в котором была рождена и которому предназначалась. Но ветер — ветер! — скалится и кусается. Костяшки пальцев краснеют. Удивительно.

Водителя всё нет и нет... Смотрю на покидающих Академию ребят с моего курса: прощаются друг с другом и разбредаются по разным сторонам. Я же остаюсь на площадке. Не стерпев в следующий миг ударившего ветра, поднимаю руку в сторону плавающих над головами машин. Одна из них обращает на меня внимание и спускается к парковке. Учащихся часто подвозят, это в порядке вещей; такая норма жизни — негласное правило. И своего рода престиж: все знают, что в Академии учатся золотые детишки управляющих (и должны стать управляющими в скором времени сами), почему бы не помочь добраться до дома отпрыскам влиятельных лиц? Отец нанял для меня личного водителя, чтобы я подолгу не стояла на парковке и не звала машину; водитель сегодня подвёл — интересно, отец сменит его?

Водительские права может получить только достойный член общества. За руль не пускают без дополнительного образования, медицинского соглашения и часов практики; то верно. Раньше машины рассекали по дорогам и умудрялись врезаться друг в друга на двух перпендикулярных отрезках, ныне же — разрезающие воздушное пространство — должны соблюдать все правила и думать наперёд. Что может повлечь за собой авария в воздухе?

Думаю, эта мотивация помогает водителям крепче держать руль. А ещё я могу быть уверена, что не окажусь в одной машине с сумасшедшим, фанатиком, попрошайкой или преступником, потому что только у людей с поверхности — порядочных граждан — имеются личные транспортные средства. И только у северян! Я уважаю исключительно северян — на нас держится Новый Мир! Остальные районы — второстепенные, неважные.

— Садитесь, мисс! — зовёт водитель и открывает дверь кнопкой — та отъезжает в сторону.

Располагаюсь на тканевом диване и приветствую мужчину за рулём; он ловит мой взгляд через зеркало дальнего вида.

— Улица Goldman, — уточняю я.

Богатые всегда покупают улицы и называют их в свою честь. На улице Goldman располагается наш дом, наш садовый участок и наши офисы. В другом районе есть фабрики с нашим именем...

— Кажется, — мужчина ещё раз глядит на меня, — я видел вас в рекламе. Такая душевная речь о Создателях и Богах, обращение к южанам.

— Да, — соглашаюсь. — Это была я.

Машина взмывает в воздух.

— И речь написала сама. Хотела вложить в неё всё своё уважение к Новому Миру и отдать должное государству, благодаря которому мы имеем все доступные блага.

Уверена, этот водитель поделится с кем-нибудь из знакомых, коллег или родственников новостью о том, что подвозил наследницу Goldman, портреты которой неумолимо появляются на Здании Комитета Управляющих с цитируемыми фразами. И вот портрет появляется вновь. Как вовремя. Мы смотрим на экранную меня.

— Карамель Goldman, — зачитывает мужчина. — Красивое имя. Сладкое.

Если бы. Родители в несколько ином значении выбирали мне имя.

Пропусту хмурюсь, а водитель спешит извиниться. Так-то лучше. Выглядываю в окно и наблюдаю несколько летящих под нами машин; позади здание Академии и множество домов, связанных друг с другом лестницами и мостами. Вижу высокие крыши улицы Goldman и прошу включить сенсор для оплаты, тянусь чипированной ладонью — одно касание и запрашиваемая сумма передаёт на счёт.

— Нет, спасибо, не надо, — с пугающей улыбкой бросает водитель. — Я рад помочь.

Помочь, надо же.

— Рад довезти вас до дома.

Ещё не довёз.

— Я привыкла расплачиваться.

Мне не нравится, когда люди отказываются от того, что по праву принадлежит им. Мне не нравится, когда что-то идёт не как должно. Ты произвёл услугу — будь добр, прими плату и пропади.

— Зачем вы так поступаете? — спрашиваю я. — Вам не нужна оплата производимых действий, не нужны деньги?

— Деньгами не измеришь иное богатство. Душевное. Я помог кому-то и мне хорошо. Раньше ведь так и было...

Сколько тебе лет, о каком раньше ты говоришь и что вообще происходит?

Вновь осматриваю тканевый салон автомобиля — уверена, мужчина не из управляющих; скорее всего руководит в качестве зама какой-нибудь фабрикой или сидит в

одном из офисов в Здании Комитета Управляющих. Склоняюсь ко второму. Машина зависает над парковочным местом: медленно опускается. Мы на улице Голдман, на террасе перед домом.

Мужчина оборачивается и смотрит на меня — глаза в глаза (они у него янтарные, с приятной желтизной); вроде бы незатейливый и общепринятый способ выказывания уважения, но от него сейчас по спине пробегают ледяные иглы, целая россыпь; окатывает холодом и тревогой — удивительно. У тревоги точно есть температура — и градус в теле не повышается, то заблуждение; берёт озноб. Мужчина говорит:

— Я увидел тебя, Карамель Голдман, и теперь мы в расчёте. Иди.

Дверь отъезжает в сторону, и я поспешно покидаю автомобиль. Постукивая каблучками о мраморную плитку посадочной террасы, приближаюсь к дому. Замираю под искусственной виноградной лозой и, пытаюсь перевести дыхание и совладать с ускорившимся сердцебиением, оборачиваюсь в сторону взмывающего автомобиля. Водитель кивает и уносится прочь. Всмотриваюсь в номерной знак, чтобы сообщить отцу о подвозившем меня безумце, но никакого знака на положенном ему месте нет. Не может быть! Этого не может быть! В Новом Мире не летают машины без идентификатора! Они бы не поднялись в воздух...! И почему я не заметила отсутствие номера раньше? Так очевидно и броско, Карамель! Кто этот человек? Что ты скажешь отцу?

Не помню, как открываю дверь касанием руки, не помню пробежавший в ладонь ток от взаимодействия панели с чипом, не помню появление служащей, что отдалённо бросает:

— Добрый день, мисс Голдман. Как прошёл ваш учебный день?

Не помню, как снимаю верхнюю одежду и обувь, не помню выполняющую поручения Миринду, не помню сброшенные рюкзак и дыхательную маску. Кровь в голове бурлит, слышно её кипение. Только это.

— Мисс Голдман?

Голос словно бы вдалеке, вакуумный. Уши заложило, вот оно что.

— Карамель? — броско зовёт служащая.

Моментально прихожу в себя и переспрашиваю:

— Что ты сказала?

— «Мисс Голдман», только это, — и Миринда услужливо склоняет голову. Неужели показалось? — Кажется, вы в своих мыслях, мисс Голдман. Набрать ванную или приготовить обед?

Обед. Я забыла пообедать — как всегда поступаю после уроков — в Академии. Это плохо. Это плохо? Я никогда и ничего не забываю. Всегда поступаю одинаково. Что происходит? Это мелочный пункт, но он подбивает ноги

— Если желаете отдохнуть, я могу добавить расслабляющих масел в ванную, — по-иному выражается Миринда. Её идущие бок о бок тактичность и изворотливость не могут не нравиться семье Голдман. — Из быстрого на обед могу предложить табуле из цветной капусты или запеченную тыкву? Что выбираете, мисс Голдман?

Отказываюсь. Говорю, что скоро встречаюсь с Ирис на Золотом Кольце. Я забыла про обед, подумаешь. Ничего страшного. Ничего страшного? Или с крохотного пробела всё и начинается? Я не больна? Не становлюсь девиантной? Я нарушаю привычный порядок вещей, разве то допустимо? Что происходит? Виной тому мысли о Ромео? Наша словесная перепалка? Мы поссорились? Нет, Карамель, не говори так. Между тобой и твоим партнёром нет никаких конфликтов и причин для разрыва тоже нет. Нет?

Поднимаю глаза на Миринду. Женщина ожидает, смотрит. В руках у неё голубое пальто. Велю служащей оставить меня, велю заниматься делами. Вот так должно быть. Всё и всегда должно происходить по заданной ранее схеме, по представленному заведомо алгоритму. Иначе — крах. Другое — отличительное — равно нарушению, а нарушение есть болезнь. Болезнь синонимична изгнанию, а нарушивший — изгою.

Вспомни, кто ты такая, Карамель Голдман.

...а я знала?

Вспомни.

Я никогда и никуда не тороплюсь, факт. Я хочу быть уверена в совершаемых действиях, хочу заранее видеть предполагаемый результат во избежание оплошностей и несостыковок. Нельзя ошибаться (даже позволять в мыслях, ведь идеальные люди не ошибаются), нельзя давать слабину, иначе маленькие погрешности приведут к абсолютному краху.

Замираю у зеркал в прихожей и приглаживаю рубашку — десятки отражений повторяют за мной. Зеркала изготавливались под заказ на издыхающем заводе; производство само по себе остановилось четверть века назад — благо, у управляющих были и есть — всегда — привилегии. И я бы хотела (хочу!), чтобы эта стабильность сохранялась после окончания Академии и на момент вступления на должность в Комитете Управляющих, я хочу купить собственную улицу со своим домом, я хочу зеркало в прихожей и уверенность в завтрашнем дне.

Захожу в ванную и, облокотившись о мраморную раковину, вымываю с рук учебную грязь, а из головы дурные мысли. Слышу, как капли стекают по трубам, а капельки пота спускаются по спине.

Я тону?

«Мы ваши Создатели!»

Задираю голову и уверенно повторяю:

— Мы будущее этого мира.

Поправляю пшеничные волосы и выключаю воду.

Мы Создатели и мы будущее мира. Мы есть Новый Мир. Мы есть прогресс. Без нас не может быть движения и развития, мы — Создатели: демиурги поколений и градостроители, вершители судеб и управляющие, мы есть закон, мы есть власть, мы есть будущее. Нельзя забывать, нельзя: это первая мысль при пробуждении и последняя перед сном:

— Мы — Создатели.

И я повторяю это как мантру каждую минуту своей жизни.

Выключаю воду и выхожу из ванной, зову отца и, пересекая арку, оказываюсь в гостиной.

— Отец, ты дома?

И сегодня он должен работать из кабинета. Его будняя неделя каждый раз начинается с двух дистанционных дней.

— Господин Голдман ушёл, мисс Голдман! — Следом за мной появляется служащая. — Вот-вот вернётся, мисс Голдман, сказал ненадолго.

— Если я захочу услышать тебя, Миринда, — оборачиваюсь и взираюсь взглядом в чёрное пятно около белоснежной стены, — обращайся лично. Понятно?

Женщина ощущает недовольство.

Прохожу в гостиную и веду пальцем по полкам и статуэткам в попытках найти малейший сор и придраться... чисто. Вот что случается, когда делаешь нечто выдуманное на

ходу — сам себя ставишь в нелепое положение.

— Свободна, Миринда, — выждав ещё немного, говорю я и наблюдаю за уходящей.

Мимо белоснежных диванов шагаю к лестнице (перед ней узкая дверь, ведущая в комнату Миринды), сворачиваю и поднимаюсь по прозрачным ступеням. На втором этаже на меня смотрят семь дверей — три по левой стене (комната отца, комната матери, их общая спальня), три по правой стене (моя спальня, спальня сестры и свободная комната, в которой стоит маленькая кровать, кресло-капля и ночник в форме звезды), одна — распахнутая — в конце: ведёт в кабинет.

Вспоминаю, что оставила рюкзак в прихожей и книгу, соответственно, там. Ладно, верну позже...не думаю, что отец начнёт зудеть об утаенной вновь книге; полки тянутся от пола до потолка, все заполнены — бери любую. Возможно, Говард Голдман собрал все сохранившиеся до основания Нового Мира издания книг; он вложил так много средств в создание этой коллекции и гордился ею больше, нежели собственными детьми. По крайней мере, в интервью о личном пространстве Голдман нам с сестрой он уделил несколько минут, а книгам — несколько десятков. Пускай.

Смотрю на пустующее отцовское кресло, за которым во всю высоту стены тянется панорамное окно. Разве можно спокойно обращаться спиной к этому городу? Не устану тому поражаться, ведь Новый Мир требует своих Создателей, Новый Мир желает, чтобы взгляды живущих в нём людей были прикованы к его величию и только. И я смотрю на Новый Мир.

Дверь позади меня открывается.

Медленно поворачиваюсь на носках туфель и кладу руки на бёдра. Прищуриваясь, говорю:

— У тебя сегодня работа дома, я знаю. Куда ездил?

— Взаимно рад тебя видеть, Карамель, — пропустив вопрос (а, может, и ответив сполна) режет отец и проскальзывает мимо.

Его силуэт тонкий, руки и ноги длинные, пальцы паучьи.

Признаюсь, что видела сумасшедшего, но в ответ не получаю даже взгляда: отец спокойно раскладывает на рабочем столе принесённые бумаги и перебирает их по папкам.

Признаюсь, что разговаривала с сумасшедшим, на что отец вздыхает и, всё так же несмотря, бросает под нос словно скидывает с руки грязную перчатку:

— Это уже хуже, Карамель.

— В самом деле?

Продолжает (да когда же он посмотрит на меня?!):

— Тебе нельзя болтать с незнакомцами, не погань фамилию Голдман и собственную репутацию.

Словно швыряет ветки в костёр. Хорошо горят. Быстро.

— Твой идиотский водитель не приехал за мной! — восклицаю я.

— Это твой идиотский водитель... — поправляет отец и — наконец! — поднимает глаза.

— Прекрасно! Мой идиотский водитель не приехал за мной, и в итоге я ехала с каким-то чудачком, рассуждающим о доброте и радостях воспитания в эру разве что не динозавров!

— Скажи номер авто, и я разберусь, больше ты о нём не услышишь, — спокойно предлагает отец. В своём стиле.

— Номера не было, — признаюсь я.

— Не бывает так, Карамель.

— Представь моё удивление, ведь я убеждена в аналогичном. Нет номера.

— Имя? Он представился?

Кажется, отец напрягается. Он тощий, а в момент озабоченности серьёзным вопросом выглядит ещё более истощённым.

— Не представился, но ему известно моё имя. И плату он не взял.

— Ты не рассчиталась и осталась в долгу? Голдман не остаются в долгу, никогда. Это правило имени Голдман!

— Он сказал, что увидел меня и теперь мы в расчёте, — признаюсь я. — Что это значит? Кто он? Кому я обязана? Или ты?

Отец никогда не выдаёт эмоции (верно, ведь это непозволительно для человека здорового и здорового), но переживания касательно семьи и репутации касательно имени всегда вызывают в его взгляде тревожный отблеск. Совладав с собой и колкостями на языке, отец выдаёт:

— Рекомендую, Карамель, в дальнейшем пользоваться услугами оплаченного водителя, дабы избежать неприятных ситуаций и непредвиденных встреч.

— То понятно, — скажусь я. — А с безумцем что? Оставишь его без внимания?

— Я никогда не оставляю угрозы в адрес семьи, Карамель, без внимания, но тебе необязательно знать о прогрессе этих дел. Верно?

— Значит, угроза?

— Мы влиятельны, дочка.

— Не понимаю.

— Чего?

— Каждый должен добиваться своего блага и делать что-то во благо своего имени ради совершенствования Нового Мира; это политика государства. А если кто-то пытается подковырнуть другого — это лишь доказывает мелочность и недостойность первого.

— Однако первый никогда в подобном не признается и даже не поймёт сути, лишь попробует урвать более сочный кусок у более благонравного члена общества, у более необходимого и значимого государству гражданина.

— Омерзительно.

— Жизненно.

— Ты говорил: «Новый Мир совершенен».

Отец кивает и соглашается:

— Благодаря таким как ты, Карамель. Мир совершенен и станет ещё более таковым благодаря воспитываемому поколению. Одно поколение за другим всё более идеально. Сколько в тебе порядочности и благонравия! Новый Мир собирался по крупицам, в его становлении принимали участие даже те, кто в последующем был изгнан из-за недостаточной самоотверженности делу и цели, понимаешь? А ты, Карамель Голдман, есть образец идеального гражданина Нового Мира: без смутных мыслей и дел, без отвлечённости на бездумное и не имеющее значимости. Мы не в состоянии изменить прошлое, но в наших силах повлиять на будущее. И я уверен, что будущее Нового Мира достигнет идеалов и высот наших праотцов, которые строили город из лучших побуждений и стремления лицезреть утопию. Твоя роль на поверхности — наиболее значимая.

Мне льстят слова отца, я согласна с ними. Они отражают то, над чем я больше всего думаю, о чём позволяю беспокоиться (скоро поборю и эту никчёмную черту). Отец умеет поддержать и облачить мысль в требуемую форму.

Пожимаю плечами, словно совершенно нетронутая излагаемым, и получаю от отца кофейную кружку с крепким напитком (в котором, разумеется, нет кофеина).

— Зачем это? — спрашиваю я.

— Успокойся. Будь всегда спокойна, даже если в машине с чужаком и безумцем, даже если тебя похитят. Будь спокойна — я всё решу и приду на помощь. Ты же Goldman.

Пригубляю и киваю. Благодарю отца и в спешке покидаю кабинет. Спускаюсь на первый этаж, наблюдая скачущую чёрную мышку по имени Миринда. Интересуюсь причиной активности и слышу: скоро придёт мать, велела накрыть обед.

— Чем это пахнет? — спрашиваю я.

— Морепродукты, мисс Goldman.

Какая мерзость! Каждому в доме известно, что я употребляю в пищу только растительные продукты, исключая из рациона продукты животного происхождения, в особенности мясо (всё равно это синтетическое барахло было выращено в лаборатории и не несло организму никакой пользы).

— Может, останетесь на обед, мисс Goldman?

— Воздержусь, — отвечаю я. — Сами чмокайте щупальца.

Миринда удерживает улыбку: не терплю, когда люди улыбаются в неподобающее время и в неподобающем месте. Дом семьи Goldman — работа, а не потешный двор. Работай.

Велю позаботиться об ужине для меня.

— Будет исполнено, мисс Goldman, — кланяется женщина и наблюдает, как я уйду в коридор.

Даже переодеваться не буду. Всё равно Ирис дальше её длинного носа не видит: не заметит, что я в форме Академии. Ирис вообще мало что замечает из происходящего вокруг, не будь на мостах перегоронок, она бы оступилась и улетела в Острог. Там ей, впрочем, и место. Я же всегда за всем наблюдала и наблюдаю. Не будь перегоронок, не растерялась бы и спокойно прошла. Но я не хожу пешком. Мосты — удел бедняков. Удел недостойных. Удел простых. А я Goldman.

Заранее надеваю маску на лицо и ожидаю служащую, должную подать верхнюю одежду. Повышаю голос:

— В чём твоя проблема, Миринда? Я желаю одеться, а не ждать, пока ты вспомнишь, в какой последовательности лежат десертные ложки.

Женщина прибегает на зов и достаёт из гардеробной пальто.

— Ради всего святого, простите меня, мисс Goldman, — лепечет женщина, помогая попасть в рукава. — Я задержалась на кухне, простите.

— Ради всего святого, — передразнивая, фыркаю я. — Где ты нашла здесь что-то святое, дрянь? Что за слово вообще? Ты в своём уме?

Резво оборачиваюсь и готовлюсь прошипеть ещё что-нибудь ядовитое, но служащая съёживается и повинно опускает глаза. Неужели ловит себя на мысли, что я могу ударить? Её?! Не стану трогать эту...

— Кара? — режет голос за спиной — пронзительный, острый, хлёсткий. Как сама его обладательница. — Я слышала твои крики с улицы. Никогда не хотела податься в хористки?

Встречая мать взглядом, испускаю подобие смешка. Хористки, как забавно (нет)! Раньше (того не могла наблюдать ни я, ни мать, ни её мать) эти святоши выползали из Острога (условно — Южного района) и утверждали, что они посланницы бога, а нам следует принять их. Вот только Боги — мы, Создатели — мы, и, что неудивительно, не помнится,

как мы кого-то посылали.

Мать проплывает мимо — словно туман над вечерним крыльцом. И говорит:

— Миринда, ты забыла, где находится дверь? Почему не встречаешь?

Удивляюсь, как её худая шея держит голову; словно живой манекен. Худые длинные руки с худыми запястьями и худыми пальцами торчат иглами, рёбра и кости бёдер выпирают даже через платье. Вся истощённая (ещё и высокая; мне этот рост не достался), а в питании пытается стыдить, всячески убеждая, что диета из растительных продуктов отсылает к диете древних дураков. Мать говорит: «молодой девушке полагается выглядеть более округло, то добавляет внешности здоровья, а ты должна беспокоиться о том, как выглядеть на камеру». Я и стараюсь для камеры... Ну и потому, что всё иное в Новом Мире выращено в пробирке из порошка и капель, а растения — хоть какой-то процент вероятности естественного происхождения.

— Можешь не отвечать, Миринда, — говорит мать и скидывает на пол пальто болотного цвета, перешагивает через него, разрезая ткань и воздух шпильками, и замирает. Ноги её в россыпи вен, на худых лодыжках будто нарисованы переплетающиеся мосты Нового Мира.

Служащая ожидает. Мать переводит взгляд на меня:

— А ты, Кара, куда собралась?

— Карамель, — бормочу в ответ.

Имя «Карамель» звучало лучше, нежели «Кара». Кара — вечные мучения, Кара — постоянное наказание. Матери нравилось называть меня Кара. Была ли я её наказанием?

— Кара, я задала вопрос.

Она не сердится, как может показаться впервой. Её не беспокоит происходящее вокруг.

Отвечаю:

— Гулять с Ирис.

— Я уже, помнится, рекомендовала тебе найти подругу приличней, — отзывается мать.

Пускаюсь в спор:

— Чем она нарушает приличия?

— Время проиллюстрирует это, Кара, просто знай: родители никогда не ошибаются в друзьях своих детей.

Хочу вспылить ещё больше, а потому спускаю с лица маску и открываю для колкостей рот, но мать, прищурившись, склоняется и раздувает ноздри. О нет. Нет-нет-нет. Закрой рот, Карамель. Закрой рот и натяни маску. Ещё не поздно?

Поздно.

— Старый пьяница и под стать ему молодая пьянчуга! — вскрикивает мать и, сделав оборот на шпильках, мчится в сторону лестницы.

Проклинаю запах алкоголя и ликую от его же привкуса на языке. Не сдерживаюсь и начинаю смеяться, слышу ругань родителей; Миринда косится и получает от меня колкий взгляд.

— Из-за тебя, — вопит мать, — люди — мы и все остальные — становятся безвольными и прожигающими жизни, пустоголовыми и разбалованными. Ничтожество! Глупые и они, и ты, раз поступаешь так с кровной дочерью.

Как будто я ей не кровь, что за манеры.

И вообще причину для истерики не вижу. Мы живём в своё удовольствие, мы живём в достатке. Мы люди с поверхности. Мы — апогей человеческого творения.

— Из-за тебя эти недостойные поднимают восстания, — продолжает мать, — и пытаются вырваться из своих горелых нор. Твоё отношение погубит нас! Я воспитывала дочь как...

Как идеальную, соответствующую нормам морали и поведения, и всё такое.

Дверь кабинета с грохотом закрывается. Вместе с тем я слышу звон разбившейся бутылки. Представляю, как виски летит на пол и встречается с полом: брызги летят на отцовские книги, алкоголь затекает меж половиц.

— Не забудь про ужин, Миринда, — говорю я и, вернув маску на лицо, выхожу из дома, не позволив женщине подступить.

Мраморная дорожка ведёт к посадочному месту для автомобилей; вижу, как из прозрачного гаража выглядывают два носа машин — отца и матери.

Выйти с улицы Голдман можно либо на воздушном транспорте, либо по уже давно заросшей тропе с обратной стороны дома. Сухая зелень с трудом пробивается из-под камней — раньше участок полностью был застелен газоном, но, когда содержание его начало отнимать много времени и средств, родители решили обложить всё камнями и мраморными плитами и позабыть про траву.

В ожидании водителя (теперь-то он приедет?) подхожу к краю посадочного места и, пока никто не видит, смотрю вниз. Поглощающая бездна всматривается в ответ. Носком подпихиваю декоративный камень — тот переваливается сам через себя и ныряет в пустоту. Хочу ощутить полёт вместе с ним, хочу познать высоту не на словах, а в реальности.

Почему я смотрю в низовья Нового Мира? Не полагается: ни по уровню, ни по статусу, ни по принадлежности к людям с поверхности. Мой взор должен обращаться к величественному городу или небу, к которому мы так близки...

Осматриваю здания вокруг улицы Голдман, мысленно путаюсь в паутине мостов и за решёткой из многочисленных высоток поодаль. Я рада, что мы живём в Северном районе, на замыкающей и высокой улице — никто из соседей не смеет наблюдать за нами так же, как я сейчас наблюдала за чужаками в других домах.

«Карамелька! — слышится вопль со стороны сада. — Карамель!».

Карамелька.

Ощущаю вмиг подступившую тревогу и оборачиваюсь. Навстречу бежит мальчишка. Пересекает каменную дорожку и вот-вот ступит на мраморные плиты: ко мне.

Карамелька.

Отступаю назад, едва не теряя равновесие.

Но там-то за спиной — Острог.

— Кара?!

Голос матери разрывает тонкую нить между мной и мальчиком; он растворяется в воздухе — будто никогда не навещал сад. Отдёргиваюсь и оборачиваюсь — на крыльце стоит мать. Кривится:

— Надеюсь, ты не собираешься прыгать? Тебе интервью на следующей неделе давать, отложи подростковые забавы.

— Ты серьёзно?

Конфликт не успевает назреть, не успевает перерасти в спор — из сада выплывает новый силуэт. Намного выше привидевшегося мальчика. Принимаю боевую позу, готовая отбить любой из предначертанных мне ударов.

— Сестричка, — с издёвкой бросает девичий голос, — встречаешь меня? Почему без

музыки и фанфар? О, мамуль, и ты здесь! У вас типа группового тренинга или что?

Между лысыми деревьями выныривает блондинка. Ей двенадцать, и мы учимся в одной Академии. Уроков у нас одинаковое количество, посему я пытаюсь пристыдить опоздавшую:

— Где была? Учёба давно закончилась.

— В отличие от тебя, я посещаю элективы, какими бы тупыми они не были, — говорит сестра.

Иногда я желала, чтобы она пропала. Характер её был через копировальный аппарат дублирован с материнского и даже внешность идентична.

— О чём с Ромео шептались у кабинетов? — Сестра хитро улыбается, и каблучки её туфель соприкасаются с мраморной плитой, издавая соответствующий звук.

— Надо же! — наигранно восклицаю я. — Смогла дотянуться до кнопки лифта?

У сестры был комплекс из-за высокого роста. Из-за очень высокого роста среди учащихся с ней на одном курсе. Как я уже говорила, сестре двенадцать, но она упиралась макушкой мне в виски. Рост у неё тоже в мать. Прыскает ядом:

— Готовились к побегу влюблённых?

— Золото, хватит довольствоваться унижениями сестры, — перебивает мать. — Иди в дом.

Золото. Ничего хуже мои родители придумать уже не могли. В фамилии Голдман и так присутствовала часть от «золота», а в нас самих текла кровь выходцев из стран одного миропорядка на территорию другой, но родители решили изощряться во всю доступную мощь и одну дочь — с самым горьким нутром — обозвали Карамелью, а другую Золотом.

— Унижается она, упоминая эту дикость, — спокойно отвечаю я. — Тебе бы, Золото, меньше книжки о любви читать, они запрещены Сводом Правил, и меньше по элективам ходить к преподавателям-чудакам, их в программе Академии нет.

— Золото, иди в дом, — повторяет мать. — Кара, иди по своим делам.

Золото, Золотце, Золотая. Всегда на первом месте для родителей. Должно быть, они вовремя поняли, что я не лучший экземпляр, и, пока возраст для деторождения не истёк, решили завести ребёнка получше.

Сестра и мать теряются за дверью. Как опрометчиво было сказать «иди по своим делам», ведь ей известно — я никогда не хожу по мостам. Вне зависимости от обстоятельств. Даже если требуется пересечь крохотную дистанцию между ближайшими частями города, я никогда не хожу по мостам, я вызову водителя.

В воздухе машины переходят с одной воздушной полосы на другую, и я наблюдаю за ними — переплетаются словно ветви диких и невиданных ранее растений, путают в своих искусно-мудрёных цветах. Оглядываюсь на сад: каждый раз, смотря на него, мечтаю вырубить всё до последнего оставшегося сухой колючкой куста. Ничего живого не должно присутствовать в этом доме, на этой улице, в этом городе — ничего живого, как и в душах каждого пребывающего в Новом Мире.

А вот и мой водитель. Серебристое авто со знакомым номером приближается к улице Голдман и спускается к парковочному месту, у которого я стою.

За рулём молодой парень.

— Доброго дня, мисс Голдман, садитесь.

Он открывает дверь — та плывёт в сторону — и указывает на диван. Я всегда сижу на этом диване, всегда смотрю на салон чёрного цвета, всегда бросаю рюкзак к ногам на крохотный коврик. Но я никогда не видела этого человека за рулём (несмотря на то что

половина лица водителя сокрыта дыхательной маской).

— Вы не мой водитель, — перечу я.

— Машина ваша, мисс Голдман, — говорит юноша. — А водителя я подменяю, у него по личным обстоятельствам эта неделя взята в перерыв.

Уточняю осторожно:

— Получается, всю неделю я должна ездить с вами?

— Получается так, мисс Голдман. — Кивает. — Если желаете, уточните у вашего отца (это он подал жалобу на водителя, который не забрал вас из Академии), либо же не будем терять времени: поедem на Золотое Кольцо.

О, значит, ему известно, что я направляюсь на встречу к Ирис. Какой из этого вывод? Он в действительности беседовал с отцом — предупреждать о смене водителя нет смысла.

— Не будем терять времени, — соглашаюсь и сажусь в автомобиль.

Меня встречает мягкий диван с жёсткой обивкой, а водитель прозорливо смотрит в сенсорный экран, помогающий с управлением, и жмёт — отмечаю перчатки (в самом деле холодно?) — определённую комбинацию, после чего мы поднимаемся в воздух. Прекрасные — геометрически выстроенные — дома сменяют друг друга, пешеходные тропы остаются под пятами — люди там снуют подобно муравьям.

— Вам комфортно, мисс Голдман? Может, отрегулировать температуру? — спрашивает водитель.

Вспоминаю о нём, смотрю. Юноша смотрит в ответ. Янтарными глазами, разве такое бывает? Они приветствуют меня, задорят, злят, пугают. Чистый янтарь с желтизной, видимый мной лишь однажды. Кажется... кажется, встречаю в смоле глаз: лапки маленького насекомого вязнут, обречённые быть обнаруженными через миллионы лет красивейшим инклюзом. Отбрасываю (пытаюсь!) тревожные мысли и говорю:

— Всё устраивает.

Обмениваемся спокойными взглядами (не более того), однако где-то в области груди я хороню необъяснимую тревогу.

Может, спросить его имя?

На кой тебе сдалось имя, Карамель? Машина занесена в базу данных — на этой машине ты катаешься изо дня в день, из года в год; хочешь провести расследование — позвони в обслуживающую Голдман компанию авто. Опять же как к подобному отнесётся отец? А сама компания? Чрезмерное любопытство наказуемо; не следует подавать признаки жизни и шевелиться, пока тебя не пошевелят сами и не спросят мнения. Не следует демонстрировать озабоченность. Моё волнение напускное, самовыдуманное. Всё в порядке. Всё идёт своим чередом, по заведённой траектории, по обозначенной схеме. Всё правильно.

— Уже почти, — кивает водитель. — Почти...

— Если собираетесь работать с Голдман, читайте внимательно рекомендации, — бросаю наперерез. — Я не терплю болтовни с обслуживающим персоналом: доставьте меня из одной точки города в другую в полнейшей тишине, без комментариев и разговоров, не терплю пустых бесед.

Янтарные глаза врезаются в меня через зеркало дальнего вида. Владелец их молчит... схватывает на лету, молодец.

— Да, вот так меня устраивает, — соглашаюсь я и вновь смотрю в окно.

Несёмся быстро: едва успеваю различить подобие куполов, обыкновенно подглядывающих меж высотными зданиями промышленного района. Раньше люди посещали

то место, чтобы исповедаться, а потом поняли — Бог не спасёт их, ибо Бог обратился в нас. Мы — боги. Мы — Создатели. Обращаться стоит к Зданию Комитета Управляющих.

А мы не позволим всякому сброду стоять наравне с нами.

От куполов остались последователи — неофициальная организация «Гимн зашитых ртов», которую мать хлётко называла «сектантскими плясками», «опорожнением религиозных дум» и «эхом фанатиков». Лично я считаю возведение подобия церкви в только развивающемся граде будущим недочётом наших праотцов, потому что в мире, где всё опирается на науку, нет места религии. А что касается Гимна зашитых ртов...никогда не видела их вживую, лишь слышала беседы о них. Эти несчастные ошивались подобно бродягам на лестницах или нижних этажах Золотого Кольца. У них не было статуса, имени, должности, не было работ и детей, не было счетов в банке, не было запаянных в кожу чипов, не было права на образование, медицину, безопасность, передвижение. Будь наше государство более сурово в отношении этих вопиюще-отвратительных лиц, истребили бы неугодных подобно тараканам. Я предприиму всё для этого. Не желаю знать, что некто незаслуженно отхватывает мою часть кислорода, ступает по городу за мои налоги. Они недостойны зваться членами общества, недостойны относиться к нам — Создателям.

Бегло бросаю взгляд на водителя. В отличие от Ромео этого юношу не заботит укладка: короткие каштановые волосы нещадно растрёпаны. Через уголок защитной маски проглядывает щетина. Как дико! Следует сделать выговор его начальству...

Мы замираем на посадочном месте у Золотого Кольца. Говорю:

— Возвращайтесь через несколько часов.

— Да, мисс Голдман.

Я приехала раньше Ирис (из-за того, что не стала переодевать форму), просто ужас. Колючий силуэт подруги не рассекает по платформе и не окидывает прохожих сравнительным взглядом, не заискивает меня на парковке. Это совершенно неправильно.

Кажется, я сама себе надышала спиртным в маску...Интересно, от выдыхаемого алкоголя можно опьянеть ещё больше? А потерять сознание? А сойти с ума?

Едва не сталкиваюсь с незнакомцем. Запинаюсь и ускоряюсь, а человек, бредущий навстречу, притормаживает и сквозь маску бросает:

— Аккуратней, девочка. В Академии учат всему, но только не важному? Не знаешь, как ходить и не спотыкаться?

— Извините? — отвечаю я и задираю голову, чтобы посмотреть в лицо незнакомца. Мой шкаф ниже, чем этот человек. И уже, наверное.

— Извинения приняты, — отвечает шкаф. — Смотри под ноги, девочка, не хотелось бы притопнуть тебя.

— Да как ты смеешь!

Унизил из-за роста и формы. Потрясающе.

Мы расходимся. А я думаю над сказанным. «В Академии учат всему, но только не важному». Мне казалось, последняя реформа в Палате Образования принесла именно то, что так долго требовалось в системе обучения. Нам давали поистине актуальные знания в узких областях. При этом не учили жить в Новом Мире. Давали правила к нему, инструкции, иначе — Свод. Но всё такое общее, избитое, формальное. Сколько нарушений я совершила с начала этой недели? А ведь только вторник...

— Карамель Голдман! — объявляет явившаяся Ирис.

Подруга шагает от посадочного места неподалёку, как на неё не похоже. Обычно она

довольствуется пешими мостами или разъезжает на поезде. Неужели ей наняли водителя? Неужели Имли наскребли денег на дочурку? Спрошу при возможности.

Ирис подмечает:

— Ты сегодня раньше! Решила искупить вчерашнее опоздание?

— Если это шутка — то дерьмовая, — отвечаю я, не позволяя сесть себе на голову.

— Как грубо!

— Зато честно.

— Честность не всегда уместна.

— Зато всегда полезна.

— Не забывай об этом, Карамель Голдман.

Ирис — то видно сквозь маску — насмешливо улыбается.

Следует огреть её ещё раз.

— Служанка забыла постирать всю твою одежду? — наперерез ответным колкостям восклицает подруга. — Почему ты в форме?! О, я поняла!.. неужели ты была не дома, а у Ромео? Первое неофициальное свидание?

Ирис прищуривается и подбивает меня локтем. Отстраняюсь и говорю:

— Ты не падала по пути из Академии? Не ударялась головой? Что за вопросы?

— Вы — пара, это нормально.

— Нет, ненормально. Ещё ненормально.

— Кому нужны бумажки с разрешением?

— Раз их делают — значит, нужны.

Ирис понимает, что сейчас мы поссоримся, а потому закатывает рукав пальто и неожиданно отталкивает:

— Слушай, так рука зудит — прям на месте чипа, ужас. Кажется, он хочет, чтобы я потратила родительские денюжки.

— Идём, — усмехаюсь я и следую за подругой. Мы быстро миримся.

В этот раз Ирис решает не выпрашивать подарки в именном отделе Голдман. Мы гуляем по всему верхнему этажу Золотого Кольца, примеряя платья и украшения, обмениваясь незлыми мнениями, останавливаясь в какао-лавке, обсуждая учёбу. В такие моменты мне нравится дружить с Ирис. Но я не понимаю: сейчас она настоящая, а в другое время прикидывается, или же наоборот.

Вечереет, и город погружается в потёмки. Следом искусственный свет опоясывает улицу, неоновые нити скользят вдоль ограждающего парапета, стилобаты загораются, фонари включаются, экран на Здании Комитета Управляющих даёт ориентир двигающимся в воздухе, даже поезд — под нашими пятнами — подсвеченной каплей несётся по раскинутым в воздухе путям.

— Пора разъезжаться по домам, — говорю я.

— Да, вон твоё авто.

Удивительно, как Ирис замечает машину раньше меня.

— У тебя новый водитель? — уточняет подруга и с подозрением смотрит. — Карамель, тебя подменили? Это не похоже на Голдман.

— Временно, — отвечаю я. — Ничего такого.

— Он симпатичный, — смеётся Ирис.

— Отвратительно! Постыдилась бы своих мыслей на людях.

— Люди не обращают на нас внимания, каждый сосредоточен на своей персоне.

— Такое отношение порождает разруху. Отсутствие бдящего не должно преумалять личное желание поступать по закону.

Ирис не отвечает. Не опровергает и не соглашается. Это её спасает. Ещё бы чуть-чуть... с радостью напишу донос на эту пустышку с назревающими в её голове дерзостями, которые не должны волновать и отвлекать истинного жителя Нового Мира и уж тем более северянина. Чтобы сменить тему, спрашиваю, как девочка будет добираться до дома: за ней кто-либо заедет или она сядет на поезд (вариант пешей прогулки по мосту я даже не рассматриваю, потому что в тёмное время суток находиться там некомфортно и — более того — не полагается хорошенькой северянке).

— Да, за мной заедут, — вдруг похолодевшим тоном отвечает Ирис.

— Родители наконец наняли тебе водителя?

Вот и удачный момент.

— Если бы. Отцовский друг заберёт.

Экран на Здании Комитета Управляющих играет цветами; он так ярк на фоне постепенно угасающего неба. Мы двигаемся по мраморным плитам, каблуки — шаг за шагом, стук за стуком — повторяют наши сердцебиения. Вдруг! — я чувствую окатившую волну холода, что пробегает пальцами по спине и пересчитывает позвонки: словно вдавливают их.

«Мы ваши Создатели!» — вторит голос над головой: слова разверзают город, а слоги рассыпаются и налипают на дороги, что скрешиваются паутиной.

«Мы будущее этого мира» — продолжает говорящий. Я с трудом открываю плачущие от соли глаза и наблюдаю ухватывающую воду: она стремится обнять меня; ощущаю удар волны.

«И если вы живёте...»

Вода наполняет лёгкие словно сосуд, но чья-то дрогнувшая рука не останавливается, а потому жидкость переливает через край, ошипывает, давит.

«...дышите нашим воздухом...»

Вскидываю руками к некогда молебному небу, но вместо того сталкиваюсь с бессердечной поверхностью воды.

«...едите нашу пищу...»

Я хочу закричать.

«...смотрите на наше небо...»

Кричу.

«...Знайте! Без нас не будет вас»

Захлёбываюсь: ледяная жидкость взбирается и наполняет изнутри.

«Вы наши подчинённые, а мы Боги»

Тело обдаёт жаром; я чувствую: вот-вот вспыхну, загорюсь.

«Восхваляйте же своих Создателей!»

Открываю глаза.

Взгляды наши устремлены по направлению экрана, парящего пред Зданием Комитета Управляющих. Ирис внимательно смотрит на мою цифровую копию: её ледяные зрачки замирают на бледном лице девочки из рекламы.

— Ладно, по домам, — в спешке говорю я. — Увидимся в Академии.

Странное видение, которое раньше было лишь сном, преследует и путает мысли, вьётся вокруг тела и стискивает в объятиях. Но я не нуждаюсь в том; желаю отречься, забыться,

оставить.

Ирис забирается в подоспевший автомобиль, я же сажусь к янтарным глазам.

— Отдохнули, мисс Голдман? — спрашивает докучливый водитель.

Без интереса выдыхаю:

— Что я говорила про болтовню? Домой, конечная на сегодня.

Меня валит с ног появившаяся из ниоткуда усталость; та разливается по венам, будто атрофируя конечности. Хочется забраться под одеяло и существовать там: спрятаться от серого Нового Мира и его серых жителей. Мгновением раньше мы веселились в отделах, обласканные вниманием обслуживающего персонала, и не знали тоски. Стоило остаться наедине с мыслями — итог. Поразительно.

— Улица Голдман, — объявляет водитель, когда мы спускаемся на посадочное место. Дорога была быстрой, неужели я задремала? Не люблю спать в машине, потому что не люблю терять бдительность, люблю контролировать ситуацию и окружение. — Вы заснули, решил не будить вас раньше времени, мисс Голдман.

Всё-таки.

— Известно, в какое время забирать меня утром? — отвлечённо спрашиваю я.

— Да, разумеется.

— Мисс Голдман, — поправляю я. — «Да, разумеется, мисс Голдман». На конце каждой фразы — обращение.

— Прошу прощения, мисс Голдман.

Янтарные глаза словно бы улыбаются — задорно, неприхотливо.

Жду секунду. Вторую и третью.

Жду.

Ждёт.

Ждём.

Кажется, он забылся. Точно ли работал когда-либо водителем уважаемых лиц?

— Нажми кнопку, чтобы открыть дверь, — припоминаю я.

— Ой! — восклицает водитель и роняет взгляд на панель управления, поспешно ударяет комбинацию и выпускает меня. — Ой, мисс Голдман, — тут же поправляется он.

Что за клоун.

Выхожу и бреду к дому.

Хотя не могу не отметить — янтарные глазки позабавили меня.

События третьего дня

День начинается всегда одинаково. Я стою в ванной: напротив зеркала, с набранным стаканом воды. Первая таблетка отправляется в рот. Запиваю. Вторая. Запиваю. Третья. Пью. Четвёртая — достаю её предельно аккуратно; блистер неудобный, капсула может выпасть из него. Несколько дней ранее это и произошло: таблетка упала в раковину. Я не успела поймать её; прокатилась по мраморной поверхности и отправилась в водопровод. Признаться в том, что у меня из рук выпало дражайшее лекарство, не хотелось (придётся подавать документ, ведь каждая капсула под счёт), посему я сделала вид, будто ничего не произошло. Но произошло. Сопоставить легко. Я не приняла таблетку лишь раз и в тот же день — точнее вечер — заснула раньше комендантского часа и наблюдала беспокойные сны. Я тонула. Произносила речь про Создателей и тонула. Здоровые люди не наблюдают снов, абстрактное мышление есть отклонение. Вчера я выпила полагающуюся по графику таблетку, и ночь была спокойной. Правильной. Умеренной. Я не видела сны, я отдыхала в самом деле: восстанавливалась, набиралась сил к новому прекрасному дню в Новом прекрасном Мире. Я так рада, что наша медицина совершенна и продолжает совершенствоваться. Теперь я знаю, чем чреват пропуск хоть одной выписанной мне таблетки. Запиваю. Итого четыре. Какой странный привкус у воды. Она сегодня горчит, отчего? Или всегда?

Миринда подаёт хлопья из отрубей. Ворошу их пальцами, не притрагиваюсь.

— Вам подать молока, мисс Голдман? — спрашивает служащая. Напрасно, потому что знает ответ. И я не отвечаю.

Терпеть не могу молоко и заказываем мы его только для того, чтобы мать в этом молоке отмокала. На сегодняшний день в Восточном районе на искусственном пастбище пасётся не больше дюжины коров, посему натуральный и органический напиток не поставляется; только его аналог, создаваемый на заменителе. В Академии показывали фильм об этом, а — после — проводили экскурсию: учащихся возили по фабрикам и заводам, демонстрировали их работу, напутственно обращались: «скоро это будет в вашей власти — внемлите». Немного интересно, но грязно — предпочту вечно сидеть в пыльном офисе и смотреть на затянутое облаками небо. Кажется, Палата Производства точно не для меня.

Поднимаюсь в спальню, чтобы одеться: выбираю наряд, примеряю юбку и рубашку. В Академии установлена форма, введён официальный дресс-код. Девушкам Академии одобрены несколько комплектов: рубашка и юбка с короткими гольфами, платье и длинные гольфы, рубашка и брюки. Всё тёмно-синего цвета — под цвет герба Академии. Юношам Академии также подобраны три комплекта: брючный костюм с рубашкой и пиджаком, отдельно брюки и рубашка, и рубашка с жилеткой. Мне нравится, когда Ромео в костюме с пиджаком, эта представительность его красит. Он становится похож на заседающего в Палате. Я же чередую наряды по дням недели и добавляю множество аксессуаров; Голдман требует отличаться. Вот и сейчас — подкалываю волосы крупным крабом, а на запястья добавляю браслеты. Ромео нравятся мои браслеты. Нравятся запястья. Нравятся гольфы. Так он говорит.

Затем спускаюсь вниз и сталкиваюсь на лестнице с Золото. Не здороваемся. Мы никогда не здороваемся и особо не разговариваем. Миринда подаёт пальто и желает хорошего дня. Креплю дыхательную маску и плавным прикосновением ладони открываю

дверь — чип щекочет; иду к посадочному месту, где ожидает водитель. Янтарные глаза говорят:

— Доброго дня, мисс Голдман. Садитесь. Сегодня вы задумчивы.

Он вновь позабыл, что меня раздражают пустые разговоры?

Дверь отъезжает в сторону: заползаю в авто, и мы поднимаемся в воздух. Смотрю на оставшийся по другую сторону окна сад. Гиблый. Точнее — загубленный. Желая извести его вовсе, стереть с лица Нового Мира, втоптать в плиты, уничтожить. В мыслях моих деревья — перегнившие, с паразитами — валятся, голые ветви стегают друг друга, маленькие детские качели взвинчиваются в воздух и со звуком ломающейся древесины приземляются подле. Я качала их. Я помню их.

— Не сочтите за дерзость, — и водитель перебивает представляемое, — просто вы сегодня, мисс Голдман, смотрите сверх проницательно. Для молодой девушки — это настоящий дар. Думаю, вы им наделены, потому что Голдман.

Льстец.

Водитель, не получив от меня ответной реакции, продолжает:

— А, возможно, проницательность во взгляде особенно ярко прорисовывается из-за маски. Всё лицо сокрыто и потому внимание на глаза. Никогда не задумывались, что второе назначение этих масок — не выдавать эмоции?

— Защитные маски потому и называются защитными: они помогают органам дыхания при передвижении на улице, — перебиваю я. — Не додумывайте вторые смыслы, фантазия не есть хорошо.

— Когда на Золотом Кольце маршируют десятки и сотни обезличенных людей с сокрытыми лицами, что вы чувствуете?

— О подобной глупости не думаю. И вам не советую, ибо мне известно где и как пишутся жалобы.

— Вы когда-нибудь писали жалобу? — серьёзно спрашивает водитель. И добавляет с едва различимым смешком: — Хоть одну? Сдавали кого-нибудь?

— Обыкновенно окружающие меня адекватны и вменяемы: уважают правила Нового Мира и следуют им, не приходится составлять доносы.

— Значит, не писали, — подводит юноша. — Я тоже.

Мне всё равно.

— Нам ещё долго? — спрашиваю я.

— Забыл, что вы не любите бесед. Больше не потревожу.

Однако про оставшееся время не отвечает. Чтоб его...

Двигаемся в сторону Академии. И всё-таки этот пресловутый водитель посадил мысль в моей голове. Гнилую мысль, червивую. В самом деле:двигающиеся по улицам горожане теряют свою индивидуальность, скрываясь за масками одного цвета, покрывая почти всё лицо. Не видно эмоций (их не должно быть, Карамель), не видно разговаривающих (ты не должна смотреть на них), не видно улыбки (улыбка без причины — тревожный звоночек, Кара).

— Хорошей учёбы, мисс Голдман.

Закатываю от недовольства глаза и оставляю авто. Предыдущий водитель был возрастом отца, а потому не позволял таких раскосых вольностей и энтузиазма в разговорах; этот же — как мне кажется — в силу приближённых к моим лет считал дозволенным болтать с ровесницей. Но он ошибся. Мы разные по статусу, по уровню, по образованию, по уму. Мы

разные.

Новый Мир такой холодный, особенно по утрам, и ветреный — из-за того, что город построен на высоте. Процент влажности никогда не превышает допустимого уровня (спасибо условному куполу и защитным стенам), норма осадков выпадает изо дня в день идентичная, в дневное время суток температура поднимается до шестидесяти по фаренгейту, в тёмное — опускается к стабильным тридцати пяти, улицы — как я уже рассказывала — ночью обволакивает туман. Нечто, словно бы не подчиняющееся Новому миру, смрад, что выходит из недр города, из его глубины, из пропасти, из самой смерти. Мрак, над которым мы пребывали, нёс в себе ужас, веял забвением и приправлял страхом. Из Острога доносились странные звуки — словно бы работающего механизма титанических размеров. Так стучало сердце нашего города, пока его граждане спокойно спали? Или так звучала жизнь изгнанников и предателей, что были отправлены в низовья?

Из-за химической катастрофы, следующей за описываемым Коллапсом и погубившей большую часть планеты, новым людям пришлось приспособливаться, создавать свой, отныне контролируемый, микроклимат. Мы огородились защитной стеной. Мы спасли себя. Я называла это куполом, Ромео же — теплицей, вакуумом, клеткой... Неужели он скудоумен и дерзок? Неужели он ошибочен, девиантен?

Вот и сам Ромео. Угловатый силуэт юноши встречает меня в Академии. Ромео галантен и воспитан, а потому помогает снять пальто. Это мне нравится.

— Ты сегодня рано, — говорю я.

— Равно тебе.

Двигаемся к лифту.

— Если честно, — решает поделиться юноша (напрасно; не терплю этих откровений, после них — тошно), — сон был беспокойный, всю ночь переворачивался с бока на бок.

Говорю же. Тошно.

— А ты как спала?

— Равно тебе, — подыгрываю я.

Не расстройство ли у Ромео? А у меня?

Забудь, Карамель. Теперь всё хорошо. Ты приняла пропущенное лекарство и всё будет хорошо.

— Слышала о сегодняшнем элективе? — спрашивает Ромео и жмёт кнопку лифта, видит моё отрицание и продолжает: — Будут показывать фильм.

— О, интересно, — подхватываю я.

— Про Картель.

— Неинтересно.

Картель — место для заключённых: преступников и больных; для тех, кто по каким-либо причинам не сгинул в Острог, не был обречён на вечные работы и чьи смерти ещё не разыграли на публике. Попасть в Картель? Лучше умереть! И зачем транслировать такую информацию? На прошлом курсе показывали фильм об этом месте. Я не из тех, кому следует повторять дважды. Я всё понимаю с первого раза.

— Не пойдёшь, значит, — констатирует Ромео.

— Всё равно никогда не посещаю элективы.

Моё присутствие там абсурдно.

— А завтра анонсировали скрещённую лекцию по географии и истории.

Прыскаю со смеху:

— Что можно рассказать по географии и истории нового? Всё уже изучено и поведано в первые годы Академии.

— А мне любопытно, — улыбается Ромео.

— Хочешь краткий экскурс? — парирую я. — В школьных учебниках пишут о том, что Землю погубила химическая катастрофа. Леса вырублены, источники воды высушены. Единственный обитаемый клочок мира будущего — город, что река разделяет крестом на четыре района, но жители и того не смеют наблюдать, ибо живут в домах, построенных поверх былых высотных зданий. Машины способны передвигаться по воздуху, а всем детям дают странные имена. Доволен? Учись, десять секунд и ты просвещён.

Ромео неслышно смеётся.

— Хорошая аннотация, — говорит он. — Случайно не ты ведёшь лекцию?

— Очень смешно.

— Ладно, идём.

День в Академии прекрасен. Мне нравятся дисциплины по средам. Двухчасовая теория по судебным разбирательствам, лекция по психологии, на которой мы продолжили рассматривать организацию манипуляторских техник, перерыв и практикум по теории продаж. После — обед в компании Ромео.

— До встречи, сладкая девочка, — прощается Ромео и пропадает в тени моста.

Мы вновь договариваемся встретиться с Ирис на Золотом Кольце. Водитель доставляет меня до дома, чтобы я смыла пыль Академии и переделалась. Янтарные глаза изучают внимательно — тяжёлый взгляд продавливают через зеркало дальнего вида. Поправляю скучно-серую маску и отворачиваюсь.

— Я буду ждать вас, мисс Голдман, — подаёт голос водитель. — Наверняка вы решили прогуляться через час или меньше со своей подругой.

Для всех мои дела так очевидны? Весь Новый Мир смеет наблюдать за мной не глядя?

Киваю и покидаю авто. Миринда встречает со свойственным ей спокойным радушием. Принимает пальто и исчезает в гардеробной. Я же — как хотела — захожу в ванную комнату: включаю воду — шумит, нашёптывает; канализация смеет болтать? или болтают находящиеся под нами изгои? Прислушиваюсь, склоняюсь к раковине. Нет, в самом деле шёпот. Слова. Едва различимые, но делимые на слоги. Слова.

«Карамель».

За спиной.

Поднимаю глаза и через зеркало вижу — Бес: сидит на кромке ванны, покачивая ногами. Улыбается. Дабы не взвизгнуть, хватаюсь за рот и резко оборачиваюсь. Никакого Беса нет. Нет и не было, уж как много лет. Твою же мать... всего одна пропущенная таблетка. До сих пор она? Или дело в другом? Вода странно пахнет. Набираю её в стакан для питья и принохиваюсь. Сладко. Это не просто так. Остроговцы травят нас, сводят с ума? Безумное предположение — озвучить его равно подписать себе приговор в Зале Суда. Паранойя есть отклонение. А если это не отклонение? Если не паранойя? Если нас в самом деле морят? Может, Острог имеет доступ к дамбе, находящейся за периметром города? Огромные трубы и канализации ведут её в Новый Мир, многочисленные фильтры и очистительные конструкции избавляют от зараз. Но что, если к ним приложил руку Острог? Что если изгои нашли способ воздействовать на нас? Вода — ценный ресурс. Вода — ценнейший ресурс. Вновь принохиваюсь и от досады выливаю стакан в раковину.

Ладно, сначала избавлюсь от формы, а затем верну в излюбленную коллекцию отца

книгу, которую дочитала сегодня в перерыве.

И возьму новую, ну конечно!

Поднимаюсь на второй этаж. Переодеваюсь у себя, после — обращаю внимание на распахнутую дверь в кабинет. То ей свойственно. В самом кабинете никого — свойственно тоже. Подрываю первую попавшуюся книжонку на стеллаже, хочу упрятать её в подготовленную и перекинутую через плечо сумку, как вдруг замечаю воспроизводимую картинку над рабочим столом. Кажется, отец забыл выключить экран. Подхожу ближе, дабы коснуться сенсора, но иллюстрируемое приковывает внимание. Не похоже на Вестник, не похоже на центральные Новости. Похоже на старые записи, какую-то хронику. Видео замыкается и повторяется вновь и вновь: среди больничных палат фигурирует девушка. Вглядываюсь в лицо незнакомки, одетой в подобие пижамы; девушка смотрит в снимающую её камеру — на меня — и плюёт.

Перед кабинетом объявляется Миринда — видит то же самое, роняет взгляд и медленно отступает. Спрашиваю:

— Зачем отец смотрел это, Миринда?

Служанка молчит.

Повторяю, но повторяю напрасно: она слышала, просто покрывает члена семьи.

— Желаешь соврать? — кидаю следом. — Или думаешь, тебя спасёт молчание?

— Кажется, я запомнила выключить духовку, мисс Голдман, — отвечает служащая и быстро уходит. Наглость! Мерзавка! Она понимает, что я не кинусь следом; это не про меня; тем более сейчас основной интерес представляет позабытое отцом видео на рабочем столе. Смотрю.

Камера переключается на другую: демонстрирует выплывшую за поворотом охрану; двое мужчин желают схватитьдвигающуюся девушку. Она изворачивается и бежит дальше. Отмечаю номера палат, подносы на перекатных столах, тусклый свет. Действительно больница. Это Картель? Так выглядит Картель? Девушка кричит. Не могу разобрать её слова — пытаюсь читать по губам. Короткий слог, очень короткий. «Бес»? Нет, вряд ли! Такого не может быть, никакого беса она не зовёт. Самовнушение играет со мной злую шутку: я вижу то, что желаю увидеть. Или всё-таки «бес»? Запись чертыхается, искажается помехами, вновь показывает девушку. Кажется, позже. На ней другая пижама. И в руках добавляется оружие. Какого чёрта отец смотрел эту ахиною? Кто рассекает по коридорам Картеля? Слышимый вопль предвещает агонию: стреляет. Я вовремя отворачиваюсь. Какого чёрта?!

Огнестрельное и холодное оружие запрещены в обороте, использовании, хранении и ношении. Когда-то его можно было коллекционировать, но после неприятного инцидента из прошлого Палата Безопасности приняла закон о срочном изъятии и утилизации упомянутого. Ни у кого и в мыслях не было оставлять запрещённые предметы и нарушать общественную безопасность. Разумеется. Это бы назвали преступлением против своего народа, изменой Новому Миру; и в миг отправили на Суд, потому что нельзя сомневаться в действиях и решениях Комитета Управляющих. Мы сами создаём свою реальность и понимаем, что может негативно отразиться на идеально-вымеренном, хоть и искусственно-созданном обществе. Откуда в руках у сумасшедшей пистолет — спорный вопрос. Мы — предельно цивилизованное и развитое общество, мы не используем физическую силу — словно дикие звери или остроговцы — в качестве расправы. Даже Патруль Безопасности (о нём как-нибудь позже) не применяет захват или угрозу при задержании; мы разумны и потому слушаемся слов. Однажды я стала свидетельницей задержания: прямо на Золотом

Кольце. Серая форма — не выбивающаяся из реалии Нового Мира — патрульных приблизилась к человеку, что-то шепнула на ухо, и они вместе уехали, сев в патрульную машину серого цвета.

А эта дикарка...вновь смотрю на экран: бежит по коридору с оружием в руках и что-то кричит. Помехи перебивают. Видео начинается вновь, запись идёт по кругу. Бред...и для чего он отцу? Бью по сенсору — картинка пропадает. В моём сознании преобладает мысль о совершенстве Нового Мира. Новый Мир не даст слабину из-за мелких уродливых заусениц; они добавляют дискомфорт, да, но от них легко избавиться. Нарушителей следует наказывать. Всегда. И с максимальной силой. В максимальной степени обрушать на них гнев богов, которых они смели раздосадовать. Совершенство — это стабильность. Новый Мир совершенен и стабилен.

— Что ты здесь сделаешь, Карамель? — спрашивает голос со спины.

Оборачиваюсь. В кабинет заходит отец: плавно двигается к своему рабочему месту и занимает кресло. Зачем он вернулся? Сегодня полный рабочий день в офисе.

— Ты забыл выключить экран, — отвечаю я.

Отец перебивает:

— Вновь стащила книгу?

Нападает первым. Решаю напасть в ответ:

— И я видела, что ты смотрел. Для чего? Кто эта дикарка с оружием в руках и почему интересна тебе?

А ведь день так хорошо начинался...так хороша была учёба в Академии и обед с Ромео.

— Старая история, дочка, не обращай внимания, — говорит отец уже спокойно; мой пыл притупил его. — Может, вообще случайно включилось и мы говорим о разных видео, о разных репортажах?

Я настаиваю:

— За дурочку меня не держи. Кто она?

Отец молчит.

— Скажи сам или я узнаю у матери. Тебе известно: не люблю просить ответы у неё, но, кажется, придётся.

Тут же сдаётся:

— Матери ни слова, поняла? Ни при каких обстоятельствах — ни слова, ни намёка.

— Тогда скажи, кто эта психопатка.

— Любопытство, Карамель, есть плохая черта...

— И ты проявил его, заинтересовавшись тем видео, равно мне сейчас при твоём допросе. Один-один. Я смолчу, жалобу не подам.

Вздыхает.

— Просто богатенькая дочурка некогда влиятельного и успешного человека в Новом Мире. Она оказалась в психиатрическом отделении Картеля, где устроила бойню. Откуда она взяла оружие — осталось невыясненной деталью расследования. Это всё, что мне известно.

— Врёшь. Не всё.

— Её зовут Сара, но ты никогда и никому не скажешь этого. Просто запомни, что не все тайны следует предавать обнажению.

— Тебе она зачем?

— Не понимаю, Карамель.

— Понимаешь. В Новом Мире — говорит официальная статистика — не так много изгнанных: заключённых в Картель или отправленных в Острог. Чем тебя заинтересовала эта безумная?

— Я отвечу на последний задаваемый тобой вопрос. Хорошенько подумай, о чём в действительности хочешь спросить.

Десятки вопросов липнут к языку в один миг. Почему её направили не в низовья Нового Мира, а в Картель? Это была реабилитация? Для чего, если дефектный гражданин, признаваемый таковым, не может (и не имеет права; все права обнуляются) вернуться к жизни на поверхности? Наказание смягчили из-за влиятельной фамилии? Вот только отец фамилию не назвал, стоит ли уточнить её? Задавай умный вопрос, Карамель. Ты можешь выведать причину, по которой эта безумная заинтересовала Голдман. А можешь капнуть глубже. Где находится девушка сейчас? Приходится ли знакомой отцу? По какой причине устроила бойню? Что с ней случилось после? Рискни, Карамель. Подумай. И подумай над формулировкой сказанного отцом, присмотришься.

— Кто дал ей пистолет?

— Очень смешно, Карамель.

Зачем иначе он сказал: «откуда она взяла оружие — осталось невыясненной деталью расследования»? Отец — стратег. Отец умён. И отец любит подсказывать; речи его кратки, но хлётки. Однажды он сказал: «будешь предан человеку — будешь предан». Умно? Умно.

— Это не ответ с твоей стороны, а комментарий, — говорю я. — Теперь будь добр... ответ. Кто дал ей пистолет?

— Я.

Что?

Как просто.

Отец учил задавать правильные вопросы — анализировать, что именно приведёт к желаемым к обретению знаниям и каким образом отсеять второстепенно идущие, ибо с ответом на главный обнажатся иные. Отец учил этому, наставлял. Научил на свою голову.

Вопрос, знакомы ли они, сразу отсекается. Очевидно. Кем приходится незнакомка? Кем-то очень близким, потому что достать и передать оружие — высочайшее правонарушение, за которое уже можно отправиться под Суд; значит, отец — как человек умный, а он чертовски умён и прагматичен — взвесил все риски и шёл на преступление осмысленно. Поверить не могу...он так идеален. Был идеален? Отец — уважаемый член общества, образцовый гражданин, показательный деятель. И — вдруг! — подобная грязь. Это неправильно...нет, неправильно.

Хочу убежать. Не знаю отчего, но к горлу движется ком горечи, а на глазах проступают слёзы.

— Что такое, детка? — спрашивает отец. По-доброму, правда. — Обида от крушения идеалов?

— Не говори так, я тебе не верю! — выкрикиваю в ответ и оставляю кабинет позади. — Ты выдумал эту историю, эту глупую ложь! Сиди с ней сам, я тебе не верю!

Набрасывая пальто, выбегаю из дома. Маска не застёгнута — приходится держать её; водитель ждёт на парковочном месте.

— Золотое Кольцо, — бросаю я и поспешно застёгиваю маску.

— Да, мисс Голдман, мне известно, — говорит юноша. — Традиционная встреча с вашей подругой после учёбы.

— Не комментируй, держи руль.

— Вы немного грустны.

Янтарные глаза смотрят на меня через зеркало.

— А вы говорливы, но я же не тычу этой информацией вам в лицо, правда?

Какой странный тип. Сегодня же — едва остыв от беседы с отцом — спрошу у него про этого водителя. Неужели никого приличней на замену не нашлось? Кто вообще определял замену? Какой рейтинг у этого болтуна?

Ощущаю вмиг навалившуюся усталость. Придавливает плечи — приходится стараться, чтобы не сутулиться. Мгновение спустя оказываюсь в собственном отделе. Среда хороша — по всему залу рассыпаны девы.

А я смотрю на крутящуюся перед зеркалом Ирис и рассуждаю, что будни ничем не отличаются друг от друга, а потому я не понимаю причину извечной усталости. Учёба, работа, магазины — разве мы обременены? Всё своё время житель поверхности тратит на то, чтобы доказать окружающим и самому себе, что достоин жизни на поверхности. У нас нет кумиров и идеалов, мы сами для себя кумиры и идеалы. Мы Боги.

— Я сяду с вами? — разносится мужской — приятный, бархатный — голос со стороны. Такой убаюкивающий, мне нравится.

Оборачиваюсь и — приходится задрать голову, так он высок — убеждаюсь, что обладающий им не приятен и не бархатен. Высоко забранный хвост пускает волосы до поясницы, они скручены подобием кос; на лице привычная гражданам Нового Мира серая защитная маска, сквозь которую прорисовывается длинный орлиный нос; глаза карие, глубокие, обрамлены тяжёлыми бровями.

— Садитесь, — замороженно отвечаю я и двигаюсь, подбирая пакеты подруги.

— Благодарю.

Мужчина приземляется подле. Какой...большой. Шкаф. Не он ли нагрубил мне днём ранее, едва не столкнувшись на улице? Вина — правда — была за мной, но всё же... Пытаюсь не пялиться и потому отворачиваюсь, проявляю фиктивный интерес к подруге. Соседнюю примерочную покидает находящаяся там девушка — тоже высокая.

— Люци, — кивает она. — Ты пришёл, удивительно.

— У меня был выбор? — спокойно отвечает мужчина. — Покрутись, хорошее платье.

Исполняет.

Должно быть, пара. Или супруги.

Хорошее платье, я отметила. Добавлю к заказу на производстве.

Девушка отворачивается к зеркалу и поправляет обтягивающую широкие бёдра ткань. Наблюдаю за ней. Красивая. И нос такой же — орлиный. Глаза такие же — карие. Это брат и сестра. Неужели братья и сёстры бывают дружны?

Ты же знаешь, Карамель, что бывают.

— Лилу, скорбь моя, можешь выбирать скорей? — язвит мужчина и стучит по наручным часам. — Ты вызвала меня из офиса.

Офиса? Значит, заседает в Здании Комитета Управляющих. Интересно, из какой он Палаты?

Стоп, почему интересно? Карамель, прекрати. Разглядываешь незнакомцев, будто до них есть дело, строишь гипотезы, предполагаешь, кто они друг другу и кем работают...для чего? Не больна ли ты, Карамель?

— Эй, модница.

В этот раз обращение приходит к Ирис. Она примеряет схожее платье; оборачивается, смотрит. И, едва не потеряв сознание, с придыханием выдаёт:

— Это же вы...

— Мы, — перебивает девушка. — Модница, куда пойдёшь в таком наряде?

Ирис теряется. Впервой наблюдаю рассеянную реакцию подруги. Ирис остра и быстра, Ирис тороплива и болтлива, Ирис ядовита. Так отчего глотает воздух ртом и молчит?

— Давай перефразирую, модница, — подытоживает незнакомка. — Куда бы ты надела его? В офис, на свидание или интервью для целого мира?

Я косо поглядываю на мужчину рядом со мной. Он косо поглядывает на меня. Кажется, выходки его сестры привычны... Однако сам он истончает энергию хаоса, что-то холодное и воинственное.

— На свидание, — выпаливает Ирис.

Смешная. Никогда на свиданиях не была (или была, но умолчала?), а платья соответствующие подобрать может.

— Ясно, — кивает незнакомка. — Значит, для интервью слишком вульгарно.

— Оно же закрыто, Лилу, — вздохнув, отвечает мужчина. — Снизу вверх, сбоку на бок, по всем углам и параметрам, оно закрыто, тут не к чему придраться.

— Модница вынесла свой вердикт. Вульгарно.

— Модница не была на свиданиях, чтобы судить, — встречаю я.

— Была, — скалится подруга.

— Вот тебе новости, не забудь рассказать детали. Твой отец в курсе?

— Вы что, — и девушка в платье бросает взгляд на меня, — несовершеннолетние?

— Подожди, достану учебник с гербом Академии, — отвечаю я.

Мужчина смеётся.

— Остроумно, — хмыкает девушка. И смотрит на брата: — Жди ещё, Люци. Это платье слишком обтягивающее, будь оно неладно, едва дышать могу. Кто его таким вообразил?

— Я.

Вновь встречаю в беседу.

— Прости? — «Лилу», смотря на меня через отражение, щурится.

— Это мой отдел.

— То-то от него разит малолетками и все вещи как с детской куклы. Мы идём в другое место, Люци!

Девушка теряется в примерочной.

— Талантливо вспугнуть клиента надо уметь, — забавляется мужчина.

— Спасибо, на этом список моих талантов касательно магазина одежды не оканчивается, — отвечаю я.

— Как вас зовут?

— Карамель Голдман.

— Голдман, — эхом подхватывает «Люци». — Рад был увидеться вживую, Голдман. Наши семьи слышаны друг о друге.

— Кто вы?

Я никогда не спрашиваю имени в ответ. Почему же сейчас поступаю иначе?

— Люцифер Левиафан. За шторкой гневно снимает платье моя сестра — Лилит Левиафан.

Левиафаны...да, фамилия знакома мне. Понятно, отчего Ирис обомлела. Она

молниеносно узнала их, потому что сплетник (то есть Вестник) читать ей нравилось — уверена, эти особы там каждый день. Левиафан придерживаются старых порядков и классических взглядов на мироустройство, но они очень влиятельны и богаты. Влиятельней и богаче Goldman? Ни за что! Мы — лучше и главней всех! Мы! Goldman! По крайней мере, так говорит отец.

Левиафаны пропадают, остаёмся с подругой наедине.

— Так что за свидание, Ирис? — спрашиваю я.

— Любопытство порочно, — отталкивает она и тоже пропадает в примерочной.

— Равно твоему признанию под глазом камеры в отношениях, о которых неизвестно твоей семье, — говорю я. — Осторожней со словами, Ирис. Меня не надо учить, где пишут жалобы.

Подруга наотмашь отвечает, что лишь желала не терять лица перед обожаемыми Новым Миром близнецами.

— Тщеславие порочно, — подхватываю я. — Ладно, бери платье и поехали, скоро стемнеет.

Подруга торопится. И вот, шурша пакетами, двигается по Золотому Кольцу. Иду чуть за ней, наблюдаю за змеиным силуэтом.

— Ты пешком или за тобой заедут? — спрашиваю я у отдаляющейся спины.

— Заедут, да, — не глядя в глаза отвечает Ирис.

Удивительно.

— Отец нашёл на тебя время?

— Его друг заберёт меня.

Опять?

— Славно.

Мы прощаемся. Ближе к лестнице, ведущей на нижний этаж, на парковочном месте ожидает мой водитель. Надеюсь, он исчерпал лимит болтливости и хотя бы сегодня помолчит.

— Мисс Goldman, доброго вечера, — здоровается юноша за рулём и открывает дверь — та плавно скользит в сторону.

Равно двери скольжу на диван и складываю в ноги несколько пакетов. Сегодня я решила одеть не только подругу, но и добавить что-то для настроения себе... Толку-то? Удовольствие от приобретения равно нескольким секундам. И ещё несколько секунд, когда в первые дни будешь с трепетом брать в руки ещё недавно желаемое.

— Шопинг выдался на славу, — кивает водитель.

— Открой дверь, — велю я, едва мы поднимаемся в воздух.

— Простите, мисс Goldman?

Водитель тут же меняется в лице.

Признаюсь:

— Такой ты душный, слов нет. Просто быть в одном авто невозможно — вся эта болтовня, все эти пустые слова, они съедают кислород — мне ничего остаётся. Ясно?

— Простите, мисс Goldman, я буду молчать.

Юноша говорит то, что я желаю услышать, однако в его взгляде раскаяния или испуга (должного окатить) нет. Янтарные глаза смотрят на меня — пристально — через зеркало дальнего вида. Изучают. Контролируют. Неприятное чувство...

— Улица Goldman, — объявляет в конце пути водитель и приземляется на парковочное

место у дома. Смотрю на перчатки юноши. Он всё время в перчатках...

— Благодарю.

Поднимаю пакеты и поспешно выбираюсь, ловлю нетерпеливый и тягучий взгляд, вползаю в смолу и не удерживаюсь от остроты:

— Хотите сказать что-то ещё или подумаете?

— Кто вы, когда на вас никто не смотрит? — отвечает юноша и, улыбнувшись, закрывает дверь: машина поднимается в воздух.

Это уже ни в какие рамки...

Отец по обыкновению сидит в своём кабинете. Работа не отпускает даже вечером. Шелестит бумагами и смотрит в выведенное над столом изображение, быстро отвечает по сенсору и общается с кем-то через наушник. Не терплю этот наушник, никогда его не ношу. Как помню, всё моё взросление отец проходил в наушнике и большую часть времени разговаривал по работе, а не со мной. Не носить наушник — что-то вроде моего бунта. Мини-бунт, в силу своих лет, в силу личной дозволенности, безопасное несогласие. Да и не считаю необходимым носить этот наушник — созваниваться мне не с кем, утром я еду в Академию, после Академии — на Золотое Кольцо, следом — домой. И каждый денёк одинаков, по часам тоже всё совпадает. К чему мне быть на связи, если каждое моё действие известно наперёд? Даже мой водитель пребывает в одно и то же время и всегда может сообщить о моём передвижении. Кстати, о водителе...

— Как зовут моего нового водителя? — спрашиваю я.

Да, не совладав с любопытством. Просто янтарные глаза не дают покоя.

— Прости, нового кого? — восторгается отец и отключает парящую над столом картинку.

— Нового водителя, — повторяю я. — Уже второй день с ним езжу, а имени так и не спросила.

— Больше не ездь с ним, Карамель, — не без волнения в голосе отталкивает отец.

— Что значит не ездить с ним? А с кем? Ты же сам поставил его на замену...

Отец перебивает:

— Я никого не нанимал, Карамель. Тебя должен возить твой водитель, что и всегда, на машине, что и всегда.

— Машина та же...

Теперь беспокоиться начинаю я.

— Уверена?

— Абсолютно. Номер не изменился, только водитель. Он сказал, ты его нанял...

Отец покидает рабочее место (он не часто это делает), подходит ко мне (тоже) и берёт за плечи (что происходит?). Слегка потряхивая, велит, чтобы я забыла о незнакомце и не смела более ездить с ним. Эй, для чего вся эта грубость?

— Кто он? — пугаюсь я.

— Ты видела его раньше?

— Нет.

— Не садись к нему в авто, поняла? Я сейчас же узнаю, куда делся водитель, которого я нанимал лично.

— Что мне делать завтра?

— Ты разговаривала с этим человеком?

Отец вновь потряхивает за плечи. Пальцы у него острые, колючие; впиваются, сжимают.

Да для чего это всё?! Спрашивает:

— О чём вы разговаривали?

Спешит изменить формулировку:

— Вы о чём-нибудь говорили?

— Нет, — отвечаю спешно. — Я не терплю болтовни с обслуживающим персоналом, ты знаешь. Мы молчали каждую поездку.

Отец велит успокоиться (велел бы самому себе) и заверяет, что наберёт компанию, предоставляющую водителей, а завтра перед Академией проводит меня к посадочному месту.

События четвертого дня

Я просыпаюсь в приподнятом настроении. Ни головной боли, ни снов, ни усталости. Всё встаёт на свои места; череда событий отныне будет сменять череду событий после, циферблат не собьётся, стрелки часов не дрогнут, календарный лист не упадёт раньше времени. Обыкновенное переутомление едва не свалило меня с ног и ума, но я во много раз сильнее болезни, паразита и другого недуга. Я — Человек с поверхности!

Вдруг — и как я могла проснуться без этих мыслей? — вспоминаю, что сегодня отец собирается проводить меня до посадочного места и посмотреть в глаза водителю, прикинувшемуся работающим на Голдман. Кто на самом деле янтарные глаза? Интересно, он болен?

Нет, неинтересно, Карамель.

Это решаемая проблема, не думай о ней. Вставай, принимай полагаемые лекарства, завтракай, одевайся, иди. Так и поступаю. Миринда подаёт запечённую в духовке гранолу. Выхожу на улицу вместе с отцом. Обычно он вылетает на работу раньше — равно матери — но сегодня ждал меня. Стоим у посадочного места — среди движущихся машин (а их ничтожно мало) появляется мой автомобиль: медленно спускается, паркуется. Шёпотом спрашиваю у отца, дозвонился ли он вчера до компании.

— Разумеется, — сухо отвечает отец. — Чтобы некто посмел не ответить на вызов Голдман?

— И что сказала в своё оправдание компания?

— Что никаких замен не производила. Водитель тот же.

Водитель тот же.

В самом деле.

Что возил меня до появления янтарных глаз.

Нет-нет-нет. Так не может быть. Не может!

Нет.

— Отец! — только и восклицаю я.

— В следующий раз, Карамель, — обрывает он, — если пожелаешь обратить родительское внимание — сделай это менее изобретательным способом, выдумай историю легче, не волнуй меня. И без того с этими никчёмными остроговцами приходится бодаться в одиночку, а ты добавляешь головной боли...

— Отец!

— Молчи, Карамель.

Водитель опускает окно и, не снимая маски на лице, спрашивает, всё ли в порядке. Ну да, обыкновенно меня никто не провожает... Отец отвечает: «всё хорошо, безусловно» и велит мне отправляться в Академию.

— Не хочу, — еле слышно премираюсь я.

— Садись в авто.

— Нет.

— Садись.

— Я не врала тебе.

— Немедленно, Карамель.

— И я не сумасшедшая.

Отец ловко хватает меня за плечи и разворачивает к себе, присаживается, чтобы поравнять взгляды, и шепчет:

— Я знаю, Карамель, но ты можешь не волноваться, как не волнуюсь я. Ваши поездки записываются — ничего не произойдёт. Мой звонок их припугнул, понимаешь? А ты не можешь прогулять Академию, подумай об имидже Голдман.

После сказанного послушно забираюсь в машину. Водитель поднимает транспортное средство в воздух и через зеркало дальнего вида смотрит на меня. Смотрю в ответ. Молчим.

— Доброго дня, мисс Голдман, — говорит мужчина.

Издевается?

Его не было предыдущие дни, что за глупости?! Ведь я не сошла с ума, на его месте точно сидел другой человек!

Сидел ли?

Не сошла?

Спрашиваю:

— Я ничего не оставляла вчера в салоне?

— Нет, мисс Голдман, — отвечает водитель. — Я всегда проверяю диваны после поездки. А что-то пропало?

— Перчатки.

— На вас вчера не было перчаток после Золотого Кольца, мисс Голдман. Уверены, что не забыли их в каком-нибудь отделе?

Да чтоб тебя...

Перчаток не было вовсе, истина. Но откуда ему известно, его же не было в этом проклятом авто! Или янтарных глаз никогда не было? Я вообразила их? Как? Зачем? Что всё это значит?

— Хорошо себя чувствуете, мисс Голдман? — спрашивает водитель. — Вы побледнели.

— Лучше всех, спасибо за вопрос.

— Уверены?

С какой-то издёвкой...

— Иначе быть не может, я же Голдман.

Оставшуюся часть пути проводим в безмолвии. Как и любую другую поездку. Как всегда и происходило.

Ничего не понимаю.

Ирис встречается в холле; оценочным взглядом пробегается по мне, но ничего не говорит. Ромео стоит у лифтов. Подруга ускоряется, дабы подняться к кабинетам первой, а мы в этот момент приветствуем друг друга наедине.

Сначала я по-доброму смотрю на Ромео — он даёт возможность отвлечься; его всегда спокойный и утешающий взгляд пробуждает во мне уверенность в нашей паре и в здоровье лиц по отдельности, ибо союз не может быть образован меж девиантными. Я смотрю на него: приближается и — вдруг — пытается взять за руку. Отстраняюсь и сию секунду хмурюсь. А с тобой что, Дьюсбери? Все вокруг сошли с ума или только я? За счёт чьего безумия нормальность лежит контрастом?

— Ну же, — тянет Ромео со второй попыткой прикоснуться, — сладкая девочка.

— Ну же? — сомнительно повторяю я. — Ну же? Я тебе чем-то обязана?

Мой вопрос ставит его в тупик. Юноша мешкает и подбирает слова, говорит:

— Разумеется, нет, Карамель.

— Тогда идём, учёба не ждёт.

Мы заходим в лифт вдвоём; неподалёку проплывает вертлявая блондинистая голова и следом рыжая, но они не заходят с нами. Ромео нажимает требуемый этаж и молчит. Молчит с пару секунд, после чего — двери закрылись — глубоко вздыхает, поворачивается ко мне лицом и, взяв за плечи, напирает. Прижимает к стене.

— Твою мать, Ромео! — восклицаю я, отбиваясь. — Что за хрень?

Не терплю, когда в моё личное пространство вторгаются. Не терплю, когда меня пытаются коснуться. Не терплю, когда касаются...какого чёрта, Ромео?

— Ты спятил? — выплёвываю я, на что юноша вновь пытается приблизиться — взбирается по плечам; скидываю чужие пальцы. — Ещё движение, и я вызову патруль в этот грёбаный лифт!

— В чём твоя проблема, Карамель?

Ромео даёт осечку. И замирает. Недостаточно далеко, но уже и не близко (не так, как было секундой ранее).

— Моя проблема? — подхватываю. — Ты вообще в своём уме, что ты делаешь и по отношению к кому?

— Я хотел поцеловать тебя, сюрприз. Ты моя девушка.

Не думала, что можно так мерзко соединить эти два предложения.

Он совсем больной?

— Нет, я повторю: ты вообще в своём уме, что ты делаешь и по отношению к кому?

Перебивает:

— Ты не хочешь поцеловать меня?

Что за вопросы?

— Нет! — выпаливаю я. — То есть...не сейчас. Да, но нет.

— Тупей ответа, идеальная девочка, быть не может.

— Сам ты тупой: радуйся, что глаз у камеры выколот и она не подглядывает.

— Тебя останавливает только это?

— Только это останавливает — то есть останавливало до сего момента — тебя. Меня останавливать не надо — я знаю, как правильно.

— И как же?

— То, что было сейчас, Ромео, неправильно.

— Кто сказал?

— Тебе известно: Свод правил.

— А сказал-то кто?

Пока мы не доехали до кабинетов, ударяю по сенсорным кнопкам — лифт замирает. Он всегда это делает. Я поступаю осмысленно.

— Ты хочешь поговорить об этом? — спрашиваю я. — Обсудить наши отношения? Нормированность отношений вообще? Допустимое и недопустимое? Сейчас? Серьёзно?

— Ты нажала на кнопку — ты хочешь поговорить, — дразнит Ромео.

Стукнуть бы его за это...

— Не хочу, но вижу необходимость. Мы что, я не понимаю, двинувшиеся умом возлюбленные? Что за демонстрация? Или супруги, и ты желаешь подкрепить данный факт? Для чего, Ромео? Что значит: «я хотел тебя поцеловать», ты в своём уме?

— Ты моя девушка...

— Что-то более основательное будет?

— Ты... — Ромео разве что воздухом не давится (согласна, это было слишком...я словно бы принизила значимость наших отношений), — ты...да как ты смеешь? Ты моя пара.

— Пара не есть супружество, а демонстрация, сколько можно об этом говорить, против правил, это нарушает нормы приличия и социальный закон; таким образом мы пренебрегаем Актом правил в союзе двоих.

— Ты серьёзно его читала?

— В каком смысле «серьёзно»? Мы подписывали. Вместе. Ты подписывал соглашение и не читал? Кто так делает?

— А кто так не делает?

Молчу. Думаю.

— Ты — моя девушка, Карамель, — говорит в этот момент юноша. — Ты моя.

— Я сама своя, балбес, откуда ты такой грязи понабрался?

— Вот если бы поцеловал тебя — не была бы такой злой.

— Чего?

Ромео в конец взрывается:

— Ты такая...ты такая холодная! — выплёвывает он. — Карамель Голдман есть булыжник без эмоций, все об этом говорят, но иногда она смотрит, словно линчует, и этот взгляд — лучший вид во всём Новом Мире.

Говорю:

— Ты совсем умом тронулся, Ромео. Я вообще ничего не поняла.

— Получается. Потому что мне нравится, когда ты смотришь на меня так, словно я куда больше, чем подпись в документе, больше, чем установленный законом Акт, больше, чем официальное наименование.

Закатываю глаза и после того вздыхаю. Отторгаю равнодушное:

— Мне противна...

— Любовь? — перебивает юноша, однако я это слово повторить не решаюсь. Вообще хотела сказать — в очередной раз — про демонстрацию отношений, но это его слово ещё противней.

Оно не задевает, нет. Нисколько. Просто оно омерзительно. Да что из себя представляет любовь? Сгусток гормонов, бьющих по органам и карману? Самообладание — вот, что должно быть присуще настоящему человеку: истинному жителю Нового Мира. Что касается любви...сколько проблем следует и следовало от неё? Люди былых лет губили себя во имя любви. Устраивали войны. Для чего? Глупцы! Я бы хотела лицезреть это посмешище со стороны, чтобы вдоволь поглумиться. Хлеба и зрелищ, хлеба и зрелищ!

— Если скажу, что люблю тебя, — бросает Ромео и тем самым заставляет моё сердце дрогнуть; физические недуги не были мне знакомы, но слова юноши влетели осколком в грудь и через артерии побежали импульсами в мозг, — что ты ответишь?

— Если скажешь, что любишь меня, — еле слышно проговариваю я, дабы никто — и даже стены — не смел застать нас за беседой, преисполненной вульгарности и неприличия, — я упрячу тебя в Картель, в отделение для психопатов. Это расстройство, Ромео.

Он отводит взгляд. Ненадолго.

Ромео-Ромео...Как ты мог разочаровать меня? Как ты смел пойти против системы и ради какой цели?

— Ты не принимаешь лекарства? — предполагаю я.

И делаю это не из-за беспокойства о его физическом или психическом состоянии.

— Принимаю, — спокойно отвечает юноша. — Как и ты. Каждый день.

Обыкновенно тем, кто испытывает некий дискомфорт или беспокойство после приёма обязательных лекарств (в редких случаях — чьё поведение девиантно и выходит из-под нормы или чьи неразумные/необдуманые/резкие/бессмысленные действия и речи обосновываются эмоциональным состоянием), прописывают дополнительный осмотр и более сильнодействующие препараты. Осмотр подразумевал обязательный курс психотерапии, которая убедит: чувства — любые (злость, симпатия, радость, уныние) — это уязвимость, а Боги не могут быть уязвимы. Если ты уязвим — значит, не Бог, и делать на «землях» Нового Мира нечего. Прочь! Вот и оно: люди — даже ковыряющие собственное нутро — никогда не оставят выстраданные высоты и не оставят выработанные профессии и работы, не обратятся за помощью к специалистам и врачам, они избавятся от болезни — при необходимости — сами: вырвут её с корнем, удалят и прижгут полое пространство, а вытасненный из тела и сознания зародыш недуга сбросят с одной из крыш; болезнь уйдёт прочь, у неё не останется шансов. Мы чисты. Мы сильны. Мы — люди Нового Мира. Мы — люди с поверхности. Наше государство уже позаботилось о нас, вручив всё самое передовое и важное. Те же медикаменты, которые поставляются благодаря Палате Безопасности из Зала Контроля и которые каждый уважающий себя (и заботящийся о будущем на поверхности) гражданин принимает в положенное время каждого дня...

Я убеждена, что люди должны жить спокойно (рационально, верно), не тревожить друг друга и не отвлекаться на не имеющее значимость в прогрессивном будущем. Например, на чувства. Я не испытываю к Ромео никаких дикарских чувств, ибо регулярно принимаю лекарства и полагаюсь только на собственные убеждения, выстроенные Сводом правил и умами Нового Мира.

— Ты принимаешь все лекарства? — уточняю я.

— Все, — отвечает юноша.

Синяя таблетка для сна (сильнодействующее успокоительное). Красная для ума (активизации нейронов). Белая таблетка от зараз и бактерий (очищающая, сродни антибиотику на постоянном курсе). Зелёная для здоровья (комплекс основных витаминов). Жёлтая таблетка... для чего она? Почему я не могу вспомнить? Что за провал в памяти? Или их четыре? Я волнуюсь. Ромео разволновал. Сколько таблеток ем я? Все ли? А он?

— Все четыре, Карамель.

Их же пять.

— Их же пять, — повторяю синхронно с настигшей мыслью. Вот дерьмо. Отец же велел сначала думать, а потом говорить, сначала обтёсывать мысль в голове, а потом являть её миру в готовой форме.

— Четыре, Карамель, — утверждает Ромео. И смотрит напугано. Впервой так напугано. Голдман не заслуживают подобного взгляда. Мы вселяем страх, а не требуем сострадания. — Ты... — он неловко отступает назад, образовывая меж нами рытвину — то допустимое (разрешённое в паре) расстояние, о котором я грезил. Но сейчас оно обижает: словно я больна, и от меня следует отодвинуться. — Ты уверена, что принимаешь пять таблеток?

Тогда я сомневаюсь.

Нет, не сомневаюсь. Я помню. Блистеры скрипят: пять раз за утро. Пять раз отходит защитная плёнка от упаковки, пять глотков воды я совершаю друг за другом. Пять

разноцветных капсул.

Может, девушки принимают больше медикаментов? Нет, не в моём случае. Со вторым этапом партнёрства, разумеется, и началом интимных отношений назначаются противозачаточные, которые строго контролируются и снимаются при согласовании с Залом Семьи на третьем этапе союза, когда оба родителя проходят обучение и готовы стать родителями.

Вспоминай.

У матери есть чёрные таблетки, она говорит о них так: «меньше любопытствуй, Кара, из-за твоего поведения матери назначали кардио-стимуляторы».

Вспоминай.

Отец принимает только те таблетки, которые обязательны по закону.

Вспоминай.

Сестра...тоже.

Но сколько капсул? Какого они цвета? Никогда не обращала внимание...почему?

— Карамель, — зовёт голос Ромео. Зовёт, судя по его выражению лица, не первый раз. — Карамель, ты слышишь меня?

— Задумалась.

Юноша отстраняется ещё больше.

— Я могу помочь тебе?

Голдман не нуждаются в помощи и в подачках тоже. И как он представляет это? Зайдёт в аудиторию и спросит у учащихся с курса, с которыми, по сути, не общается, сколько таблеток из обязательного перечня они съедают за сутки? Сразу пойдут разговоры. Это опасно. Это глупо. Это неправильно. Это девиантно.

— Карамель, — вновь зовёт Ромео.

— Нет, не можешь, — швыряю наперерез. — Ты предлагаешь помощь самим Голдман, а это оскорбительно! Голдман не нуждаются в помощи, мы сами подаём руки нуждающимся.

— Я не это имел в...

— Молчи! — решаю напасть. Сбежать от темы и запутаться в паутине непонимания и собственных размышлений ещё больше. — Как я могу доверять тебе, Ромео? Откуда в твоих мыслях столь дефектного, а в действиях столь распутного, если ты, как говоришь, принимаешь все обязательные лекарства? Мне задать этот вопрос врачу Академии? Спросить о тебе?

— Спроси-спроси, — ехидно рычит юноша, — врач скажет и проверит, что я исправно принимаю лекарства, а вот тебя отправят на обследование из-за паранойи.

— Что ты сказал?

Возмущаюсь и сердито смотрю на Ромео. Как он смел..? А говорит серьёзно или просто дразнит?

— Думаешь, одна ты можешь кидаться законом? — добавляет юноша. Значит, дразнит. — Так ты поцелуешь меня?

Вот пристал! И как же меня воротит.

— С чего я вообще должна это делать?

Следует сказать родителям о том, что я разрываю нашу пару. Партнёрство не задалось. Увы, придётся объяснять причину. Я имею на это право. И имею право сделать это прямо сейчас. Вскоре Ромео отправят на лечение и до новых отношений не допустят какое-то время, обозначенное врачом (хотя никто после случившегося инцидента не захочет

связывать себя с ним). Я перекрою Ромео воздух на поверхности, но я буду уверена, что никакой дикарский или поднявшийся из Острога вирус-червяк не пробрался в его голову, не пробрался в мозг и не выжал человеческо-божественную истину. Я буду уверена, что никакой вирус-червяк не перебросился на меня.

Не желаю отвечать Ромео. Не желаю думать о сказанном им. А сам он давно помышляет подобным? Давно вынашивает эти мысли? Что подтолкнуло озвучить их? Это было спонтанно или подготовлено (если второе — Ромео совершенно потерял; вирус-червяк добрался)? Какую реакцию ожидал от меня? От Голдман? От Карамель, мать его, Голдман?! На что он надеялся?

— Я надеялся поговорить с тобой, как со своей девушкой, Карамель, — бросает — словно читает мысли — Ромео. — Потому что это важно: разговаривать. Мы не просто дополнение друг к другу.

— Твои разговоры вели к моим губам, что-то не сходится, Дьюсберри!

Сама не верю, что произношу это вслух. Стыжусь мыслей и пытаюсь пристыдить себя за ощущение стыда. Какие странные чувства последовали за словами... Наверное, я должна была прекратить беседу на корню, а не продолжать диалог. Ромео — не моя пара, нет. Он потерял. Он чужд. Он подобен остроговцам или людям былых времён: необузданное пламя в груди сожжёт его изнутри, как жгло миллионы исковерканных и изуродованных душ раньше. Потому люди решили отказаться от чувств. Потому люди Нового Мира избавились от души и упоминаний о них, чтобы обезопасить себя, чтобы спастись, чтобы искоренить последнюю свою уязвимость.

— Я хотел узнать, какая ты, — спокойно утверждает Ромео.

— Зачем? Что изменится? Если тебя не преследуют большие чувства... для чего?

— Однажды ты станешь моей женой: с твоего согласия и согласия твоих родителей, я добьюсь. Что изменится тогда? Тогда я смогу тебя касаться и не получать укоризненный взгляд в ответ? Вот этот вот! Смогу? Почему же?

Вздор!

— Ромео! Вытрави из себя всю эту гниль, убей предпосылки безумца и тогда я подумаю, буду ли твоей женой вообще.

— Ты вновь убегаешь от темы, потому что я прав.

— Потому что ты, очевидно, болен! Хочешь знать, что изменится, Дьюсберри? Ты вырастишь умом, вот что изменится. И совершать эти действия будешь с иным подтекстом. И вообще, вступив в брак, мы попросту станем такой же частью системы, что десятки и сотни других пар. Мы — вместе — займём ожидающееся нас место в огромном механизме, именуемом Новым Миром. Мы — вместе — образуем крепкую связь в этой системе. И только. Брак — это всегда про выгоду.

— Мне важно быть важным для тебя, понимаешь?

— Почему ты отвлекаешься на эти мелочи жизни? — спрашиваю я. — Для чего заискиваешь симпатию, если я уже твоя пара? Мы будем вместе, если будем поддерживать рациональный и перспективный союз. Отношения должны давать не эмоции и чувства, а стабильность и перспективу. Разве нет?

— Так говорит Свод правил, — подхватывает Ромео, но во взгляде его несогласие.

— Так говорит Свод правил, — отражаю я. — Верно. Теперь скажи, что ты поддерживаешь его.

Юноша поднимает расстроенный взгляд и открывает рот, как вдруг пол под ногами

начинает вибрировать. Чёрт... Чёрт!!!

Увлёкшись беседой, мы позабыли что сами себя заперли в лифте. Что же подумают те, кто вызвал его на другой этаж, и вот-вот обнаружат двух разнополых учащихся? Я говорила Ромео, что не желаю скандалов...особенно, когда моё лицо и имя стали высвечиваться на экране Здания Комитета Управляющих.

Лифт останавливается и медленно открывает двери. На нас взирает — лучше бы это была группа учеников — преподаватель из Палаты Социума, она ведёт дисциплины психологии и социологии, мы виделись вчера. Удивлённая женщина впирает глаза поочерёдно. Кажется, нужно что-то сказать...

— Вы нас спасли! — восклицает Ромео. — Мы застряли, а диспетчер не отвечал.

Преподавательница выражает допустимое по эмоциям волнение об учащихся, которые оказались спёрты четырьмя холодными стенами. И добавляет, что обязательно пожалуется обслуживающей компании на недопустимость того. Лучшие ученики Академии едва не опоздали на уроки из-за халатного отношения южных рабочих к своевременному ремонту техники.

— Мы точно найдём виноватых и накажем их! — объявляет женщина. — Не беспокойтесь. А теперь ступайте на свои уроки!

Мы выходим из лифта и молча идём к аудитории.

Ромео только что спас репутацию Голдман...

Ха, он ведь сам едва не втоптал её в грязь, Карамель. Не будь Ромео вовсе — не было бы ситуации, не было бы удачливого её разрешения.

— Прости, Карамель, — перед входом в аудиторию говорит юноша. Поспешно. Едва слышно. — Мой эгоизм застелил мне глаза, ты помогла увидеть истину. Не разрывай нашу пару: вместе мы добьёмся большего и станем большим. Отношения Дьюсберри и Голдман — перспективны, уверяю.

Он вновь говорит то, что от него желают услышать. То, что правильно. Он всегда напоследок беседы выплёвывает нечто его покрывающее.

— Меня беспокоит твоё поведение, не этому нас учили, — признаюсь я. — Дым от костра из ниоткуда не берётся: говори, что случилось? Отчего тебя накрыло поспешными действиями?

Я знаю, что причина есть. Я верю. Не мог Ромео Дьюсберри в одночасье сойти с ума, ровно, как и не мог притворяться всё это время. Кто-то подсказал ему? Сбил с мыслей?

— У меня в пальто осталась одна вещь, — отвечает юноша. — Хочу спуститься в гардеробную.

Желает проехаться на лифте, чтобы никто не подслушал наш разговор? Небезопасно... но любопытно.

— Я провожу тебя, хорошо, — соглашаюсь, и мы вновь ступаем к лифту.

Только двери закрываются:

— Тюльпан и Нарцисс лобызались в коридоре, сам видел.

Тюльпан Винботтл — мерзкая девица, что учится с нами на одном курсе. Нарцисс — прозвище её партнёра, уж сильно от этих двоих разило.

— Прости? — переспрашиваю я. — У нас шоу комедиантов, что ты сейчас сказал? И... подожди-ка...какое отношение к этому имею я?

Меня мало интересуют сплетни (иначе бы я читала Вестник), но Тюльпан...Наши отцы работают вместе. Они хотели, чтобы мы подружились, однако её характер был невыносимее

занозы в одном месте, и я выбрала Ирис, семья которой была по должности ниже, но, по крайней мере, мы могли друг друга терпеть.

— Меня тоже удивило, я их застукал. Тюльпан просила никому не рассказывать и жалобу в администрацию не подавать, потому что в Своде Правил под запретом названа демонстрация, но тайная близость нарушением не является. Они вроде как влюблены друг в друга и потому наслаждаются компанией.

— Мерзость, — закатываю глаза. — Что ещё? Вижу по твоим провинившимся глазам, есть что-то ещё.

— А Нарцисс сказал, ледышка Голдман так и останется недосыгаемой высотой Дьюсбери. Прости. Говорю же: эгоизм и тщеславие застелили глаза.

И как я должна на это реагировать? Ромео...ну что за мальчик в пубертате.

— Целоваться тайком — ещё более омерзительно, чем публично заявлять о том, что мы пара, — спокойно говорю я. — Придёт время, Ромео, и нам будет разрешено это по закону. Верно?

— Верно.

Всё обходится. Я не ошиблась с выбором партнёра. Я прощаю его. Ромео едва дрогнул, чуть не оступился — я помогла. Сам юноша — без какого-либо выражения на лице — вновь извиняется и говорит, что поступок с его стороны глуп; в первую очередь, он должен заботиться о нашей репутации (а не желаниях), должен советоваться, принимать решения обоюдно.

— Хорошо, что ты понимаешь.

И я едва видимо улыбаюсь. Затем едва слышно добавляю:

— Сольёмся душами — сольёмся телами.

Не верю, что произношу это, но тем самым утешаю Ромео. И саму себя. Я уверена, что законы действуют подобно только начертанным — без исключений, без ослаблений.

А тех двоих нарушителей следует наказать!

— Отлично, — спокойно говорю я. Отлично, ведь Винботтл первые в списке конкурентов отца. — Ты напишешь жалобу, Ромео, а я поддержу тебя. — Признаться, я бы сама с превеликим удовольствием сделала это, но — увы — ничего подобного не слышала. — Желаешь спасти нашу пару и отмыть от грязи собственное имя — запятнай имя того, кто это по праву заслужил.

Ромео согласно кивает. Вряд ли ему хочется, однако он обидел меня и теперь должен искупить вину.

Для вида подходим к гардеробной, проверяем карманы и возвращаемся на требуемый по расписанию этаж. После сигнала, предвещающего скорое начало уроков, я уйду в нужную аудиторию, а Ромео стремительно отдаляется по коридору и пропадает в администрации, где пишет жалобу. На урок опаздывает, но учитель не спрашивает причину. Очевидно, причина опоздания у одного из лучших учеников Академии может быть только уважительной.

На коленях у меня лежит планшет, на планшете открыта электронная книга. Урок самостоятельного чтения продолжительностью в несколько часов, что может быть увлекательней? Вот только книги выбирала сама Академия, а потому читать их было тошнотворно; старая печать из кабинета Отца не сравнится с шаблонными сюжетами для школьников, в которых главными темами определялись служение государству и общественным целям. Разумеется, я поддерживала их...я поддерживала, а потому

напитываться государственной пропагандой через книги не желала; во мне и так умещалась гордость и уважение к Новому Миру, не стоило подпитывать эти чувства.

Отвлекаюсь от чтения — слова плывут мимо, нет усидчивости — и смотрю на Ромео. Он дремлет, надо же. Экран планшета выключен, глаза у юноши закрыты. Перевожу взгляд на Ирис в другом конце аудитории. Кресла разбросаны по всему залу (зачастую чтения объединяют с другими курсами, а потому много посторонних лиц), рядом с каждым креслом стеклянный столик и графин с водой. Подруга смотрит в планшет продолжительно, внимательно. Слишком продолжительно и слишком внимательно; уже любой бы прочитал написанное там... Наблюдаю за Ирис — она не перелистывает страницы. Смотрит в горящий экран и размышляет о чём-то. Мне стоит беспокоиться?

Ловлю пристальный взгляд сидящей неподалёку девушки. Смотрю в ответ. Красивая и в этот же миг отталкивающая. Кудри беспокойно лежат на плечах, миндалевидные глаза голубого цвета пронзительно колют, горчичный плевок лежит веснушками на её носу и щеках. Она в курсе, что пялится? А то что подглядывать некрасиво?

Сама ты чем занималась, Карамель?

Продолжаю смотреть в глаза незнакомки. Ей известно (равно мне), что отвести взгляд равно проявить неуважение, а потому мы обе — как равные ученицы Академии — скованны этим негласным правилом.

— Карамель Голдман, — зовёт спасительный голос.

Или не спасительный, потому что звать на уроке не должен никто и никого. В дверях аудитории стоит женщина в форме Академии. Она, вытягивая верблюжье лицо, обращается к контролирующей нас преподавательнице:

— Разрешите вызвать Карамель Голдман?

— Разрешаю.

И вновь никто не интересуется причиной, потому что причина может быть только уважительной. Словно в трансе поднимаюсь из кресла и медленно подхожу к женщине. Она указывает за дверь. И мягко улыбается:

— Пройдём, Карамель Голдман.

Выхожу из аудитории — чувствую на спине взгляды иных учащихся — и замираю.

— Для начала представьтесь.

Кто она? Для чего сняла с урока? Надеюсь, в семье ничего не случилось и дурные вести не пожаловали сами...

— Ты не против поговорить? — интересуется женщина.

Негодую от обращения на «ты» и потому бегло кошусь в сторону. Разве мы знакомы? Хотя бы виделись? Вряд ли...

— Есть о чём? — кусаюсь в ответ.

— Не могу сказать, что на тебя есть жалобы... — словно бы издалека начинает женщина.

Перебиваю её:

— Не можете сказать — не говорите. Это серьёзное заявление, за него придётся отвечать головой.

— Я покажу документ, Карамель.

Женщина протягивает свёрнутый лист, призывающий на медицинский осмотр, и комментирует мою попытку за секунду прочесть всё там отпечатанное:

— Кое-кто очень беспокоится о твоём здоровье.

— Кто же?

Быстро перевожу взгляд на её лицо.

— Не могу сказать. Я обещала.

Обещала. Смешно. Обещания и клятвы, что они значат, если люди всё равно предадут? Проклинаю Ромео и его длинный язык, я почти уверена, что он взболтнул лишнего, когда подавал жалобу на Тюльпан и её дружка.

— Что вам надо? — спрашиваю я.

— Пройти на медицинский этаж и побеседовать со мной. Я психолог Академии — возможно, мы виделись на элективах.

Не зря я там не бываю.

— Ты можешь стоять и не двигаться, а можешь вернуться в аудиторию, — объясняет женщина, — но тогда я сочту это отказом от ставшим (с сегодняшнего дня) обязательным осмотром тебя, Карамель. Ты умная девочка, всё понимаешь, а потому пойдёшь со мной.

Дьяволица права.

Огибаю женщину и двигаюсь к лифту.

— Долго вас ждать? — кидаю я.

Женщина заходит следом и жмёт на медицинский этаж. Он находится в самом низу Академии, под Администрацией. Теперь можно бить тревогу? Что я сделала или чего не сделала? Чем заслужила?

Проклинаю Ромео. Неужели он поведал о нашем с ним разговоре? Неужели во всём сознался, дабы умалить собственную вину? Неужели припомнил о моих проблемах со сном?

Нервно отдёргиваю юбку от платья и тут же сожалею о совершённом действии.

— Неужели ты, Карамель Голдман, стремишься привлечь чье-либо внимание?

— У вас шутки такие? — решаю напасть в ответ. — Зачем мне привлекать внимание, если мой отец — один из управленцев Нового Мира и заседает в Палате Социума, а моё лицо показывают по новостям чаще, чем вы получаете свои жалкие отчисления, именуемые зарплатой?

— Может, тебе не хватает внимания с определённой стороны? — настаивает женщина, пропуская оскорбления мимо. Удивительно. — Определённого человека? Я знаю, у тебя есть мальчик.

— Не мальчик, — перебиваю я. — Партнёр. Это слово — «партнёр». Если вы в самом деле специалист — используйте официальную терминологию.

— Ты, кажется, привыкла всё держать под контролем.

Лифт предательски долго едет. В самый низ Академии. Уверена, там нет окон.

— Если вы нет — сочувствую. Новый Мир не приемлет слабаков.

И я пожимаю плечами.

— Смотря что ты считаешь слабостью.

— Я? Моё мнение не важно — важно мнение государства. Верно? Не отвечайте. Верно. Новый Мир определяет, Новый Мир решает — мы, заботясь о его сохранности и уважая его ценности, следуем. Верно? Не отвечайте.

— Верно, — эхом гудит женщина. Лифт останавливается. — Проходи, Карамель.

— Моему отцу известно, что я здесь?

— Ты самостоятельная личность, Карамель, ты индивидуальность. К чему вопрос? Для чего разрешение отца, если есть официальное постановление?

— Самостоятельная личность не есть совершеннолетняя. Уважайте законы Нового

Мира или хотя бы изучайте их. До выпуска из Академии беседовать со мной разрешается только при уведомлении одного из родителей. Вы же специалист, вы должны знать.

Перед нами дверь в кабинет. На дверях приветственная табличка местного психолога. Докатилась, Кара. Сама виновата.

Может, Ромео рассказал, что меня мучали бестолковые сны? Может, процитировал глупую фразу о душах и телах, которую я никоим образом не должна была произносить? Да что уж там... я думать так не должна!

День не задался с самого начала (несмотря на доброе пробуждение) — мечтаю, чтобы он скорее закончился.

Главное, держи себя в руках, Карамель. Держи себя в руках, Кара. Это имя... оно позволяет сосредоточиться, помогает узреть истину.

Кара.

Женщина кивает на крохотный диван и велит присаживаться, сама же падает в кресло неподалёку.

— Тебя что-нибудь беспокоит, Карамель? — любопытствует женщина.

— Только то, что я пропускаю занятия, сидя в этом кабинете.

— Может, что-нибудь волнует изнутри? Какие-то чувства, переживания?

Страдальческая у неё интонация. словно бы утешающая, но я знаю — лживая. Она лжёт, а в уголках губ проступает ядовитая слюна. Отвечаю честно:

— Я отрицаю чувства — равно всем уставам Нового Мира — и того же советую вам.

— А переживания?

— Они есть порождение чувств. Это слабость. Уязвимость. Создатели и градостроители Нового Мира не могут быть уязвимы.

— Вот только — вопреки этим уставам — людям свойственно переживать, свойственно...

— Люди пали, — перебираю женщину, — и, если вы человек — мне вас жаль. На поверхности остались исключительно Боги, а такому статусу следует соответствовать.

— Не слишком ли много свалилось на тебя, Карамель Голдман? Популярность и обязательства, статус семьи, соответствие имени и... ты, думается мне, контролируешь даже количество вдохов в минуту. Нет?

Молчу. Не терплю провокации. А вообще здесь бы не помешало проветрить. Отчего так душно?

— Может, у тебя проблемы в семье? — спрашивает женщина.

Ситуация эта напоминает допрос, а не сеанс с психологом.

— Проблем у Голдман не бывает и быть не может, вам известно, — неспешно отвечаю я; не позволяю вывести себя.

Не позволяй вывести себя, Кара.

Кара.

— В жизни случается всякое...

— Вы оскорбляете Голдман, соотнося наше имя со «всяким». Отец не простит вам подобного пренебрежения.

— Ты всегда говоришь об отце. Что с матерью? Вы не близки?

— Вы — равно иным — знаете, что отец обладает большим влиянием и авторитетом, а потому в беседах с незнакомцами я апеллирую к нему.

Женщина ехидно улыбается. У неё не получилось подцепить меня, хотя основания к

тому были.

— Всё-таки, — протягивает она и приглаживает зализанную чёлку, — проблемы бывают в каждой семье. Мелкие разногласия, споры...

— Не в каждой. Не согласна.

Женщина пафосно вздыхает, склоняясь к столу, вновь запрокидывает ногу на ногу — длинные чёрные щупальца тянутся по полу.

— А с чем ты согласна, Карамель?

Кара. Будь сильнее, Кара.

— Свои убеждения я провозглашаю публично, и ознакомиться с ними вы можете через дорогое и всеобъемлющее СМИ. На следующей неделе — анонсирую лично для вас — я собираюсь выступить с интервью: мы встретимся в утренних Новостях, когда вы будете собираться на работу в Академию и смотреть на экранную меня, перекрывающую Здание Комитета Управляющих.

Женщина тихо и неясно смеётся, обнажая клыки. Лицо от подобия улыбки становится уродливым: вытянутым и в складку.

— Ты правда умная девочка, Карамель... — Кровь пульсирует в висках. Что это значит? — Но не думай, что не бывает людей умней тебя. Великое и губительное убеждение молодого поколения — считать себя абсолютным гением.

Спрашиваю:

— Чего вы хотите?

— Вопрос в том, чего хочешь ты, Карамель.

Хищник приволок меня в логово и теперь вьёт петли. Скоро маленькое бездыханное тельце повесится в углу помещения.

— Я хочу вернуться к урокам.

Отвечаю честно и уверенно.

— А глобально?

Что значит глобально?

— Есть нечто большее, о чём ты гредишь?

— Плохо понимаю вас.

Дядя говорил: желаниям людей в озвученном виде свойственно оборачиваться против загадавших их. Психолог, в очередной раз пытаюсь подковырнуть, говорит:

— Я поняла, тема семьи и личности табуирована для тебя.

Никак не отвечаю. Это не достойно ответа. И взгляда, а потому я без эмоций пялюсь в стену напротив.

— Давай поговорим о других людях?

Перебиваю:

— Goldman не сплетничают, а сами становятся причинами формирования городских сплетен; нас обсуждают, мы — нет.

Женщина улыбается:

— Есть нечто, что тебя огорчает или тревожит в окружении?

Переношу взгляд и цепляюсь с ослиными глазами сидящей неподалёку. Говорю:

— Мне послышалось, или вы в самом деле перечислили то, что идеология Нового Мира отрицает? Какие-то...смутные чувства? Вы точно, не устану это сегодня повторять, специалист?

Тогда женщина настаивает, что пытается выбирать слова наиболее удобные и мягкие

для меня, плавкие, житийные. Я же отвечаю, что предпочитаю на изобретённые слова иные не придумывать — смысл искажается.

— Я спрошу по-другому, Карамель, прости. Есть нечто, что тебе не нравится в людях? не конкретный вопрос о конкретном человеке, я интересуюсь твоими взглядами в общем. Что ты не уважаешь или не терпишь в других?

— Страх, — почти сразу отвечаю я. — Сохранившийся в некоторых особях страх. Животное чувство, свойственное недостойным и отталкивающее на ступень человеческого развития назад. Вы, очевидно, боитесь влияния моего отца, а потому задаёте вопросы аккуратно после упоминания о нём. Но боитесь недостаточно, если сообразили позвать к себе. Мы закончили?

Вот только боюсь я. Какого хрена, Карамель? Кара, соберись!

Колени дрожат, чёрт бы их. Колени дрожат, а потому я кладу на них руки, ладонями сжимая выпирающие кости. Дышу. Пытаюсь дышать. Сколько вдохов полагается человеку в минуту?

— Последний вопрос, разрешишь? — ехидничает женщина. В интонации её — вонь, раздражает! слова выбирает удачные, форму выражения мысли — тоже. Решает поганая интонация.

— Последний.

— Отчего такая уверенность, что твоя философия верна? Отчего убеждённость в абсолютной правоте? Отчего избранная идеология провозглашена единственно верной? Разве полная уверенность в собственных знаниях не говорит об их полном отсутствии? Познающий осознаёт, что любое знание — крупинка на поприще информационной громады. В тебе этого нет, Карамель. Ты уверена, что права.

Кажется, здесь больше одного вопроса.

— Уверена, — соглашаюсь я. — Потому что навязанная идеология есть психология рабства, а я предпочту иметь своё мнение.

— Откуда тебе известно, что твоя идеология не навязана?

Я в действительности задумываюсь.

Нельзя. Нельзя этого делать, нельзя об этом думать.

Все мы воспитаны гласом города, мудрым словом Нового Мира, вышедшим из-под пера влиятельных и умных господ-управленцев. Наша идеология — единственно верная, мы выстроили эти знания путём собственных усилий, бывшие поколения ошибались и обжигались, чтобы мы проживали свои идеальные жизни сейчас. Земля умирала и тянула за собой человека — человек посмотрел на Землю и, сочувственно пожав плечами, создал Новый Мир.

Кто ты, когда на тебя никто не смотрит? Так спросил водитель с янтарными глазами. Однако ещё раньше так спросил дядя, и с того момента я всегда приглядываю за собой, даже если никто не приглядывает со стороны. Важно быть себе верным. Но откуда узнали янтарные глаза..?

— Всего доброго, — прощаюсь я, поднимаюсь и оставляю психолога в кабинете.

Захожу в лифт. Только двери его закрываются — веки тяжелеют от влаги. Поспешно стираю слёзы, но они — как назло — от этого жеста прибавляются и прибавляются.

Ну что это?

Давай, Кара. Ной. Этого тебе не хватало, да? Твой тайминг — две минуты нытья, пока ползёт грёбанный лифт. Если кто-то решит зайти раньше — меньше двух минут. Ной.

Бес.

Я вижу его.

Сквозь слёзы — вижу. Бью по сенсору лифта, и лифт замирает. Как всегда. Бес пропадает, слёзы застилают его. Единственное, о чём я думаю (или стараюсь об этом думать?) — реакция родителей на произошедшее. Как они отнесутся к моему вызову в кабинет психолога, как расценят данные ответы. Они будут рассержены или спокойны? Они скажут: «Ты справилась, ты же Голдман!» или «Ты же Голдман, какого чёрта ты оказалась в подобной ситуации?». Они будут беседовать со мной о репутации семьи? Или побеспокоятся о себе?

Не понимаю, для чего требовался этот разговор. Кем он был спровоцирован?

Неужели меня вызвали через Администрацию, после её посещения Ромео. Неужели Ромео признался в наших беседах?

Сползаю по стенке лифта и обнимаю колени.

Когда подавляешь испытываемые эмоции, будь готов: однажды они вырвутся разом — взрывом, извержением, движением тектонических плит; потом же перестанут существовать вовсе.

Не желаю возвращаться в аудиторию. Липкие взгляды находящихся там осядут на спине; не отмоешься. Поспешно набрасываю пальто и креплю дыхательную маску.

Знаю, что уходить нельзя, но уйду. Отец разберётся. Нет ничего, с чем бы он не разобрался. Я не виновата в сложившейся ситуации, не виновата в произошедшей беседе — меня не спрашивали о чём-то, что могло навредить репутации или обнажить тайны Голдман. Я держалась достойно, сокрыв волнение и тревогу. Отец разберётся с оставшимся, последствий не будет.

А если виной всему видео на его столе?

Нет-нет, виновник — Ромео, который взболтнул лишнего, пока писал жалобу на других.

Или незнакомка из Картеля, перестрелявшая охрану?

— Карамель! — зовёт голос со спины. Не оборачиваюсь. Наблюдаю водителя (того водителя, что был всегда; до янтарных глазок) на парковочном месте и медленно ступаю к нему. Отправлюсь домой как можно раньше. Поговорю с отцом. — Карамель Голдман! — Как он смеет тревожить Новый Мир повышенным тоном? Как он смеет сотрясать воздух моим именем? — Карамель, стой! — За этим тоже наблюдают камеры? — Эй, сладкая девочка!

— Отвали от меня, Ромео Дьюсберри! — в секунду вспыхиваю я и поворачиваюсь. — Закрой рот, если не хочешь проблем!

Юноша замирает, так и не добежав до меня. Меняется в лице и тихо спрашивает:

— Что случилось, Карамель?

— Ты случился. Предатель!

— Не понял...

— Думал, если попросишь не называть твоего имени, я не догадаюсь и правды не узнаю?

Ромео отрицательно качает головой, но моя обида на него слишком высока, а потому я, решив выплюнуть все беспокоящие мысли, продолжаю:

— Так ты держишь свои обещания? Написал жалобу и на эту выскочку, и на меня? Предатель!

Ромео восклицает, что не делал этого.

— Поздно отнекиваться, Дьюсбери, последствия уже есть. Так ты проявляешь свою названную заботу?

Забота. Не хочу, чтобы это мерзкое слово соскакивало с языка, но иное не происходит. Подстрекаю дальше:

— Выводы сделаны, Дьюсбери. Не желаю тебя видеть! Не желаю знать! Зачем ты это сделал? Зачем? Хотел как лучше, да? Лучше не всегда синонимично хорошему. И это не «лучше», это «подло». Я доверилась тебе, Дьюсбери, а ты отправил меня в кабинет к чудовищу! Ты понимаешь, что этот визит будет занесён в личное дело? Каждое наше слово записано, каждая интонация указана. Мне пришлось выкручиваться, потому что всем людям сразу же интересны дела Голдман. Ты подлец!

Ромео более не пытается оспорить; предлагает рассказать, чем закончился урок чтения, предлагает подняться на крышу за кофе, предлагает обсудить день.

— Ты серьёзно? Иди сам! И забудь, что у тебя есть девушка, Дьюсбери!

Ропотные глаза молят об ином, но я не верю им больше. Отворачиваюсь и быстро заползаю в автомобиль, приказываю немедленно взлетать. Янтарные глазки спросили бы, точно ли нам подниматься в воздух, потому что парень на посадочном месте очевидно желает продолжить разговор. Но янтарных глазок нет, а на месте водителя — обычный водитель, что сопровождал меня каждый учебный и выходной дни на протяжении всей моей учёбы в Академии: он послушно оставляет парковку под ногами, защёлкивает двери и вклинивается в одну из полос для передвижения. Иногда мне кажется, водители действуют интуитивно — они попросту знают, где располагаются пути и в каком направлении разрешается движение. Новый Мир не так уж велик — карта города легко заучивается. Я знаю, за каким домом располагается какое строение, знаю, сколько по времени занимает перелёт из заданной точки в указанную. Новый Мир открыт нам, читаем — словно книга, едва вышедшая из печати. Тем более во всём помогает сама техника. Крутые повороты, смена воздушных полос — всё это невозможно, сработает блокировка.

— Улицы на удивление чисты в это время суток, — говорю я. Словно бы в воздух, но обращаясь к водителю. Он продолжит молчать? Он не прояснит ситуацию со своим исчезновением и следующим появлением? Он — хотя бы — любопытствует, почему я отправилась домой посреди учебного дня? Едва уроки начались, я покинула Академию и велела езжать на улицу Голдман. Янтарные глазки уже бы тысячу раз подковырнули: почему, зачем, уверена ли я.

— А вы на удивление разговорчивы, мисс Голдман. Что-то в вас поменялось, — отвечает водитель и улыбается глазами, однако я вижу насмешку — прокалывающую, злую — сквозь защитную маску. Я знаю, что насмешка там — за тканью и фильтром.

Карамель, оставь его. Водитель — обычный исполнитель, он не достоин твоего внимания. Не разговаривай, ты и так сегодня превысила лимит выплюнутых слов. Болтливость — не про Голдман. Голдман — это действия. Атакуй бесшумно. Бей исподтишка. Не спрашивай, куда он пропал и отчего вернулся вновь, не упоминай заменяющего его — беседы записываются, и могут обыгрываться против. Чем меньше ты скажешь — тем меньше компромата выдашь этому миру.

Вот и улица Голдман.

Мы останавливаемся на посадочном месте. Водитель молчит, молчу и я. Собираюсь выйти, как вдруг, не стерпев, выдаю:

— Знаете что? Я не сумасшедшая! Я знаю, что вас предыдущие два дня не было, не

лгите и не делайте вид, будто это не так.

— Осторожней, мисс Голдман, — спокойно отвечает водитель. — Ваш отец предупредил: идёт запись. А из контекста легко вырвать «не» и получить признание в безумстве. Думайте наперёд открытого рта.

Он прав.

Как же он прав.

Подытоживает:

— Не простому водителю учить Голдман жизни на поверхности, ведь так?

И здесь он прав.

— Не разыгрывайте спектакль, на вашем месте был другой водитель! — бросаю я и поспешно покидаю машину.

Миринда не встречает меня (время не то), поэтому я не ругаюсь и не зову её. Сбрасываю пальто и маску и двигаюсь в поисках горничной. Вместо неё в гостиной стоит Бес. Маленький дьяволёнок... Взвизгиваю и отступаю, тут же ругаю себя за проявленные эмоции и поднимаю глаза — комната пуста. Никого нет. Беса нет... Нет-нет-нет.

Кара.

По лестнице бежит испугавшаяся крика Миринда: видит меня дома и замирает, протягивает: «мисс Голдман», но следующие слова не находит.

— Вызови отца, — бесстрастно отторгаю я.

— Но он на работе, мисс Голдман, — объясняется горничная.

— Вау, вот это новости! Может, поэтому я и говорю, чтобы «Ты. Его. Вызвала»? Без комментариев с твоей стороны, Миринда.

Женщина послушно кивает, а я поднимаюсь на второй этаж. Не понимаю, у южан мозги сами отключаются или стоит какой-то тумблер? Ладно-ладно, на самом деле ими правит аккуратность. Старшего Голдмана гневить — более опрометчиво и опасно, нежели его дочурку.

Я захожу в отцовский кабинет — пустующий, даже когда сам он там. Удивительно, что в кресле не сидит Бес. Дьяволёнок зачастил... Сажусь в кресло сама: кручусь и замираю напротив панорамного окна. На меня смотрит великолепный Новый Мир. Гладкий, лоснящийся, блестящий. Зазывающий. Высотные дома тянутся к небу и прокалывают облака, в цвет им серые стены сливаются в единое полотно, редкие окна выглядят как болезнь — точечная сыпь. Мосты переплетаются; издалека они подобны паутине. Где паук? Запрятался в Здании Комитета Управляющих? Притаился на улице Голдман? На улице Левиафан? На улице Винботтл? Сколько ещё властных имён сокрыто на позиции управляющих?

— Как сходила к психологу? — спрашивает голос из коридора.

Женский.

Медленно оборачиваюсь в кресле.

— Откуда тебе известно? — спрашиваю у застывшей в дверях матери.

— Постановления из воздуха не берутся, Кара. Золото беспокоилась о твоём самочувствии, рассказала о твоих частых поездках с Ромео в лифте. Туда-сюда, туда-сюда. Для чего это? Ты решила меня опозорить? Даже твоя младшая сестра заметила, что у тебя не всё в порядке...

Гневно перебиваю:

— У меня не всё в порядке? Это у Золото не всё в порядке, если она старается следить за моей жизнью, а не проживать свою! Как ты могла? Для чего?

— И ты у меня на закуске, Кара. Как твой отец и его безалаберный брат. Ведь так вы говорите? «На закуске»?

Она всё слышала. Или слышала Золото и передала наш разговор с дядей. Теперь ей известно прозвище самки богомола...

— А твоя репутация тебя не волнует? — спрашиваю я. — Если твою старшую дочь обвинят в болезни или привлекут к разбирательству в Суде?

Мать вздыхает:

— Я привыкла, что к имени Голдман прилипают скандалы, несмотря на вымораживающую тягу самих Голдман к сохранению приятного имиджа. Голдман — моё проклятье, едва я ступила на порог этого дома, Кара.

— Но... — по правде теряюсь с её слов.

Мы же семья.

Не произношу того вслух. Мать уходит, оставляя меня в кабинете на отцовском месте. Вновь обращаюсь к Новому Миру за окном и дожидаясь появления старшего Голдмана. В самом деле, не имя — проклятие. Не знаю, сколько времени проходит; кажется, плавающие над столом часы не совпадают с истинным движением циферблата. Наблюдаю ползущую рекламу по стенам домов, наблюдаю загорающиеся вывески на Здании Комитета Управляющих, машины хаотично снуют из района в район, люди шагают вдоль мостовых.

Слышу скрип половиц. Оборачиваюсь — в начале коридора стоит сухой продолговатый силуэт отца. Такой болезненный, такой худой. И пальцы — острые спицы — кидают страшные тени. Первое, что спрашивает зашедший в кабинет отец:

— Тебе нужен врач?

— Твоей жене нужен врач, — швыряю я.

— Дочка...

— Очевидно, нет?

— Миринда сказала, ты приехала во время уроков и требовала вызвать меня, дело не требовало отлагательств. Что случилось?

— Твоя жена решила ради прихоти, ради какой-то забавы отправить меня к психологу, представляешь? С официальным постановлением, взяла и отправила.

— Может, её волнует твоё...

— Не волнует! — перебиваю я. — Ты, равно мне, знаешь и знаешь прекрасно, что любое обращение к врачу фиксируется в личном деле. Я лишней раз шевельнуться опасаясь под камерами, отец, чтобы не нарушить образ идеальной Голдман, который ты сам составлял и вылепливал годами, а она так просто швыряет меня академической стерве, в дипломе которой я даже не уверена!

— Дочка, тише, — просит отец.

— Что значит тише? Ты хоть раз был у психолога сам? Нет! Именно. Потому что это означает одно (вне зависимости от контекста, ибо контекст никому не интересен) — проблемы! Это значит — расстройство! Скажи, у меня расстройство?

Отец проходит к своему столу, но не гонит меня из кресла. Замирает подле, приземляется бедром на край.

— Что сказал специалист? — спокойно интересуется мужчина.

Тогда я взрываюсь. Повторяю в разы громче:

— Что сказал специалист?! Тебя эта ситуация совсем не беспокоит, верно?

— В Академии работает хорошая подруга твоей матери. Думаю, они сговорились,

официальной огласке никто ничему не предаст.

— Подруга, говоришь, — вдруг улыбаюсь я. Дабы не сойти за сумасшедшую объясняюсь: — Тогда ты будешь приятно удивлён тому, что подружка нашей семьи заискивала наши секреты, любопытствовала личным делам, интересовалась тобой. Да-да, тобой. Что мне следовало рассказать о проблемах Голдман? Такие имеются? Она настаивала на их наличии. Убеждала в них.

Отец задумывается и задумывается серьёзно, лицо его искажается, взгляд притупляется. Несмотря на озабоченность делом и недовольством поведения подружки матери, отец говорит:

— Зла тебе никто не желал, дочка.

Пытается успокоить? Думает, такая мелочь способна пошатнуть саму Голдман? Будущего управленца Нового Мира? Я пройду по головам таких как он, но не позволю стряхнуть меня с поверхности.

— Ощувив некоторую тревогу, ты могла сама обратиться к матери, а не ждать её обращения к специалисту, — добавляет отец. — Умеренные сомнения — не отклонение, Карамель. Сомнения означают рост, означают активную мыслительную деятельность, да?

— Она, — спорю я, — вновь бы сочла меня слабой и ни на что не годной.

— Почему ты желаешь кому-то и что-то вечно доказать?

В самом деле, отец? Кто воспитывал меня на сравнении? Кто закладывал мне мысли о том, что нахождение в Новом Мире следует заслужить, место в Палатах следует заслужить, репутацию следует заслужить...кислород, которым ты дышишь, следует заслужить. Если ты достоин — живи, соответствуя законам и правилам. Если нет — прочь.

Отвечаю:

— В первую очередь, я доказываю это самой себе.

Отец перебивает:

— Что именно? Что именно ты доказываешь?

— Что я достойна, — говорю без промедления и хочу развести плечами, но отец опережает этим жестом меня.

— Ты уже здесь, Карамель.

Прав.

— Ты здесь. Вкушай жизнь на поверхности, вкушай Новый Мир. Ты достойна, ты здесь. Уже.

Говорю:

— Сваи, что держат Новый Мир, крепки. Дома, стоящие друг на друге, тоже крепки. Слабы люди, отец, они хлипкие. Они пускают трещины в наших строениях и разрушают созданное иными, сильными. Я не хочу быть тем, кто причастен к разрушениям, не хочу губить. Я хочу быть Создателем.

— Будешь. Однако всё падёт, дочка, рано или поздно, и ты — увы — не воспрепятствуешь тому.

— Но...я буду пытаться...

— Падёт всё, — настаивает отец. — В твой век, век твоих детей или спустя десятки. Любую империю ожидает крах, любого властителя — свержение, любую возведённую башню — падение. Верить, что именно мы исключение — абсурд.

— Для чего мы стараемся? Чтобы пасть и быть уверенным в том? Чтобы умереть, не оставив за собой даже шлейфа прекрасного?

— Мы живём, Карамель, потому что другого не остаётся. Мы стараемся не для будущего, для себя. Будущее заведомо пало, избрав властителями нас, мы это поняли, однажды. Те люди сотни лет назад тоже не смели прогнозировать наплывшие на них беды, они строили светлые мечты о прекрасном завтра. И что с того? Где они? Под пятами построенных нами зданий?

Качаю головой.

Нет-нет-нет.

Не хочу слушать, не хочу принимать.

— Начти жить настоящим, Карамель! — утверждает отец. — Иначе упустишь его, а потом осознаешь, что и за будущим не угнаться, на то оно будущее. Сила, детка, и желание к созданию — также губительны. Ты не ослышалась: стремление создавать, бывает, ведёт к разрушениям.

Только и бросаю:

— Враньё.

Мужчина замирает.

— Ты учил другому, — добавляю я. — Днями и даже годами ты говорил иначе.

— Не понимаю тебя, дочка, — кивает отец. — Это то, с чем ты можешь справиться. Подстраиваться — вот, что должен уметь любой житель Нового Мира. Каждый житель.

Выдаю нервный смешок:

— Я думала, мы создаём лучший мир и заставляем подстраиваться других, не понимающих и не следующих высшей цели. А мы-то перед кем пресмыкаемся?

— Всегда найдётся рыба покрупней.

Этой рыбой оказывается сам город. Живой. Дышащий.

Я спрашиваю:

— Это ты предлагаешь? Сделать вид, что ничего не произошло? Отсеять одни мысли и убеждения и посеять иные? Ныне угодные тебе, потому что раньше были угодны другие? Предлагаешь перепрограммировать себя, так просто?

Отец пожимает плечами и гордо произносит:

— В чём беда, однажды ты сделала это.

Не терплю, когда он напоминает или пытается пресечь этим фактом из биографии.

Отец выпаливает:

— Может, мир не так уж хорош, но он и не так уж плох. Мы сами создаем свою реальность, но не все сопутствующие обстоятельства и условия контролируем нами. Новый Мир — большой механизм, а мы в нём — шестерёнки, часть системы. Даже поломка единой детали несёт последствия, Карамель, несёт общественный резонанс.

Спокойно соглашаюсь.

— У тебя щёки красные, — отмечает отец. — Ты долго стояла на улице или плакала?

— Второе, — сухо отвечаю я и роняю взгляд в стол.

— Над этим поработай, дочка, чтобы я мог гордиться тобой. Ты — величайшее творение: моё и этого города. Будущее Нового Мира — в твоих руках. Новый Мир достанется тебе, когда ты будешь готова, когда я увижу это.

— Пока не видишь? — уточняю и пытаюсь посмотреть в глаза отца.

— Пока я вижу красные от слёз щеки. Не позволяй другим заметить: хищные рты всегда захотят занять твоё место, прожить твою жизнь. Не позволяй.

Киваю.

Отец расслабляется: и в позе, и в голосе.

— Я могу что-то сделать для тебя, дочка? Прямо сейчас?

— Избавься от подружки матери, пускай не работает там.

— Она потеряет работу, статус и жизнь на поверхности, ты уверена в своей просьбе?

— Goldman не испытывают сомнений, ты оскорбляешь моё имя, спрашивая об этом.

— Больше ты не услышишь о ней, — спокойно говорит отец, хотя я ощущаю распирающую его гордость от услышанного. — По пути на работу заеду в Академию: поговорю в Администрации о твоём вынужденном отсутствии на уроках и безалаберном присутствии в академических стенах некомпетентного работника.

Не знаю, стоит ли мне благодарить отца.

— Можешь идти, — вместо «спасибо» слышит он. — Дальше я сама.

— Пожалуйста, дочка.

Отец покидает кабинет.

Наблюдаю через окно, как он садится в оставленный на посадочном месте автомобиль. Стоило вырывать отца с рабочего места? Определённо. Краткая беседа вела к колоссальным переменам, имела колоссальный смысл.

Ладно, придётся заняться уроками. Как бы я не отталкивала то ненавистное эссе по философии с грохочущей темой бедности, написать его придётся. Иду в свою спальню и валюсь за дубовую дверь, упираюсь в неё головой и проговариваю: «Бедность...бедность»; слоги падают на макушку и сплетаются друг с другом во что-то мерзкое и некрасивое. Бедность. Дядя говорил: «если не можешь себе что-то позволить — значит, не заслужил». Прочитывать его?

Миринда объявляется часом позже: подаёт сготовленный обед. Я не указывала и не просила, а потому её внимание должным образом льстит. На стол приземляется поднос с почти прозрачным напитком в гранённом стакане и белой тарелкой, с которой на меня приветливо взирает кусок веганского мяса, оранжевые брызги окантовкой сбегают по нему и кайме посуды. Расправляюсь с блюдом: не помню, когда последний раз испытывала такое блаженное удовольствие от пищи. Стресс стимулирует.

— Позвони в дом Дьюсбери и пригласи Ромео, — кидаю я вслед уходящей женщины.

— Будет исполнено, мисс Goldman.

Слышу, как вскоре из Академии возвращается Золото. С работы — ещё позже — приезжает отец. Наконец, приходит Ромео. Не встречаю — поднимается сам под пристальным наблюдением служавшей.

Признаться, я редко зовут гостей (если не лукавить — никогда). Ромео заходит в спальню и осматривается (до этого бывал лишь в гостиной).

— Сегодня вышло некоторое недоразумение, — начинаю я.

— Твои ложные обвинения, — кивает Ромео.

В секунду хочу кинуть ему подносом в лицо. Мне не нравится эта формулировка!

— Ага, — скрипя зубами, выпаливаю я и прощу сесть.

Честно признаюсь в произошедшей с психологом беседе, последующим признанию матери, беспокойствах сестры и разговоре с отцом. Я могу доверять Ромео. Не стоило обижать его, думая об ином...

— Значит, — после всего улыбается юноша, — ты позвала меня, чтобы извиниться?

Извиниться! Ужасное слово!

Недолго молчу, затем — слабо киваю.

— Ты прощена, — смеётся Ромео, хотя я не сказала ни слова. И тоже смеюсь. Какое великодушие.

— Тебе очень идёт улыбка, — замявшись, вдруг выдаёт Ромео. — Я обещаю тебе, Карамель, что буду только её причиной... — отвлекается и пытается одолеть смущение, спрашивает: — Так, ладно. Чем хочешь заняться?

— Объясни вкратце, что было на оставшихся уроках.

Так и проходит вечер. До комендантского часа Ромео покидает дом Голдман. Гоню Миринду и закрываю за другом сама, собираюсь подняться в спальню, но передо мной выплывает задорная физиономия Золото.

— Чем занимались в комнате? Обнимались? — хохочет девочка.

— Если это единственное, что интересуется тебя в жизни — обратись к врачу, — кидаю в ответ.

— Подобно тебе сегодня? — язвит сестра.

События пятого дня

Сплю плохо. Кошмаров нет, но малейший шорох и малейшая упавшая со стороны улицы тень пробуждает и беспокоит. Тешусь мыслью о том, что, когда встану, наступит мой день, исключительно мой. Он принесёт спокойствие и умиротворение, он унесёт невзгоды и заботы.

Вот ведь, а мать предпраздничным настроением обеспечила.

— Карамель!

Резко поднимаюсь.

Сухое истощённое дерево ползёт голой ветвью по окну, царапает его своим лезвием и с порывом ветра повторяет действие вновь и вновь. От влаги запотел низ рамы, от скучных туч заволокло весь сад. В чём проклятая ирония, почему остатки сада ползут именно в моё окно, почему удручающие растения подглядывают за тем, кто их больше всего ненавидит?

И кто, чёрт возьми, звал меня?

Время близится к подъёму, и дом, завядший в пучине сна, постепенно высвобождается от оков ночи. Туман, оставив капли на мраморных плитах, улетучивается, тёмно-серые облака сменяются светло-серыми. Заря.

Медленно, не нарушая идиллию дремлющего дома, поднимаюсь: заминаюсь у зеркала и оглядываю себя. Изменений нет. Не нахожу их. Ты ждёшь их именно в этот день, но именно в этот день их нет; они — все дни до этого. Ты меняешься и растёшь на протяжении целого года, а эта дата — лишь черта, что обводит тело и мысли.

— С днем озарения Новый Мир вашим светом, мисс Голдман, — встречает служащая, когда я выхожу из ванной уже собранной. — Для вас сюрприз.

Не терплю сюрпризы — всё должно обговариваться заранее.

Провожая Миринду холодным взглядом; она открывает входную дверь и запускает — вот же прилип к этому дому — Ромео.

— С добрым утром, сладкая девочка, — говорит юноша.

— С добрым утром, мальчик-которого-я-просила-не-называть-меня-так, — отвечаю я.

— По паспорту записан иначе.

— Аналогично. Так что тебя привело на улицу Голдман? Или ты ночевал под крыльцом?

— День рождения самой сладкой девочки, несмотря на вот это кислое лицо, во всём Новом Мире.

И Ромео протягивает цветастый пакет. Улыбаюсь и благодарю.

— Я говорил про твою улыбку и как она тебя красит?

— Тысячу раз.

— Значит, это тысяча первый.

Проходим на кухню, Миринда готовит напитки.

— Что там? — спрашиваю я, прежде чем открыть подарочный пакет.

— Скажу — будет неинтересно, — кивает Ромео и садится за обеденный стол.

Я сажусь напротив и, разворачивая бумагу, представляю нас семьёй. Нет ни отца, ни матери, ни сестры, нет навязчивой горничной и чужеродных мыслей. Есть мы. Вдвоём.

Ромео в костюме и волосы его по обыкновению зачёсаны вбок. Он так красив, контрастом выступая на фоне белоснежной кухни. Просто картина — так бы и любовалась

ею. Кожа его — кофейное зерно, моя же (протягиваю к нему руку) молочная пена. Ромео касается пальцев и говорит:

— Так бы и сказала, что тоже приготовила подарок.

— Разве же? — удивляюсь я.

— Другое я не загадывал.

Отнимаю пальцы — неспешно; чтобы открыть подарок. В руки западают плотные края книги. «Ромео и Джульетта». Потрёпанная по бокам, но истончающая божественные ароматы старой печати. Удивительно, как Ромео смог достать её для меня?!

— О чём их история? — спрашиваю я.

И рассматриваю золотую окантовку, трогаю обложку из багрово-коричневой кожи, касаюсь мужского благородного профиля, выведенного жёлтой краской.

Ромео обещал — я упоминала — познакомить меня с персонажем, именем которого его окрестили.

— Ты прочитал?

— О любви, — отвечает юноша и наблюдает преисполняющийся негодованием взгляд.

Спешит: — Любовь погубила их.

Любовь ли?

— Хорошая книга, правильная история.

— Убедишься в этом, — улыбается Ромео. Как-то заговорщицки.

А я добавляю, что через художественную литературу требуется особое воздействие на читателя; виновников следует найти, обезумевших преступников — наказать, потерянное — вернуть, желаемое — обрести. Всё должно иметь свою логическую точку завершения. И (почему же сейчас?) вспоминаю разговор с отцом, произошедший накануне. Всё имеет окончание. Ромео — что удивительно — смотрит на меня с горечью.

— Родители поздравили тебя? — спрашивает он, дабы отвлечься.

— Пополнением банковского счёта, — говорю я. — С утра на работе, мы даже не виделись. А сестрёнка — больше, чем уверена — подслушивает нас и ожидает, когда мы захлопнем за собой входную дверь.

— Сегодня вместе пойдём в Академию, я и не подумал.

Исправляю:

— Поедем.

— Да, прости. Ты не терпишь мосты.

Мы собираемся, Миринда убирает посуду.

— Какие планы, сладкая девочка? Не думала взять выходной?

— Незапланированный выходной получился вчера, поэтому сегодня учёба обязательна.

Моя личная установка. Обычно на работе или в Академии дозволено взять выходной в свой день рождения. Всё-равно иных праздников и торжеств в Новом Мире нет. Даже когда-то существовавший день города убрали, ибо все эти выдуманные даты лишь мешали концентрации на главном деле, на единственной миссии любого живущего здесь — строить град будущего, ткать дивный Новый Мир.

Я продолжаю:

— После учёбы можем съездить на Золотое Кольцо, развлечься. Возьмём Ирис погуляем троицей.

Ромео отшучивается, что даже в собственный день рождения мне придётся одевать её.

— Как и все дни до этого.

— Подберёшь мне галстук?

Обмениваемся улыбками.

— В моём отделе только девчачьи вещи — соглашайся на платье.

— На бретельках или с корсетом?

— Не желаю представлять.

Смеясь и попутно надевая дыхательные маски, выходим из дома. Водитель ожидает на посадочном месте — немногословен, лишь здороваётся, иного не допускает. Прибываем в Академию, я знаю — все взгляды устремлены на нас. Мы прекрасно смотримся вместе, мы истончаем силу и энергию, мощь и статусность. Голдман и Дьюсбери будут заседать в соседствующих палатах и работать на благо Нового Мира, улучшать его законы и свою жизнь, советоваться в делах и решениях. Голдман и Дьюсбери станут всеобщим примером, ими будут восхищаться.

— Подружка, с днём рождения! — выпаливает прыгнувшая навстречу Ирис и затем лукаво поглядывает на Ромео. Неприятно получается.

— Голову не надуло? — спрашиваю я.

Не хочу портить себе настроение в свой же день. Я читала, раньше этих праздников было столько же, сколько ныне на планете высушенных источников. К чему они все, если в действительности важен лишь один день. День, в который ты наполнил лёгкие воздухом с поверхности. День, в который ты явился в Новый Мир. Дядя рассказывал, что низшие — из южного района и ещё глубже провалившиеся под город остроговцы — не имеют никаких торжеств абсолютно; правильно делают, потому что они не должны были родиться.

— Какие планы, Карамель? — Глаза у Ирис восторженно загораются, и, пока мы сбрасываем с плеч бремя из тяжёлых пальто, я предлагаю Золотое Кольцо. Вместе. — Вместе? — переспрашивает подруга. — Ромео отправится с нами?

Как же ей эта идея нравится, просто жуть. Идём с Ромео вровень, и я убеждена: взгляды иных обращены на нас. Мы идолы. Мы божества.

Вдруг Ирис, актёрски вздыхая, вспоминает о подарке. Какая оплошность! Неужели забыла? Совершенно случайно? Её представление отвратительно.

Девушка достаёт из сумки пакет, сама же разворачивает его и затем протягивает шейный платок. Совершенно неважно, как он выглядит, потому что Ирис либо глупа как курица, что с отрубленной головой несётся по полю и не ведает причины пропавшего света, либо хитра как змея, что изображена на гербе Левиафан и повествует о брезгливости ко всем пребывающим подле. Ухмылка режет её лицо. Значит, змея.

Во-первых, у меня есть такой платок и то известно Ирис. Во-вторых, этот платок из отдела Карамель Голдман, он сшит по моему одобрению, он выставлен по моему указу.

— С днем рождения, — хмыкает Ирис и заходит в лифт.

— Мне нравится ездить одной, забыла? — говорю я и провожу рукой по сенсору, отправляя подругу на несколько этажей выше.

Ромео оглядывает платок в моих руках и еле слышно смеётся. Кажется, всё понимает — объясняться не приходится. Лифт возвращается пустым и отвозит нас на уроки. После учёбы договариваемся встретиться на Золотом Кольце. Всё-таки не терплю гулять среди отделов в академической одежде и с рюкзаком наперевес, надо сменить форму.

Предупреждаю водителя, чтобы далеко не улетал — сейчас вернусь: направимся к Золотому Кольцу. Миринда встречает меня на пороге: открывает дверь, запускает, принимает пальто.

— Ваш отец прибыл домой, мисс Голдман, и ожидает в кабинете, — говорит служащая.
Время подарков.

Поднимаюсь на второй этаж и захожу в кабинет. Отец стоит у окна — встречает речью и протянутым стаканом с редующим ароматом терпкого коньяка, узнаю его:

— Встань рядом, дочка. Мы хотели поздравить тебя с твоим днём рождения...

— Мы? — не могу не перебить. — Ты видишь кого-то ещё?

— Вообрази рядом мать и помолчи, Голдман.

— Ладно-ладно...

Отец прокашливается и продолжает:

— Тебе семнадцать, дочка, ты уже близка к тому возрасту, когда Новый Мир позволяет взглянуть на него во всей его красе, насыщает возможностями и раскрывает потенциал. В тебе постепенно реализуется будущий управленец, хотя для меня ты всегда будешь маленькой девочкой с золотыми косами, которую я веду в Академию на первый урок. Сейчас ты вступаешь во взрослый, полный ответственности и — иногда — противоречий мир, будь готова. И моё наставление: оставайся сильной. Без этого в Новом Мире делать нечего.

А если я уже ощущаю, что дала слабинку?

Отец прочитывает не озвученный вопрос во взгляде и добавляет:

— Если вдруг тебе показалось (показалось, Карамель!), что это произошло — забудь и ощущение, и мысль, забудь. Забудь, пока не увидели другие и пока ты сама в то сполна не поверила. Забудь.

— Как вы это делаете? — спрашиваю я. — Забываете... мир взрослых непонятен и чужд мне только этим. Вы легко отказываетесь...

— Нелегко, дочка, — говорит отец. — Нелегко. Достаточно познать смирение, а за ним последует очищение. Духовная стойкость — твоя сила, запомни.

Отзываюсь скептически:

— Иначе?

— Иначе — крах.

— Оптимистично.

Пьём за это. Отец прикладывается к напитку — я повторяю.

— Надеюсь, подарок окупит мои речи.

Паучий силуэт отца скользит по кабинету и замирает у стеллажа, пальцы сцепляются на нескольких книгах и отодвигают их. В руках оказывается стеклянная колба. В стеклянной колбе — паук.

— Тарантул? — восклицаю я, припоминания детские энциклопедии и иллюстрации к ним.

— Птицеед, — гордо кивает отец и добавляет себе выпивку. Только повод дай... — Самец. Брахипельма смити. Когда-то это были популярнейшие пауки, что разводились в неволе.

Как он красив!

Не похож на тех крошек размером с ноготь мизинца, коих я встречала на улице. Этот — чуть больше моей ладони. А цвет... корица и уголь, глянцевые бордовые вкрапления, на лапах — красные пятна с белой окантовкой. Тело его усыпано густыми волосками — щекотливыми и для кожи, и для воображения.

— Таких пауков, дочка, во всём Новом Мире — посчитать по пальцам обеих рук! И ты стала одной из счастливых обладательниц, — улыбается отец.

Я знаю, что разведением животных, птиц и насекомых сейчас никто не занимается. Угодные в промышленных и производственных целях обитают в лабораториях под заводами, оставшиеся же — плодятся сами (вот только где?) или захватывают брошенные станции.

Отец говорит, что террариум и еду для моего нового друга доставят завтра — придётся потерпеть. Изготовление затянулось по времени, материалы в дефиците.

— Знаешь что? — спрашиваю я и, прижимая банку с пауком к себе, ловлю отцовский взгляд. Мужчина замирает с бутылкой в руках. Неловко. — Спасибо.

Слабая, неказистая улыбка (словно бы он разучился улыбаться от искренности или по желанию) колесит хмурое лицо. Напыщенных, вульгарных и натянутых улыбок — уйма; но не такой, не доброй. Сейчас она добрая.

Отец заминается, думает и в итоге выуживает из кармана пиджака маленькую карту. Протягивая её мне, говорит о подарке от матери. Неужели скидочная карта в отдел Карамель Голдман? Или сеанс на покраску волос, которые я никогда не красила? Подобное не впервой...

Ещё лучше. Золотая карта с пополненным счётом в мясной паб. Отличный подарок вегану,

— Серьёзно? — восклицаю я.

Отец пьёт и тянет с напитком во рту:

— Ты же знаешь её.

Возвращаюсь в комнату. Ставлю банку с пауком на прикроватную тумбу и сажусь перед ней на колени. Паук ползёт по стеклу, лапы его замирают напротив моего лица — касаюсь их.

— Уже придумали имя, мисс Голдман? — любопытствует служащая, объявившаяся в дверях.

— Пауки не отзываются на имена, Миринда, не привыкают к человеческим рукам и тем более не чувствуют привязанности. Имя не требуется.

— А вы не желаете привязаться к нему, дав имя?

— Чего хотела, Миринда?

— Вам передали подарок, мисс Голдман. От старого друга. Оставлю на кровати.

— Кто передал?

Я быстро поднимаюсь и подхожу к служащей. Ей известно равно иным во всем городе, что у меня нет ни новых, ни старых друзей: я ни с кем и никогда не общалась в доверительных и близких отношениях, я одиночка и затворница. Ирис — вынужденная подруга, полагаемая нормой, Ромео — ситуативная пара. Больше знакомых нет.

— Ты расслышала вопрос, Миринда? Не заставляй повторять его через отца, — говорю я.

— Думаю, это был курьер. Он пришёл к дому, позвонил и...

— Не похоже, чтобы ты думала! — перебивая, скалюсь в ответ. — Ты приняла неизвестно что от неизвестно кого? А если там бомба? А если яд? Ты не знаешь, сколько недругов у Голдман? Мы не согласовывали приезд курьера, не согласовывали чей-либо визит. Унеси эту дрянь, выброси, даже не открывай.

— Мне кажется, там только письмо, мисс Голдман, — оправдывается Миринда.

— Потрясла коробку, интересно было, да? — ругаюсь я и быстро вскрываю её. — Оставь меня. Умру от отравленной бумаги — будешь оправдываться перед отцом.

— Но мисс Голдман...

— Ступай! Иначе натравлю на тебя паука! Видишь, он уже скалится?

Миринда оставляет спальню (уловила ехидство или решила, что всё сказанное серьёзно?), я же в спешке разворачиваю сложенный лист. На нём фамильная печать Голдман. С монетой. У Левиафан со змеёй, у Винботтл — с тюльпаном (все-таки мы можем посоревноваться с этой выскочкой по тому, чьи родители оказались более изощрены в выборе имени; девочку назвали в честь родового знака, мерзость).

В письме следующее: «Не могу выйти на связь, проблемы. Никому не верь, береги голову (богомолы безобидны). Я всегда на твоей стороне». Несодержательно, но ясно одно: отправитель — дядя. Только с ним нас связывают богомолы. К чему конспирация, к чему уклонение от нормального поздравления? Почему я не должна кому-либо верить? Почему он не может выйти на связь?

Быстро включаю сенсор на рабочем столе и проверяю дядю в контактах. Был в сети в момент нашего последнего разговора. Попробовать набрать? Нет, не надо. Хотел бы говорить по видеосвязи — не изобретал письмо в коробке. Странно это всё...

Поспешно собираюсь, избавляясь от академической формы. Водитель доставляет меня на Золотое Кольцо к друзьям.

— Куда направимся, сладкая девочка? — спрашивает Ромео.

— Начнём с кофе, согласны?

Он всё ещё в форме Академии, значит, дома не был и не переодевался. Почему?

— Могу я выбрать место? — оживлённо предлагает Ирис; на ней платье из отдела Голдман, прелестно. — Думаю, тебе понравится, Карамель. Там панорама города, очень патриотично. Хорошая кофейня.

— Показывай, — соглашаюсь я.

Ирис выступает чуть вперёд и отправляется первой, мы с Ромео следуем за ней. Я почти готова простить Ирис её подарок и глупость в целом, если она приведёт нашу троицу в действительно хорошее место. А почём Ирис знать, что здесь и где находится?

Серые маски двигаются по этажу: с нами, за нами и на нас. Бесчисленное количество серых масок. Час пик Золотого Кольца. Люди — муравьи — толпятся, торопятся, идут. Десятки, сотни. Все одинаковые, все потерянные и в тот же миг обнаруженные самим Новым Миром. Они следуют неясному пути, они по инерции огибают плечи плетущихся подле. Вдруг — идёт нам навстречу — я замечаю мужчину в той же самой серой дыхательной маске, но вдоль неё краской или маркером — чем-то ярким — нарисована улыбка. Что это значит? Думаю, мне показалось. Оборачиваюсь — так нельзя, Карамель! — но мужчина пропадает в толпе. Вновь гляжу вперёд себя — сквозь массы людей идут двое патрульных. Патруль Безопасности, тот самый. Их серая форма не выбивается (однако она узнаваема) из общей картины города, а потому люди не обращают внимание на плывущих против течения. Они следуют за тем человеком? Смотрю на них через плечо (прекрати, Карамель, вертеть головой); ловлю взгляд одного из патрульных (он тоже обернулся), пугаюсь и поторапливаюсь к Ромео. Случайно влетаю в него плечом, извиняюсь и получаю встречный вопрос о самочувствии. Вру, что всё нормально. Вру. Потому что перед глазами я всё ещё вижу — нет, не патрульных — человека в разрисованной маске. Он улыбался. Как говорили янтарные глазки? Маски созданы для обезличивания, для потери индивидуальности в толпе? Тот смельчак отличался, выделялся. Он улыбался. Он откровенно улыбался. Он безумен. Его отправят в Картель. Недремлющий Патруль Безопасности выловит преступника и применит требуемые меры для защиты граждан

Нового Мира! Ведь так говорит Свод Правил?

— Ещё долго? — спрашивает Ромео.

— Пару отделов, — отвечает Ирис. — Место хорошее, оно того стоит.

— В какой момент жизни ты могла там оказаться? — забавляется Ромео, однако девушка молчит.

И в самом деле, Ирис.

Мы никогда не останавливаемся перекусить на Золотом Кольце: хватает перерывов в Академии. Отец и мать Ирис постоянно в офисе. С кем она здесь бывает? Когда она здесь бывает? Может, пустоголовая вертихвостка Ирис не так проста? Может, об этом предупреждали родители?

Кажется, из-за увиденного Патруля Безопасности у меня разыгралось воображение. Теперь в каждом жесте — подвох. То неправильно, Карамель. Успокойся.

Кара.

Мы подходим к кофейне. В её витринах отражается паутина Нового Мира. Неоновые линии обводят двери — открываем их: перед нами бездной зияет чёрный коридор. Стены загораются, едва мы ступаем внутрь. Вот он Новый Мир во всей красе.

В зале встречают служащие — помогают выбрать из верхней одежды и проводят к столам. Все поверхности блестящие, серые, отражающие в себе нас — как и сам город, как сам Новый Мир. Это пугает и восхищает. По стенам рассыпаны изображения дорог, мостов. Мы садимся и ожидаем.

— Как и когда ты могла здесь оказаться? — спрашивает Ромео, глядя на Ирис. — Серьёзно, ну серьёзно.

— У твоих родителей нет на тебя времени, — подхватываю я.

— Как и у ваших на вас, — парирует подруга.

Забавляюсь:

— Это не отменяет вопроса.

— Конспиратор из тебя никудышный, Ириска, — стегает Ромео.

— Ваши меню, — объявляется служащий и кладёт перед нами электронные планшеты. — На кого оформляем заказ?

— Goldman, — молниеносно отвечаю я и протягиваю руку — с чипом.

Служащий тянет терминал навстречу и считывает мой личный код. Объявляет:

— Депозит оформлен, благодарю, мисс Goldman. Вы определились с заказом?

— Может, возьмём мороженое? — предлагаю я, смотря на Ромео.

Он довольно улыбается.

— А я хочу, — Ирис долго листает сенсорные страницы электронного меню, — я хочу кофе, наверное, с молоком, да, и ещё... — она опять тычет пальцем в экран, — ещё эклер...

— Ты не следишь за фигурой? — перебиваю её, — то-то я начала замечать лишние сантиметры.

Ложь.

— Правда? — спрашивает Ирис. — Но я не поправилась...

— Значит, просто показалось, — соглашаюсь я, но соглашаюсь слишком быстро и мягко, подруга понимает — есть подвох.

Тошная девочка передо мной обрастает выдуманным объёмом, становится необъятным комом комплексов. Не слишком ли жестоко, Карамель? О, ты не должна об этом думать.

— Один кофе, без молока, — говорит подруга в сторону служащего.

— Три кофе, — поправляет Ромео.

Служащий откланивается.

Смотрю на стены кофейни, смотрю на растянутые по ним иллюстрации Нового Мира, смотрю на мосты.

Представляю Беса.

Маленький Бес стоит на одном из мостов и машет мне рукой.

Ирис знала, куда меня ведёт. Палач занёс свой топор.

Отрываю взгляд от моста на стену неподалёку, где изображено Здание Комитета Управляющих. Даже здесь. Даже здесь оно наблюдает. Подглядывает. В обычных кофейнях и ресторанах столики расположены близ окон, через которые реальный пик Комитета взирает на граждан. Здесь же — его не имеющая объёма копия.

Возвращаюсь к друзьям: Ирис дотошно оглядывает себя (должно быть, в поисках лишних сантиметров), пустые, ничего не выражающие глаза Ромео в очередной раз буравят пустоту перед собой; сошлись две пустоты, преспокойно глядят друг на друга.

Всё идёт своим чередом. Всё правильно. Всё правильно, Карамель? Ты поступаешь верно? Твоя подруга ментально больна, разве не так? Тебе следует помочь ей. Нет. Тебе следует обезопасить себя. У твоей подруги есть секреты — секреты от подруги, от семьи и, значит, от государства. У твоего партнёра есть секреты. Почему он никогда не торопится домой? Почему не рассказывает о семье? Откуда у него шрамы на лице? У твоего дяди есть секреты. Куда он запропал в твой день рождения? Почему скрывается? Отчего мать находит его ненадёжным? У твоего отца есть секреты. Кто та девушка из видео? Кому он однажды помог? У твоей матери есть секреты. Что за пятая таблетка, которую она принимает? У твоего водителя есть секреты. Что у первого, что у второго. Они обманывают тебя и обманывают откровенно. У тебя есть секреты, Карамель. У тебя есть секреты, Карамель? У незнакомца, что шёл в разукрашенной дыхательной маске и повстречался тебе на Золотом Кольце, точно есть секреты. У преследующего его Патруля — тоже. У кого их нет? Перебираю знакомых, представляю людей. На ум приходят Левиафан, с которыми я впервые повстречалась днём ранее. Их семья обходит все конфликты и споры, они никогда не прибегают к рекламе (и тем более грязной), они избирательны в окружении (потому не дружат с Goldman?) и никогда не попадают под взгляд общественности. Их обсуждают в Вестнике, но обсуждают со стороны порядочных граждан — они всегда на высоте, всегда поступают правильно, всегда выглядят идеально, всегда уверены в своих действиях, живут по законам, живут по Своду Правил. Левиафан — вот, кто идеален. Но никак не Goldman, как могла себе представить я. Отец подытожил, убедил: всё, о чем он говорил, что взращивал — бутафория. Goldman — лжецы. Влиятельнейшая семья Нового Мира, это тоже враньё?

Успокойся, Карамель.

Кара.

Контролируй мысли.

Представляю Беса.

Представляю человека в дыхательной маске и с улыбкой. Представляю водителя с янтарными глазами.

Кто ты, когда на тебя никто не смотрит?

Он знаком с дядей? Получается, что знаком... Чтоб тебя, как я не догадалась раньше?!

— Карамель, мать твою, Goldman, что с тобой? — вскрикивает перепуганная Ирис.

Ответно пугаюсь восклицанию и подскакиваю с места, ощущаю скользящую под носом

влагу, касаюсь её — кровь отпечатывается на пальцах и падает на стол. Кап. Кап.

Нет-нет-нет.

— Всё в кровище, Голдман! Позовите помощь! — кричит Ирис.

Ирис, молчи.

Быстро смотрю на Ромео — он всё понимает; и сбегая в уборную. Ирис затихает — Ромео бьёт её под столом.

Вся уборная в зеркалах. Зеркала на каждой стене, зеркала на полотке. Смотрю на нескольких себя. Смотрю, как кровь в тысячекратном количестве ползёт к губам и, разволновавшись от её вида, рвусь к кабинке. Чувствую, что меня выворачивает. Успеваю зайти и повалиться на колени.

Рвёт.

Внутри кабинки панорама чёртова города. Новый Мир не даёт уединиться. Новый Мир наблюдает, как меня выворачивает от мыслей о нём. Чем не государственная измена? Паук поймал меня. Я в паутине. Попалась.

— Карамель! — зовёт Ромео от дверей в уборную. — Ты в порядке?

Не отвечаю.

— Карамель? — вопросом повторяет мой друг.

Оставив бывшее без ответа, отзываюсь:

— Я здесь.

Ромео молчит. Наверное, думает, нужно ли повторять вопрос, если я проигнорировала его однажды. Оставляю кабинку и подхожу к раковинам, набираю воду, чтобы прополоскать рот. Как же эта вода воняет, сил моих нет! Сил и терпения. Отчего она такая мутная, отчего такая пахучая? Она пахнет сладким, отчего?

— Буду ждать тебя за столиком, — говорит Ромео из коридора.

Умываюсь.

Ноги подкашиваются, и я хватаюсь за край раковины. Капли воды бегут вместе с кровью из носа, ударяются о кафельный пол и эхом уповают в ушах. Я закрываю глаза, но вижу перед собой воду. Горло стягивает. Удары в стороне. Удары по двери.

«Мы ваши Создатели», — утверждает некто; замолкает в ту же секунду, как дверь в уборную открывается.

Мои глаза следом.

Смотрю на Ромео. Плечи его пиджака сбиты, сам наострён. Он выбил дверь, серьёзно?!

— Вынужденные меры, сладкая девочка, прости, — говорит юноша.

Перевожу взгляд на собственное отражение. Кровь уже спустилась к губам. Кап. На них. Кап. Дотягиваюсь до бумажных полотенец — Ромео опережает: отрывает лист и прикладывает его к моему лицу. Полотенце напитывается алым, тает. Кап. Ему не противно? Стараюсь не думать о том. Кап.

— Я испугался за тебя, — признаётся юноша.

Не смотрю в глаза, но не смотрю не потому, что выказываю отсутствующее уважение, а потому что сама у себя вызываю отвращение. И даже крошечное отражение меня очернило бы в его прекрасном взгляде его же.

— Считай меня слабым, считай глупым, считай неправильным, — продолжает Ромео, — но я испугался за тебя. И эти чувства делают из нас не падших, а людей достойных.

Смывает кровь с губ, утирает пальцами, ополаскивает руку и вновь вытирает

полотенцем.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я.

— Сказал же: считай меня слабым, глупым и неправильным.

— Мне нужен ответ.

— Карамель Голдман всегда нужны ответы, Карамель Голдман всегда их требует.

Думаешь, ситуация подходящая?

Искренне не понимаю, для чего он помогает.

Одно: нас связывали отношения, другое: когда речь шла о чувствах. Я знаю, что любовь и забота о ближнем — опаснейшие паразиты, разрушающие, кусающие, останавливающие. Они страшнее, чем ярость и злость, радость и смех. Любовь — это слабость. Будь на кону Новый Мир и партнёр, я бы выбрала Мир. Потому что так правильно. Потому что я так хочу.

Неужели Ромео безумен?

Может, я?

Уже, очевидно, я...

Ничего не понимаю. Я запуталась. Столько всего свалилось, я не понимаю...

— Я за тебя в ответе, сладкая девочка, — кидает Ромео, поймав мой растерянный взгляд, — за тебя ручаюсь. Знаешь, как я добился согласия от твоего отца? Я обещал, что буду оберегать тебя, Карамель. И я буду, куда смогу.

Возвращаемся в зал — Ирис за столом нет. Прошу друга обождать, сама же направляюсь к выходу. Оказываюсь в коридоре и наблюдаю силуэт, озарившийся на долю секунды пред фоном извечно-серого города, когда девичий силуэт выходит на улицу. Ускоряю шаг — выбегаю следом. Ирис запрыгивает в ожидающую — вот уж удивительно! — машину и клюёт в щёку водителя (сколько этому динозавру лет?). Транспорт взлетает, оставляя меня без подруги. Сама подруга оставляет меня без себя. Кому нужны проблемы? Кому нужна болезнь?

Не могу понять, что я только что видела. Не могу осознать. Медленно возвращаюсь в зал — Ромео сидит на том же месте. Рассказать об увиденном поцелуе? Ничего не понимаю... Тот самый названный друг отца, друг семьи, который стал забирать её с Золотого Кольца в последнее время? Ничего не понимаю...

— Подружка оставила нас, — говорю я и подсаживаюсь к Ромео на один диван.

Юноша отвечает не сразу. Пьёт кофе (не пропадать же заказанному, верно?) и предполагает:

— Наверное, жалобу хочет написать.

— После увиденного, — признаюсь, — я и сама могу подать жалобу на неё.

— Что это значит?

Рассказываю.

— Вау, — без эмоций выдыхает Ромео, — подружка пошла на опережение. Тут либо ты её, либо она тебя. Имми только что обогнала Голдман.

— Неприятно это слышать.

— Всё равно ты для меня на первом месте и люблю я только тебя.

— Это тоже.

Он не ошарашивает. Не удивляет. Я всегда это чувствовала и знала, вопреки чувствам и знанию.

— Не говори так, — просит Ромео.

— И ты так не говори, — парирую я. — Нас привлекут за беседы.

— Да всё и так перемешалось, переверотилось и перевернулось с ног на голову, не заметила? Последняя неделя — идиотская. Сплошная лажа.

— Согласна.

Мои беды тоже начались с понедельника.

Идиотская неделя.

— С семнадцатилетием, сладкая девочка.

— Иди ты.

— Поехали домой?

Проснулись ли я завтра в Новом Мире? В неизменном, стабильном, дивном Новом Мире...

Ирис в самом деле отправилась подавать жалобу? Для чего она сбежала? С кем она сбежала? Я столько раз покрывала её проблемы, хотя ведала о них. Почему? Я знала о её пищевом расстройстве, знала о проблемах Имли с деньгами. Почему не ударила первой? Я ведь мыслила так и никак иначе, я была готова отказаться от этой и без того вытянутой из пальца, абсолютно фиктивной дружбы, но отчего-то меч над головой так и не подняла.

— Я оплачу счёт и схожу до уборной, поймаешь машину? — обращаюсь к Ромео и вновь поднимаюсь. — Не хочу ехать с моим водителем, он меня бесит.

— Ещё и водитель отстойный, серьёзно? Не неделя, а ком хрени. Ладно, сделаю. Одна справишься? — уточняет юноша.

— Да, конечно. Только умоюсь.

Ромео бредёт к выходу. Я возвращаюсь в уборную и обрызгиваю лицо водой. Становится легче, когда мне не кажется, что я тону. Возможно, именно сейчас я тону.

На выходе одна из служащих ловит меня и интересуется произошедшим, однако волнует её не самочувствие клиента.

— Дело не в кухне, — отвечаю я, — жалоб и претензий нет.

Служащая откланивается, я покидаю проклятое место.

Ромео стоит около посадочного места через несколько десятков отделов поодаль. Пытается поймать машину — тщетно. Моего же водителя на месте нет. Ну спасибо; захотела бы — домой не попала. Что случилось с ним в этот раз?

Выдвигаюсь в сторону Ромео, как вдруг сиплый голос за плечом зовёт по имени. Оборачиваюсь.

— Твою мать, янтарные глазки! — не сдержавшись, выпаливаю я.

— Кто?

Наблюдаю того самого глупца и безумца. На моей машине. На моей, чтоб его, машине, на месте моего водителя. Какая наглость! В который раз! Что случилось с городом и со всеми нами?

— Садись, Карамель, — велит голос.

— Ещё чего!

Волна негодования и какой-то сухой ярости разбегаются по телу; намереваюсь окрикнуть Ромео, но парень с янтарными глазами, открывая двери на ходу, говорит:

— Позовёшь — зажму газ и собью твоего дружка. Этого ты хочешь?

— Что? — Растерянность оплетает в секунды, гнев осадком абстрагируется в удивление. — Что ты сказал?

— Сядь в машину, пока он не увидел. Действуй быстро, никто не заметит.

— Как ты смеешь?

— Теряешь время. Соображай быстрее, Карамель. Быстрее. Быстрее.

— А если не сяду?

— Я же сказал: столкну твоего парня. Может, этого ты и хочешь?словно кегля на остановке...

Не желаю отправлять Ромео в Острог. Ни жалобой, ни физическим полётом. Какой абсурд, какое безумие!

Пока не закончилось посадочное место запрыгиваю в машину на лету. Что меня больше удивляет, в действительности никто из прохожих этого не замечает. Все так сосредоточены на себе, сосредоточены на том, чтобы не совершать ошибки, не допускать оплошности, контролировать движения, окружение и мысли, что пропускают происходящее вокруг. На глазах десятков, сотен, а может и тысяч похитили человека — они не заметили, даже глазом не моргнули. Какого чёрта?

— Ты не имеешь права! — выплёвываю я. — Тебя накажут!

— Как видишь, ещё не наказали.

— Я подам жалобу.

— Ты угрожаешь человеку, в силах которого доставить тебя до дома в целости и сохранности. Ты же умная девочка, Карамель, почему сейчас глупишь?

Мы взмываем в воздух. Ромео остаётся на платформе Золотого Кольца: выглядывает машины и периодически смотрит на кофейню, в которой мы были. Ждёт... Обращаюсь к водителю:

— Ты — чокнутый психопат. Надеюсь, идёт запись и соответствующие службы узнают о твоём проступке.

— Я её отключил, — янтарные глаза спокойно пожимают плечами.

— Какого..?

— Думаешь, система так идеально работает?

— Ну да! — восклицаю я.

— Ну да, — подхватывает парень. — Система работает идеально, но всегда есть лазейка, всегда есть обманный манёвр, ухищрение, ловкость.

— Зачем это всё?

Молчит.

Летим.

Что надо этому человеку? В чём он нуждается? В деньгах? В акциях? В ответах? Он выкрал меня, чтобы потребовать выкуп у семьи? А если он хочет убить меня, насолив Голдман, и всё это было спланировано?

— Дыши, ладно? — усмехается парень. — В кресло вцепилась так, словно с высоты падаешь.

— Куда ты меня везёшь? — испуганно выдаю в ответ. — Кто тебе заплатил?

— О, ну не будь такой романтичной, конфетка, — парень улыбается и видит во взгляде очередное негодование. — Этакая барышня былых времён, глупенькая и с шальным воображением, кисейная девушка.

— Что?

Кажется, он несёт бред.

При этом авто несётся по воздушным полосам.

— Пристегнись, конфетка, — говорит парень и кивает на ремень.

Никогда этого не делала.

— Зачем? — спрашиваю я. — Ты наверняка хочешь убить меня! — Дёргаю дверь (понимая, что вывалиться в пустоту Нового Мира, в низовья с сотен метров — не лучшая из перспектив, однако...), но дверь закрыта.

— Я не говорил, что хочу убить тебя. Только поговорить, мисс Голдман, к вам же иначе на приём не запишешься, да? Все, кто не Голдман, отбросы и враги, так?

— А украл зачем? Ты похитил меня!

— И вправду, какая же ты романтичная! — смеётся парень. — Иначе бы, повторюсь, ты не села в машину.

— Ты угрожал сбить моего молодого человека.

— Я блефовал, прости. Люди так часто делают.

Вздыхаю:

— Сумасшедший...

— А ты романтичная! Хотя все говорят, что у Голдман эмоций столько же, сколько у рыбы.

В зеркале дальнего вида наблюдаю скорченную гримасу. Водитель надувает щёки и вытаращивает глаза. Дурная пародия.

— Причём с отрубленной головой, — подытоживает он. Хочет позабавить? Напрасно!

— Ты невыносим! — выпаливаю наперерез. — Повторюсь, кто тебе заплатил? Что тебе надо? Отец даст вдвое больше!

— Вряд ли Говард Голдман даст мне две Карамели. Мне нужна ты — одна.

Он маньяк?

— Оставь меня в покое! — повышаю голос. — И не называй романтичной. Это мерзко!

— Куда ты хочешь, чтобы я тебя отвёз, давай так? — спокойно интересуется водитель.

— Домой! — выпаливаю я. — Отвези меня домой! Немедленно!

— Только не кричи.

И водитель сворачивает на несколько уровней: двигатель жужжит, мчащиеся навстречу фары сверкают. Начинаю узнавать здания, мимо которых летала раньше. Этот чудак в действительности взял курс на дом. А, может, я потеряла рассудок и потому всё казалось знакомым? Для чего похищать и мгновением позже возвращать — как ни в чём не бывало — домой?

— Меня зовут Каин, — представляется парень.

— Ужасное имя, — отвечаю я.

— Это почему?

— Тебе какое дело?

— Я могу остановиться.

Напрягаюсь, а водитель смеётся.

— Шучу, — хмыкает он. — Обещал довезти до дома, так и поступлю. Дело твоё: говорить или нет.

— Ты больной, — шмыгаю в ответ. — Украл меня, чтобы назвать имя? Добавь фамилию, чтобы отец нашёл тебя и Патруль Безопасности с потрошками сожрал мальчишку с именем Каин.

— Мальчишку?! — словно только это его задевает. — Ты говоришь подобное человеку, который везёт тебя на высоте тысячи метров от земли, конфетка. Ты не только романтичная, но и дерзкая.

— Заткнись! — Хочется ударить его. — Можешь запугивать, но гордость мою не

СЛОМИТЬ.

— Кто пытался? — удивлённый возглас. — Замечаешь, что наше общение идёт тебе на пользу? — кивает на сжатый мной кулак; расслабляю руку и принимаю спокойную позу, ладони приземляются на колени. — К прочему ты боевая.

— Здесь мы уже были.

Второй раз пролетаем у того же здания.

— И внимательная...

Меняем курс и сворачиваем на другую воздушную полосу.

— Я украл тебя (если, конечно, это слово больше симпатизирует молодой девушке) не только, чтобы представиться, — продолжает Каин. — Я хотел поздравить тебя с твоим днём и пожелать успехов в Новом Мире, но, подумал, ты вряд ли примешь подарок после того, как обиделась на меня, может, даже разозлилась и пожаловалась отцу, отчего пришлось вернуть предыдущего водителя.

Какой сумбур. И все перечисленные им эмоции — навязанные.

— Я не обижалась. И не злилась.

— Злость — вполне нормальное явление, — перебивает Каин.

— Иди ты. Говорю же: этого не было.

— Ты отрицаешь факт, но отрицать чувства не получится. Можешь сказать мне, что ничего не было, и тем самым оставишь эмоцию не пережитой — она же тебя в итоге съест.

— Ты пытаешься манипулировать мной.

— В самом деле? Хорошо, что ты сказала: я бы так и не узнал.

Каин пожимает плечами.

Какой он странный.

Сказано серьёзно?

— Академия выращивает параноиков, — вдруг забавляется парень. — Из меня манипулятор, как из тебя революционерка. Вероятность есть, но она близка к нулю.

Включи мозги, Карамель. Нельзя беседовать с незнакомцами, чьё поведение отличается девиантностью.

— Ты поплатишься за свои слова, отец найдёт тебя, — говорю я.

— Не сможет.

Какого..?

— Это ещё почему?

— Меня нет в базе данных, — спокойно отвечает Каин; словно подобное заявление — не редкость, беседовать о том — в порядке вещей.

— Врун! — препираюсь. — Все есть в базе данных. Все, рождённые в Новом Мире. Может, ты не рождался?

— В Новом Мире?

Уточнение ставит всё на свои места. Но мне это кажется невозможным. Нет...нет, это и есть нечто невозможное. Родиться можно только в Новом Мире. Ты рождаешься в Новом Мире и тебя тут же регистрируют как нового гражданина: присваивают личный номер, заводят счёт и прочее. Вдруг догадываюсь?

— Ты из Острога?

Начинаю понимать больше.

— Ты поднялся из Острога?

Вскрикиваю:

— Кого ты убил, чтобы занять его место в Новом Мире? Обмануть систему невозможно, просто оказаться в городе — тоже. Ты — преступник! Наверняка занял чье-то место, чтобы позабавиться среди достойных, но сам не таков.

— Тихо, — сердито бросает Каин. — Просто смирись с тем, что ваша система неидеальна и подобных ужасов, дабы подышать воздухом с поверхности, совершать не надо. Понимаешь?

— Система идеальна.

— А люди?

— И люди.

— Но я здесь. Каким образом, конфетка? Смотри.

Водитель отпускает руль и снимает одну перчатку — гляжу на пустую ладонь. Нет чипа. Нет, мать его, чипа. Нет чипа для оплаты, нет идентификатора. Думаю, что сошла с ума и их попросту никогда и ни у кого не было. Смотрю на свою руку — словно, истинно сомневаюсь в существовании чипов; на месте. Микросхемы блестят под кожей. Поэтому водитель всё время был в перчатках?

— Я лишь хочу показать, что мы такие же, конфетка, — говорит Каин.

— Структурой тела — да, — подхватываю я, — но у вас проблемы с головой, это во много раз хуже.

— А у вас? — Каин злится. — Не признаёте тех, у кого проблемы, не заботитесь о семье, не дружите по-настоящему. Везде рейтинг, выгода, реклама. Вы не любите. Ты любишь своего названного молодого человека? На кой чёрт он тебе?

Отвечаю увесисто и спокойно:

— Я не признаю — равно иным — чувства любви.

— Ты любишь его, Карамель?

— Я не признаю любви.

— Любишь?

— Ты идиот? — вспыхиваю. — Я не верю во весь этот выдуманными изощрёнными умами бред. Любви нет.

— Любовь есть.

— Нет.

— Отказаться от слов не равно потерять сути.

— Какой ты душный, Каин-водитель, у меня слов нет! Любовь не потерялась из словаря — как и другие эмоции и чувства, но они противоестественны для создателей и наказуемы для иных.

— Так ты любишь его?

Вышка.

— Я никого не люблю! Никого! Никого, глупый ты мальчишка!

— Но любила! Глупого, чёрт бы с ним, мальчишку. Любила! Думаешь, я не знаю?

Вышка, правда.

Откуда ему известно?

Каин бьёт по рулю, а я кидаюсь в слёзы, горло спирает. В окне виднеется крыша дома. Улица Goldman была так близко.

— Откуда тебе известно? — попрекаю его и растираю солёные щёки. — Откуда ты вообще что-либо знаешь обо мне?

— Все знают, прекрати жить в куполе и притворятся, будто бы ничего и никогда не

происходило. Карамель Голдман знакома с чувством любви, и факт того известен каждому, кто знаком с фамилией Голдман, оттого враньё золотой девочки дешевит образ излечивающей от заразы создательницы. Карамель Голдман — лишь травмированный ребёнок, вот что я хочу сказать.

Так обо мне говорят?

— Вези домой.

Колени дрожат. Руки дрожат. Опускаю голову и прижимаю ладони к лицу, вновь всхлипываю. Прощаюсь с не до конца выжатыми слезами, что роняла по упомянутому мальчишке давным-давно, и которые, как мне думалось, иссохли вместе с озёрами и морями на Земле.

— Хватит, слышишь? — зовёт водитель. — Не плачь. Ну прости...Прости, я не хотел тебя обижать, а успокаивать и подавно не умею — я идиот, сама сказала.

— Да пошёл ты, — поскуливаю и хлюпаю носом.

Прячет взгляд. Стыдится себя или противится дешёвым слезам?

— Справедливо, конфетка...

— Для чего ты появился в моей жизни? — спрашиваю я.

— Расскажу, но позже. Мы приехали.

Спускаемся к посадочному месту улицы Голдман.

— Не могу выйти, — признаюсь я. — Другие увидят слёзы.

— Другие в любом случае увидят только то, что захотят.

— Везде камеры.

— Вот видишь. В итоге тебя сожрёт сама система, конфетка, если ей слепо верить и следовать. Перемелет сразу же, как почувствует вибрацию в иную сторону. Сегодня ты угодна государству, завтра — нет. Что будешь делать, когда наступит завтра?

— Так везде и во всём. Своё место нужно доказывать, свою принадлежность — обосновывать. Без ресурсов (и неважно: ресурс — это знание, богатства, индивидуальность или что-то ещё) ты не будешь нужен даже самому себе. Я горда тем, что нужна Новому Миру — моё место здесь заслужено. И Новый Мир горд моей верности.

— Никогда не слышала, что розовые очки бьются стёклами вовнутрь?

— Не желаю слушать.

— Боишься разочарований?

— Голдман ничего не боятся, а в Новом Мире невозможно разочароваться.

— Как долго твой отец наспиговывал тебя партийными лозунгами?

— Ты опять?

— Ладно, возьми. Успокойся.

Достаёт из бардачка блестящий пакет.

— Я спокойна.

— Просто возьми, без споров. Хоть когда-нибудь не спорь — особенно с человеком, который желает добра.

— Ты вынуждаешь.

— Ты сама это делаешь...Ну вот опять. Конфетка, хватит.

Подарок в блестящем пакете. Безумие чистой виды.

— С днем рождения, — вполголоса роняет Каин и вручает пакет.

— Как смешно.

Вся ситуация — сюр.

— Разве я шучу? Или смеюсь сам?

В самом деле.

Восклицаю:

— Зачем это, о, неприятнейший из незнакомцев, с которыми я когда-либо встречалась?

— С началом семнадцатого года, Карамель Голдман. Он запомнится тебе.

Распаковываю подарок — в руках оказывается деревянная коробка с узором. Шкатулка. Очень мило. Очень мило? Карамель, одумайся. Почему ты принимаешь что-либо от чудака из Острога? Почему ведёшь с ним беседу? Почему не рвёшься утаить взгляд, а нагло смотришь в чужое лицо?

На шкатулке две запятые, прижатые точками к хвостам друг друга, в середине точек отверстия. Инь и Ян. Ну конечно...

— Это символ добра и зла, конфетка.

Перебиваю:

— Мне известно.

— Сколько в тебе нетерпеливости, всё юные года.

— Ты сам млад, разве нет?

— Вновь споришь. Я лишь хотел обратить твоё внимание, что не бывает хорошего без плохого, добра без зла, а зла без добра — без одного не явится другое, и мир такой же. Чтобы открыть шкатулку, нужно нажать сразу на два символа — Инь и Ян; тогда механизм сработает. Помни об этом.

Пытаюсь быть равнодушной, но равнодушной быть в этой ситуации сложно. Под гнётом янтарных глаз вообще сложно мыслить.

Даритель продолжает:

— Я думаю, тебе предначертано великое дело. Возможно, прожить года в Новом Мире, вдали от предрассудков и правды — как превалирующая по количеству часть населения. Возможно, прожить года в Новом Мире под гнётом ужаса от узнанного, но так и не найти в себе силы на смелый шаг — подобно ещё одной части. Возможно — как иные, как лучшие — открыться знаниям и не побояться выбрать себя, а не безличный город — тогда свет истины озарит затуманенный ложными высказываниями разум.

Слова — сладкие и вдохновляющие, но они не сулят добра и спокойствия личного. Не желаю верить в сказанное. Спрашиваю:

— Новый Мир — добро или зло?

Но спрашиваю, не потому что нуждаюсь в ответе и не потому что сомневаюсь; желаю поймать лгуна...

Вот только он не попадается:

— И то, и то, конфетка, я уже сказал. Так со всем. Ты — добро и зло вместе, я, Острог, сам город. Вот только система Нового Мира притесняет нас. Сама не ощущаешь?

Оспариваю лаконичным:

— Новый Мир идеален.

— Ты так думаешь или тебе велели так думать?

Чёрт бы с тобой, янтарные глазки, ну что за извечные вопросы, ставящие в тупик?!

— Скажи, конфетка, — обращается он ко мне, — считаешь себя Богом?

— Создателем, — поправляю я. — Разумеется.

— А твоя подруга, например, к таковым относится? Или служанка в доме?

— Нет, ты и сам знаешь ответ.

— Как же это возможно, если все люди в Новом Мире равны, ибо избраны им же?

— Это тяжело объяснить.

— Потому что очевидные вещи объясняются очевидно легко, а если некто выбирает путь сквозь чащобы обмана и провокации — получается следующее. Вы запутались в собственной лжи.

— Это нюансы, а не ложь, — спорю я. — Недоговорить не равно соврать, верно?

— Говоришь как северянка, как управляющая. Как та, что всегда ложится в тёплую постель и не знает голода...

Перебиваю:

— Потому что я заслужила это. Моя семья заслужила и заработала это. Будь ты на моём месте, янтарные глазки, не рвался бы жалеть тех, кто не смог взобраться на соседствующий пик.

— Да, но идеология Нового Мира провозглашает всеобщее равенство!

— Нюанс: равенство среди достойных.

— И всё же все люди без разбора равны.

— Ага, как вид, пустая твоя голова. А Новый Мир — вот тебе ещё один нюанс — воспитывает равенство мыслей и интересов, чтобы идеальные граждане не помышляли о коварном и недостойном, ибо это погубит систему и порядок, красоту и удобства. И вообще, как ты можешь сравнивать, к примеру, меня или мою семью — управляющих, воспитанных, образованных, опрятных — с нелюдями, что с покаянием склоняют головы на нижних этажах Золотого Кольца, прося милостыню и проклиная всех и вся, а не собственное уродство?

— Это называется социальное различие, конфетка, но ты не перестаёшь быть человеком, тебя не должны желать сбросить в пустоту из-за приверженности ко второму варианту. Ты, повторюсь, тот же человек.

— У нас — будет тебе угодно — божественное нутро. Нутро создателя. Ты чужак, Каин, ты другой и тебе не понять. Если бы ты стоял вровень с нами и созерцал ужасы подчиняющихся, сам бы выносил приговор на казнь.

— Я верю, что мы способны создать лучший мир.

— Поздно, янтарные глазки, Новый Мир опередил тебя: ты уже в лучшем мире. Лучше быть не может. Хуже — да, но не лучше.

— Ты не допускаешь большей идиллии? Раскрепощённости мыслей, свободы действий и слов?

— Граждане Нового Мира — не заложники, мы не ограничены в перечисленном.

Парень качает головой:

— Сама себе врёшь.

— Нет.

Или да?

— И кто вы как не заложники? Вокруг вас даже купол возвели, чтобы Новый Мир никто не покинул.

Искренне забавляюсь и позволяю выскользнуть смешку:

— Тебе бы не помешало сходить на первые курсы в Академию. Мира вне города — нет. Не существует.

— А если существует?

— Человек — вот такой, из твоей фантазии, вольный и бегущий с развевающимися по

ветру волосами — угробил Землю, на которой мы жили. И только благодаря учёным, положившим свои умы и стремления на град будущего, удалось создать пригодное к жизни. Остальное мёртво. Мира за пределами Нового Мира — нет.

— Ты веришь в то, во что выгодно верить.

— А ты веришь в обратное только лишь потому, что оно отличительно. Таким как ты всё равно, какую истину оспорить — лишь бы спорить.

— Сколько у нас общего!

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, ты явился ко мне, чтобы использовать. Сказать, что нуждаешься, подразумевая эксплуатацию. Ты хочешь воспользоваться мной: моими связями, влиянием, моими убеждениями, в конце концов, но тому не быть. Ты нагло говоришь, что намерен использовать. Ты глуп, Каин. Глуп как твоё поддельное имя. По лицу — его половине — вижу, что ты не Каин.

— А так?

И он снимает маску.

Нельзя. Даже в машине — нельзя. Как он безумен! Ко мне вмиг приходит осознание того, с кем я нахожусь: это не просто отклонения в поведении или разнящиеся с общественным канонам мнения. Он ошибочен — от и до, он девиантен, он ужасен. Такие губят созданное великолепие, такие топчут цветы.

— Не сделаешь того же в ответ? — спрашивает Каин.

— Дыхательные маски служат для защиты органов дыхания, — отвечаю я. — Снимать их противопоказано. И противозаконно.

— Для обезличивания и смещения толпы, разве нет? — спорит водитель. — Думалось, ты уже переваривала эту мысль.

Даже если он скажет, что Новый Мир — пустошь и утопическая блажь, я не поверю. Это мой мир. Мой Мир. И я на защите его — как он на защите меня.

Каин говорит:

— Хотел бы я узнать тебя ближе.

Веду от возмущения бровью:

— Из неизвестных источников ты знаешь достаточно.

— Не больше, а ближе, конфетка.

— Тому не бывать.

— Посмотрим.

И парень нагло улыбается. У него и улыбка прятая, тягучая. Обаятельная. Красивому лицу верить нельзя — это я поняла. Глупый, наивный, самоуверенный. Целый мешок безупречно-губительных качеств!

— Ты хоть раз смотрела под ноги, пока шагала по иллюзорному, обманывающему, застилающему глаза Золотому Кольцу? Знаешь, что там?

— Никто не знает, — пресекаю я. — Никому в голову не придёт проверять, это девиантно.

— Не всё, что расходится от государственного гласа, неправильно и девиантно.

— Всё.

— Могу сказать. Если спустишься на самый нижний из существующих в Новом Мире мостов и посмотришь себе под ноги, непременно разглядишь странный блеск.словно натянутое полотно, брезент.словно земли там нет и, если свалишься, до неё не долетишь. Есть что-то другое. Перекрывающее.

— Наверняка, ещё одна защитная конструкция изобретателей и конструкторов, великих умов Нового Мира. Чтобы гадкие испарения от мёртвой земли не поднимались к нам. Логично?

— Или чтобы гадкие люди не могли спуститься к возможно немёртвой земле.

— Ты больной и фантазия у тебя больная, Каин.

— Наличие фантазии лучше, нежели её отсутствие, Карамель. Жить веселей.

— Ты живёшь не для веселья. У каждого есть свой долг — перед государством в первую очередь, а затем и перед самим собой: выстроить лучшее будущее, работать на благо мира. Понимаешь?

— Тебе мозги промыли.

— У меня они хотя бы есть.

— Только их притупили действия таблеток.

Стремлюсь обозначить свою позицию:

— Очевидно, ты желаешь, чтобы я помогла тебе...

— В моих действиях и словах, Карамель, — перебивает он, — нет злого умысла. И познакомиться я хотел не ради выгоды. Моя цель — нести правду.

— Твоя правда однобока, янтарные глазки.

— Ты поймёшь, сама всё поймёшь. Мы не такие как вы — верно; но мы не плохие. Другое — не значит «плохо», незнакомое — не значит «опасно», чужое — не значит «не способно стать родным».

— Что ты сделал кроме слов, Каин? — спрашиваю я. — Ты типа связиста или вся твоя внутренняя революция — содрогание воздуха с целью раскачать лодку изнутри? У всего есть последствия — готов ли ты к своим или движешься на неясном максимализме?

— Чёрт, а ты, Голдман, действительно умна, — улыбается парень.

Пытается отвести взгляд, сместить центр внимания. Говорю:

— Это не ответ.

Продолжает:

— Мне говорили, как ты уже упомянула «неизвестные источники», что Голдман слишком эгоистичны, горделивы и себялюбивы, а потому не видят дальше носа — это не так. Ты видишь всё, за всем наблюдаешь. Это лишь доказывает твою особенность и исключительность, Карамель.

— Давай разясним: мне выгодно и удобно жить так, как я живу, — кидаюсь в ответ. — Без причуд и без переживаний. Выгодно и удобно.

— Ага, — со скептической интонацией отзывается собеседник. — А к чему лежит душа?

Какая ещё, мать его, душа? Серьёзно? Что дальше?

— Красивые речи, Каин — почти сахар. А толку? Такие как ты разрушают, губят.

— А такие как ты, Карамель, создают, признаю это. Знаю. И также знаю, что внутри тебя есть нечто покусывающее мысли: оно заставляет сомневаться в порядке и стабильности вещей и системы. Изредка. Ты думаешь отличительно от норм и законов.

— Что ты хочешь этим сказать?

Пытается оскорбить? По интонации не похоже...ещё и в глаза смотрит. Плавко.

— Ты будто бы просыпаешься в самом деле, — продолжает Каин, — оковы сна и дурмана сходят — ты рассуждаешь не как житель с поверхности, но и не как беженец с низовьев, изгнанный или Остроговец. Это ты, твоё истинное лицо. Не абстракция и не

искусственно-созданный образ. Ты — настоящая. Не идеальная по чьим-либо меркам, а настоящая.

— То есть, — готова поспорить, — «идеально» априори не может быть «настоящим»?

— Может, отчего же. Воедино! Но разница в них есть. Настоящий — либо таков, либо нет. А вот идеальность — понятие не имеющее ни контура, ни определения.

Вырывается:

— Подобно любви?

Хочется прижечь себя за раскованность речи.

— Нет, с любовью всё понятно, — и вдруг Каин открывает дверь с моей стороны. — Либо любишь человека, либо нет.

Понимаю его и, утаив подарок в рюкзаке, выхожу. Как это всё странно...

Словно бы в прострации двигаюсь к дому. Не оглядываюсь, не смотрю на водителя. Не смотрю на сад. Не смотрю на Новый Мир. Не смотрю на город. Смотрю на дом приближаюсь к входным дверям — дом и двери словно бы отдаляются. Всё дальше и дальше. Вдруг — распаиваются. Спасительный силуэт служащей возвращает меня в реальность.

— Всё хорошо, мисс Голдман? — беспокоится Миринда. — Вы провели много времени на посадочном месте, вам требуется помощь?

Даже служанка обратила на это внимание. Оказываюсь в прихожей, но снимать пальто не тороплюсь. Забываю об обыденном порядке вещей и в момент выпаливаю ложь:

— Всё в порядке: уронила кольцо между диванами — пришлось искать самой.

Миринда согласно качает головой. Или несогласно? Она всё поняла? Догадалась? Сделала вид, что не поняла? У меня даже колец на руках нет! Прохожу мимо, прижав рюкзак к груди — словно несу там нечто сокровенное, глубоко личное (так и есть!); не для чужих глаз. Направляюсь в комнату.

Каблуки стучат по стеклянным ступеням, Миринда провожает меня безучастным взглядом. Или он вовсе не безучастный? Осуждающий? Пренебрежительный? Подозревающий?

Захожу к себе и запираю дверь. Пальто спадает с плеч само — открываю рюкзак и достаю шкатулку. Рассматриваю узоры на ней, трогаю черно-белые запятые. К какой стороне принадлежу я? Добро или Зло — чего больше? Я совмещаю в себе два начала или вскармливаю превалирующую нутру сторону? Какого волка я кормлю? Кто я? Хорошая или плохая? Кто я?

Какого чёрта, Карамель?

Приди в себя, Голдман.

Карамель.

Кара.

Кара.

Тебя не интересуют вещи, о которых ты рассуждаешь: в тебе уже есть все ответы на интересующие вопросы, не пытайся вскопать почву принципов и убедиться в правильности рассады — всё требуемое уже проросло. Ты на поверхности семнадцатый год — и все полные шестнадцать лет твои мысли (родоначальники действий и слов) вели тебя в верном направлении, ибо Новый Мир принимал тебя и поддерживал. Не отказывайся от его отеческих рук ныне — припади к пятам и проси прощения за ложные выводы, девиантное поведение, деструктивные размышления и уродливые беседы. Соответствуй Новому Миру — никому иному до тебя не будет дела.

Смотрю на город за окном. Смотрю на шкатулку.

В бешенстве откидываю её — летит. Грохочет и замирает подле кровати. Открывается. Я не догадалась посмотреть, что в ней — и вот смотрю. Подползаю к шкатулке и, упав перед ней на колени, снимаю не до конца отъехавшую крышку. На бархатной обивке цвета старого вина лежит пара белоснежным перчаток, на каждой из приятельниц вышита заглавная буква моего имени.

— Кара, ты дома? — зовёт голос по ту сторону двери.

В спешке прячу подарок под кровать и распахиваю дверь. Пытаюсь быть холодной, быть спокойной.

— Чего тебе? — спрашиваю в привычной манере.

— С днём твоего взросления, Кара. — Мать делает шаг — оказывается в спальне и замечает брошенные на пол пальто и сапоги. — Почему верхняя одежда и обувь в твоей комнате?

— Почему ты в моей комнате? — хмыкаю наперерез. — Миринда, сюда!

Объявляется горничная: убирает пальто и сапоги.

— Всего лишь хотела принести свои поздравления, — продолжает мать, — а ты с таким неуважением относишься ко мне.

Опирается о дверь. Тонкие руки занимают проход. Хочешь — не хочешь, а не убежишь. Вот она, самка богомола. Словила. Сейчас сомкнёт клешни. Оторвёт голову.

— Поздравления с чем? — подхватываю я. — Подожди-ка... день, когда я родилась, считается для тебя праздником? Особой датой? И давно?

— Радуйся, что вообще на свет появилась, доченька. Отец зовёт тебя: он в кабинете.

Для чего?

Иду к нему. Размышляю об оставленном в комнате подарке. Как получилось, что меня в это втянули? Пожалуйста, желаю проснуться несколькими днями ранее и ничего из пережитого не знать.

— Дочка.

Отец не сидит — привычно ему — спиной к городу, за столом. Он стоит у окна и смотрит на Новый Мир. Прохожу в кабинет и встаю подле.

— Дочка, всё хорошо? — спрашивает отец.

Почему? Почему он это спрашивает?

— Разумеется, — отвечаю я. — Сомнений быть не может, всё — как и всегда — идеально.

Бросает взгляд, прицепляется им.

— Ты можешь сказать.

— Чем обосновано твоё волнение? — спрашиваю я.

Неужели он был всё это время дома и наблюдал за мной и водителем через проклятое окно? Обычно отец возвращается из Здания Комитета Управляющих позже. Обычно задерживается на работе. Обычно...

Всё происходящее с начала этой недели необычно, Карамель. Всё неправильно и отличительно. И ты — сама виновница этих разрушений. Пожинай плоды. Кусай их. Горько? Заслужила!

— Возможно, мне просто показалось...

Принимаю боевую позу:

— Давно ли Голдман полагаются на «кажущееся»? Если не уверен — молчи. Сомнений

быть не может, мы не так воспитаны.

Отец улыбается.

— Моя девочка, узнаю.

Оставляю кабинет, направляясь в ванную комнату, дабы смыть с себя последствия странного дня, провожу там несколько часов, после чего — зеркала и стёкла запотевают, пишу своё имя, ставлю автограф — возвращаюсь в спальню. Отмечаю, что дверь открыта — я же имею привычку её закрывать. Кто там шарился? Или Миринда занята уборкой? Кажется, она припозднилась!

В комнате никого нет. Вообще никого. Паука в банке тоже.

Да почему это всё происходит?

— С днем рождения, сестричка! — вопит Золото со спины, и девичьи руки заталкивают меня в комнату.

Валюсь на пол, дверь позади хлопает. Понятное дело, что не запирается, но ощущения так себе.

— Где мой паук, мерзавка? — кричу в ответ. — Это ты его выпустила?

Хохот Золото разливается по коридору и звонким эхом съезжает с перилл, ударяясь о парадную дверь.

— Гадкая Голдман, ненавижу тебя!

Встаю и осторожно передвигаюсь по комнате: обыскиваю шкаф с вывернутыми ящиками и перебираю бумаги на столе. Золото, чтоб тебя! Заглядываю под кровать и тумбы — паука нигде нет. Фантастически, Карамель. Ты потеряла подарок в тот же день, как тебе его вручили. Мечтала о нём ты не дольше. Раздосадовано валюсь на кровать — паук выползает меж подушек и замирает напротив лица.

— О, привет, — говорю я. — Охотишься?

Аккуратно подбираю бархатное тельце (лапки скользят и щекочут пальцы) и перекладываю в банку с продырявленной крышкой. Подожди, малыш, завтра привезут укрытие. Будет дом, будет еда. Тебе понравится жить под куполом — мы все живём под куполом.

И нам нравится.

Нам нравится?

Вот ведь противная сестрица...не думаю, что её проступок можно оставлять без внимания и огласки, а потому на эмоциях (на чём-на чём, Карамель?) врываюсь в отцовский кабинет и объявляю:

— Не будешь следить за Золото — у тебя станет на одну дочь меньше!

Отец подпирает руками стол, тело его мешком принимает форму кресла.

— Какое золото? Нам звонили по акциям? — спрашивает он. Голос — пьяней некуда, разве возможно напиться за несколько часов до состояния, когда мозги переходят в автономный режим?

— Золото. Так зовут твою младшую дочь, — усмехаюсь я. — Знаешь, забудь! Я просто устала! Пойду отдохнуть.

— Договорились, дочка.

Дочка.

Качаю от недовольства головой и возвращаюсь в спальню.

Не хочется думать ни о напившемся в мой день рождения отце (и как он так быстро опьянел, в самом деле, что послужило причиной?), ни о позабывшей обо мне матери (куда я

швырнула её подарок?), ни о глупой сестре (чтоб она пропала!), ни об Ирис, которая бросила меня, ни о Ромео, которого бросила я. Ни о янтарных глазках, которые несут смуту и навевают уродские неказистые мысли. Желая отключиться от всего мира, а потому плетусь спать. Вспоминать, как меня рвало — равное табу. Я не больна! У меня нет расстройства! Я не больна? У меня нет расстройства?

События шестого дня

Первая таблетка. Вторая. Третья. Четвёртая. Сегодня их четыре. Всегда четыре. Или однажды я открыла пять блистеров подряд? Запиваю таблетки и смотрю на себя в отражении. Вода странно пахнет. Она всегда странно пахнет или сегодня особенно? Она сладкая, точно.

Стук.

Скрип.

Двери открываются — без предупреждения. Либо служащая вновь позабыла, как ей следует себя вести (что маловероятно), либо она пожаловала с сообщением от родителей. Срочным сообщением.

— Мисс Голдман, — говорит служащая, — ваш отец настаивает на прочтении последних публикаций в Вестнике.

Препираюсь:

— Я не читаю Вестник. Жалкие сплетни, собранные по крупичкам со всего Нового Мира.

— Он настаивает, мисс Голдман.

Служащая кивает. Лицо у неё спокойное, безучастное, вот только плечи напряжены, и сама вся скована; тело выдаёт неладное.

— Что случилось, Миринда? — спрашиваю я.

— Сенсор заряжен, мисс Голдман, — продолжает женщина, — но вы можете использовать сенсор в кабинете отца.

— Тоже его рекомендация?

— Да, мисс Голдман.

Твою мать.

В спешке покидаю ванную и бегу в отцовский кабинет.

Твою мать!

Что случилось?

Что могло случиться?

Что могло случиться за одно утро?

Над столом пляшут изображения конвертов. Почта отца. Смахиваю рукой по встроенной в стол клавиатуре и открываю Вестник. Последняя публикация — «Интервью не быть!». Читаю под своей фотографией, сделанной в Академии, абзац: «Интервью с Карамель Голдман — девочкой-примером для всего Нового Мира и в особенности для подростков, обучающихся в Академии — отменено! Оно должно было состояться на следующей неделе и транслироваться по утренним Новостям, однако команда журналистов обеспокоена здоровьем золотой наследницы и не желает подставлять под удар собственную репутацию. Кажется, образ Карамель Голдман всё это время был лживым. Она больна?» Какой дешёвый язык, какая дешёвая подача, какая дешёвая новость! Что за дрянь пишут в Вестнике? Никогда он мне не нравился, никогда!

Перелистываю статью. Следующая публикация с заголовком «Золотая наследница не в себе». Фотографии со вчерашнего дня — в машине, когда янтарные глазки довели до слёз напоминанием о Бесе... Вот только лицо Каина на всех кадрах искусно сокрыто — то зеркалом дальнего вида, то несущимся рядом автомобилем, то падающей тенью. Чёртов

сукин сын, как ему повезло!

Следующая статья. «Семья Голдман не доглядела за старшей дочерью! Разврат и скандал!». Несколько фотографий — приближаю их: Ромео держит меня за плечи, прижимая к стене. Но лица Ромео не видно, лишь затылок. Да чтоб тебя...да чтоб тебя! Камеры в лифте всё время работали? Сигнальная лампочка не горела, но камера записывала — и беседы, и происходящее. Да чтоб тебя!

Вот только всё было не так, как рассказывает Вестник. Новости перевёрнуты, вырваны из контекста...

В воздухе появляется изображение телефонной трубки. Входящий вызов из Палаты Социума. Очевидно. Клацаю по невидимой клавиатуре — принимаю звонок.

— Поздравляю, дочка, — говорит объявившийся в воздухе отец. — Тебя слили.

— Поздравляешь? — восклицаю я.

— Не забывай, что ты Голдман даже сейчас. Держи себя в руках.

От обиды приземляюсь в кресло. Смотрю на отца. Он закрылся в кабинете, поправляет волосы, протирает мокрый лоб. Волнуется? По глазам не скажешь...

Требую объяснений:

— Что значит «слили»?

— А как ещё назвать разом вываленную, нелестно демонстрирующую в обществе, информацию по кому-либо? — отвечает отец. — Или ты думаешь, все истинно без грехов и идеальны? Да, я пытался привить тебе эту мысль, но не ожидал, что получится...

Вот так известия...

— А люди — идеального Нового Мира — отличительны, — продолжает отец. — Они виртуозно скрывают свои ошибки, а кто не скрывает — отправляется в Картель или Острог. Но для начала — на первую страницу Вестника. Просто скажи: кому ты перешла дорогу? С кем познакомилась? Кто мог это сделать? Кто собрал данные со всех камер и выплюнул их Вестнику?

— Я не знаю, — отвечаю я. — Не знаю. Мы же Голдман! У нас наверняка множество недругов.

Мог ли Каин? Нет, у него даже машины своей нет, нет чипа, значит, нет права голоса и возможности официально обращаться с жалобами, он не зарегистрирован как гражданин Нового Мира — что уж говорить о доступе к камерам и выходе на Вестник.

Отец кивает:

— Потому я просил тебя быть осторожней. Хотела обниматься с Ромео — пригласила бы в дом и спрятала в комнате, почему я должен учить тебя элементарным вещам? Где изворотливый ум Голдман?

— Прости?

Он серьёзно?

Он же несерьёзно...

— Карамель, ты ещё не поняла? Делай всё, что ты захочешь, но так, чтобы никто не видел. Либо обыгрывай. Либо готовься к последствиям.

Не даёт переварить мысль. Велит открыть почту и прочитать последнее из отправленных ему писем. Смахиваю рукой Вестник и нажимаю на конверт.

«Карамель Голдман снимается с Ромео Дьюсбери за неоднократные жалобы, в которые входят: 1) распространение ложной информации касательно Тюльпан Винботтл; 2) дурное поведение с работниками учебного заведения (жалобы от преподавателей при

необходимости запросить отдельно); 3) пропуски многочисленных занятий, среди которых элективные курсы (табель успеваемости при необходимости запросить отдельно); 4) сокрытие болезни (донос от Ирис Имли при необходимости запросить отдельно); 5) пагубное влияние на поведение Ромео Дьюсбери (статья «сворачивание», подтверждающие видеоматериалы при необходимости запросить отдельно); 6) активное распространение своих политических взглядов. Господин Голдман, обращаемся к Вам лично. Ещё одна жалоба на Вашу дочь, и она будет исключена из Академии Северного района. На данный момент мисс Голдман отстраняется от занятий, надеемся на понимание. Мы беспокоимся за граждан, которые могут счесть её поведение приемлемым. Оставляем за собой право призвать Карамель Голдман на медицинское обследование. Контактный номер социальных работников и привязанных к организации психологов в приложенном документе. Хорошего дня!».

— Прочитала? — спрашивает отец, когда я отрываю глаза от текста и прилипаю к его застывшему изображению.

— Это враньё.

— Неважно. То есть... — спешит поправиться, — не это сейчас важно.

— Да что вообще важно? Я перестала понимать происходящее, объясни!

— Я заеду в Администрацию Академии, обсужу возникшую ситуацию. Мы обжалуем эти статьи и оправдаем тебя.

А если я этого недостойна?

Как оправдать всё то, что написано и показано в Вестнике? Для чего оправдывать девиантное поведение? Новости никогда не врут. Новости публикуются независимым гласом людей, что не имеют к нам отношения, а потому предвзятости быть не может. Новости составляются на увиденном.

— Слышишь? — переспрашивает отец. — Я тебя оправдаю — сделаю ради этого что угодно.

Что-угодно.

Сделаю ради тебя.

— Ты говоришь это под камерой в кабинете Палаты Социума, — небрежно отторгаю я.

— Именно, — соглашается отец. — И при необходимости уничтожу запись.

— Так это делается?

Вспоминаю однажды забытую отцом хронику — когда он оставил в кабинете видео с сумасшедшей беглянкой, у которой было оружие. Значит, она тоже была дорога и близка, если он помог достать пистолет.

Припоминаю:

— Та блондинка из видео-хроники... ты помогал ей?

— Не сейчас, Карамель. Не об этом.

— Кто она тебе?

— Не сейчас, говорю же.

— Ты готов жертвовать собой. Ныне — ради меня. Тогда — ради неё. Подставляться. Не понимаю.

— Прошу, не сейчас, дочка. Если ты кому-либо расскажешь о записи — Голдман не выкрутятся. Не говори ничего о секретах внутри семьи, даже если за это пообещают спасение — то будет ложь. Спасти тебя может только семья, Карамель. Кровь — гарантия и гарантия куда более прочная и весомая, нежели людские клятвы и государственные законы.

Перечу:

— А если я в самом деле так плоха, как пишут в Вестнике? Продолжишь защищать?

— Разумеется, — молниеносно соглашается отец. — Ты моя дочь, Карамель, иначе не может быть.

Прикусываю губу, смотрю в сторону. Ведь он сам когда-то написал донос на родного брата... я помню лицо дяди в этот момент, помню его разочарование и растерянность.

— Дочка, — обращается отец. — Послушай меня. Послушай. Идеальных людей не существует.

Отклоняюсь от экрана и недолго смотрю перед собой. И это сказал мой отец? Властитель, порядок, честь и свет Нового Мира? Тот, кто заставил меня выучить Свод Правил, кто помог составить речь для южан: «Мы — ваши Создатели», кто убедил в великолепии Нового Мира, кто сказал, что мы — вершители.

— Нет, — оспариваю я.

— Не существует, — повторяет отец.

— Тогда чем мы — Создатели — лучше всех недостойных, отправленных в низовья Нового Мира, и обременённых нести вечную службу в иных районах?

— Да ничем.

Соглашается чересчур спокойно. Так спокойно, что у меня сводит горло.

— Через призму, — рассуждает мужчина, — твоего видения: ни я, ни мать, ни ты, ни кто-либо ещё не лучше всех иных.

Прошу:

— Не говори так.

— Одинаковые куски плоти с одинаково допустимыми эмоциями, разно преобладающими у разных. А знаешь, дочка, как эта разность определилась? Более хитрые вознеслись над менее хитрыми и придумали правила, дабы очертить так называемую «божественность».

— Я не верю. Хочешь сказать, законы врут? Свод Правил врёт?

— Законы придумывали себя не сами. Это люди. Их ошибки. И Свод Правил — хронология бед.

— Всё равно не понимаю, — глубоко вздыхаю и пытаюсь расправить плечи. По ощущениям, на них свалилось целое небо Нового Мира. — Что ты пытаешься этим сказать? Бери, что хочешь, но не кричи об этом? А как же правила? Есть закон! Есть порядок. И они, — я стучу пальцем по виску, — в первую очередь здесь.

— Потому, Карамель, тебя слушали люди. Их законы на бумаге, а надо бы, — отец повторяет мой жест, — чтобы были тут. Понимаешь, почему тебя слушали и слушались? Понимаешь, почему боялись?

Я думала, уважали...

— На самом деле ничего этого нет?

— Формальность. Лишь на бумаге, прости.

Рассуждаю:

— Ещё немного и ты бы выпустил за управляющий стол — к людям и в пропитанный ложью (вы сами себе верите?) мир — человека с абсолютно отличающимся от истины мышлением. Да и человека ли? Я что, твой эксперимент?

— Ты идеальна, дочка.

Вздыхаю:

— Значит, эксперимент. — Тороплюсь: — И зачем ты признался? Я не понимаю, что мне чувствовать и как думать. Зачем ты признался, ещё и так поспешно? Иные грызли ложь подобно мне?

— Все — рано или поздно — познают истину: идеал — лишь провокация.

— Провокация? — перехватываю я. — Ложь! Ты хотел сказать слово «ложь»! Да такая явная, что познавшие её люди гордо восседают на своих управленческих креслах и насмеяются над несозревшими и обманутыми головами. Так?

— Если тебе угодно, — кивает отец.

— Всё равно не понимаю, для чего это представление. Сначала вы создаёте идеал и соотносите себя с ним, затем топчите мировоззрение и называет бутафорией. Зачем?

Отец неловко улыбается. Совсем ему несвойственно.

— Зачем? — повторяет он. — Я лишь хотел создать апогей всеобщих стараний. Повторюсь, ты идеальна, дочка. Ты достойна. И я не верю, что ты оступилась и стала как все. Не верю — всем действиям найдётся оправдание, всем фотографиям найдётся объяснение, всем статьям найдётся опровержение. Малейший просчёт и безвольный люд идёт на тебя с вилами, грозясь покарать за каждый день исполняемые ими грехи.

— Но я их не совершала...

— В головах людей — уже, — смеётся отец. — Ты управляющая, Карамель Голдман. Ты Создатель. Я не верю, что ты не смогла приручить глупую подружку, что на каждую подачку от тебя смотрела как на явление святого. Я не верю, что ты не смогла обуздать гормонами переполненное тело мальчишки, что готов ползать перед тобой на коленях. Не верю, что ты провалилась уже на этом, а теперь дивишься злобное толпе.

Но я всё это сделала.

Пускаю слёзы и отключаю изображение со своей стороны.

— Карамель, — зовёт отец, — ты ещё тут?

Кидаю резко:

— Да. А ты?

— Я всегда с тобой, дочка. Всегда на твоей стороне — что бы ты не сделала и как бы не поступила. Я буду на твоей стороне.

Признаюсь, что поражаюсь собственной глупости.

— Объяснись, — просит отец.

— Поражаюсь, что поверила тебе и другим, что играла в вашу глупую игру и проиграла, потому что, оказалось, в ней нет правил.

— Знай ты всё раньше, — интересуется отец, — вела бы себя по-другому? Позволила где-то излишеств?

Показательно вздыхаю и, цокнув, возвращаю своё изображение. Отец наблюдает заплаканное лицо.

— Серьёзно? — восклицаю я. — Ваши загубленные головы и разум способны думать об одном, фантастика. Хочешь знать, как бы я вела себя, знай всё изначально? Я бы продолжила вести людей по пути блажи и выдумок. Равно тебе в отношении меня. Я бы каждого приручила, а в последующем наказала.

— От обиды?

— В попытке прийти к идеалу. Хотя, — увожу взгляд в сторону, — было глупо вразумить идее идеальных людей.

— Ты так считаешь?

— Вы так считаете. Ты. Новый Мир. Все. Я же верю (и буду до последнего верить), что идеал — апогей сознаний — достигим.

— В тебе говорит юный возраст и молодой ум.

— А в тебе, — плююсь в ответ, — сухарь, что вечно пробовал и вечно обжигался, сталкиваясь с неудачей. Ты пытался приручить людей, но они, позволив тебе верить в собственную власть, лишь изображали покорённых. Ты обманул их, они обманули тебя — незыблемый круг, поздравляю.

— Мы обменялись взаимными оскорблениями?

— Для чего ты признался? — и я шмыгаю носом. — Не мог держать гребаную интригу до победного?

— Ситуация вышла из-под контроля, дочка. Я не смогу тебя защищать, если ты не будешь знать всей правды, если не сможешь подыграть.

— Подыграть... мерзкое слово. Я должна «отыгрывать» образ идеального управленца?

— А ты хочешь остаться на поверхности?

Слова ударяют. Ужасно. Нервно. Я просыпаюсь с мыслью о поверхности и засыпаю с ней же. Остаться на поверхности. Быть на поверхности. Жить на поверхности.

— Разумеется, — говорю я.

— Тогда придётся изворачиваться, дочка.

— Не такой ценой.

— Другой нет. Ты послушалась идеальных законов идеального мира среди идеальных людей — не сможешь оправдать себя, выставив жертвой обстоятельств, на честь которой посягнули недостойные, пеняй на себя.

— Мне не нравится это общество.

— Другого не дано.

— Кажется, я больше не хочу восторгаться Новым Миром.

— Да хоть прокляни его, Карамель, — говорит отец. — Но на камеру скажи иное, будь добра.

Всё совсем не так. Всё неправильно. Может, я сплю?

Отец рассуждает по поводу увиденного в Вестнике:

— На той фотографии из лифта лица Ромео не видно, но твоего друга легко опознать по внешним данным: рост, волосы, телосложение, форма. Его привлекут в любом случае. Только позже — сначала поиздеваются над тобой.

— Зачем ты это говоришь? — спрашиваю я.

— Хочу предупредить, ведь ты не оказывала Ромео никаких знаков внимания, не нарушала нормы партнёрства из Свода Правил, не давала никакого повода к этому. Верно?

— К чему ты ведёшь?

— Он виноват. В ситуации в лифте виноват исключительно он — хотел поругать честь Голдман. А вина Вестника в том, что они не показали последующее — ты оскорбилась и ушла, не оказала внимание в ответ. Верно?

Так и было. Так и было? Нет, не совсем так. Звучит пространно, оскорбительно, девиантно. Пересказывать ситуацию более неудобно, чем переживать её.

Отец продолжает рассуждать:

— Твоя вина в том, что ты не подала жалобу. Почему это произошло? Ромео угрожал твоей семье и обещал опорочить перед всем Новым Миром, выставить плохой в Вестнике и сорвать интервью по Новостям. Верно?

А вот этого точно не было.

— Ромео — хороший мальчик, — говорю я.

— Выбери, Карамель, — кидает отец. — Либо он, либо ты.

— Я не хочу врать.

— А что ты делаешь на протяжении всех своих шестнадцати — ныне семнадцати — лет? Ты врешь, дочка. О том, что ничего не чувствуешь, о том, что ни о чём не беспокоишься, о том, что всё тебе известно и ты всем в Новом Мире довольна. Ты врешь — в обществе — каждый прожитый с ним день.

Отец отвлекается. Кто-то заходит в кабинет — наблюдаю мутные очертания находящегося позади мужского силуэта. Женский голос говорит об упавших акциях Goldman и замечаниях некоего по фамилии Первый.

— Кто передал сообщение? — спокойно спрашивает отец.

— Сам господин Фауст, — отвечает женщина. — Он не дождался вас и...

— Ты не запустила Фауста Первого? — и вот отец сотрясает кабинетные стены — разве что окна не вываливаются. — Ты не запустила...Его?

Уволена.

Я знаю эту интонацию — доводилось слышать пару раз в жизни.

— Уволена! — следом грохочет отец. — Тебя учили..? а, к черту! Ты уволена, собирайся и уходи.

— Но... — препирается женский голос.

— Прочь!

— Господин Goldman...

— Сколько прождал Первый?

— Не больше пяти минут, господин Goldman. Вы велели не отвлекать вас, пока говорите с дочерью, и я решила...

— Ты решила, — фыркает отец. — Ты не знаешь, кто такой Фауст Первый?

— Я не знаю, — решаю вмешаться и злю тем самым отца. — Так кто это?

Он пускает острый взгляд сначала на служащую, затем — на меня. Ей — велит убраться из кабинета и позвать другую служащую, с кофе, мне — молчать.

— Кофеин губителен, — роняю я.

— Жизнь губительна, а кофеин — приятное к ней дополнение, — отвечает отец.

Служащая покидает кабинет.

— Так кто такой Фауст?

— Решил, ты издеваешься.

— И это тоже. Но Фауста я не знаю.

Соберись, Карамель. Соберись и играй по их правилам. Ты выше всего происходящего, соберись. Ничего не случилось, ты просто познала новое. Прими это и строй мысли и действия далее. Ничего дурного не стряслось, ты со всем справишься. Да. Карамель. Кара.

А если отец проверял меня? И все его речи — бунтарские, дикие — с целью выявить, достойна ли я быть на поверхности.

Соберись, Карамель.

— Так кто он такой? — спрашиваю я. И повторяю странно звучащее: — Фауст Первый...

— Кошелёк Нового Мира, — уже спокойно отторгает отец и вновь поправляет слегка взмокшие волосы.

— Хорошая должность.

— Все акции идут через него. Фауст — гений. Он рассудителен, предприимчив, быстро анализирует и, пока ещё, холост.

— Это тут причем?

— А ты думала, мальчишка с детским лицом и лаком на волосах станет твоим супругом?

— Что ты сказал?

Не верю. Нет-нет, вот это точно невозможно переварить и осознать.

— Ты слышала, Карамель. Ромео — мальчишка, который должен был тебя оберегать и хоть чему-то научить, но — как показала практика — не смог, ибо ты оказалась вне его власти. Умница. И не умница вместе с тем.

— Что ты имел в виду, говоря про кошелёк с именем старого доктора?

— Кого?!

— Фауста...

— Карамель, прекрати брать книги из домашней библиотеки, — скалится отец и велит зайти служащей с подносом в руках. Принимает кофе и отправляет девушку открыть вакансию на нового секретаря.

— Обрати внимание на лучших выпускников Академии, которые проявили интерес к Палате Социума, — добавляет отец.

— А что случилось с... — начинает было служащая, однако отец строг и невыносимо дерзок.

— Клементина, если хочешь и дальше носить кофе, а не искать новую работу, делай это молча.

— Разумеется, господин Голдман.

Женщина кивает и быстро уходит. Безучастность в её лице восторгает и заставляет вспомнить, для чего мы всё это делаем. Дверь закрывается. Тогда отец обращается ко мне:

— Что именно тебя удивило, дочка?

— Что ты без моего ведома и в мои неполные семнадцать (это ведь случилось намного раньше) отыскал в мужья какого-то старого хрена.

— Карамель! — взмывает отец. — Ещё только раз я услышу подобное...

— Сквернословие — меньший из ваших пороков, — спорю я. — Уж извини! Не так просто принять столько нового и необычного за одну беседу.

— Отчего ты решила, что Фауст стар?

— Такой должности и такого влияния (если сам Голдман побоялся пропустить его сообщения) в юные года не получить — всё приходит со временем.

— Я же сказал: он гениален. Он молод и умён. И рассудителен, а потому браком себя не оковал. К моменту, как подошёл бы твой брачный возраст, акции Голдман выросли, и ваш союз сплотил бы нас, укрепив фамилии на рынке.

— В каких твоих махинациях ещё задействована я? — растерянно вопрошаю. — Что ты придумал?

Отец нехотя бросает:

— Ты бы ни за что не пошла по моей должности, в Палату Социума.

— Не тебе решать!

— Социальный отдел не для тебя, дочка, ты антисоциальна, не замечала?

— И куда ты отправишь меня?

— Твой стол должен стоять где-то выше.

— Не выше Нового Мира.

— Может, в законодательном отделе. Вместе с Левиафан. Уж их ты знаешь?

— Знаю.

Отвожу взгляд. Прячу его в отцовских книгах, в стеллажах, в запечатанных за корешками и закованных чернилами историях. Случаем цепляюсь за томик с обозначенным доктором. Вот и герой романа! А про меня книга есть?

— Ещё вопросы, Карамель? — говорит отец.

— Для чего Свод Правил?

Недолго мусолит мысль и, глотнув кофе, решается:

— Для порядка. Для дрессировки, для подчинения — иными. А ты Создатель, ты вершитель, ты управленец. Можешь вырвать все страницы и впаять туда новые. По желанию.

— Но ведь это чёртов кирпич (и говорю я о законодательстве Нового Мира) указывает, как дышать...

— А у Боккаччо панацеей от всего была любовь и даже от чумы, дочка. Можно ли верить всему написанному?

— Чему тогда верить?

Отец бьёт пальцем по виску.

— Тогда не ошибёшься, дочка. Думай, твою мать. Всегда думай. Наперёд, но делай это.

— Я устала.

— Сегодня ты освобождена от занятий. Восстанавливайся, усваивай новую информацию. Никуда не ходи и ни с кем более не разговаривай, поняла? Вестник не читай, Новости не смотри, почту мою не трогай. Все звонки через Миринду — она будет отказываться от комментариев. Воздержись — люди позлятся и успокоятся: тогда мы оправдаем тебя.

— Ненавижу Новый Мир, — говорю я.

— Поверь, это взаимно.

Отец поспешно отключается. В кабинет заходит служащая — кланяется и говорит:

— Я набрала ванну, мисс Голдман, чтобы вы отдохнули.

— Спасибо, Миринда.

Выключаю отцовский экран, совладав с желанием открыть поспешно пополняющийся сплетнями Вестник, и иду в ванную комнату. Белая чаша наполнена до краёв, пар ползёт по кафелю и растекается по потолку. Смогу ли я ещё раз (хоть раз!) сказать: «Мы — ваши Создатели?». Раздеваюсь и ступаю в горячую воду. Ступни жжёт. Терпимо. Всё происходящее терпимо. Прижимаюсь оголёнными лопатками к раскалённой ванне. Пытаюсь расслабиться, но мышцы не позволяют; натянутые — словно струны — приковывают к акрилу и пребывание в истончающей ароматы масел воде становится пыткой. Глазами врезаюсь в рассыпанные по потолку светильники и жмурюсь. Окунаюсь.

«Мы ваши Создатели!» — вторит голос над головой: слова разверзают город, а слоги рассыпаются и налипают на дороги, что скрещиваются паутиной.

«Мы будущее этого мира» — продолжает говорящий. Я с трудом открываю плачущие от соли глаза и наблюдаю ухватывающую воду: она стремится обнять меня; ощущаю удар волны.

«И если вы живёте...»

Вода наполняет лёгкие словно сосуд, но чья-то дрогнувшая рука не останавливается, а

потому жидкость переливает через край, ошипывает, давит.

«...дышите нашим воздухом...»

Вскидываю руками к некогда молебному небу, но вместо того сталкиваюсь с бессердечной поверхностью воды.

«...едите нашу пищу...»

Я хочу закричать.

«...смотрите на наше небо...»

Кричу.

«...Знайте! Без нас не будет вас»

Захлёбываюсь: ледяная жидкость взбирается и наполняет изнутри.

«Вы наши подчинённые, а мы Боги»

Тело обдаёт жаром; я чувствую: вот-вот вспыхну, загорюсь.

«Восхваляйте же своих Создателей!»

Открываю глаза.

Помню, что тонула. Помню ледяную воду и обжигающее нахождение в ней — такое возможно? Прихожу в себя и взглядом препираюсь с поверхностью воды — резко поднимаю полегчавшее тело и дрожащими руками стираю с лица излишки влаги.

— Мисс Голдман! — колотится в ванную служащая. — Мисс Голдман, с вами всё хорошо?

Смотрю не незапертую дверь — как прозаично.

— Я велела оставить меня в покое!

Пытаюсь выговорить то сердито, но в слогах запинаясь. Миринда повествует об услышанном ударе, всплеске воды и последующем молчании — ей движет беспокойство.

— Если я могу помочь, мисс Голдман...

Погружаюсь в ванну обратно — медленно и аккуратно.

— Мисс Голдман, с вами всё в порядке?

Вот приставучая...

— Мисс Голдман.

— Не мешай. Мне. Отдыхать.

— Слушаюсь.

Стук каблучков Миринды уносит её из-под дверей дальше по коридору. Расслабляюсь и ни о чём не размышляю. Иногда следует оставить всё в покое — и себя в первую очередь. Кожа распаривается, сжатые мышцы отпускает. Взгляд мой каменеет на белой плитке, что неровным углом препирается с зеркалом. Не знаю, сколько времени проходит. В чувства меня приводят крошечные удары по двери.

— Кара, ты утонула?

Голос Золото не такой задорный как обычно. Думаю, в Академии ей могло перепасть из-за новостей о старшей сестре. Ныне её будут сторониться.

— Если утонула, — продолжает Золото, — я забираю комнату себе, так и знай.

Пытается шутить в свойственной ей манере, но я различаю — их невозможно не различить — тоскливые ноты в некогда звонком голосе.

— Что тебе, маленькое чудовище? — спрашиваю я.

Золото отвечает, что пришла из Академии и хотела умыться. Сколько я пробыла в ванной? Встаю и, закутываясь в полотенце, открываю дверь. Золото проходит к раковине и под мощным напором воды поливает руки и лицо.

— Выглядишь отстойно, — говорит девочка. Всё ещё ни разу не посмотрев на меня.

— Это семейное, — парирую я.

— Купалась в ледяной воде?

Наполненная чаша всем своим видом демонстрирует, что остыла.

— Долго лежала.

— Жесть.

Золото замирает и рассказывает, как к ней по пути домой из Академии пристали жалкие корреспонденты (вряд ли они дотягивают до официальной должности) из Вестника. Предлагаю воздержаться от пеших прогулок по мосту и пользоваться личным транспортом.

— Это у тебя бзик на мостах, сестричка, — кидает Золото. — Меня же устраивает компания из учащихся вместе со мной. Я люблю прогуливаться по Новому Миру.

Сестра никогда и ничем не делилась со мной просто так, никогда не рассказывала о происходящем в жизни. И я не интересовалась. Такое ощущение, будто я многое упустила. Почему?

Убегаю от собственных мыслей?

— Так что с теми людьми из Вестника?

— Они кричали: «Золотая девочка займёт место сладкой Карамели?» — передразнивая чьи-то голоса, смеётся сестра. — И знаешь, что я ответила?

Не удерживаюсь от злой шутки:

— Автографы по выходным?

— Лучше бы сказала так. — Золото выключает воду и вытирает руки о полотенце на мне. Я сказала, что процентные ставки растут, падают, золото поднимается на рынке и вновь уступает другим драгоценным металлам, но одно известно наверняка: ещё словно о семье, я сделаю вашу жизнь обратно пропорциональной значению имени моей сестры.

— Так и сказала? — воскликнула я.

— Ага. Они начали шептаться, придумывать новые заголовки типа «Старшая дочь семьи Голдман потянет за собой на дно младшую» но я повторила: «Обратно пропорциональной. Вы знаете, что это такое». И быстренько ушла домой.

— Отец тебя убьёт, — хмыкаю я.

— Не сомневаюсь.

— Но я тобой горжусь.

— Не сомневаюсь!

Улыбаюсь сестре:

— Почему ты так поступила?

— Хоть ты меня и бесишь, — говорит Золото, — остаёшься моей сестрой. Ничего с этим поделать не могу.

— Спасибо, Золото, — смягчаюсь я.

— Не привыкай, — хмыкает девочка.

Мы расходимся. Она прячется в своей спальне, я — в своей. Запираюсь и взглядом отмечаю пропавшего из банки паука: вновь шастает по комнате, однако ныне — с моей инициативой.

Как можно переварить всю эту информацию. Для чего? Может, отец проверял меня? Проверял, достойная ли я Палаты Социума, достойна ли жизни на поверхности? Ничего не понимаю... Может, меня проверял сам Новый Мир?

Одеваюсь в домашнее, расчёсываю волосы — мокрые, бьют по лопаткам.

— Мисс Голдман? — зовёт служащая. — Простите, мисс Голдман, на пороге дома Ромео Дьюсбери.

Чёрт с тобой, Дьюсбери! Глупый мальчишка, идущий на поводу неясных чувств. Для чего? Пришёл разобраться во вчерашней ситуации? Пришёл высказаться на тему сегодняшних новостей? Пришёл разорвать пару? Он опоздал! За нас это сделала Администрация.

— И что? — спокойно спрашиваю я. — Постоит и уйдёт, верно?

Миринда кивает. Затем:

— Он грозился снять дыхательную маску.

— Ну не дурак ли?

Спускаюсь в прихожую, открываю дверь и велю немедленно заходить. Ромео заваливается в дом. Надеюсь, никто это не заснял.

— Зачем ты пришёл? — восклицаю я. Миринда тотчас исчезает — убегает в свою комнатку.

Стоит ли мне — по совету отца — увести Ромео в спальню и обговорить там? О, это даже звучит дико. Ненормально. Уродливо. Неправильно. Девиантно!

— Я получил сообщение от Администрации Академии, — говорит Ромео. — Они расторгли нашу пару.

— Знаю, — киваю в ответ.

— Это бред.

— Не поняла?

— Бумагу они, может, и порвали, но нас не поменяли. Ничего не изменилось в наших отношениях, в моём отношении к тебе. Мне плевать на их указку, я чувствую иначе — и тебя оправдают.

Сколько диких слов он говорит и — словно бы — не контролирует себя вовсе.

— Почитай Вестник и передумай, — усмехаюсь я.

— Не дочитал ни одну из статей, хотя видел каждую. Я знаю тебя, сладкая девочка, этого достаточно.

Я сама себя не знаю, Ромео, откуда твоя уверенность? Всё, во что я верила — блеф, всё, чем я взращивалась — ложь. Правды нет, и даже я не знаю, кто я такая.

Ромео говорит:

— Лишь не понимаю причину, по которой ты бросила меня вчера.

— Вынужденная мера, — поспешно отвечаю я.

— Дело в другом парне?

Что?

Читает тот же вопрос во взгляде и объясняется:

— У тебя появился другой?

— Ты издеваешься, Ромео?

— Ты бы знала, как тебя хочется поцеловать, Карамель, — говорит юноша. — Прямо сейчас. Чтобы доказать всему миру и тебе в первую очередь — ты моя.

— Забудь об этом! — кидаю я. — Слышишь? Сам себя, Ромео, слышишь? Что ещё тебе хочется? У нас есть — чёрт, то есть были — нормированные рекомендации, у нас есть — да чтоб тебя, были — правила. Всё должно быть по правилам. Всё должно быть под контролем, урегулировано, верно.

Ромео ступает близ и берёт за руку — только. Не позволяет себе нарушить то самое

злополучное, допустимое расстояние между партнёрами. Даже сейчас.

— Отпусти меня, Ромео, — требую я. Не уверена, что в самом деле этого хочу.

— Не отпущу, — говорит он. — Жалобу ты всё равно не напишешь.

— Это ещё почему? Откуда такая уверенность?

— Потому что я люблю тебя и это тешит твой эгоизм.

— Враньё, — говорю я. — Твой. И это неправильно. Так быть не должно.

— А как должно?

Не даёт высказаться, перебивает:

— Давай же, скажи: «как выведено чёрным по белому в Своде Правил». Только, знаешь, в чём проблема, Карамель? Этот Свод Правил писали люди по своим же ошибкам.

— Хватит нести ерунду, Ромео. Я думаю, ты не принимаешь необходимые лекарства.

Желаю сменить тему, а потому прибегаю к одному из наиболее часто используемых аргументов. Попадаю.

— В этом ты права, — так просто и скоро соглашается юноша.

Уже восклицаю я:

— Права? Ты в своём уме, Ромео?

— Я никогда не чувствовал столько всего, Карамель, и мне это нравится.

Ты-то куда, глупый?

Всё и так рассыпается, для чего ты ворошишь развороченный улей ещё больше?

Отвечаю так, как ответила бы при любых обстоятельствах. Отказ Нового Мира от меня не ведёт к моему отказу от него. Речи отца не заставят изменить себе. Говорю:

— Нравится быть неспособным контролировать себя зверьём? Весь такой бунтарь, верно? Отвратительно...Лекарства прописаны и назначены всем — без исключения; для умеренного функционирования и развития организма, для нашего же блага.

— Подавление эмоций не есть благо, — спорит Ромео.

— Эмоции наши никто не подавляет, — спорю в ответ, — ты сам должен держать себя в руках. А лекарства работают на устранение нежелательных реакций и на полноценное насыщение важными элементами. Чувешь разницу?

— Мы сказали друг другу одно и то же, только разными словами. Твои мягкие, вылизанные — как из рекламной брошюры; мои же — острые, режущие.

— Уходи, — прошу я. — Меня в чём только не обвинили — твоё появление на пороге Голдман спровоцирует новый слух. Мы не должны видеться и быть вместе, пара расторгнута. Подумай о своей репутации, о моей думать смысла нет — она стёрта в порошок.

— Нет.

— Мы расстаёмся, Ромео.

— Нет.

— Я не люблю тебя.

Признание падает обоим на голову.

— Не верю, Голдман.

— И никогда не любила.

— Врёшь.

— Привязанность — да. Симпатия — может быть. Но я не чувствую к тебе того, что ты чувствуешь ко мне. После смерти Беса я ничего не чувствую, только рытвину в области сердца. Ты не заполнил её и никогда не заполнишь. Ясно?

В любой момент вернуться родители. А если наблюдающие за нашим домом камеры уже устремлены на порог и ожидают выхода юноши? Если только поспевают? Ни в чём нельзя быть уверенным.

Обижаю его, чтобы прогнать. Чтобы уберечь. Я не знаю, что это за чувство и для чего я так поступаю — просто желаю уберечь. Даже самыми отравляющими и больно бьющими словами.

— Убирайся, Ромео, и найди того, кто ответит тебе хоть какой-то взаимностью.

— Мне нет дела до других, а ты — если желаешь — можешь не отвечать ею. Просто будь в моей жизни. Не пропадай. Не разрывай наш союз.

— Посмотри в мои глаза, разве они что-нибудь выражают?

— Я люблю тебя.

— Не мои проблемы.

— Мисс Голдман!

За спиной объявляется служащая.

— Мисс Голдман, для вас сообщение от отца, пройдите в кабинет.

— Секунду, Миринда, — говорю я, глядя на Ромео. — Тебе пора.

Ромео всё понимает. Нервно вскидывает плечами и цепляет дыхательную маску.

— Не буду мешать вашим делам, Карамель Голдман, — говорит он и уходит. Надеюсь, навсегда.

Служащая закрывает дверь. Держу слёзы в себе. Кажется, теперь мы точно расстались. Мы расстались?

— Спасибо, Миринда, — благодарю женщину за своевременное появление. Наверняка она слышала всю нашу беседу и решила выступить в наиболее кульминационной части, дабы вытащить меня. Я ждала помощи извне. Неожиданно. И неожиданно её получила.

Как же дерьмово. Где-то в области груди. Что там? Помимо сердца.

Возвращаюсь в спальню: падаю на кровать и смотрю в потолок. Смотрю в имитацию звёздного неба — подарок дяди. Где сам дядя? Почему не позвонит? Наверняка догадывается, как мне плохо. Как плохо, когда весь мир — единственный мир — и всё общество — единственное общество — ополчаются против тебя. Переворачиваюсь на бок и взглядом сталкиваюсь с пауком, застывшим на соседствующей подушке.

— Вновь охотишься? — спрашиваю я.

Мы смотрим друг на друга. Хочу запомнить момент таковым, хочу запомнить Новый Мир таковым. Пускай — прошу! — миг остановится и позволит ещё раз вдохнуть воздух с поверхности. Я не хочу думать, хочу просто дышать. Дышать на поверхности и знать, что на следующий день грязный запах использованных полотенец Картели не ударит в нос, что незнакомец в низовьях Южного района не швырнет подлую речь, что я не отправлюсь в Острог, что мой мир останется былым — Старый Новый Мир.

Отец передаёт сообщение через Миринду (предполагаю, что ему стал известен визит Ромео; тем самым учаю собственное сердцебиение). С минуты на минуту приедут служащие — установить террариум для паука, доставить ему еду. Отец просит вести себя как обычно, никак и ничего не комментировать, делать безучастный вид и строить безучастное лицо — пусть моё поведение будет таким, словно я не в курсе происходящих вещей.

— Хорошо, Миринда, я тебя слышала.

Двери дома Голдман открываются — на пороге двое служащих. Проходят спокойно и безучастно: под взглядом служащей устанавливают в спальне террариум, рассыпают субстрат,

прикрепляют поилку и укрытие-череп. Как традиционно.

— А где ваш питомец? — спрашивает один из служащих, когда я протягиваю чипированную руку к терминалу, чтобы расплатиться.

Вместе с тем признаюсь:

— Где-то на кровати, он волен сам выбирать свой путь.

— Смело. В моменты стресса пауки могут скидывать со спины ворс — он аллергенен.

— Хорошо, что у нас не бывает стрессовых ситуаций, верно? — улыбаюсь я (неужели Вестник не опоясал весь Новый Мир? Или то утверждение с ядом?).

Терминал выдаёт звуковой сигнал. Первый раз такой слышу.

— Странно, — говорит один из служащих, — оплата не проходит. У вас рабочий чип?

Меня и от банка отключили? Изверги!

— А может быть иначе? — швыряю я. — Думайте, что и кому говорите.

Так бы ответила старая я, так бы ответила Карамель Голдман днём ранее — до своих семнадцати лет. И я так отвечаю, потому что отец велел: играй, отыгрывай роль.

Добавляю:

— Значит, какая-то ошибка.

В системах Нового Мира не бывает ошибок.

— Значит, — соглашается служащий.

Голос внутри меня зудит: сам Новый Мир — одна сплошная ошибка.

— Запишите на счёт Говарда Голдмана, — киваю я. — Наше имя вам, думаю, известно.

— Разумеется. Хорошего дня, мисс Голдман.

Миринда провожает гостей, я же поднимаю паука и перекладываю его в террариум. Осматриваю доставленную ему пищу: пакеты с мертвыми мотылями, иные насекомые, странная крошка, листья растений, банка с парой живых грызунов. Последнее впечатляет. И настораживает. Крохотные мыши пытаются крохотными лапами ухватиться за гладкую поверхность пластика, в который заключены. Достая грызуна за хвост — опускаю в террариум. Вот так это происходит в Новом Мире? Вот так это происходит в Новом Мире...

Паук не двигается. Не замечает. Делает вид? Мышь носится из угла в угол, пытается зарыться в субстрат, как вдруг останавливается у поилки, дабы утолить жажду. Лапы паука медленно переносят его тело в сторону добычи. Увлекательно. Медитативно. Грызун оборачивается и смотрит: всё еще не видит умело маскирующегося хищника. Пьёт. Снова пьёт, после чего решает пробежать подле паука. Неверный шаг! Миллиметры — ворс касается ворса. Паук запрыгивает на мышь — в секунду; стискивает мохнатыми лапами, душит. Грызун бьётся с пару секунд в конвульсиях и замирает вовсе. Паук победил.

Я отхожу от террариума, пребывая в легком экстазе. Подобное не описать словами, их форма бессильна перед ощущаемым. Как удержать улыбку? Ох, если бы я могла стать пауком...

Но я чувствую, что граждане Нового Мира — жалкие крысы, отвлёкшиеся на поилку с водой и решившие утолить свою жажду. А паук...паук есть Новый Мир, стены террариума равны стенам нашего города.

Миринда готовит ужин — съедаю порцию супа и, стащив с отцовского кабинета книгу, прячусь в спальне. Интересно, почему родители не возвращаются? Решают мои проблемы? Решают свои проблемы?

Дочитываю последнюю страницу — главный герой умирает — и ложусь спать. Большого я сделать не в состоянии. Мой личный Новый Мир рушится, и обломленные сваи

вот-вот отправят Карамель Голдман в низовья старушки-земли. Прощай. Прощай!

Я просыпаюсь.

Как долго я спала? Всё, что было до этого — обвинения, беседы, озарения — мне приснилось? Надеюсь, что приснилось. Надеюсь, сегодня понедельник и день обещает быть хорошим. Обычным. Привычными. Правильным.

— Открывай глаза, Карамель Голдман, — зудит голос от изголовья кровати.

Какого?

— А ты что тут делаешь? — восклицаю я, глядя на отца.

Кажется, сегодня не понедельник и произошедшее — не сон.

— С добрым утром, — кивает отец и — что удивительно — достаёт из уха наушник. Всё настолько серьёзно, что он согласен пропасть из сети и побеседовать со мной без присутствия второй линии?

— Никогда не будил меня прежде.

Я привыкла к появлению служащей, будильнику или беспокойному нутру, которые повелевают открывать глаза. Но не к виду отца. Не к обеспокоенному виду отца.

— И никогда не занимался твоим просвещением в требующих то вопросах. Может, потому сейчас почти весь Новый Мир ненавидит тебя? — предполагает отец.

— Почти? — усмехаюсь я.

— На твоей стороне только твоя семья и Ромео. Не семья Ромео, он сам, — уточняет отец.

— Я могу с ним видаться?

— Тебя правда это интересует? — скептически бросает отец. — Для чего, Карамель?

Хмыкает и пожимает плечами. Продолжает:

— Ему запрещено. И тебе. Никакого контакта после официального разрыва, ясно? И вообще, Карамель, оставь это. Оставь мальчишку. Поняла?

Показательно вздыхаю.

— Или он тебе нравится? Зачем цепляешься за него?

Отец знает, как привести в чувства. Заговорить о них. Знает, как дисциплинировать парой фраз. Более отрезвляюще работает лишь обрубок имени... «Кара». До имени «Кара» отец никогда не опускался.

— Нет, не нравится, — спокойно отвечаю я. — И ни за кого я не держусь, ибо самостоятельна и полноценна. Просто...

— Будь добра объяснить, — подстрекает отец.

— Просто других знакомых у меня нет. Нет друзей.

— А тебе что, Карамель, нужна поддержка? Друг для разговоров?

— Собеседник имеется. Паук.

— Мудрое решение. Если решишь доверить кому-либо свои секреты — доверяй животным. Они умеют хранить тайны и никогда не осуждают.

— Зачем разбудил?

— Празднование моего повышения в Палате Социума, — кисло отвечает отец. — Будь добра сделать то, что делают девочки, когда пытаются показать, будто у них всё в порядке, — без энтузиазма протягивает он. — Готовься, сколько потребуется.

— Серьёзно? С каких пор ты этим занимаешься?

— Следовало не прекращать работать над твоей репутацией и твоим имиджем, более весомого и ценного проекта в моей жизни не было.

Повторяю:

— Серьёзно? У тебя хватает наглости озвучивать этот факт?

Теперь отец так легко признаётся, что дочь — всего лишь проект...

— В юношеские годы я хотел не в Палату Социума, а в Палату Рекламы. Реклама синоним Голдман, тебе известно. Сегодня за нами будет — нет, не пристальное — навязчивое внимание со стороны прессы и охраны. Новости, Вестник, Патруль Безопасности — угодить следует каждому. Веди себя достойно, я-то знаю, что ты... нормальная.

Киваю. Комплимент? Странный.

— Собирайся. Выбирай гардероб в белом цвете, мы все одеваем белое. Будешь готова — зайди в кабинет. Приглашённые гости уже ожидают — встречаемся на Дамбе, в «Фалафели».

Отец хмурится, заминается. Словно думает: говорить ещё?

— Говори, — требую я.

— Это твой единственный и последний шанс, Карамель, — вслушиваюсь в наставления отца, — заявить о себе как о человеке, который может не просто управлять Новым Миром, а хотя бы достоин жизни на поверхности. Всё остальное разрулим.

Плечи отца расправляются, тонкие пальцы прыгают на дверную ручку. Уходит. Я недолго наблюдаю за пауком в террариуме и направляюсь в ванную комнату, однако сборы не отнимают много времени. Встречаюсь с Золото — та подпирает дверь её спальни. На девочке белое платье чуть ниже колен, с нелепой кружевной оборкой и рукавами-фонариками. Белые туфельки усыпаны камнями.

Хочу пустить шутку по поводу внешнего вида сестры, но сестра обращается ко мне раньше:

— Мы с тобой, Карамель.

В растерянности киваю и ухожу к себе. Пытаюсь не думать о сказанном. Как можно не думать о сказанном? Не желаю быть в платье, хотя отец ожидает его и не иначе; достаю комбинезон — белый. Цвет чистоты, цвет стерильности, цвет порядка, цвет уверенности. Белый цвет говорит: «смотрите, мне нечего скрывать, смотрите, я невинна». Отец знает, что делает. Отец знает, что делать. Отец продумывает образ — внешний вид, мимику, жесты, привычки, создаваемое впечатление, даже мысли, которые рождаются в голове — до мелочей, дабы получить конкретную реакцию. Отцу можно доверять. Отцу можно доверять?

Где дядя? Почему он до сих пор не объявился? Почему никоим образом не прокомментировал участие Голдман в скандале? Да он первый — как однажды попавший в него — должен был набрать племянницу и расспросить о делах и самочувствии! Дяде можно доверять?

Всё бы отдала (и так отдала, Карамель!), чтобы увидеться с янтарными глазками и обсудить происходящее. Чем занимается Каин? И сейчас, и в жизни? Ныне его речи не кажутся столь безобразными и абсурдными, они обретают вес и форму. Едва удерживаюсь от смеха: в начале недели ни у меня, ни у кого-либо ещё не было представлений о вскоре случившемся. О том, что всё обрушится. Неспешно и пред взором тысяч.

Вызволяю из шкафа белые ботинки, а из шкатулки (той самой, подаренной Каином, за двумя запятыми-замками) — белые перчатки. Янтарные глазки были проницательны.

Мы — ваши Создатели.

Мы — ваши Создатели?

Велю служащей нести пальто — исполнительно припадает к дверям.

— Вы чудесно выглядите, мисс Голдман, — лепечет женщина, когда я принимаю верхнюю одежду из её рук.

— Чудесно означает чудаковато? — огрызаюсь я и теряюсь за дубовой дверью — щелчок замка отгораживает нас друг о друга и рвёт беседу на корню.

Подхожу к зеркалу и смотрю на себя. Соберись, Карамель. Нет ничего, с чем бы ты не справилась (или не справилась твоя семья) — шагай вперёд, даже если сейчас оно покрыто коркой неизвестного. Всё наладится и будет как прежде, покуда Патруль Безопасности не забрал тебя в Картель, а оснований к тому нет.

Или есть?

Все те жалобы, статьи из Вестника...это считается основанием? Академия уже выставила документ к моему обследованию. Неужели всё так серьёзно?

Поспешно накидываю пальто и выхожу из спальни. Отец сидит в кабинете — перелистывает почту на плавающем в воздухе экране. Мать сидит на столе, аккуратно покачивая ногой, переброшенной через другую ногу. Наверное, мне бы хотелось поговорить с ней, посоветоваться, оправдаться. Наверное, это было бы правильно. Но вместо того я молчу — молчит и она. Лицо матери — фарфоровая кукла — без эмоций. Руки лежат на бёдрах — управляющий марионеткой бросил игрушку. Пускай довольствуется той информацией, которую почерпнула из Вестника и от отца.

Оба родителя молчат. Говорю, что готова. Оба родителя молчат. Спускаемся в прихожую. Оба родителя молчат. К обету негласности присоединяется сестра. Крепим маски на лицах и выходим на посадочное место, садимся в приготовленный автомобиль. Отец за рулём сосредоточен, внимателен.

Небоскрёбы редуют и уменьшаются, переходят в небольшие дома, паутина над головой развязывается, распутывается, машины подле нас рассыпаются. Нас встречает всей своей красотой дамба.

Выглядываю «Фалафель» — там мы были с Ромео; здание липнет к иным зданиям. Ступаю из автомобиля, когда мы паркуемся, на посадочную платформу, тороплюсь переместиться с неё на подобие песка, рассыпанного по периметру дамбы: ноги вязнут в мельчайших крупичках. Песок похож на пыль. Я почти уверена, что это пыль. Имитация пляжа. Забавно. Но для чего? Никогда не задумывалась...

Наблюдаю — вдруг — десятки раскинутых по парковочным местам автомобилей. Сколько же здесь людей... И за каждого платит семья Голдман.

— Лучше бы мы были вчетвером, — говорю я. — К чему созывать всех знакомых и коллег?

— Лучше бы ты следила за собой, Карамель, — брыкается Золото. К ней возвращается чудовище, что терроризировало меня на протяжении двенадцати лет — с первого крика из колыбели. — Тогда бы не пришлось устраивать этот цирк и наряжаться как идиотам.

— Не говори сестре подобных вещей, — встречает отец. — Карамель помогла бы тебе. А моё повышение — отличная возможность собрать многих из управления и познакомить с тобой, — обращается ко мне, — лично.

Киваю. Не желаю того делать, но выбора нет. И Золото я бы не помогла. И они не спасают меня — спасают себя, спасая репутацию семьи, которую я пошатнула.

— Ты вообще видела тряпку на мне? — не сдаётся Золото. — Похоже, что я собралась на бал?! Почему тебя не заставили натянуть тупое платье? Даже сейчас, Карамель, ты долбаная выскочка, не смогла выбрать что-нибудь с юбкой. Это комбинезон будущего заключённого? Собираешься после своего веганского салата в Картель?

— Золото, закрой рот, — холодно отторгает мать, а младшая дочь — что удивительно — слушается.

Идём до ресторана. Близ воды ветер сильнее, настырнее — прокалывает, остро. В городе не так холодно. В городе — словно — и небо светлей, здесь же — ни раз упомянутый кусок старого картона. Ощущаю внутри себя глыбу льда, что, подтаивая, бежит по телу — вскоре капли эти замерзают и остаются внутри. Пытаюсь укутаться, но всё без толку.

Служащие распахивают перед нами двустворчатые двери — оказываемся внутри «Фалафели». Один единственный стол тянется вдоль всей залы: на нём — всевозможные яства, за ним — всевозможные люди. Присматриваюсь: запечённые сверчки и ведущие Новостей, блестящие синтетические стейки и руководители Палат. Знаю, что всё это представление необходимо: важно и для отца, и для меня. В первую очередь для меня. Но в последние дни открылось слишком многое, а потому я ни с кем не здороваюсь и безучастно тянусь шлейфом запахов за цокающей каблуками семьёй Голдман. На секунду меня поражает сожаление, и я подумываю остановиться. Ещё не поздно остановиться...

Еще не поздно?

— А вот и виновник торжества! — радостно объявляет голос дяди.

Дядя! Не могу поверить, он здесь!

Желаю броситься с объятиями — что?; держусь, молчу, отвожу взгляд. Где он был? Почему пропал? Что происходило в его жизни? Когда я узнаю? Я могу узнать?

Дядя вываливает из-под стола крупный живот и утиной походкой бредёт к отцу. Мужчины хлопают друг друга по плечам, уместно шутят. Мы с Золото никогда не сможем так здороваться...

Дядя низкий и круглый, отец высокий и тощий. Дядя смотрит тепло, хоть и кровожадно, отец смотрит холодно, но и сострадательно. У дяди зеленые глаза, у отца — голубые. Дядя весь такой припухлый и активный, отец же — поджарый и скупой на действия.

Мать в стороне. Скидывает в руки служащей плащ и обращается к толпе, половина которой — та, что обладает накладными волосами или накладными ресницами — восхищается обтягивающим нарядом зелёного, почти болотного (вот же дядя позабавится!) цвета. У платья короткие рукава, глубокое декольте. Острые шпильки поднимают худое тело и делают его выше отца. Вычурная, броская, резкая... Самка богомола!

Золото снимает своё пальто — окружающие умиляются её красоте и — совсем ей несвойственно — позирует, но позирует как ребёнок. Сама себя она ощущает намного старше, отчёт в действиях отдаёт более зрелый, но сейчас сестра вынуждена притворяться.

Никто не обращает внимания на старшую дочь Голдман.

Кто ты, Карамель?

Кара?

Кто ты без фамилии «Голдман»?

Сбрасываю пальто — служащая не поспевает — на пол. А, может, я попросту более не нуждаюсь ни в ком из них? Никто мне не указ, не показатель, не пример. Не идеал. Ничего из трактуемых нами истин не существует, а потому я плюю под ноги каждому из присутствующих, каждому из присутствующих бросаю вызов и влеку наказание. Покажите,

на что вы способны. Перешагиваю пальто и бреду за семьей на уготовленное мне место. Стул для казни? Замечаю мельтешение фотографов — они плавают вдоль стен и делают незаметные кадры: фото и видео. О званном приёме Голдман уже написали в Вестнике?

— Карамель, племянница! — Стены содрогаются от возгласа дяди — мужчина торопится, как ему кажется, спасти меня от навязчивого внимания. — Девочка моя! — продолжает мужчина. — Как дела в Академии? Слышал, у тебя самый высокий балл? Рассказывай.

Сказать ему, что меня отстраняли от занятий? Сказать, что Академия настаивает на медицинском обследовании? Вот только говорить не требуется — каждому здесь присутствующему то известно. Как возможно разрешить столь увесистую ситуацию, состоящую из десятков навалившихся обвинений и последующих проблем? Отец справится?

Почему я сомневаюсь в нём?

Я сомневаюсь в себе?

Сомневаюсь в Новом Мире?

Дядя вторит о чём-то ещё, но я не слышу. Не слышу ни единого слова из уст мужчины, находящегося в полуметре от меня, однако слышу бескрайний, разливающийся по углам заведения, шепот незнакомцев. Дядя продолжает интересоваться академической ерундой. Ответов он — как это забавно — не получает и даже не требует. Проводит до стола — мимо раздосадованного отца, рухнувшего на свой стул и пустым взглядом ударившегося о полную бутылку напротив.

— Юным девам, — вздыхает женщина подле меня, — полагается более утончённый стиль одежды. Брючные костюмы — как-то вульгарно.

— Вульгарно непрошенное мнение, не находите? — парирую я.

И это не брюки, пустая твоя, наполненная свертками и сильногазированным лимонадом голова. Это комбинезон.

Отец бросает колкий взгляд — такой быстрый, что ни единый щелчок камеры не успевает зафиксировать его; только я ощущаю. Всегда ощущала.

— У Карамель прекрасный образ! — вспыхивает Золото, на что мать гневно дёргает её рукой под столом. Девочка отделяется от женщины и, пристав, восклицает: — Образ, вдохновлённый движением Нового Мира, его модернизацией, прогрессивностью.

Незнакомые люди в самом деле решили докопаться до одежды на мне? Они настолько напитались негативом и отвращением через статьи, что теперь выискивали, за что бы еще уцепиться? Вспоминаю однажды повстречавшуюся в магазине одну из Левиафан — как прозорливо выбирала платье для интервью и сама в себе искала изъяны, будучи уверенной, что если заметит она — иные заметят в каком-то увеличенном, расшатанном, не имеющим границ объёме.

— Твой стилист превзошёл сам себя! — следом восклицает Золото, а мать в очередной раз тянет её за руку под столом. Но ты не сможешь спасти утопающего, если он бездумно выпускает даваемый кислород.

— Спасибо, Золото, — хмыкаю в ответ, — но мой стилист — я сама.

Не позволю выставить осмысленный выбор за чужую ошибку.

В зале так мало света, что даже воздух становится тяжёлым, сжатым. Я не вижу неба Нового Мира, но даже в помещении ощущаю, как оно давит на плечи. Поверхность — идеальная, желаемая — вдавливают в свои искусственные «земли» — дороги, стилобаты, мосты. Настенные светильники бросают жёлтый свет, и тени — карикатурные, кукольные —

являют преданных чревоугодию и сплетням людей. Смотрю на их выступление — кажется, приходит осознание, что из себя представляет каждый отыгрывающий роль в театре теней. Камеры запечатлевают сменяемые строгие лица и натянутые улыбки, вычурные манеры, податливые рефлексy, ужимки. Тени прыгают, дрожат, сменяются.

Гнилое — нет, перегнившее — общество с гнилыми — нет, перегнившими — представителями своей касты.

Я улыбаюсь.

Я всегда жила в притворстве и никогда этого не замечала.

Я улыбаюсь.

Свет камеры — напротив лица, едва не в плотную — ослепляет. Прячу взгляд и — вспышка вызывает головную боль — прихватываю переносицу. Камера запечатлевает и это.

Дядя ловит репортёра и тащит к себе, тень покрывает их, никто не видит и не слышит — вижу и слышу я, находящаяся близ. Иные камеры — будто бы знают, как им поступать — отворачиваются, занимаются иными гостями.

— Ещё раз так сделаешь, — сипло выдаёт дядя, — и я выколю глаза — тебе и камере. Понял?

— Понял, — отвечает репортёр и желает уйти.

Дядя притаскивает его обратно и говорит:

— Мне понравилась твоя камера, оставь.

— Не могу...

— Можешь, если желаешь и дальше нажимать на затвор, а не объясняться в жалобе, которую я могу оставить.

Поражаюсь и забавляюсь. Разница между дядей и отцом колоссальна даже в решении конфликтов. Дядя импульсивен, отец рассудителен, дядя раскован и недругам скалится в лицо, отец аккуратный и недругам отвечает в спину. Дядя злопамятен, отец обходителен. Дядя вспыльчив, решителен и монументален, отец уравновешен, пытлив и гибок. Дядя наносит сокрушительный удар сразу, отец же настигает постепенно и пилит медленно.

Голова гудит от разговоров с разных сторон. Отец с радостью отвечает на поступающие в его адрес вопросы, мать кладёт тощую руку ему на плечо и кивает всем подряд. Она всегда выступала красивым дополнением к Говарду Голдману. Интересно, она в самом деле считает, что фамилия Голдман — проклятье? Что дом Голдман — проклятье? Что принадлежность к семье Голдман — проклятье?

Вдруг отмечаю знакомые лица: женщина с глазами Тюльпан, а рядом мужчина с вздёрнутым — как у неё — носом. Родители! Здесь её родители! Пришла семья Винботтл.

— Я верю в нерушимость семейных уз, — рассказывает кому-то отец, но слова его вкушает каждый. — И это здоровая практика! Мы с братом всегда...

Перебиваю:

— Пойду подышать, здесь душно.

Душно в самом деле. И физически, и эмоционально.

Отец колеблется. Пропустить мои слова после его красивых речей было бы неправильно, а поощрять брошенным взглядом и ответом — более чем неприлично. И потому отец отвечает в воздух, что одобряет поступок. Позабыв пальто, направляюсь к распахнутым дверям — спиной ощущаю шаркающие следом взгляды. В последний момент — перед встречей с бессердечным Новым Миром — пристёгиваю дыхательную маску.

Холодный ветер сжимает в своих когтистых лапах, но это беспокоит меньше всего. Вот

что ощущал Ромео, выйдя из здания Академии в тот день. В день, когда всё началось. В день, когда всё стало меняться и разваливаться.

Подхожу к дозволенному краю дамбы. Линия бежит вдоль платформы — где-то за неё выходит песок. Подталкиваю крупницы — летят к парапету. Смотрю на воду. Смотрю на пугающую и жрущую смыслы глубину, смотрю на сдерживающие её стены — серые, ровные, холодные. Дамба велика. Не могу разглядеть её край по ту сторону — голубая линия воды плавно переходит в белую линию неба. В центре дамбы вода тёмная, синяя, чёрная, страшная, зазывающая, поглощающая. Я боюсь дамбы. Нет, я не боюсь воды. Единственное, чего боюсь — глубины. С ней невозможно тягаться, с ней невозможно бороться. Помню картинки из старых журналов...помню захватившую города воду, помню — словно летающие — тела утопленников, помню не спрашивающие разрешения и не дающие возможности уйти волны.

Смотрю в сторону — аккуратно, ненавязчиво. Боковое зрение ловит снующую недалеко от парковки пару. Юноша — со смольными волосами и добрыми глазами, девушка — с бледной кожей и довольной улыбкой. Ловлю их мимолётное соприкосновение рук и восторгаюсь, ликую, тревожусь; всё вместе. Днём ранее, Карамель, ты бы подняла шум, а беспечным бы грозило наказание. Что случилось с твоими принципами? Очнись, Карамель. Люди не могут изменить то, что у тебя здесь...и я касаюсь виска, пристукивая пальцем. Здесь. Мои взгляды остались неизменны, мои взгляды остались моими, а они таковы — виноватых следует подчинить и наказать. Кто эта глупая пара? Я выжгу их с земель Нового Мира!

И вот я представляю на месте незнакомцев Ромео и Ирис. Почему? Та вышагивает подле и что-то восторженно бормочет, а он покорно следует за ней и ничего не отвечает. И будь так на самом деле...каждый заслуживает нормальную пару, перспективную пару, безопасную пару. Ведь так?

Юноша замирает и оглядывается. Смотрит в ответ, смотрит в глаза, и потому всё внутри меня переворачивается. Я наблюдаю Ромео. Нет того мальчишки — только мой. Мой Ромео. Ирис что-то шепчет ему близ лица: прыскает ядом, отводит моего-не моего Ромео за припаркованные машины. Злая женская ухмылка режет неказистое лицо, и я с горечью во рту отворачиваюсь.

А, может, всё это привиделось.

Я скучаю по нему.

Я скучаю по нему?

Нет, абсурд. Скучать по кому-то равно проявлять чувства, а чувствовать нельзя, чувствовать невозможно. Мы Боги. Мы не можем быть уязвимы, чувства же таковыми делают.

Смотрю на воду. Представляю, какого оказаться там. Волнительно ли потерять равновесие на мостах Нового Мира и отправится в урбанистическое сердце града? Не так волнительно, как потерять равновесие и оказаться за ограждением дамбы — вода сожрёт, глубина сожрёт.

— Ваш идеальный мир потонет в вашей же идеальной крови, — слышится мужской голос за спиной.

Кровь — не вода, я согласна.

Узнаю его обладателя. Дрожь рассыпается по телу: от макушки до кончиков пальцев. Я готова и убить тебя, и боготворить, чёртов ты...

— Таков был глас Остроговцев, когда их оторвали от Нового Мира.

Бред. Острог никогда не принадлежал к Новому Миру.

Не оборачиваюсь. Жду, когда пришедший поравняется со мной. Так и происходит.

Мальчишка с янтарными глазами спрашивает:

— Научилась антирекламе у Говарда Голдмана, конфетка?

Что известно ему, что неизвестно мне? Что известно всем людям, но неизвестно мне?

— Тебя за это — что очевидно — съедят, Карамель. Косточку за косточкой.

Отвечаю спокойно:

— Я знаю, Каин.

— Отец учил не пилить ветку, на которой сидишь?

— Пришёл позлорадствовать?

— Это способ поддержки, конфетка. Такой уж у меня.

Каин ловит взгляд в ответ.

— Передо мной совсем другой человек, — говорит юноша и, приветственно склонив голову, отворачивается к воде. — Мне кажется, мы не виделись целую вечность.

Это обращение ко мне или к ускользящей вдаль поверхности воды?

— Мне тоже так кажется, — признаюсь я.

И тоже не ведаю — ему или водной глади.

— Какими судьбами, Каин? Чем занимаешься?

— Давай начнём с иного. Выбирай: плохая новость или хорошая.

— Плохая.

— Ты выбрала плохую, в самом деле? В скопище гнева и хлама, льющихся помоев и осуждающих взглядов ты выбрала плохую новость?

— Она меня априори опечалить не сможет.

— тоже верно. Ладно. Может, это не моё дело, но я скажу только для того, чтобы ты не строила догадки и не беспокоилась понапрасну...

— Не томи.

— Твоего дружка записали на твою подружку. Он пройдёт медицинский осмотр и сразу же вступит в благоприятную пару.

Давлюсь собственными мыслями и языком. Держи себя, Карамель. Ответь непринуждённо, безучастно. Ну же, не тупи, ответь..!

— Окей.

И я спокойно пожимаю плечами.

— Окей? — переспрашивает Каин. — Это всё?

— А ты ожидал?

— Чего-то кроме каменного лица. Даже плечо поддержки приготовил, можешь плакать сюда.

И он прихлопывает по твёрдому плечу пальто.

Восклицаю:

— Ты забыл, с кем разговариваешь?

— Такое забыть невозможно.

О, ну почему Ирис, Ромео? Почему?

— Если тебя интересно...

Режу на корню:

— Нисколько.

— Если интересно, — стойко продолжает Каин, — знай. Его родители подытожили обратиться к дочери двух управляющих, что обнаружила болезнь своей подруги и вовремя обратилась в Администрацию с докладом, предотвратив беду. Вины твоего друга нет.

— Не называй его так, во-первых. Во-вторых, он мог не соглашаться.

— Ты знаешь, что не мог. Тебе говорят — ты исполняешь. Если хочешь оставаться на поверхности. Если не хочешь нарушать идиллию мира. Если не желаешь прослыть девиантным в самом деле, а затем быть изгнанным.

— Да, знаю. — В момент успокаиваюсь и обращаюсь к воде. — Как же я зла на него.

Зачем признаюсь? Для чего? Я в самом деле ощущаю это? Глупая. Есть вещи, которые должны уйти в крематорий вместе с тобой. Есть слова, которые не смеют покидать уста, каким бы настроением не пережёвывало нутро.

— Тебе не кажется, что всё происходящее — здесь сейчас и в городе вообще — фальшивка? — спрашивает Каин.

— В каком смысле фальшивка?

— Ну да, — соглашается он, — ты сама фальшивка, а потому не можешь разглядеть её в окружении.

— Не говори так.

— Иначе?

— Не говори.

— Тебе даже сказать нечего, потому что это правда. Ты, Карамель Голдман, ничуть не отличаешься от всех этих картонных людей, что снуют по улицам и совершают однотипные действия, говоря фразами-скриптами. Ты — фальшивка, Карамель Голдман.

Когда Каин сказал это, я ощутила невообразимую тягу доказать, что он ошибается. Я — часть города, но я — индивидуальность. Он не пошатнул веру в саму себя, но вложил желание продемонстрировать обратное сказанному.

— Ты не видела жизни, конфетка, только слышала о ней, — продолжает юноша. — И всё, что ты слышала, всё, что впитывала в себя — провокация и обман.

— Провокация сейчас в твоём голосе, янтарные глазки.

— У меня тоже есть прозвище, конфетка?

— Какая хорошая новость? Может, уже скажешь?

Не даю нападать дальше.

Каин улыбается. И говорит:

— У тебя появилась возможность свинтить от твоей токсичной семейки. Семейки, что пытается оправдать и исковеркать осмысленные поступки дочери, а, значит, не уважает в ней личность. Ты и так понимаешь...

— Иди ты, — говорю я. — Решил, надавить на моё раздутое эго, чтобы я предала семью?

— Спорим, они уже выслали за тобой Патруль?

— Иди ты, — повторяю я.

— Беги, конфетка.

От него или от семьи?

— Пошёл ты, Каин.

— А глазки у тебя забегали, конфетка, — с горечью улыбается парень. — Ты прикинула, да? Какого это, когда за тобой высылают чёртов Патруль, когда за тобой гонятся безликие в униформе и в масках.

Решаю связать:

— Не понаслышке знаешь, верно?

— Я — в отличие от тебя, Карамель — свободный человек, которого за иные, отличительные от государственных, мыслей не накажут — даже не привлекут. Меня не существует для Нового Мира, забыла?

И Каин приподнимает руку, чтобы я посмотрела на лишённую чипа ладонь, однако ладонь покрыта тканью перчатки. До сих пор не верится, что у него нет идентификационной микросхемы...

— Свободный человек, — усмехаюсь я, — но прячешь знак отличия, которым так гордишься, чтобы никто не узнал о твоей свободе, потому что это не свобода, а глупость породивших вне города родителей.

— Думай, что говоришь, Голдман, — кивает юноша.

— Именно этим я всегда занимаюсь, — брыкаюсь в ответ. — Тебя задело упоминание семьи? Сочувствую. А, может, и нет.

— Счастливо оставаться, Карамель. Возвращайся в зал к своей фиктивной семье и мнимым друзьям, которые будут ожидать ареста самой популярной девочки Нового Мира. Эту статью в Вестнике даже я прочитаю.

Каин отступает.

— Буду в машине. Люблю смотреть на дамбу, вид воды успокаивает.

Мерзость.

— Не уходи, — велю я и быстро оглядываюсь. Не положено. Глубокий вздох — возвращаюсь в исходное положение. — Мы не закончили беседу.

Каин — вот же предатель! — останавливается и смотрит на меня по-доброму, хотя я прижгла его, очевидно, самым больным. Упоминанием о семье. Смотрит по-доброму, отчего же? Все бросают отравляющие и негодующие взгляды, позволяют неотёсанные и провокационные речи, а он награждает сердечным взором. Отчего? Сравнивает с иными грешниками, покинувшими поверхность Нового Мира?

— Я хочу спасти тебя, конфетка, — ласково проговаривает Каин. Хочу увезти. Не прошу помощи, не прошу помогать. Хочу спасти от того, что готовится.

Как же холодно, ткань комбинезона пробивает поток ветра.

— А что готовится? — уточняю я.

— Из-за последних событий и властвующих лиц рассыпаются семьи, что говорить о самом государстве? Ты разожгла ещё больше пламени: люди с поверхности не идеальны, а апогей их страстей, их мотивирующая фигура ныне под прицелом. Понимаешь? Они думают: «если сами Голдман подверглась болезни, что говорить о нас...».

— Но я не больна!

Рвусь доказать и потому с отчаянием ловлю согревающий взгляд Каина.

— В этом городе болен каждый, и болезнь эта называется «Новый Мир». Ты — их Бог, их Создатель, но уродство вашего общего мира поглощает тебя и портит твою красоту. Что же оно сотворит с иными? Люди боятся. И люди радуются.

— Я не понимаю...

— Ты способна понять, но отказываешься это делать. Навязанная правда тебе милей.

— Что я сделала не так?

— Позволила всем этим людям принять тебя богом.

— И опять не понимаю...

— Ваш идеальный мир потонет в вашей же идеальной крови, — повторяет Каин ту фразу, с которой начался наш разговор.

Ветер усиливается — пощечины обрастают румянцем. Вода буйствует, и, мне кажется, меж тёмных вод ползёт тонкая красная струйка. Просто кажется.

Обращаюсь к своему собеседнику и поражаю одним вопросом за другим.

— Скоро, — говорит Каин, — всё станет явью, всё обнажится и предастся суровому взору народа. Они увидят истину, тогда как ныне пытаются лишь создать иллюзию порядка. Они — говорит он, — делают вид, будто всё под контролем, но под контролем лишь граничащие с нами беспорядки — стабильные и однообразные, буйные и спокойные воедино. Они, — говорит он, — отвлекают внимание большинства от главного, они бросают пыль в разгневанные и неудовлетворённые лица. Вот и тебя, — заключает Каин, — под обстрел пустили. А причём здесь обнявшаяся с кем-то разок школьница, если фабрики закрываются, люди исчезают, и вины, как и принадлежности к тому, твоей нет? Они дают людям возможность мусолить самую сладкую кость, но столкновение с ледяной глыбой неизбежно.

Все его слова...они пугают.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Беги, пока можешь. Беги, пока Новый Мир не отсёк тебе ноги и не отнял разум. Просто беги. Иногда спастись бегством не равно принять поражение.

Наставления эти впитываются в кожу и остаются со мной навсегда.

Сообщаю:

— Я не из трусливых.

— Дело не в трусости, конфетка. От наставленного пистолетного дула тоже следует увернуться, хотя бы попытаться. Знаешь, где сейчас спокойно и где никто не будет искать?

Боюсь предположить. Однако предполагаю:

— Острог? Ну нет. Никогда.

— Я хочу спасти тебя, конфетка, всего-то.

Каин вдруг начинает торопиться и говорить очень спутанно. Едва успеваю за его речью, за его мыслью.

— Я знаю, в это сложно поверить и звучит это дико: за пределами Нового Мира есть ещё один регион, ещё один пригодный к жизни участок — пятый район. Он особенный. Подобный элизию. Истинный рай...Он близок и далёк одновременно, он находится за чертой города, за Дамбой — на острове. Из-за густых деревьев, покрывающих землю, обитающие там поселения невидны. Это община. Я не предлагаю Острог, потому что ощущаю твои негативные установки в отношении моего дома, но я могу подыскать место и возможность попасть в пятый район, который строился для блаженного существования избранной элиты — той самой, что вообразила правила иным, но сама по ним жить не захотела.

— Отец ничего не говорил о пятом районе.

— Может, потому что ему неизвестно о нём? Говорю же...место для избранных.

— Мы — влиятельнейшая семья современности...

— Одна из, — поправляет Каин. — Снова эта песня, ты её обожаешь. Влиятельная не есть избранная. Подумай, кто изобрёл Новый Мир и его законы?

— Мы сами.

— Вам так показалось. Вам донесли эту информацию.

— Глупость — твоя история про пятый район. Глупая детская сказка. Или собираешься добраться туда вплавь?

Вода под напряжением (так говорили) — свалишься и сгинешь. Тебя разорвёт током. А, может, и это глупая детская сказка, байка от старших младшим.

— По воздуху, Карамель, всё по воздуху, — рассказывает Каин. — Думаешь, высшая власть не знает о существовании пятого района? Она сама его создала и дала название — «Авалон», а потом как единственное не погубленное под своей эгидой дитя вскармливает, прижимая к материнской груди, и поставляет на грузовых вертолётах припасы. Там нет заводов, нет машин. Люди ходят по земле, живут в низких домах и прячутся от солнца под деревьями.

— Не может быть.

Даже звучит дико.

— Знаешь, почему в жилых домах Нового Мира нет ни единого окна, смотрящего в сторону Дамбы? Иначе бы люди увидели поставки и — не в силах сопротивляться природному любопытству — начали задавать вопросы. То недопустимо.

— Откуда известно тебе?

— И многим из Острога. Мы видели всё своими глазами — за наше молчание нам дозволено подниматься в Новый Мир. Одна из причин.

Весь Мир — красивый и лоснящийся — на самом деле в заплатках и с необработанными швами. Не верю. Или верю? Всё сходится...или не сходится, не понимаю.

— Поэтому ты на поверхности? — поспешно спрашиваю я.

— Нет, у меня причина иная. Более важная.

Каин ласково смотрит на меня. Причина носит имя «Карамели Голдман»?

— Мне следует спасти золотую наследницу, но это не указ свыше — моё предпочтение, моё желание. Тебя обманывали годами, вскармливая ложными истинами, и теперь ты вынуждена в одночасье принимать новые (реальные) правила в сложной политической игре. Для чего это молодой, едва начавшей жить, деве?

— Ты был в пятом районе?

— Сам — нет.

— Откуда тебе известно, что он есть?

— Другие были. Те, чьим словам я доверяю. Те, за кого приму любой удар и пожертвую собой.

— Я могу побеседовать хоть с кем-нибудь из этих людей?

— Разумеется.

Пожимаю плечами. Если удастся — так и поступлю.

— Значит, ты согласна?

Нельзя задавать такие вопросы. И беседовать обо всё этом было нельзя...не знаю, отчего захлестнуло безрассудством и интересом.

— Я понимаю твою нерешительность, — спокойно рассуждает Каин. — Я бы также склонялся то к одной чаше весов, то к другой. Сложно принять в момент случившееся крушение идеалов, прости, конфетка.

— Откуда ты всё это знаешь? Кто ты такой, чёрт возьми?

Каин, тяжело вздыхая, отвечает, что ещё не время. Придёт час — он всё расскажет. А пока — ему действительно пора. Так просто оставит? Со всем сказанным? Со всеми этими словами, истинами, со всей информацией — просто оставит на набережной дамбы? Тяжесть

мыслей в голове может перевесить...

Прощаюсь и возвращаюсь в ресторан. Как же холодно... Зал шумит, гудит — коридор к нему пустует, но отдалённые беседы гостей пружинят от чёрных стен. Бегло оглядываюсь и хочу зайти под прицел камер, но тучный силуэт накрывает и, прихватив за руку, волочит в сторону. Не издаю ни звука — дядя! — и спокойно следую: замираем у гардины. Дядя гудит:

— Вся в свою мать, что за поведение?

Не поняла.

— Так мы с тобой договаривались, Карамель? Вспомни, кто ты!

Что значит «вся в свою мать»? Не поверю, что самка богомола была бунтаркой и провокаторшей. Или таковой она и была, а потому девиантное поведение перешло по генам? Не верю!

— Слышишь меня, Карамель? — восклицает дядя. — Скажи хоть слово, слышишь?

Повторяю за ним:

— Вспомнить, кто я.

— Будь добра.

Дядя кивает и отпускает, велит следовать в зал.

— Но я не знаю, кто я, — кидаю в спину.

Мужчина оборачивается:

— Чего?

— Не уверена.

— В том, что ты Голдман?

— В том, кто я такая. Я запугалась, дядя.

— Нет, тебе кажется. Здесь душно, оттого мысли выются друг с другом подобно мостам в Новом Мире, верно? На самом деле всё тебе известно, Голдман.

Подобно мостам... Зачем он сказал про мосты? Чтобы я сосредоточилась, наверняка.

— Верь только семье, Карамель.

Спорю:

— Но семья ни мне, ни в меня не верит.

— Пускай сбросится с крыши любого дома тот, кто это сказал.

— Отчего ты решил, что эта чья-то мысль, а не моя?

— Я знаю свою племянницу, знаю дочь моего брата, знаю её родителей, знаю её воспитание, знаю её нутро, потому что проходил через то же самое. И это не твоя мысль, Карамель. Любое влияние извне пагубно, сохраняй тишину на сердце.

— Кто такая Сара? — выпаливаю я.

Дядя теряется. Пугается, волнуется, спешит собраться. Эмоции волной накатывают на него, затем теряются — впервой наблюдаю такую реакцию. Не даёт повторить вопрос, швыряет вполголоса:

— Ни одна камера не должна записать это, Карамель.

— Ответь, или я сбегу.

— Возьми себя в руки, так нельзя говорить.

— Отвечай. Иначе я развернусь и оставлю вас здесь.

Дядя быстро хмурится.

— Действуй умно, — говорит он, — и рационально подобно родовому имени «Голдман». Не совершай ошибок, Голдман.

— Вся неделя в ошибках...

— Из-за кого?

— Из-за меня.

— Ты никогда мне не врала.

— И ты от меня ничего не скрывал. Но что-то поменялось, верно?

— Я расскажу, когда смогу.

— Неубедительно. Говоришь так, чтобы я не сбегала...

— Я могу вас познакомить вас с Сарой.

— Значит, тоже её знаешь...И отец.

Задумываюсь. Пугаюсь сама. Воскликаю:

— Как же познакомишь, если она бежит внутри стен психиатрического отделения Картеля? Отправишь к ней?

— Успокойся, Карамель, у тебя глаза на мокром месте.

— Все от меня что-то скрывают, это выматывает.

— Взаимно, не замечала?

Прижимаю кулак к переносице, растираю её, дабы убежать от головной боли.

— Сколько таблеток полагается пить по утрам?

— Ты серьёзно, девочка?

— Похоже, что шучу?

— Четыре.

— Я принимаю пять, почему?

— Не может быть.

— Пять таблеток подряд, от этого у меня мозги плывут?

— Нет, не от этого. — Качает головой. — А от того, что ты пытаешься расковырять старый гнойник.

— Почему их пять? Тебе известно, хоть сейчас не ври. Тебе известно, что я подопытный кролик отца? Зови меня испытуемый номер-идеальный-гражданин-Нового-Мира, слышал с таким? Тебе известно, что отец за кошелёк какого-то финансиста отдал меня в будущем в его жёны? А что Ромео требовался лишь для охраны, роднящейся с опекой?

— Иногда великая возможность проявить чувства — уберечь от правды. Мы всеми силами пытаемся выстраивать лучший мир вокруг тебя и для тебя, Карамель.

— Почему таблеток пять?

— Самка богомола отгрызёт мне голову, если я признаюсь, уж поверь. Спроси сама.

Вруны.

Шуты.

Предатели.

— Девочка моя, не плачь. Всё наладится, обещаю.

Перебиваю собственные накатывающие слёзы:

— За всё время, что в моей жизни начала происходить какая-то путаница и неразбериха, мы поговорили единожды, хотя ты знал: мне требуется твоя поддержка, дядя, твой совет — как всегда. И ты пропал. Ты молчал. Не объявлялся. Даже в день рождения тебя не было...

— Об этом говори тише.

— Что за дела?

Молчит.

— Я найду, кому задать эти вопросы, чтобы получить реальные ответы.

— Не вздумай. Не распространяйся о семейном.

— На самом деле всем известно, какие мы сволочи, дядя. Под видом благочестия мы наполняем город пороком. Эта постановка, этот цирк, это представление — всё жалкое и тошнотворное.

— Я лично перережу глотку тому, кто донёс до тебя эту мысль, девочка.

— Ты сумасшедший.

— И ты. И каждый здесь, уже поняла. Но будь тише — возвращайся в зал, отыгрывай роль благочестия, а вечером мы поговорим. Я расскажу тебе всё, ничего не утаю. Договорились?

Даже в такой момент он пытается заключить сделку...

И вдруг я вижу объявившийся в зале Патруль Безопасности. Серая форма двигается за спинами гостей: все заминаются, успокаиваются — не отпускают бесед, но ведут их осторожней, осмотрительней, тише. Сердце колотится, едва не выпрыгивает. В голову — макушку — отдаёт температурный удар. Что это значит? Патруль Безопасности озирается и заискивает по сторонам. Отец — его отдалённая спина — беседует с одним из представителей Палаты Безопасности.

— Лжец, — говорю я.

— Верь семье, девочка, — заключает дядя и наблюдает, как я отступаю назад.

Покидаю ресторанчик и несусь к парковочным местам. Каин — как и предупреждал — сидит в машине, наблюдает за водной гладью.

— Валим отсюда, чтоб тебя, — говорю я, заваливаясь на место подле водителя, хотя обычно езжу на пассажирских диванчиках. Обычно. Но вся неделя какая-то необычная. Понедельник был хорош, если бы не проклятое видение; после него всё пошло наперекосяк.

— Мисс Голдман, куда сегодня? — решает позабавиться Каин, а затем видит полные слёз глаза, извиняется и напряжённо поднимает автомобиль в воздух. — Прости, не думал... прости.

Задираю голову, чтобы слёзы закатились обратно, и спрашиваю:

— Хочешь услышать: «ты был прав»?

— В чём именно? — аккуратно подключается к беседе Каин. И следом выдаёт уверенное: — Хотя, наверное, прав я во всём и всегда.

— В гости пришёл Патруль Безопасности.

— Ты сбежала от Патруля? — восклицает юноша. — Конфетка, ты шутишь?

— Удивляешься, словно для тебя это ново.

— Я революционер, а не преступник! — оправдывается Каин.

— А есть разница?

— Для политического гласа — нет, на законодательном уровне — тоже нет. Но по факту — весомая. И ты сбежала — как преступница. А я соучастник?

— С добрым утром.

— Нас преследуют... Это машина твоего отца?

Панически вжимаюсь в кресло и тяжело дышу. Не желаю оборачиваться. Не желаю смотреть в зеркала дальнего вида. Не желаю видеть отца с его скулящим взглядом и застывшим на губах: «ты же Голдман, детка».

— И не только твой отец. Патруль подключился.

— Ускоряйся.

— Что?

— Ты хотел спасти богатенькую наследницу Голдман? Тебе представлена прекрасная

возможность проявить себя, революционер из Острога.

— Если начнётся погоня, включат сирену — наш побег будет сопровождаться не только негодующими взглядами.

— Боишься быть арестованным, гражданин без чипа?

— Ты точно Голдман? — улыбается Каин и жмёт некую комбинацию на панели управления, после чего машина — словно рывком — ускоряется; дома и мосты проносятся слишком быстро, слишком бегло — не успеваю по обыкновению разглядывать их, окна в зданиях расплываются, собираются в мешанину цвета. Надеюсь, меня не стошнит... Не думала, что служебные авто (и вообще какие-либо машины в Новом Мире) способны передвигаться с такой скоростью. — Для начала оторвёмся, конфетка.

— И как? Новый Мир не особо велик, будем петлять по районам?

— Отправимся на Золотое Кольцо — всё, как нравится Карамель Голдман, не изменяя традициям.

— Если это шутка — отстойная.

— А где ещё прятаться, как не в самом людном месте?

— Много свидетелей.

— Одни побоятся поднять глаза, проявив излишнее любопытство, другие прикроют тебя спинами, увидев Патруль Безопасности. Мы не одни, Карамель. Ты не одна.

Хотелось бы верить.

— Во времена всеобщего хаоса спасает сплочённость. Во времена разрозненного индивидуализма требуется ощущать единство.

Перестраиваемся на другую воздушную полосу и проносимся под мостом. Улицы разрезают сигналы других машин, улицы разрезает гул Патруля Безопасности. Из открытых окон слышится скудная брань напуганных водителей; Каин бегло оглядывается на меня и — вижу сквозь уголки дыхательной маски — улыбается.

Оказываемся в Западном районе — летим около грузовых поездов, что стремглав несут товары из Восточного. Едва успеваем обогнать дрогнувший поезд — чуть не задевает нас; вздрагиваю и сильнее вжимаюсь в сиденье.

— Всё будет хорошо, конфетка, — кивает юноша.

Некто выплывает над нами — мчащиеся автомобили, именуемые Патрулём и никогда ранее не видимые на улицах Нового Мира. Путаем след, проносясь между складов. Как только оторвёмся от явных преследователей — исполним задуманное: остановимся у Золотого Кольца.

Мчимся вдоль поездов, мчимся вдоль бесконечных запутавшихся мостов — возвращаемся к амфитеатру.

— Сейчас! — командует Каин и дёргает руль в сторону. Машина несётся к средним этажам Золотого Кольца, пренебрегая всеми правилами воздушного ориентирования. — Выходим!

Едва нависнув над посадочным местом, сбегает. Автомобиль остаётся на платформе — косо, безобразно, девиантно. До лестницы, уводящей вниз, несколько десятков отделов. Быстро вклиниваемся в армию неузнанных, сокрытых масками, притирающихся плечами. Каин прихватывает меня за руку и тащит следом, велит не оборачиваться и замедлить шаг вместе с ним. Мы бежим — недолго. Вползаем в тучу людей, вползаем в кучу людей — те бредут в одном направлении, наученные запуганные взгляды борются с любопытством и смотрят исподтишка. Патруль Безопасности находит брошенную нами машину, но мы уже

далеки от неё. Двигаемся с одного этажа на другой.

Спрашиваю, безопасно ли было оставлять автомобиль. Всё время и каждую поездку там велась запись с нашими беседами.

— Нет, записи не было, — и Каин спокойно пожимает плечами.

— В каком смысле? — уточняю я.

— В прямом. Мой человек помог, и мы вывели машину из системы: ни записей разговоров, ни видеосъемки, ни датчика отслеживания, ничего.

— Всё то время, что ты возил меня, и я была уверена в своей безопасности?

— Смешно, правда? Новый идеальный мир не смог обеспечить тебя этой безопасностью. Выбирай друзей лучше, пока у тебя плохо получается.

— Обидно...

— Нам бы сесть на поезд, спускаемся к станции, — спокойно говорит юноша.

— Ты ведь знаешь, что поезда циркулируют каждый по своему району? — спрашиваю я.

— Мы сядем на другой поезд на другой станции.

Закатываю глаза:

— Что ещё не написано в учебнике Академии?

— Терпения, конфетка.

— В Новом Мире всего четыре поезда — по числу районов. Других нет.

— А ещё нет преступности, нищеты, голода, революции, войн. Вот только это официальные государственные метки, не имеющие ничего общего с реальностью.

Мы спускаемся на несколько этажей. Как непривычно наблюдать над собой крышу — вздыхать через защитную маску грязный воздух улиц, но не видеть скрученные над головами мосты, слушать бесчисленные гудящие автомобили, но не встречаться взглядом с водителями на воздушных полосах. Как непривычно не ступать по верхней и единственной допустимой для северянки платформе.

— Потрясена? — спрашивает Каин.

— Немного.

— Впервые спустилась?

— Что очевидно.

— Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую, — отвечаю я с нервным смешком. — Живее, чем неделю назад. Это плохо?

— Это адреналин, конфетка. К нему привыкаешь, даже подсаживаешься на него.

Допытываю, куда мы всё-таки идём. Тогда Каин рассказывает, что чуть ниже основных городских путей утаена дополнительная станция, отправляющая поезд, о котором мало кому известно.

— Среднестатистический гражданин идеального града, — говорит юноша, и в том слышится злорадство, — ни за что не окажется в подобном месте. Требуется покинуть поверхность.

Нырнуть в глубину.

И задышать.

— Этого точно не было в учебниках Академии, — говорю я.

— Заметила, что школьное образование и реальная жизнь разнятся по выдаваемым навыкам?

Этажи над нами поглощают свет. Кольца амфитеатра озаряются искусственными

неоновыми нитями. Лица изредка двигающихся людей — то, очевидно, обслуживающий персонал и слуги управленцев — сокрыты тенью. Низовья Золотого Кольца мрачные и скучные, глаза ни за что не цепляются — окружение отталкивает. Вывески серые, витрины сменяются прилавками, товар выгружается на улицу. Люди двигаются, понуриив головы, волоча за собой сплетённые нитями сумки.

— Не глазей, здесь не любят избалованных северянок, — едва слышно бросает Каин. — Здесь никого не любят и сами к себе питают отвращение; не провоцируй на конфликт. То, что люди не пожалуются на тебя Патрулю, не значит, что не захотят предать самосуду.

Опускаю глаза.

Про это говорил отец?

Что подобно поступает лишь недостойный жизни на поверхности.

Но я и не на поверхности...я значительно ниже. И спущусь ниже самих низовьев Нового Мира; если у дна можно пробить дно — я выполнила задачу.

Мы спускаемся в жерло Золотого Кольца: ноги забиваются от бесконечных платформ и лестниц, счёт ступеней переваливает за десятки, сотни и тысячи. Поднимаю голову — над нами сеть дорог и мостов; жмутся друг к другу, близко-близко. Высотные здания бросают тени и укутывают во мраке, тотемный вид столпов завораживает и пугает. Неба нет и не видно, а воздух слоёный, прелый и бедный. Если у бедности есть запах — он в низовьях Золотого Кольца. Интересно, по ночам низовья Нового Мира тоже накрывает туман или он поднимается к пятам наших домов?

Слышится отдалённый шум живого (хоть и мёртвого изнутри) города — автомобильный гул, скрежет мчащихся поездов, разговоры людей, сигналы для воздушного ориентирования и пешеходных, реклама на Здании Комитета Управляющих. Но всё это — где-то наверху. На поверхности. Словно боги беседуют и насмеваются над смертными.

— Мы — не чудовища из страшилок, Карамель, — говорит Каин. Идём бок о бок. — Мы не желаем навредить Новому Миру, покалечить его; мы — равная, хоть и не признанная таковой — ему часть. Не было ни единого дня, чтобы люди Острога пошли вразрез их убеждениям и применили силу по отношению к людям с поверхности. Мы не такие.

— А Великое Восстание? — припоминаю я. — Когда остроговцы подорвали жилые дома и завод? Были пострадавшие, как ты это объяснишь?

О Великим Восстании не говорят в Академии, но у всех на слуху печальная дата (обсуждали в Новостях, увеличивая общественный траур); родители поучают детей: ответственность за произошедшее и на их плечах — по крупницам неповиновения государственному гласу собралась группа людей, изрешетившая производственные и жилые отростки Нового Мира. То недопустимо.

Юноша бросает многозначительный взгляд и говорит:

— Это сделали не остроговцы. Разве ты не знаешь?

— А кто?

— Тебе известен принцип «бей своих, чтобы чужие боялись?»

— Не поняла...

— Поняла, Карамель, ты не дура. Жилые дома северного района и граничащий с ними завод из Западного подорвала Палата Безопасности для того, чтобы ещё больше разобщить людей, увеличив межклассовую борьбу и неравенство. Что ты чувствовала, когда читала про Великое Восстание? Когда видела в каждой строке, что это сделали люди Острога...Что ты чувствовала?

— Ненависть к ним.

— В этом дело, Карамель. Ненависть выедает изнутри, ненависть застилает глаза.

Палата Безопасности никогда бы так не поступила по отношению к своим гражданам.

Деятельность Палаты Безопасности направлена на привлечение порядка, на...

или поступила?

Задираю голову, смотрю наверх. В этот момент на плечи приземляется тяжёлая ткань — Каин снял пальто и водрузил на меня. Желая воспротивиться (чужая вещь, чужие руки, чужое всё), но юноша придерживает пальто и говорит:

— Отказ не принимается, здесь холодно — иначе простудишься.

До конца не понимаю, что ощущаю в этот миг. Следовало бы — ничего, но вибрации в теле присутствуют.

Бреду за Каином, всё ниже и ниже, всё глубже к сердцу города, к ядру Нового Мира. Вдруг — замираю! — Каин оставляет Золотое Кольцо и ступает на вертлявый мост в сторону.

— Ты чего, конфетка? Мы ещё не пришли.

Он порывается шагать дальше, но я не могу покинуть безопасную платформу, не могу даже приблизиться к ограничивающему парапету. Воскликаю:

— Ты не говорил, что придётся идти по мосту.

— А как ещё спуститься в низовья Нового Мира?!

— Я не пойду!

— Ещё чего. Начали — заканчиваем.

— Не пойду по мосту, не хочу.

Чувствую, что начинаю задыхаться. Лёгкие сковывает; словно обдаёт ледяной жидкостью изнутри, при этом тело горит: руки горят, горло горит, голова горит.

Не пойду.

Не хочу.

— Что за капризы?

Если бы.

— Ты так просто сдашься? — удивляется Каин. — После всего, что сделала? Из-за идиотского моста?

Это не просто, если бы он знал.

Перечу:

— Я не сделала ничего. Слегка напортачила, да. Но я не могу идти по мосту, ясно?

— Почему?

Понимаю, что больше не могу сдерживаться. Не контролирую себя. Давлюсь слезами — те щекоотливо закатываются под защитную маску и потому раздражают ещё больше.

— Скажи мне, чтобы я знал, как помочь, конфетка, — говорит Каин. — Смолчишь — не преодолешь страх, даже не попытаешься побороть его. Я рядом, и мы справимся. Просто скажи.

Дышать нечем. Потому что мы ниже привычного уровня? Потому что спустились в низовья Золотого Кольца? Потому что покинули привычную для северян высоту Нового Мира?

Выплёвываю признание вместе с плачем:

— Бес погиб, когда мы шли по мосту. Я не досмотрела за ним, он погиб из-за меня, погиб из-за моста.

Каин замирает. Смотрит. Молчит. Даёт выговориться? Или не ожидает такого?

— Тебе известно, что я любила, верно? И не откажись я от водителя, он был бы жив. Но мне хотелось пройтись по долбанному мосту до Академии. Мне хотелось показать ему город, потому что нас впервые отправили вдвоём. Можно ли мне что-то доверить, Каин? Сомневаюсь. Только доверишь — я не усмотрю и разрушу это. Человек, вещь или идея — я всё уничтожу.

— Дай руку, я рядом, — спокойно — спокойный холод — говорит Каин и кандалами сковывает моё запястье, накрывая его ладонью. — Теперь я понимаю, какую боль ты носила всё это время, Карамель, понимаю и хочу помочь. Не смогу унять её, не смогу утешить тебя, но смогу быть опорой и проводником. Сейчас я рядом, и, пока мы держимся за руку, не случится ничего плохого, клянусь. Это не просто обещание, конфетка, это клятва. Я благодарен, что ты доверилась мне, это многое значит, это укрепляет нашу связь. Я буду аккуратен с твоим откровением, не потревожу воспоминания, но спасибо, что доверилась. Вместе мы справимся.

Не сразу замечаю, как мы продвигаемся вдоль моста. Под его убаюкивающие беседы, под успокаивающие речи, под отвлекающие слова. Он ведёт меня по мосту. Я сама иду по нему. Он краток, но долог. Столько лет я избегала связывающие дома конструкции, опасалась вида платформ и парапетов. Над нами нет более потолка — крышей становится небо. Растянутые поверх голов бесчисленные мосты бросают раскосые тени. Главное, не смотреть под ноги, не видеть готовую заглотить бездну. Потому что бездна наверняка скажет что-нибудь наперерез. Философское, назидательное. Абсурдное.

— Ты как? — спрашивают янтарные глазки и бегло смотрят; не удерживаются — стирают собравшиеся у моей защитной маски солёные капли: я же не успеваю увернуться.

— Не знаю. Непонятно.

— Сними — наконец — эту дрянь, — говорит Каин и резво срывает дыхательную маску с моего лица, — тебе известно, что толку от неё мало. — Не успеваю ничего воскликнуть — готовлюсь подавиться ядовитым воздухом, закашляться и помереть. То не происходит. Увы, было бы драматично. — Маски — психологическое оружие, конфетка, а не медицинское средство защиты. Если ты, конечно, не астматик, но астматика бы Новый Мир не принял в свои блаженные утопические земли, ибо неспособность фильтровать воздух в правильных порциях — девиантно.

— Звучит как сарказм.

— Он и есть. Милое личико, кстати, я ведь тебя только на фото и видео без маски видел.

Каин и сам освобождается от неё: делает глубокий вдох, улыбается. Вот как он улыбается...

Мы бредём к очередной платформе, лестницей переходящей в стилобат, который — в свою очередь — утаивает нас под навесным тентом. Оказываемся в помещении: глухие ступени и сопровождающий эхом стук каблуков ведут к запечатанной станции. Наблюдаем рельсы, что тянутся из одного туннеля и теряются в другом. Блеклый фонарь освещает расположившуюся на перроне пару. Ещё люди? Парень и девушка сидят подле друг друга и, прижавшись плечами, молчаливо ожидают поезд. Девушка оглядывается на меня, но, затаив дыхание, моментально прячет взгляд в плече молодого человека. Неужели она узнала меня?

Каин говорит, ждать недолго — поезд сейчас прибудет. Спешу поинтересоваться, в каком здании мы находимся и что здесь было раньше. Раньше — значит до Урбанистической

Революции: до того, как дома стали строить на домах и сплетать их друг с другом паутиной дорог.

— В этой части города обычные здания из кирпичных блоков, — отвечает юноша. — Бывшие больницы, магазины — не стекло и хорошо.

— А как устроена дорога?

— В наше знакомство ты была менее любопытна, — прижигают янтарные глазки.

Нечто в стороне грохочет. Пара поднимается, девушка ещё раз смотрит на меня. Её вьющиеся волосы сбивает ветер, когда из туннеля вылетает поезд. Гудок вещает о прибытии — транспортное средство мгновенно замирает. Что нас ждёт? Двери поезда открываются — неспешно, с характерным звуком. Пара заходит первой — занимает парные кресла в конце вагона. Грязные парные кресла. Иду за Каином, однако — отличительно от него, рухнувшего на сиденье — замираю подле окна.

— Сядь, — и парень кивает на соседнюю часть потрёпанного дивана.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Не думай, просто сядь, — смеётся Каин. — Дорога долгая.

— Отчего же?

Отчего же долго спускаться? Не легче было перепрыгнуть парапет и долететь до Острога?

Очень смешно, Кара. Впредь такой глупости не повторяй.

Под назидательным взглядом падаю в кресло. Поезд трогается. Каин подмигивает, убеждает в сохранности и закрывает глаза. Пара, расположившаяся через несколько рядов, шепчется. Наблюдаю, как юноша склоняется к золотой девичьей гриве и губами врезается в покрытое тканью плечо. Охаю беспризорникам и отворачиваюсь. Уж что-что, а это осталось и останется неизменным в моей голове. Подобное — девиантно.

Поезд скользит плавно, его движение почти не ощущается. Только сменяющиеся за окном тени напоминают о нашем решении и пути. Мы так низко, что свет не доходит до беженцев — небо и город позабыли об их существовании. Пропадаем в туннелях. Каин предлагает отдохнуть, отдаётся сну. Я же смотрю в окно — на обшарпанные плиты и граффити с незнакомой символикой. Представляю удерживающие конструкции по ту сторону туннеля — плачевные и печальные, искалеченные временем балки, что держат блестящие рельсы. Ужасаясь собственным фантазиям, головой влетаю в твёрдую подушку кресла и закрываю глаза. Забудь, Карамель. Не думай. Потерпи. Перетерпи. Тебе не впервой терпеть.

Пара шепчется. Каин спит.

Пара целуется. Каин спит.

Где я могла видеть эту златокудрую деву? Может, мы вместе учимся? То есть учились... я вернусь в Академию? Исключено. Наверное. Что будет дальше? Я соткана из планирования, а теперь не ведаю происходящему в следующую секунду. Как я могла допустить подобное? Как подобное мог допустить Говард Голдман? Кормил бы и дальше своей проклятой ложью — я бы с радостью закрывала глаза (как и делала прежде) на не срастающиеся детали, ибо готова верить и Новому Миру, и отцу. Беспрекословно. Не требуя подтверждений.

Каин, бывает, вздрагивает; кажется, ничего и ничто не беспокоит этого бунтаря в Новом Мире — ни люди, ни правила, ни закон, ни управляющие, ни Свод; лишь собственная голова, дающая дурные видения. Для иных тюрьма — Картель; для него — черепная коробка.

Каждый заключён в собственной темнице. Наблюдаю дрожащие веки и стаскиваю с себя мужское пальто, набрасываю нам на плечи пополам. И пытаюсь заснуть.

Спи, Карамель.

За окном мелькают холодные грозные тени. Мы спускаемся? Уже спустились? Наш путь окончен? Низовья Нового Мира — это конечная? Или только начало пути? Шёпот пары усиливается, обостряется: они обсуждают чувства и планы.

— Наверное, мы совершили глупость, — говорит златокудрая.

— Наверное. Но нам хорошо, остальное — неважно, — отвечает юноша.

Он выше её на две головы, поджарый, выправленный; служащий, я уверена — даже положение головы у него как у служащего. А дева...у неё лицо хорошенькой северянки. Хорошенькой, оступившейся и связавшей жизнь ни с тем человеком, северянки. Интересно, она узнала меня?

Под улюлюканье пары засыпаю. Мельтешение за окном сливается в единую композицию-полотно; являются просветы, рябые пятна, рисунки.

Звук стрекочущего металла режет слух. Я просыпаюсь. Пара отсутствует, Каин дремлет, поезд стоит. Чувствую себя лучше, однако сгусток грязных мыслей беспокойно вяжется в голове. Что происходило в начале недели и что происходит сейчас? Как я допустила всё это? Или почему не допустила раньше? Сон всегда отрезвляет, даже короткий, даже впаянный в пару часов. Поэтому отец говорит, что с проблемой следует провести целую ночь — её решение явится само, из сотканых тобой в дрёме мыслей.

Каин переворачивается с бока на бок и утаскивает укрывающее нас пальто целиком, нашёптывает что-то и хмурится. Прошу повторить — спящий бесконтрольно тянет моё имя. Не желаю быть чьим-то сном, чьим-то безумием. Велю проснуться и толкаю в плечо.

— Хватит болтать, это ужасно! — восклицаю следом.

Каин вздрагивает и немедля вопрошает:

— Что происходит, конфетка?

Глаза его с трудом размыкаются, заспанные ресницы цепляются друг за друга.

— Ты говорил во сне! — объявляю я.

— Велико событие! — язвит он и медленно поднимается, пытается стряхнуть с себя сон. — Вот ведь, напугала. Я подумал, вдруг тебя пытаются схватить.

— Здесь могут?

— Патруль Безопасности — единственный, кто представляет непокрытую угрозу. Исходя из названия служба, ага.

Не цепляюсь за провокацию, говорю:

— Ты повторял моё имя во сне.

— Ничего такого. — Каин спокойно разводит плечами. — Мы многое пережили за последние дни, я много думал о тебе.

Упоминаю, что видения во сне есть расстройство (это девиантная черта, сродни бурной фантазии, следующая из-за недостатка контроля и заполненности иных сфер; так говорит Свод Правил).

— Для нормальных людей — нет, Карамель, — забавляется Каин.

Препираюсь с обидой:

— Что значит для нормальных?

— То и значит. Нормальные люди не принимают лекарства, сдерживающие сны, чувства и тем более способность самостоятельно мыслить.

— Прости?

— Не видел, чтобы люди с поверхности думали.

— Эй, я с поверхности, грубиян!

— Не сравнивай себя с ними. Ты особенная.

Настаиваю, что мы не принимаем и никогда не принимали лекарства от мыслей, а Каин восклицает обратное. Он вспыхивает и, яростно жестикулируя, объясняет, что вся медицина Нового Мира искусно сплетается со Сводом Правил, который велит не чувствовать, не действовать и не думать — обо всём перечисленном заботится государство.

— Лучше скажи, отчего поезд стоит, — говорю я.

— Мы на конечной, можем идти.

— А когда поедет этот поезд?

— Они меняются с какой-то определенностью, точно не знаю. Пока из Нового Мира пребывают иные.

— Значит, поездов много.

— Целое депо.

— Насколько много?

— Очень.

— А точнее?

— Ты, Карамель Голдман, та ещё зануда. Мне неизвестно количество поездов, ясно? Но количество путей помогает с выводами. Поезда ездят сами, на автопилоте. К чему знать их количество? Достаточно знать об их наличии.

— Для чего множество поездов или путей, если путников здесь немного?

— Зануда. Иди за мной, сама всё поймёшь.

Каин поднимается и, быстро накинув пальто, идёт к распахнутым дверям. Наша обувь глухо вибрирует, и эта вибрация эхом гуляет вдоль стен заброшенной станции. Каин скрывается в густой пелене мрачных теней — с ускорением пускаюсь следом. Куда-то идём, куда-то сворачиваем. Узкое пространство сдавливает эмоционально, низкий потолок — словно бы — давит на плечи. Нечто гроыхает. Каин открывает двери — те едут в сторону — и по коридору рассыпается мягкий свет. Я выхожу и с восхищением — во взгляде, теле, мыслях — замираю.

— Что это? — спрашиваю я, уже зная ответ. — Никогда не видела его.

Плетённая арка (дикие розы опоясывают основание и вздымаются ввысь, обнимаясь и целуясь с приятелями) находится на вершине холма; по центру её бьёт солнце. Светит — так ярко и сильно; облепляет тело, не скрываясь за картонным небом и не прячась за густыми облаками. Улыбается. Улыбаюсь в ответ.

— Добро пожаловать в Острог, девочка с поверхности! — рукоплещет Каин и спешит провести меня на возвышенность. — Добро пожаловать домой, Карамель Голдман.

Поднимаемся по каменной плитке (каждая из плиток погружена в твёрдую почву, не может быть!) — я с трудом волочу ноги. Буря эмоций, шквал неясных чувств: от опасения до эйфории; прижимаются ко мне и гроздьями — словно зелень на арке — ползут по телу. Не вижу, что находится за холмом и потому боязливо-влюблённая шагаю за покровителем. Оказываемся на каменных блоках, высеченных в различные геометрические фигуры, поднимаем взгляды и стрелами пускаем их в солнце, что сводит с ума своей красотой.

Не понимаю...где дома? Где высотные здания Нового Мира, где конструкции, построенные на былых небоскрёбах, где стягивающая их паутина дорог? Над нами

чистейшее небо — выкрашенное в лазурный полотно.

Оборачиваюсь. Вижу. Вдалеке. Тотемы, собранные из серых плит — где-то вдалеке! Не может быть! А мосты — тонкие нити. И — нет, этого точно не может быть! следует проснуться! — Здания Комитета Управляющих я также не вижу; оно сокрыто, утаено за знакомыми монументами — лишь острый пик прокалывает небо.

— Мы по другую сторону защитной стены? — спрашиваю я. Кажется, голова кружится. Мир больше, чем я представляла. От одного неба — оно высокое — можно сойти с ума.

— В её пределах. Очень близко, — отвечает Каин. — Академия не врала: защитная стена спасает от зараз, паразитов и засух, окруживших клочок мира, на котором нам дозволено жить. Но Академия наврала в следующем: мир вне Нового Мира существует — и мы сейчас здесь. Острог, во всей его красе. Мы стоим на земле, мы ощущаем запах почвы, мы наблюдаем открытое небо и солнце. Пасмурная погода сосредоточена над Новым Миром, тягучий туман ползёт по высотным домам. Здесь же — земля.

— Но разве Острог не в основании домов? Сколько раз я ловила себя на мысли, что под нашими ногами отлученные и изгнанные остроговцы.

— Говорят, город под Новым Миром тоже есть, но это не более, чем легенды. В любом случае, мне неизвестно, как туда попасть, ибо моя родина — Острог. Я родился в Остроге. Острог — это резервация прибитых к земле. Острог находится в нескольких часах пути по навесным мостам.

Размышляю, известно ли то отцу.

Или он — подобно мне — считает остроговцев запрятанными под пятнами.

Известно ли дяде.

Известно ли матери.

Известно ли тем, кто сегодня прибыл на Дамбу в «Фалафель» вместо того, чтобы заседать в душных кабинетах Здания Комитета Управляющих.

— Как Новый Мир допустил ваше существование?

— Ресурсы есть и у нас, — улыбается Каин. — В Новом Мире главный ресурс — человек, служащий, раб. В Остроге — земля и почва. На одних заводах и фабриках — увы — Новый Мир не потянул бы благосостояние населения, как бы не пытался контролировать численность. Мы его кормим. Большая часть исходных продуктов поставляется нами. Мы кормим Новый Мир, а нам дают существовать обособленно. Честная сделка.

— Что дают взамен? — уточняю я. — Помимо возможности «жить». Как-то поварварски это.

— Так и есть, ничего больше. Нас не трогают, лишь угнетают в беседах.

— За это, — догадываюсь я, — вы и боритесь? За возможность жить без гнёта со стороны, за возможность просто существовать, не отдавая созданное и заработанное в качестве откупа за тишину над небом?

— Добро пожаловать в мой мир, Карамель Голдман.

Каин улыбается. Я же восклицаю:

— А иначе?

— Мы не пробовали, — отвечает юноша. — Взбунтуемся и прекратим поставки, кому хуже? Мы принимаем изгнанных и отрешённых, инакомыслящих и бунтующих. Мы спасаем людские души и — покуда Острог связан с Новым Миром мостами и поездами — будем продолжать это делать. Даже вопреки собственному удобству. Иначе что станет с людьми, которых отказывается принимать Новый Мир?

— Думаешь за тех, кого даже не знаешь?

Каин пожимает плечами.

— Получается, так.

— Расскажи больше.

— Некоторые товары мы меняем также на товары. Многие частные фабрики сотрудничают с нами — в итоге удобно всем.

— Моя семья связана с деятельностью Острога?

— Нет. — И юноша качает головой. — Говард Голдман держит фабрику овса и из личных убеждений отказывается от вмешательства производственных возможностей Острога. У нас много клиентов из сторонних фабрик, нуждающихся в крупе. Алмас Голдман занимается рыбным промыслом на территории дамбы, а — значит — не имеет к нашим ресурсам отношения.

— Тебе всё известно о моей семье? — вскользь вопрошаю я.

— Достаточно.

— «Достаточно» или «всё»?

— Вы же медийные личности, Карамель, не накручивай.

Смотрю на оплетающие арку розы — они смотрят в ответ. Я читала (в одной из книг отцовской библиотеки), что символ розы — популярнейший и при этом самый противоречивый: трактуется от невинности до страсти, от милосердия до мученичества. Я выбрала то значение, которое мне больше нравилось — для меня роза символизировала вечно меняющийся и открывающийся новыми гранями мир. Новый Мир также постоянно развивался, прогрессировал и становился лучше.

— Почему розы? — спрашиваю я.

— Хороший вопрос, — говорит Каин. — Сразу видно, что на земли Острога ступила образованная и начитанная северянка.

Препираюсь:

— Я хочу ответ, а не комплимент.

— И всё-таки северянка, — улыбается юноша. — Это связано с запредельно древней фразой, которая в переводе звучала как «под розой» и знаменовала, что всё происходящее в помещениях, усыпанных розами, останется там и не поддастся огласке. Именно конфиденциальности не хватает Новому Миру, ведь так? — Внимательно слушаю речь. — Чипы изучают вас вдоль и поперёк, знают все ваши предпочтения и пристрастия, желания и тайны. Считываемые покупки, передача данных, банковские операции, работа, учёба, личная жизнь — всё фиксируется в личных делах, всё фиксируется чипом. Для Острога роза есть символ молчания. Ты не найдёшь ни единого сенсора для считывания чипа — можешь позабыть про него, а ещё лучше — не снимай перчатки, старожилам необязательно видеть, что Новый Мир клеймил тебя подобно скоту на убой.

Как противоречиво...

Я всегда считала — и считаю, просто не нахожу сил (это усталость?) на споры — чипы величайшим творением Нового Мира (сразу после Здания Комитета Управляющих, идеи града на граде и летающих машин): чип служил и паспортом, и банковским счётом, и медицинской картой, и дневником учащегося, и личным делом работника, и даже ключом от дома. Никогда бы не подумала, что Новый Мир клеймит жителей.

— Ты подарил перчатки, потому что знал, что я окажусь в Остроге? — спрашиваю я. — Был уверен в моей девиантности?

— Я надеялся, что ты прислушаешься. Не ко мне, Карамель, к себе. К личным желаниям, к беспокойному нутру. Теперь твоему сердцу спокойно?

— Рано отвечать на такие вопросы.

— Прости за торопливость. Просто желаю показать тебе Острог таким, какой он есть — хочу, чтобы ты посмотрела на него моими глазами. А теперь — самое интересное, Карамель Голдман. Острог во всей его красе.

Чуть продвигаемся и, развернувшись, взираем с холма на необычайные конструкции, заключённые в многовековые деревья. Плиты словно бы срослись с корой или были впаяны в них. Новый Мир строил дома на других домах, а Острог — на деревьях.

— Как вы догадались? — спрашиваю я, проходя чуть вперёд.

Признаюсь, вид домов Острога настораживает и восхищает в один миг. Огромные деревья — великаны, титаны — держат жилые строения.

— Острог — часть Нового Мира, — повествует Каин. — До Урбанистической Революции мы жили вместе с городской паутиной, бок о бок. Существовали как братья.

До Революции. То есть больше трехсот лет назад. В Академии учат иному. Точнее — учат не знать и официально не признавать Острог, а сам город шепчет, что туда спущены недостойные, беженцы, изгои. Я рассказывала. А потому все эти речи не укладываются в моей голове. Зачем обманывать?

— Зачем обманывать? — повторяю собственную мысль вслух. — Почему Новый Мир скрывает наличие равного брата?

— Иногда обман осуществляется из благих намерений, Карамель, — говорит Каин. Бросаю острый взгляд — известно ли ему, как ловко меня дурила семья? Ну конечно... — Скрывают, дабы уберечь.

— Думаешь, у Нового Мира были благие намерения? Новый Мир — подобно своим гражданам — эгоистичен.

— Иногда, — соглашается юноша, — обманывают, потому что не могут признать совершенную ошибку.

И вновь думаю о семье.

— Вот основные здания, давай покажу, — говорит Каин и, вставая подле (как же близко...) указывает рукой на мохнатые листовенные дома. — Это самое большое — Резиденция: там живут повстанцы, непосредственно борющиеся с деспотизмом Нового Мира, обезличенным аппаратом городского правления. В Резиденции живу я и, если пожелаешь, будешь жить ты.

Резиденция в самом деле велика. Окна — нет, не спрятаны — утаены за напалзающей кроной зрелого мудрого древа, его плотная листва начинает охватывать дом с самого основания, а сама конструкция в несколько этажей вплавлена в ствол на значительной высоте, до дома можно подняться по лестницам. Солнечный свет отражается в начищенных стёклах.

— Красота, — восхищённо протягиваю я, глядя на Острог.

— Верно, — соглашается Каин, глядя на меня. И тем смущает. Я в самом деле краснею? — Продолжим экскурсию, — смеётся юноша. — Дома чуть поодаль, ближе к полям — это дома старожилов Острога. Тех, кто когда-то приютил беженцев, кто истинно был оторван от Нового Мира и ещё помнит принадлежность к нему. Потомки этих семей — уже внуки с множеством «пра» — живут на месте праотцов и продолжают их дела. Мы знакомы с многими семьями, они хорошие люди, Карамель. Они не виноваты в том, что

оказались отлучены от Нового Мира, не виноваты в том, что их имена предали забвению.

Виноваты их предки, думается мне, и в отсутствие причин к забвению я не верю — не бывает, как говорит отец, причин без следствий; повод найдётся. Всегда.

— Словно оправдываешь их, — говорю я. — Для чего?

— Поведать тебе правду. Рассказать об этих людях, чтобы ты дала им шанс. Они неплохие.

Но и нехорошие. Девиантность шагает через поколения, в этом убеждён Свод Правил.

Киваю:

— Что я, по-твоему, монстр?

Каин молчит.

Благодарю:

— Спасибо за прямоту.

— Я этого не говорил.

— Ну да. Отец учил, что отсутствие ответа есть ещё больший ответ.

— Ладно-ладно, но я не это имел в виду.

— Тогда что?

— Просто попытайся дать людям шанс.

А у меня есть выбор?

У меня он когда-нибудь был?

В Новом Мире велят одно, в Остроге — иное. Человек бывает свободен?

— Я познакомлю вас, — продолжает Каин.

— Любезно с твоей стороны, — соглашаюсь и переключаю внимание на интересующее. — Что за антенна? Не велика для пастухов и земледельцев?

— Пронизывающий ответы сарказм слышен за версту, Карамель Голдман. И да, это антенна. Она действующая, спасибо Новому Миру. У нас есть связь с внешним миром, почтовых голубей — в случае чего — отправлять не требуется.

Смотрю на тянущийся пик — крошечный в сравнении с антенной на Здании Комитета Управляющих. Но этот — диво — обвит ползущей зеленью, диким плющом. Металл и растение обнимаются — симбиоз.

Вглядываюсь в дома — похожи на частные в Северном районе, по два и три этажа; они уютно сидят на крепких ветвях, крона напозаполняет на крыши и — словно бы — замещает черепицу.

— Электричество, — и Каин указывает в сторону старожилов Острога, — дают солнечные батареи, целое поле за теми домами. Вода из скважин, их рассыпано множество. Плантации и сельскохозяйственные угодья следом. Ты не обязана всё это видеть, изучать; знать — более чем достаточно. Кстати традиционные числовые названия улицам заменены именами деревьев — не удивляйся, если кто-нибудь отправит тебя на Гиперион или Титан, Синего Великана или Нави.

— Интересно.

Мы неспешно спускаемся с холма.

— Хочу тебя кое с кем познакомить, — говорит Каин, и от пристройки у основания древа-дома отходит женщина, кажущаяся сначала девушкой. Она шагает навстречу — я же нервно сглатываю, пересушенное горло дерёт. Предчувствие давит. Предчувствие? Нашу встречу окаймляет непривычный шелест массивной листвы и запрятавшихся птах — удивительно; и это не вплавленные в городскую инфраструктуру гудящие голуби, что несут

какой-то отчаянный декоративный конструкт — эти щебечут на незнакомом языке, но языке мелодичном и приятном. Уханье сов — они не вымерли? — напоминает, как ограничил себя Новый Мир. Кажется, от обилия звуков и новых сигналов, которыми пытается общаться с человеком окружающее пространство, начинает болеть голова.

— Карамель Голдман! — восклицает женщина и сокращает меж нами дистанцию. — Дай же посмотреть на тебя!

— Будь терпимей, — шепотом бросает Каин и наблюдает, как незнакомка хватается меня за лицо и, сжимая под пальцами щёки, заглядывает в глаза. Едва не визжу, но не отталкиваюсь — испуганно замираю и смотрю на Каина. Затем на женщину. На Каина и на женщину. И отторгаю:

— Кажется, я нашла тебя сама, Сара из Острога.

Женщина пугается и роняет взгляд, в секунду справляется с одолевающими мыслительными процессами и пытается принять былой вид, спешит поднять глаза (может, вспоминает заведенную у новомировцев установку?), но былой прыти, былого энтузиазма нет.

Знакомство было заочным; что мне известно? Помимо того, что она устроила бойню в Картели посредством оружия, которое ей передал мой отец, Говард Голдман. Помню её пепельно-грязные волосы, скрученные в низкий хвост; помню подобие больничной пижамы, помню Патруль Безопасности, которому суждено пасть от выплюнутых пистолетом пуль. Помехи и крики людей, стоны и вопли, выстрелы. Патруль Безопасности гонится за девушкой, голос на этаже вещает о вооружённой цели. Дочь некогда успешного и влиятельного господина, что оказалась в психиатрическом отделении Картеля и устроила бойню.

— Так ты знаешь, кто я, — хило улыбается Сара.

— Не торопись, — перебиваю, — общаться со мной так, словно я владею всей информацией. Не владею. И не желаю.

Сара задумчиво кивает. Признаюсь, чтобы избежать неловких откровений:

— Я видела хронику с твоим участием и только.

— Не может быть, — растерянно улыбается женщина. — Все записи уничтожены.

— Все, кроме той, что отец хранит у себя в кабинете.

— Говард Голдман, — улыбается Сара — пространно, отстранённо; ей нравится, как звучит имя? — Не могу поверить.

— Я тоже.

Каин желает вступить в наш диалог, но женщина останавливает его мановением руки. Произносит спокойное:

— Рада встретиться с тобой, увидеть тебя, Карамель Голдман.

— Обычно люди говорят, что рады удостоенной чести.

— Слышится голос Саманты Голдман, — укалывает Сара — нежная на вид, и лукавая на естество. — Лицо у тебя Говарда, а вот характер — Саманты.

Беглянке — равно Каину — всё известно о моей семье?

— Мы не похожи с ней ничуть, — пускаюсь в спор. Слишком быстро и, наверное, откровенно. Необдуманно. Просто меня задевает сравнение с тем, с кем я неустанно борюсь изо дня в день.

— Извечный конфликт дочери и матери — он пройдёт, когда ты повзрослеешь, Карамель.

— Советует психопатка, что перестреляла кучу народу по воле чувств, которые не смогла сдержать, — парирую я. — «Сумасшедшая влюбленная», у хроники есть название. Так мне тебя называть?

Сара теряет дар речи.

— Всё-таки Острог — место изгоев, а не надежды. Решил меня, — обращаюсь к растерянному Каину, — привести к городской сумасшедшей? Это твой план?

— Ты не знаешь, через что ей пришлось пройти.

— Это не делает сумасшедшим в меньшей степени. И что за объятия? — вновь обращаюсь к женщине. — Демонстрируешь фирменный захват для удушья?

— Кара! — выплёвывает Каин и сердито смотрит на меня. Знает, как действует обрубок имени... знает, вот же.

Предатель.

— Предатель, — говорю я.

Ведь почти поверила, что более не услышу проклятого куска имени.

— Не надо, Каин, — вступается сама Сара. — Я всё понимаю. Это заслуженно. Дам вам остыть, ребята, знаете, где меня искать.

И женщина поспешно уходит: прячется в тени строения, которое покинула ради беседы с нами. Каин глядит пронизательно, я же — упёрто.

— Ты лучше, чем пытаешься казаться, — говорит юноша.

— А ты кажешься умней, чем есть на самом деле.

— Закончили? Обменялись взаимными упрёками и оскорблениями?

Закатываю глаза и взываю:

— Предатель, перебежчик и чокнутая — чем не команда? Поверить не могу, что ввязалась в это!

— А я не могу поверить, что у тебя недостаток извилин, как у всех рождённых и накачанных лекарствами в Новом Мире.

— Кажется, я говорила, что лекарства не несут угрозы и во вред не работают? На то они и лекарства, деревенщина ты остроговская.

— О, посмотрите, наша вся из себя правильная девочка умеет ругаться? Папа разрешил? Или Зал Суда вынес добро? Разрешение письменное?

Не нахожу ответных слов: что есть силы замахиваюсь и бью Каина в грудь. Он препирается и хочет сжать запястья, но я — в ответ — вымахиваю хаотично в воздух. Уворачиваясь (пара шлепков всё-таки приходит по лицу и голове), юноша проклинает день, когда решил, что надутая эгоизмом, лицемерием и принципами северянка способна понять обездоленных и униженных.

— Вечные страдальцы, да вы заслужили, что с вами обращаются как с помойным ведром — вы не сделали ничего для уважения, ничего достойного! — говорю я.

— Если лебезить и причмокивать у управляющей задницы губами означает делать что-то достойное, то да, ты права.

Выкрикиваю:

— Ненавижу тебя, Каин из Острога! Я поверила и последовала, а ты точишь на меня зубы равно иным знакомым, ненавижу тебя! У меня не осталось дома, а в этом я не чувствую безопасности. Он красив, но пуст, ты испортил мне жизнь! Испортил жизнь!

— Давай, еще скажи, что идеальную, обманутая системой и семьей истеричка.

Порываюсь с новыми ударами.

— Ненавижу тебя! Предатель!

Каин отбивается, но, ступая назад, спотыкается и валится на землю. Заваливаюсь сверху и продолжаю сыпать шлепками и руганью.

— Несуразный выкидыш Нового Мира!

— Избалованная дура! — вопит Каин.

— Предатель!

— Трусиха!

— Ошибка бунтующих изгоев и отбросов!

— Плевок соцплана изувеченных системой шестерёнок.

— Драка! — выпаливает кто-то со стороны. Чудесное начало пребывания в Остроге. Просто наипрекраснейшее. В какой яме ты нашла себя, Карамель Голдман? К нам бегут, выпаливая на каждый мой новый выпад по голове Каина: — Дерутся, разнимай! Драка!

— Драка, — мгновение спустя объясняет Каин, — когда обе стороны выдают агрессию. Я же агрессию подавлял.

— Физически, — киваю. — А эмоционально — свежеевал, не заметил? Никто не заметил?

— Это была защита.

— Нет, защищалась я! От твоих слов!

— Замолчите оба, — говорит разнявший нас мужчина. Он видит устало бредущую Сару и жалуется: — Твои птенцы громко щебечут, но это не прибавляет им толку к полёту.

Женщина благодарит за оказанную помощь и просит оставить нас с ней наедине — собравшиеся зеваки расползаются обратно по делам.

— У меня нет комментариев, — говорит Сара. — Вам следует побеседовать друг с другом, но серьёзно — без осуждения, но с предложением, не укоряя друг друга, а выискивая первопричину. Оставлю вас. Надеюсь, больше ни один старожил не пожалуется на шум. Повторюсь: дам вам остыть, ребята.

И это всё?

В Академии бы из-за такого исключили. Сразу после многочасовой исправительной беседы. И отправили на обследование. И выписали штраф. Академия не прощает ошибок, не делает исключения, не даёт вторых шансов. Как и Новый Мир.

— Прости меня, — говорит Каин, когда мы сидим у ствола дерева, подпирая спинами обитую металлом кору — для удобства сидящих и защиты основания (даже здесь есть подпорки домам). — Я не должен был говорить тех слов. Не считаю тебя истеричкой. Избалованной и эгоистичной — немного, но...не в плохом значении, не в том контексте, который выдал.

В ответ молчу. Хотя и мне есть за что просить прощения — я сказала достаточно грязи, которая без эмоций (чёрт возьми, может, таблеток с утра должно было быть пять?) неосновательна. Едва собираюсь перебороть себя (да, перебороть!) и открыть рот, Каин зудит наперерез:

— Извиняться ты не умеешь, Голдман?

— Закрой рот и прости.

— Прощаю.

— И я тебя.

Мы смотрим на выбритый газон, по которому снуют остроговцы-старожилы. Один из них здоровается с Каином: машет рукой и говорит о выходе в лес, группа людей собирается

за дичью. Глупо было за руганью и спорами позабыть об окружающем пространстве, о дивном мире, о почве, о земле, о ласкающем солнце (глаза немного болят; оно — сквозь туманы и тучи Нового Мира — никогда не проглядывало так явно).

— Ты сожалеешь, что поверила мне и пошла со мной? — угрюмо спрашивает Каин.

— Не знаю, правда, — признаюсь я. — И да, и нет. Я знала свой мир полных шестнадцать лет и один день из семнадцатого года, а твой — лишь по рассказам, и не самых приятных. Мне тревожно.

— Я тебя понимаю. И сделаю всё, чтобы ты ощутила здесь комфорт, приближённый к дому. Даже если не сам «дом», то хотя бы близко к нему.

— Спасибо.

— И тебе.

— За то, что настучала по лицу?

— За то, что поверила.

Слабо улыбаемся друг другу. И вновь смотрим вперёд. Неспешный Острог отдаёт запахом трав и земли, от него кружится голова. Небо такое высокое, глубокое...на поверхности небо плоское и низкое, разве что не картонное. Тысячу раз, глядя на него, думала, что вот-вот дотронусь грязных туч пальцами. Здесь же — вытягиваю руки — редкие облака находятся очень далеко.

— Что ты делаешь? — спрашивает Каин, однако жест повторяет. — Это посвящение в друзья?

— Такое разное небо...здесь и там.

— Увы, но мы ходим под одним, конфетка.

— Ты понял, о чём я.

— Конечно.

Каин зажмуривает один глаз и приглядывается.

Только сейчас обращаю внимание, что высотных конструкций Нового Мира невидно вовсе — они остались за холмом. И от этого масштаба — пространство велико, окружение нелинейно, некамерно — кружится голова равно от новых запахов. Всё ново. Всё дивно. Теперь понятно, отчего я потеряла самообладание — воздух Острога отравляет ум.

Задираю голову — ствол дерева за нами тянется ввысь, крона — шапка — раскидывает мохнатые руки в разные стороны. Дома — очевидно — держатся крепко, благодаря людскому вмешательству и механическим конструкциям, но сама природа довольно припаяла некоторые части диким выюном. Я смотрю на Резиденцию.

— Там есть площадка с шезлонгами, тебе понравится, — говорит Каин. — Она с другой стороны дома, выходит на южную сторону. Сара любит там отдыхать. Крыши нет, ночью будет прохладно, но погреться на солнце в обед — самое то.

Звучит дико. И увлекательно.

— Тебе ведь всё известно о моей семье, — говорю я. Да-да, совсем об ином. — Давай честный обмен. Расскажи о своих родителях.

Каин тревожится и признаётся:

— Честный обмен не получится, я сирота. Родителей не знаю, а воспитывала меня Сара. Она потеряла ребёнка, когда была в Картели, поэтому ухаживать за мной ей было особенно по нраву.

Потеряла ребёнка будучи беременной или уже родив? Не спрашиваю — не думаю, что молодому парню известны подробности. В любом случае, факт ужасен. Прискорбен и

девиантен.

Единственное медицинское сооружение в Новом Мире, не несущее контекст девиантности — женские детородные залы, находящиеся в одобренной клинике. Осложнений не бывают, не случаются — дети вынашиваются строго канонично, перед запланированным зачатием проводят обследование, назначают поддерживающие медикаментозные и витаминные комплексы, к вопросу подходят серьёзно. Новый Мир ко всему подходит серьёзно, и только это удерживает на поверхности граждан. Серьёзный взгляд на серьёзные вещи — серьёзное отношение, они того заслуживают. Тогда всё будет правильно. Тогда всё будет безопасно. Если первые роды приводят к истощению (что случается редко, но всё-таки случается; об этом рассказывают на дисциплине по половому воспитанию), Зал Семьи не выдаст разрешение на второго ребёнка, наоборот — огреет документально подкреплённым запретом, и ослушаться ты не имеешь права.

Каким образом «хорошенькая северянка», как изъяснялся отец, могла из Нового Мира попасть в Картель будучи в положении? Кто-то из них врёт.

— Одно условие нахождение в Резиденции, конфетка, — изъясняется Каин. — Уважать каждого пребывающего здесь. Мы одна семья, скоро сама поймёшь. Мы всегда заступаемся друг за друга, а нападок хватает извне. Семья — это про защиту. Семья синонимична безопасности.

Вот как.

— Я бы предложил тебе прогуляться, но, думаю, ты хочешь переодеться, умыться, перекусить. Спуск — хоть и не совсем спуск — в Острог был волнительным. Пойдём в Резиденцию?

— Следую.

Следую в самом деле — оставляем наотмашь сколоченную лавку у ствола дерева и бредём к недалеко находящейся лестнице.

— Надеюсь к лестницам, — пытается отшутиться Каин, — у тебя нареканий нет.

— Ещё раз напомнишь про мосты — устрою вторую драку.

— Никто из новичков не устраивал две драки в день присоединения к Острогу. Что уж там. Одну также никто не устраивал — тебя запомнят, Голдман.

Почему он акцентирует внимание на фамилии? Меня запомнят как Голдман? Моё имя — без неё — не имеет веса и статуса вовсе? «Карамель» всегда звучит пафосно и насмешливо, аллегорично, «Кара» же — удушающе, агрессивно. Кто я? Кем бы я могла быть, если бы выбирала сама? Я представляю хоть что-нибудь из себя без родословной?

— О чём задумалась? — спрашивает парень, пока мы плавно вышагиваем по ступеням.

— Сколько лет этим деревьям? — отстранённо спрашиваю я. — Сотни?

— Думаю, тысячи. Ствол дерева Резиденции — однажды — отмеряли руками: двадцать человек держались друг за друга, представляешь? Иные не уступают. На самом деле, великая честь, что нам — свободолюбивым резидентам — остроговцы-старожилы позволили занять самое могучее древо. Если присмотришься, есть дома, сокрытые прямо в стволах, в основании, приближённо к корням.

Урбанистический Новый Мир изувечил природу, что пыталась изувечить его, а отлучённый Острог примирился и вступил в симбиоз. Признаться, здесь очень навязчивый воздух — сильный, свежий, пьянящий; высотные здания истончают иные ароматы — слышаешь их и думаешь, вот он град будущего, так пахнет будущее — заводами, копотью, металлом, выхлопными газами, формальдегидами, от остановок поезда и близ мостов пахнет

креозотом, верхушка Золотого Кольца пахнет глифосатом, которым пытаются извести ползущие по плитам и колоннам вьюны, и дорогим парфюмом, обвёрнутым в кожу и чайное дерево, а нижние этажи пахнут выпаренным маслом, отчаянием и сероводородом. Острог — чудо — не пахнет ничем из перечисленного; он благоухает травой и влагой, роса прилипает к зелени и щиколоткам.

Вдали виднеются острые колья высоток Нового Мира — безжизненный серый град, преисполненный навязанными смыслами. Дома — нет, слишком тёплое слово; сооружениям Нового Мира больше подходит «здания» — выглядят искусственно, игрушечно, как брошенные, позабытые, оставленные; бездыханные, одинокие — они на расстоянии друг от друга протыкают небо, корни конструкций вязнут в тени.

— Из Острога нельзя разглядеть основания домов Нового Мира? — спрашиваю я.

— Нельзя, — соглашается Каин. — То есть не получится. Дело не сколько в рельефе земли, сколько в вечном тумане, покрывающим низовья Нового Мира. Как будто кто-то намеренно прячет его основания.

Предполагаю:

— Думаешь про Старый Город?

— Это только легенды. Оттого и появились — легенды всегда приходят к людям, когда люди не находят реальные ответы.

Мы замираем на крыльце — уличном балкончике, подвешенном в воздухе, откуда тянутся несколько лестниц и мостов к соседствующим пристройкам на дереве и откуда открывается вид на отгораживающий от станции холм, на плетённую арку из роз и на плотный лес, что выступает подобием защитной стены.

— Заходим? Добро пожаловать в Резиденцию.

Каин распахивает двери. Нос прижигает запах комнатных растений во взрыхлённом грунте, книжной пыли (её везде узнаю) и порошка (когда Миринда приносила из прачечной одежду, в воздухе танцевали ароматы гранул).

— Пахнет книгами, — говорю я.

— Вот это обоняние, — смеётся юноша. — У нас есть своя библиотека, собираем старую печать.

— Книги, говорит отец, есть разносчики мыслей — ужасное заболевание нынешнего века.

— Обыкновенно я не согласен с позицией Говарда Голдмана, но с этим сложно спорить.

Я рада оказаться в глухих стенах. Они придавливают и возвращают ощущение безопасности, голова перестаёт кружиться — пространство сужается в коробке-холле, мне нравится в нём находиться.

— Провожу тебя в жилое крыло, у нас есть пустующие комнаты. Предлагаю ту, что рядом со мной. Станет скучно или одиноко — просто постучи по стене.

— Великодушно с твоей стороны, — отвечаю я, хотя так совершенно не считаю. И всё сказанное — чуждо. Чтобы Карамель Голдман стало скучно или одиноко? И она в этом призналась? И постучала по стене, позвав кого-то? Никогда!

Мы двигаемся по коридорам, в которых я путаюсь — успеваю разглядеть красующиеся на стенах картины с различными пейзажами: лесов и океанов до Коллапса. Удивительно.

— Здесь общий зал для собраний, здесь прачечная, здесь столовая, здесь кухня, здесь гостиная... — перечисляет Каин, но я не придаю его словам значения. Словно, мне это не

надо вовсе. Словно Резиденция Острога — перевалочный пункт. Или так и есть? — Библиотека в другом крыле, я покажу позже.

— Ты ведь понимаешь, — решаю обозначить свою позицию, — что я отправилась в Острог от нужды. Из-за острой необходимости.

— Все мы, — спокойно отвечает юноша.

— И на самом деле желаю нахождения не в Остроге.

Каин замирает. Поворачивается ко мне лицом, смотрит в глаза.

— Ты про пятый район, я тебя правильно понял?

— Правильно.

— Даже здесь — в пристанище беженцев и революционеров, отчуждённых и покинутых, в месте, что спасло тебя от Патруля Безопасности — ты стараешься стоять обособленно, каким-то особняком, всем своим видом показывая, что «ты не такая», здесь тебе не место, а люди рядом — не ровня.

Издеваюсь:

— Сам назвал меня особенной.

— Ты никому не даёшь шанса.

— И не должна. Я хочу увидеть своими глазами утопический пятый район, а не отлучённую от города часть с фермерами и изгнанными.

— Карамель, тебе только исполнилось семнадцать, а ты такая стерва. Что будет дальше?

— Я не соглашалась на Острог.

— Но он спас тебя от Патруля Безопасности.

— Ты соврал мне?

— Что? Нет! Пятый район существует, правда! — восклицает Каин. — Просто мне показалось уместным познакомить тебя с бытом Острога, рассказать правду о живущих здесь, обличить компрометирующий ложь Нового Мира.

Киваю:

— Тебе показалось.

— Прости, но ты ведёшь себя как стерва.

— Я уже слышала.

— Вот твоё окно.

Каин толкает дверь позади меня — склонившись к плечу и обдав дыханием; опускаю взгляд, чтобы не смущаться.

Спальня значительно меньше моей комнаты по улице Голдман, и вообще я променяла белоснежную мебель и россыпь зеркал на какое-то тошнотворное рыжее дерево и дешёвый пластик.

— Слушай, Карамель, я хотел кое-что сказать... Можно?

Я убеждена: если человек хочет сказать или спросить что-то нормальное — он не просит перед этим разрешения; если же просит — будь готов услышать дичь.

— Можно, говори.

— Я про твоё откровение на мосту, по поводу Беса...

— Нет, я меняю ответ.

— Послушай. Чёрт. Уже поздно, ясно? — Юноша теряется и — видно по лицу — волнуется. — Я долго собирался, поэтому слушай.

— Мне неприятно. Некомфортно это вспоминать.

Каин перебивает:

— Я благодарен за твоё доверие, вот. Мы можем не возвращаться к этой теме более, просто знай: я благодарен за твоё доверие во всём — от мыслей до жизни, ведь жизнь ты, получается, тоже доверила, спустившись с незнакомцем на станцию, ведущей в Острог. Сегодня мы успели несколько раз поругаться и примириться, понимаешь? Но мы всё равно вместе — узнаём друг друга, учимся чему-нибудь новому. Я открываю глаза тебе, а ты — мне. Это называется дружба.

Юноша аккуратно берёт меня за руки, поднимает их к лицу.

— Я бываю резок, — продолжает он, — или говорю, не подумав. Но ты должна знать, что всё равно дорога мне, важна. Вне зависимости от сказанного или сделанного. Понимаешь?

— Вроде.

— Даже если называю стервой, — вдруг выпаливает Каин.

— О, просто искал возможности ещё раз повторить это? Иди ты, деревенщина остроговская.

Пытаюсь вырвать руки, но юноша придерживает их и прислоняет тыльной стороной к своему лбу, что-то шепчет. Похоже на старое приветствие или старую благодарность. В растерянности принимаю жест.

— Прости, если смутил, — говорит Каин. — Деревенщина ведь, ничего не могу поделывать. Ладно, оставлю тебя знакомиться с комнатой, мне надо отойти по делам. Встретимся чуть позже.

Мой друг поспешно исчезает, оставив наедине с тошнотворной рыжей комнатой. Осматриваю её — небольшая кровать, стол и стул, шкаф. Какая-то имитация зеркальной поверхности на пластике, пристёгнутой рядом с выходом — смотрю на себя, но тут же роняю глаза в пол; не выказывай уважение, Голдман, к тому, кто этого не заслуживает.

Скрип половиц проводит к задёрнутым шторам, которые пахнут старьём и пылью — отдёргиваю их и, наблюдая массивные ветви с огромными листьями, решаю оторвать вовсе. Тяжёлая ткань падает под ноги — я вплотную подхожу к окну, что представляет единственное достоинство отлучённого от Нового Мира Острога. Зелень качается по ветру — плавно, плавно.

— Приветтики, чего не откроешь окно? — спрашивает голос из дверей.

Вздрагиваю, но пытаюсь не подавать вида — здороваюсь с нагрывавшей в гости Сарой. Женщина не без разрешения заходит и указывает на крепёж, который открывает окно. То есть...я могу запустить прохладу и свежий воздух?

— Не бойся, жми с усилием, — говорит Сара. — Я знаю, что во всех домах Нового Мира стоят вентиляционные и кондиционеры с фильтрами, а окна запаянные, чтобы мнимое заражение не заглядывало к людям. Это и в моё юношество было. Здесь же максимум из того, что тебе грозит — заползёт паучишка. Боишься насекомых — не открывай, конечно.

Премираюсь:

— Я ничего не боюсь.

— Ну да, ты же Голдман.

Опять эта фраза.

— Вообще-то мне нравятся насекомые, в особенности — пауки. Отец подарил на день рождения паука. Птицееда.

— Сама просила? — уточняет Сара и наблюдает согласный кивок. — Ого, у тебя вкус. Тогда можешь просто выползть на ветку и спать там.

Женщина смеётся, но я её восторг не разделяю.

— Принесла тебе вещи.

Сара протягивает стопку разноцветных тканей.

— Мы с тобой, — говорит женщина, — одной комплектации и роста, поэтому я решила поделиться вещами. Твой комбинезон немного испачкан — я могу отнести его в прачечную, а ты пока оденься в свежее. Здесь футболки, топы, джинсы, несколько кофточек.

— Оставь на столе, — говорю я, а сама открываю окно — прохлада забирается в комнату, удивительно! Свежий порыв ветра наполняет лёгкие и ласкает лицо, слышу перешёптывание листвы и гул запрятавшихся тварей.

— Ладно, — неуверенно протягивает Сара и отступает. — Как у вас с Каином?

— Зачем ты спрашиваешь?

Оборачиваюсь на женщину.

— Что за любопытство? — уточняю я.

— Да нет... — Сара теряет голову и потирает голову, прикусывает губу и добавляет: — Это не любопытство, Карамель.

— Тогда что?

— Беспокойство о двух хороших людях.

— Есть повод?

— Вы подрались меньше часа назад. Да, беспокойство есть.

— Всё в порядке, — утверждаю я.

— Я тоже северянка, Карамель. В прошлом. Понимаю, что ты можешь искать какой-то подтекст в моих словах, думать, что я собираю на тебя или кого-то ещё информацию, но это не так. Люди просто болтают друг с другом, это нормально.

— Сотрясение воздуха без причины — ненормально. Его следует экономить, на поверхности и так мало кислорода — дурно сжёвывать дурными беседами.

— Но ты не на поверхности, — говорит Сара. Вот ведь... права. А я отвечала по привычке. — Это не укор, если что. Это факт. Неплохой, ведь я тоже здесь. И Каин, и ещё много ребят, и старожилы Нового Мира. Тебе придётся перебороть в себе старые привычки, чтобы комфортно жить в новом мире — в Остроге.

Решаю поделиться:

— Я здесь ненадолго.

— Вот как. Вернёшься на улицу Голдман?

— Каин рассказал о существовании пятого района, туда и отправимся. Тебе что-нибудь известно?

Сара заминается, думает.

— Мало...

— Мне хватит — говори.

— Элизий на земле, так его называют. Возведён на острове, что за дамбой, для элиты, что управляет Новым Миром на расстоянии.

— Каин сказал всё точно также. Но мне хочется узнать твоё мнение. Скажи собственное мнение, Сара.

— Я не смею мечтать о месте, которого недостойна даже самая достойнейшая элита Нового Мира. Остров велик — можно сбежать в его глубь и жить, не зная забот и не вспоминая о деспотичном режиме нашего града. И даже не встречаясь с иными жителями.

— Почему не улетишь туда?

— Потому что нужна здесь. Я чувствую ответственность перед другими резидентами, чувствую ответственность за Каина, которого знаю с младых лет. Я занимаюсь камерами (системной безопасности) Нового Мира, слежу за всеми, за всеми наблюдаю, при необходимости подчищаю данные. Или сливаю их. Я — глаза Острога. И не посмею даже мыслями оставить знакомых мне и близких незрячими.

В голове удерживается фраза «при необходимости подчищаю данные. Или сливаю их». Сара намеренно сказала это? Она причастна к тому, как в сеть — Вестник и Новости — просочились данные обо мне? Ещё и лицо Каина на некоторых кадрах искусно сокрыто, словно кто-то специально подбирал удобные и удачные ракурсы.

Не спрашиваю. Я не готова к ответу. Да и вне зависимости от ответа Сары, нельзя быть уверенной в её честности. Любые слова сойдут за ложь и за правду, пока не возжелаешь в них сам поверить.

— Ещё поговорим, позже, — заключает женщина и оставляет меня в былом одиночестве.

Разбираю вещи и слушаю ненавязчивую болтовню листьев — касаются друг друга, что-то нашёптывают. Едва становится холодно — сквозняк одаривает своим присутствием щиколотки — устремляюсь закрыть окно. Даётся с трудом — стекло вползает в раму и издаёт щелчок удерживающего механизма. Вдруг! Нечто бьётся в окно — крохотный и сильный удар! — и замертво падает. От испуга валюсь на пол, как по другую сторону окна валится...птица. Она умерла? Она разбилась? Почему она вообще летела в сторону дома?

— Ты чего разлеглась? — спрашивает голос из коридора. — Всё в порядке?

Дверь распахнута, а потому за мной наблюдает идущая мимо девушка. Только зачем она проходит мимо, если дверь в мою спальню — крайняя в коридоре?

— Потеряла равновесие, — говорю я.

— Может, поешь? Ты же новенькая, да? С дороги ещё не ела.

— Всё в порядке.

Встаю и отряхиваюсь.

— Иду курить, ты со мной?

— Я... — несколько теряюсь, — не курю.

Девушка недолго ждёт. Кивает и переспрашивает:

— Так идёшь или нет? Ты не ответила. То, что не куришь, я поняла, но, может, со мной хочешь сходить. Мы выбираемся курить на крышу, но только когда Каина нет в Резиденции, он против прогулок по черепице: боится, что свалимся, и с приветственной дорожки придётся соскребать мозги. Надеюсь, ему наш секрет не разболтаешь, а то придётся тебя убить.

Растерянно смотрю на собеседницу.

— Я шучу, — говорит она и залиvisto смеётся. — Кажется, ты северянка, раз не поняла шутку.

— А давай, — поспешно отвечаю я. — Сходим вместе.

Признаться, меня подстёгивает очередное упоминание Северного района.

— Вы — северяне — какие-то отмороженные, без обид, — говорит девушка, когда я следую за ней. — Оправдываете локацию, с которой спустились. Конечно, климатически районы Нового Мира никак не отличаются, но — возможно — это национальная память, типа коллективного бессознательного.

Я в самом деле отмороженная? Веду себя так? Просто кажусь?

— Как тебя зовут? — спрашивает незнакомка.

Мы оставляем комнату.

— Карамель.

— Голдман?

Как я устала отвечать на этот вопрос, устала слышать идущую следом фамилию, словно меня без неё не существует вовсе. Утомительно...

— Она самая, — отвечаю я.

Значит, ей всё известно...начиная от провозглашаемых политических взглядов и отношения к южанам до истории присоединения к Острогу. Незнакомка спешит разувериться в мыслях, бросая лаконичное:

— Моя подруга, Тюльпан Винботтл, рассказывала о тебе. Извини, за Новостями не слежу и Вестник не читаю, это мой принцип. Но посплетничать с друзьями с поверхности могу. Она говорила, ты «безэмоциональный кусок плоти, снятый с политического плаката, словно тебя вырвали со страниц Свода Правил». Но, раз ты здесь, она ошиблась. Или не успела понять тебя, познакомиться ближе.

Что. Мать. Его. Происходит.

Спрашиваю:

— Тюльпан Винботтл — твоя подруга? Северянка и ученица Академии, дочь семейства Винботтл, одного из влиятельнейших кланов в Новом Мире?

Пора признать хотя бы самой себе, что не Голдман на вершине всех и вся. Северным районом руководят несколько фамилий. Левиафан, Винботтл и Первые стоят вместе с Голдман.

— Да, конечно, — говорит девушка. — Что тебя смущает?

Замираем у огромного окна в конце коридора — незнакомка ловко подцепляет края рамы.

— Как же вы подружились?

— Достают ей травку. Курить любят даже детишки с поверхности.

Девушка распахивает окно и выползает на скат крыши.

— О, что за лицо, Карамель Голдман? Ты в шоке? Очередное крушение идеалов?

Неспешно киваю.

— Дай руку, пока мистер-злой-босс не вернулся и не увидел нас. Скорей!

— Я сама.

Следую.

— Ладно, но мозги твои, в случае чего, собирать не буду.

Мистер-злой-босс, серьёзно? Мне Каин кажется добрейшим созданием на свете. Иногда он не думает о том, что говорит, но лишь потому говорит искренне, откровенно.

Оставляем Резиденцию по ту сторону окна и крадёмся по скату, переползаем карниз и взбираемся выше, через фронтон, на поверхность мансардной крыши. Преследующие ветки кусают кожу, царапаются. На уготовленной площадке брошены ковры, оставлены пепельницы, забыты бутылки.

— А тебя как зовут?

— Белена, Цуката, Вёх, Цербера, Мак. У меня много имен — для каждого своё, — лукавит девушка и садится на ковер, достаёт утаенный в нагрудном кармане свёрток и прижигает его.

— Как тебя называет Каин?

— Называет: «девчонка из рода Каннабис». У моей семьи плантации конопли и несколько фабрик и складских помещений для возделывания иных одурманивающих культур.

Собеседница затягивается и с удовольствием завывает. Я уточняю:

— Хочешь сказать, вы делаете наркотики для Острога?

— Хочу сказать, что мы делаем их для Нового Мира.

— Не может быть.

— Конечно, нет, — молниеносно соглашается девушка и, смеясь, затягивается. — Я тебя обманываю, чтобы выставить идеальный градус будущего в плохом свете.

— Опять шутишь?

— Уже быстрее соображаешь, северяночка. На, пробуй.

Мне в лицо смотрит вонючий свёрток.

— Не хочу.

— Мне же больше достанется. Ладно, садись.

Припадаю рядом.

Девушка рассказывает, если забраться на крышу ещё выше (что опасно, и Каин после этого будет пускать молнии), получится разглядеть конопляные поля дальше по горизонту. Обычно запрещёнными (я, право, думала их попросту нет в Новом Мире — остались на страницах учебников как напоминание о людской глупости и человеческом скудоумии) в обороте товарами балуются представители среднего класса — северяне, что не задействованы в управлении и выполняют роль важных исполнителей (а ещё они думают, что повторяют за теми, кто выше, но — на самом деле — истинные управленцы не хотят портить выстроенную годами репутацию и находят расслабление в ином). У южан попросту не хватит денег.

— Что я делаю в Резиденции? — уточняет собеседница и в который раз затягивается. — Да, я из старожиллов Острога, но Каин разрешает мне бывать здесь, чтобы иметь выход на рынок Золотого Кольца. Я постоянно поднимаюсь в Новый Мир, он забавный.

Я считаю Новый Мир великолепным: умным, красивым, прогрессирующим, удивительным, грамотным. Кто-то считает его просто забавным.

Девушка — развороченная куревом и щипающими темами — продолжает:

— Знаешь, что есть зло? Таблетки. Вот эти психотропные таблетки, химозные, которые делают из хлама, а сами они вытворяют с человеком дичь. Растения же — добро. Курили наши предки, предки предков, курили шаманы и прочие — для очищения, для прозрения, понимаешь? Всё, что выращено на земле — добро, а в пробирке — зло. Я так думаю. Если тебе предложат наркоту в пилюле — беги от этого человека прочь (тем более их делают наши конкуренты). А выкурить или сделать ингаляцию — дружи.

— Ты интересная, девчонка из рода Каннабис.

— Рандомный факт: в несколько таблеток, что обязательны для каждодневного приёма гражданами Нового Мира, добавляют мной упомянутую химозную наркотическую дрянь. Для расслабления. Чтобы человек терял волю и интерес. С ума сойти, по улицам ходят напрочь обдолбанные десятилетиями люди.

Что?!

Кара, ты слышала?

— О, ты не знала! У тебя такое лицо... ты не знала, да?

Девушка прикусывает губу. Я же молчу.

— Скажи хоть что-нибудь, — просит курящая. — Сильно тебя этой новостью огрело, верно? Прости...

Признаюсь:

— Каин пытался мне это сказать, но я не верила.

— Ну что же... в следующий раз будешь открыта новым знаниям.

— Что ещё говорила Тюльпан? — отвлечённо спрашиваю я.

Девчонка из рода Каннабис улыбается:

— В последнюю нашу встречу она рассказала, что ты подстегнула своего до одури влюблённого парня написать жалобу на её имя, потому что завидуешь влиянию семьи Винботтл.

— Это не так.

— Правда?

— Совсем не так.

— Расскажи.

— Разве ты не будешь верить подруге?

— Друзья, бывают, тоже привирают, это нормально. В любом случае правда не однобока, у неё много граней — я послушаю обе стороны и сделаю выводы для себя.

Повествую, как было на самом деле. Про Ромео, который едва не оступился, про его откровение об увиденном, про просьбу самой Тюльпан не выказывать жалобу и про едкое замечание её парня.

— Он сказал, — делюсь я (не знаю, отчего с незнакомцами так легко беседовать; и как сложно подбирать слова в беседах с близкими), — что «ледышка Голдман так и останется для тебя недосягаемой высотой».

— И оказался прав.

— Прости?

— Твой парень тебя так и не добился, иначе бы он был здесь. Рядом. Но ты с Каином.

— Мы не пара с Каином.

— Каину вообще никто не пара кроме мыслей о революции.

— А нашу пару с Ромео расторгли официально.

— Никогда не пойму некоторых законов Нового Мира. Ты так спокойно и лояльно говоришь о разрыве с партнёром и — вообще дикость! — за вас решает какая-то кабинетная крыса.

Киваю:

— Несколько.

— О, это всё в корне меняет!

Девушка смеётся и докуривает.

— Знаешь, — говорит она, — моя сестрица (наверное, родители, делая её, не очень старались, иначе, куда дели мозги?) хотела поступить в Академию. Взятка там знатного размера, но у кого, как у не наркобаронов есть на это средства, верно? Дело не в сумме, не в количестве нулей на счету (к слову, родители впаяли себе эти чёртовы чипы, чтобы пользоваться транспортным средством, заходить в общественные места, оплачивать бесконтактно), а в том, что это бредовая идея. Заковать себя в кандалы — осознанно. Понимаешь, да?

— Чем сейчас занимается твоя сестра?

— Эта дура сорвалась с моста, так что... — впервые задорный голос собеседницы

нервно подпрыгивает; она быстро приходит в себя, успокаивается и продолжает: — Валяется где-то в низовьях Нового Мира, разобранная на запчасти, потому что лететь там — долго. И хорошо. Иначе бы родители не огребли проблем от этой фиктивной северянки.

Удивительно, как просто она рассказала о подобном эпизоде из жизни.

— Я — старшая из сестёр. Сейчас старшая, когда-то не была таковой. Самая старшая сестра тоже погибла, на одной из доставок — клиент оказался невменяем. Важный человек, в управлении. Наверное, до сих пор задницу греет в кабинете. Знаешь, Голдман, у меня есть все причины ненавидеть этих выскочек в галстуках, но я этого не делаю. Я выше. И ты будь выше. Если окунулась (или окунули) в дерьмо — вытрись и вымойся, а не продолжай нюхать себя и причитать.

— Высокая философия, — соглашаюсь я.

— Поболтать со мной — как послушать подкаст о психологии, только круче. А если ещё выкурить... у тебя есть братья и сёстры?

— Сестра, младшая. Зовут Золото.

Девушка безудержно хохочет. Ожидаю окончания истерики и выслушиваю:

— У всех северян фетиш на странные имена?! Карамель, Золото, Тюльпан. У меня есть знакомые девица «Голубка» и юноша «Вепрь». Это у вас от таблеток, я почти уверена.

Девушка вновь хохочет. Укалываю поперёк:

— При этом сама называешься ядовитыми цветами.

— Повторяю за вами, ребята. Ладно, не подумай, что я злорадствую или ещё чего. Просто удивляюсь некоторым — обыкновенным для вас и диким для нас — вещам. Тюльпан не часто делится происходящим в Новом Мире. Только непосредственно связанным с ней. А так — слушает мои рассказы: мне кажется, они её отвлекают. Ну, знаешь, чтобы мозги не поплыли от загнанности в рамки. Больше всего ей нравятся беседы о деревьях Острога, но она — сама сказала — не рискнёт увидеть их воочию: ставки слишком высоки, родители в неё много вложили.

Тюльпан Винботтл нравятся беседы о деревьях Острога...значит, Тюльпан Винботтл известно, где находится это место и что из себя представляет. Правда была так близко. И, что удивляет больше, она не утаивается — любой может прознать об Остроге, но не каждый спустится. Всего-то. Тогда тем более не понимаю, для чего управляющей рукояти скрывать по официальным данным наличие пригодного для жизни пространства подле высоток на высотках. Они могли пустить пропаганду, чтобы удержать достойных в Новом Мире. Сейчас же в моих глазах попросту потеряли доверие.

— Ты не расскажешь Тюльпан, что познакомилась со мной? — уточняю я.

— Если попросишь не делать этого — не расскажу.

— Попрошу.

— Без проблем, Голдман, я — могила.

— Спасибо.

Девушка продолжает:

— Значит, у тебя есть сестра Золото. И ты старшая. Подавать пример целому граду легче, нежели служить примером для младшей сестры, уж я-то знаю. Ты всегда будешь «не такой» или «недостаточно хорошей/правильной/славной/подчеркни нужное». Не понимаю, как это работает, но — увы — работает: у меня очень много братьев и сестёр, а ещё больше кузин и кузенов; такой кисель разрозненности в головах. Хорошо, хоть более никто не рвётся стать шестерёнкой в колесе Нового Мира, мы работаем на общее дело, на благо семьи.

Каннабис — правда фамилия моей семьи. Больше не скажу. А как, говоришь, фамилия твоего парня? Может, я и ему угощение приносила.

Девушка подмигивает и щелчком отправляет оставшийся кусочек от выкуренного свёртка под ноги.

— Дьюсбери, — отвечаю я.

— Приносила. Но не парню. Мужчине. Парня видела — высокий такой, худой, темнокожий. А его отец — белый и гадкий, лучше бы он вывалился в окно.

Не прошу повторить сказанное, хотя воскликнуть от удивления готова. Вот причина, по которой Ромео никогда не знакомил с родителями (даже не делился рассказами о них), не приглашал домой (и всячески избегал слов о доме). Ромео — внебрачный ребёнок, сомнений быть не может. Его мать встречалась мне на собрании в Академии. Темнее ночи, статная, знатная. А отец... Вторичные браки возбраняются, даже при смерти одного из опекунов, а разводы давным-давно отменены Залом Семьи благодаря Палате Социума, потому что развод означает экспрессию чувств, в то время как Новый Мир от этой проказы избавился. Зачем разводиться, если ничего — кроме обязательств перед государством — не ощущаешь по отношению к избранному для брака человеку?

— Скучаешь по Ромео? Хотела бы видеть его здесь?

Задумываюсь.

— Хотела бы показать деревья, — отвечаю я. И смотрю на листву — крыша утоплена в кроне, мы прячемся там же.

Девушка улыбается:

— Кажется, это и есть чувства.

Хочу воспротивиться, однако нашу беседу обрывает крик Каина.

— Конопляная принцесса, сползай! Твои мозги на плитке не нужны! Видела новенькую?

Переглядываемся.

— Он будет зол, — говорит девушка. — Даже не так: он будет в ярости. Узнает, что ты тут — и расколет небо пополам.

— По-моему, Каин не такой.

Серьёзный тон выдаёт:

— Нет, конечно, я же его нисколько не знаю.

— ... снова шуточки.

— Твои северные мозги почти оттаяли.

— Карамель! Голдман!

Девушка смеётся:

— Скажешь ему что-нибудь? А то побежит на станцию, ловить тебя на поезде — вдруг, сбежала обратно.

— Куда? К Патрулю Безопасности? — насмехаюсь я. И, кажется, жалею об этом.

— Ты улизнула из-под носа Патруля? Чтоб тебя, Голдман, да ты веселее, чем думается.

— Я оторву тебе голову, наркопринцесса, — разносится голос близ — оборачиваемся на фронтон, через который перелезали; с части мансардной крыши выглядывает Каин. — Куда затащила новенькую? Привлекаешь новую клиентуру?

— Ах ты неблагодарный поганец, — бросает девушка.

— Всерьёз думаешь, что меня может кто-то куда-то затащить без личной инициативы? — спрашиваю я у торчащей головы.

— Спускайтесь, красавицы, — лаконично отвечает Каин и пропадает. — Аккуратно!

Продвигаюсь по крыше — новая знакомая остаётся сидеть на коврик: достаёт очередной свёрток пахучих трав.

— Идешь? — спрашиваю я.

— Рада была познакомиться и поболтать, Карамель Голдман. Поздоровайся от меня с Каином.

Исчерпывающий ответ. Киваю и повторяю путь назад. Каин подаёт руку — без помощи переползаю оконную раму и оказываюсь в коридоре. Юноша недолго смотрит, но решает не продолжать тему — отвлечённо говорит о своих завершённых делах и желании перекусить. И вот мгновение спустя мы сидим на кухонных столах для готовки, вокруг сваленной посуды, и едим найденные в контейнере орехи. Очень по-вегански, я довольна.

— У меня для тебя сюрприз на этот вечер, никаких других дел не планирую.

Во-первых, не терплю сюрпризы. Во-вторых...а какие дела я могу спланировать? Возвращение в Новый Мир? Катание на поезде до неизученной и ранее неизвестной станции? О, теперь могу посидеть на крыше Резиденции и повздыхать оставленные тлеющие самокрутки.

Расстаёмся с Каином до вечера — пребываю в комнате: разбираю вещи, меняю одежду на свежую, дышу в окно. Он же бродит по Резиденции и раздаёт указания, обсуждает какие-то дела. Вскоре Резиденция затихает — слышатся лишь отдалённые смешки и шаги нового друга. Каин заглядывает в спальню и подзывает — следую. Мы останавливаемся у двустворчатых дверей, ведущих в общую гостиную.

— Готова? — восклицает Каин.

Готова? К чему?

— К чему? — уточняю я.

К захвату Здания Комитета Управляющих?

— К знакомству с командой, — добавляет парень.

Уж лучше бы к захвату Здания Комитета Управляющих.

За дверью слышатся рассыпающиеся по гостиной беседы: множества голосов. Ну разумеется я не готова! Как к такому можно подготовиться? Там не безликая толпа безликого города — не шестеренки Нового Мира, а реальные люди со своими сложными историями. И все они — наверняка — не терпят богатеньких северян. Меня лишь осудят за побег из идеальных условий идеального мира.

С чего вдруг Каин вообще решил знакомить меня с названной командой? Для чего? Захотел сообщить всей резиденции, что привёл саму Голдман?

— Желаешь похвастаться принесённым трофеем? — остро спрашиваю я.

— Я тебя не приносил, Карамель Голдман, ты пришла своими ногами, — усмехается в ответ юноша. — Или мне следует поднять тебя на руки?

— Воздержись.

— Забыла, что никто и никуда не может увести тебя без личной инициативы? Сама говорила.

Каин наблюдает недовольство. Или волнение. Скорее всего — второе. Неужели мне трусливо явиться перед дюжиной незнакомцев, если когда-то я обращалась к гуще — сотням и тысячам — людей?

— Они не желают зла, Карамель, — говорит Каин. Понимает меня. Понимает как никто другой.

— Я чужая, — перечу в ответ.

— Все мы друг другу были чужими.

— И я северянка.

— Город один.

— Всем известно, сколько помоев я выливали на южан.

— Ты меняла мнение о своих речах?

— Мы не об этом говорим.

Каин кивает. И добавляет:

— Просто не бери в голову. Всё, что было до твоего появления в Остроге — там и остаётся. Мы не осуждаем. Не обсуждаем. Не критикуем. И ты придержишься тех же правил.

Соглашаюсь.

Тогда мой друг припоминает Сару:

— Следовало объяснить тебе раньше, предупредить. Ты могла обидеть Сару своими высказываниями, но не имела на них права. Никто никого не осуждает, повторюсь. Все мы делали что-то, что привело нас в Острог и свело друг с другом. Теперь мы беженцы, остроговцы, революционеры. Мы свободны. Выбирай понравившееся.

Всё это — до сей поры — звучит дико, отдалённо, немыслимо, нереально. Я в самом деле здесь, а не сплю в своей комнате? Вот-вот Миринда разбудит меня и скажет, что пора собираться в Академию. «Завтрак ожидает вас, мисс Голдман. Форма выглажена. Отец оставил сообщение в кабинете. Доброго утра, мисс Голдман». Если я закрою глаза и представлю это, мой прежний мир вернётся?

Однако я не пробую.

— Не бойся, буду рядом, — улыбается Каин. — Моя поддержка не потребуется, но — знай! — она будет. Просто поприветствуй ребят.

Шёпотом отбрасываю:

— Сделай это за меня. Скажи, что я немая или Патруль отсёк мне язык.

Каин распахивает двери гостиной: к нам обращаются десятки пар глаз. Сам же Каин обращается к ним со следующим:

— Вашему вниманию — Карамель Голдман! Давайте представим, что она немая и Патруль отсёк ей язык — тогда не придётся краснеть от неловкого знакомства.

— Да уж, лучше краснеть от твоих идиотских шуток, Ка, — в ту же секунду подхватывает девушка с подносом в руках; петляет бёдрами ко мне и предлагает напиток. — Шампанское (правда, не детское), но ты угощайся.

Я попала в кружок клоунов?

— Никому не расскажем, — хихикает девушка и игриво подмигивает.

У нее узкие глаза, тонкий нос, худые губы и россыпь веснушек на щеках. Девушка одета в джинсовый комбинезон; под ним — крохотный топ.

— Привет, Карамель! — подхватывает некто из толпы.

— Добро пожаловать домой, Карамель!

Замечаю Сару — киваю ей. Она шагает навстречу и берёт за руки (только не визжи, Карамель), приветствует и спрашивает о делах.

— Ещё одна Ка — моя любимая буква, — улыбается джинсовый комбинезон и пытается перехватить мои руки. Как же они любят друг друга касаться, просто жуть... — Представлюсь сама, иначе от нашего мальчика не дождёшься, а ты сама по себе скромняга

— отлнчнтельно от транслнруемого образа. Меня зовут Азумн, но ты можешь звать меня куда н когда захочешь. Не подумай, что я по девочкам, у меня такая манера общения. По девочкам у нас Кармнлла, но, советую, на неё не заглядываться, Фрейн — её соседка по комнате — сейчас смывает сажу автомастерской н будет раздосадована появлению конкурентки. Хотя зачем я это рассказываю? Ты по девочкам нли по мальчнкам?

— У меня есть парень, — быстро отвечаю я. Затем поправляюсь. — То есть был.

— Умер?

— Что? Нет! Он...мы расстались.

Выдаю как-то бегло н сжато.

— О, протн. Кажется, ты всё ещё его любишь, если первым делом упомянула о нём.

«Любншь»?

— Каин, спасн, — хмыкаю в сторону парня н, подняв бокал, заливаю шампанское в рот.

Азумн хохочет н говорит, что я ей нравлюсь. Уднвнтельно. Нли глупо. Что я тут делаю?

Как я здесь оказалась? Азумн пьяна, нначе как объяснить этот льющнйся словесный водопад.

— У тебя интересное нмя, — говорю я.

— Означает «защищающая от опасности», так говорит Лоло — предсказательница местного помола. Она н тебя сейчас изучает, оглядывает н анализируется — с ног до головы.

Пытаюсь казаться спокойной н отталкнваю равнодушное:

— Не верю в мнстнку.

— Как н все мы. Как н все, кто пережнл Коллапс, Урбанистическую Революцню н Свод правил. Нам известна только наука, мы ведаем только рационализм. Но отчего-то видения Лоло сбываются н пугают нас. Я думаю, она хороший психолог. Н просто внимательна. Она где-то в толпе — вы найдётесь н поздороваетесь, не сомневайтесь.

Азумн подмигнвает н отпнвает нз своего бокала. Люди — что радуется — не сосредоточены на мне нли нас; беседуют друг с другом, советуются, смеются. Замечаю блондннстую макушку. Девочка — как же похожа на Золото — сндт отстранённо от пьющих н празднующих: на диване, с блокнотом в руках; рнсует, пншет. Азумн называет её вундеркнндом, не окончнвшнм Школу Южного Района, потому что технический ум не требовался Новому Мнру, зато требуется повстанцем.

— Она соберёт гранату с закрытыми глазами нз скрепки н сахарннцы, я серьёзно, — н Азумн пожимает плечами. — Как начнёт говорить, нн слова не понятн. Прншла со старшим братом, он тоже где-то в толпе; оба — технари-гении.

Девочка, что похожа на Золото, смотрнт на меня. Н улыбаётся. Улыбаюсь в ответ.

— Добро пожаловать в семью, Карамель, — говорит некто проходящнй за спнной н похлопывает меня по плечу. — Рад тебя видеть.

Поспешно благодарю, даже не вникая, кто это был.

Потому что взглядом цепляюсь за темнокожего парня (может, я правда скучаю по Ромео?), который пальцем разрезает воздух: чертнт неясные схемы, а окружающие его понимают н подхватывают обсуждение.

— Ты засмотрелась Августом, — посмеивается Азумн. — Значнт, тебе нравится не девочки, а большие чёрные парнн? Нли...о, ты же Голдман. Значнт, рассталась с...как же его зовут...Ромео? Не понравнлась книжка, которую он для тебя достал?

Что.

— Откуда ты знаешь? — спрашнваю я.

— Мир — сколько бы народу в нём не было — тесен, запомни.

— Это не ответ.

— Это ответ.

Каин замечает появившееся между нами напряжение. И вклинивается в беседу:

— Как ты могла заметить, — интонацией усталости протягивает Каин, — Азуми — главная сплетница всея Нового Мира.

— Кстати я в самом деле работала в СМИ, писала для Вестника, — между делом хвастается девушка. — А потом за неудачную (в моём понимании она была блестящей, но мнение с государственным не сошлось) статью оказалась отстранена. Теперь делаю татуировки на нижнем этаже Золотого Кольца, впариваю академическим детишкам старую печать и зависаю с мистером-революцией.

Азуми отклоняет в сторону Каина почти пустой бокал. Должно быть, девушка пьяна. Я надеюсь, что она пьяна и обычно себя так не ведёт.

Разговариваю, перетекая из одной компании в другую.

Наблюдаю, как Азуми находит Каина: сталкивается с ним, прихватывает за бедра и смеётся в лицо. Каин уворачивается и пытается избежать контакта, Азуми спрашивает:

— У меня к тебе вопрос, позволишь?

Её руки задерживаются у него на рубашке.

— Какой же? — холодно отвечает парень и сбрасывает женские прикосновения. Не понимаю...они пара? Или она так откровенно навязывается из-за бурлящего в сосудах градуса?

— Личный, — улыбается Азуми.

Фи.

— Я прорицательница, девочка с поверхности, — разносится голос за спиной. Оборачиваюсь — напротив замирает тучная женщина с глубоким взглядом. У неё длинная седая коса, смольные брови и цветастый сарафан. — Меня зовут Лоло, будем знакомы.

— Не верю, — отвечаю я, ничуть не боясь обидеть Лоло.

— Дай руку, — требует женщина и вытягивает собственную ладонь. Кладу руку поверх; думаю, струшу и не соглашусь? Пускай демонстрирует свои умения. Точнее их отсутствие.

Лоло сжимает пальцы и закрывает глаза, нашёптывает (её голос почти неслышен на фоне галдящих остроговцев и звенящих в их руках бокалах) и лихо скидывает проступившую испарину на лбу.

— Я вижу воду, — говорит женщина, — мутную воду, похожую на кисель.

Замечаю ухмылку. Ответить тем же не могу.

— Ты говоришь, что ничего не боишься, но глубина тебя пугает, верно? Равно преследующий тебя мальчик...

Вырываю руку из рук и восклицаю:

— Много ума не надо, чтобы читать вшивые статейки из Вестника. Уверена, там такого добра предостаточно.

Каин замечает меня и оставляет Азуми, несётся навстречу.

— Ты потонешь в грязи этого города, тебе известно, — говорит женщина.

— Лоло, довольно, это не смешно! — восклицает Каин. Он заступает за меня и, подойдя, укрывает от женского взгляда. — Мы со всем справимся, не нагнетай, ладно?

— Место городской сумасшедшей уже отдано мне, Лоло, — звенит задорный голос появившейся из ниоткуда Сары. — Не пытайся занять его и не обижай мою девочку,

договорились?

Лоло пожимает плечами и отступает. Замечаю явное напряжение между говорящими. Под предлогом обсуждения грядущих планов рука об руку уходим. Сара поглаживает Каина по плечу и прощается: говорит, что проверит камеры и компьютеры и — после — отправится спать. Мы ещё недолго беседуем с другими находящимися в зале — те знакомятся и радостно приветствуют в команде, обещают защиту и кров, говорят о Резиденции только хорошее — и осушаем наполняющиеся бокалы. После нескольких — чувствую — разум покрывается коркой, тускнеет. Янтарные глазки объявляют, что, несмотря на радость присоединения к остроговцам самой Карамель Голдман, не стоит забывать о завтрашних делах.

— Отбой, ребята, до утра! — подытоживает Каин и стучит по полой бутылки шампанского. — Спасибо, что встретили Карамель. Не забывайте, что она немая и не будет лично толкать благодарственную речь о своих чувствах, но знайте — вижу по её счастливым (или подвыпившим?) глазкам — она вами довольна.

Речь подхватывает залиvistый смех. Почти уверена, что вновь покраснела от стыда.

— Мы одна команда, ребята! — выкрикивает Каин — остальные подхватывают его вопль своим улюлюканьем и поднимают бокалы. — За Карамель Голдман! За новый символ революции! За идеальный, лишённый деспотизма, Новый Мир!

И вновь поддержка толпы.

В этот самый момент я ощущаю себя чужой. Лишней. Я ощущаю, что меня здесь быть не должно и это не мой мир, не моя правда. Моя истина — тёплая постель в доме по улице Голдман, веганский завтрак, принесённый служащей в чёрно-белой форме горничной, выглаженные юбка и пиджак к Академии, назидательные речи отца, подковыривающий голос матери, издевательское отношение сестры, встречаемый во снах и видениях брат, улыбающийся при встрече в аудитории Ромео, шипящая на уроках Ирис, прогулки по верхнему (единственному, доступному для благоразумной и истинной северянки) этажу Золотого Кольца, звон поступающих платежей, когда касаешься ладонью встроенным банковским чипом, рокот летающих над головой автомобилей, завывание ветра между высотками. И даже увиденное солнце не стоило этого риска.

Празднование подходит к завершению — люди рассыпаются по коридорам, уходят в спальни. Шумливость бесед следует за ними. Пустые бутылки лежат на столах, пустые бокалы — подле них. Тучный силуэт прорицательницы-Лоло двигается и собирает разбросанные кем-то навеселе вещи. Она служащая? Служащая требуется даже здесь? Это немного разнится с остроговской позицией равенства представителей различных районов. Намеренно расцепляю пальцы, что держат запотевший бокал — тот приземляется со звоном. Осколки разлетаются по полу и пятам, колются (кожу), режут (паркет). Прорицательница-Лоло обращает свой взгляд на меня.

— Я уберу, девочка с поверхности, — говорит женщина.

— Не сомневаюсь, — отвечаю резко и делаю шаг назад, позволив приблизиться.

Лоло желает высказаться ещё, но её перебивает Каин. Говорит, что проводит меня в комнату, ибо день был насыщен на события, знакомства и эмоции, и я — наверняка — устала. Благодарю друга и следую за ним. Рассекаем коридор.

— Чем занимается прорицательница-Лоло? — между делом спрашиваю я.

— Помимо запугивания новичков?

Соглашаюсь:

— Помимо.

— Она помогает с обслуживанием Резиденции.

— Типа служанки?

— Служить и помогать — различно, конфетка. Лоло обхаживает целый дом, содержит его в чистоте, контролирует порядок.

— И нагнетает атмосферу, — подхватываю я.

— Может быть, — улыбается Каин.

Замираем у находящейся в глубине коридора двери. Каин желает хорошего отдыха — завтра нас ждёт не менее насыщенный день, но обо всём я узнаю после проведённой в объятиях одеяла ночи. Улыбаюсь и говорю:

— Спасибо за вечер, Каин. Спасибо за всё.

Замираю в дверном проёме — распахнутая дверь отделяет меня от бесед с янтарными глазками и крепким сном на дешёвой перине. Юноша кивает и облокачивается руками подле моей головы: взгляд его затуманен, а на губы прилипает непреданный огласке вопрос. Неужели хочет поцеловать? Ромео — однажды — выглядел также...

Опускаю глаза. Не поймают их — не совершит задуманное.

— Карамель Голдман не учили манерам в Академии? — смеётся Каин.

Добивается взгляда, получает его. Вновь улыбается.

— Тебе спасибо, конфетка. За то, что поверила. За то, что последовала. За то, что дала шанс. Ты не пожалеешь.

Пожимаю плечами:

— По крайней мере, не сейчас.

— Прости, я немного пьян и плохо соображаю.

— Пойду спать.

— Доброй ночи.

Каин закусывает губу и пытается склониться ко мне — лицом к лицу; слегка прижигает дыханием, но я подхватываю его пожелание спокойных снов, ныряю в комнату и плавно закрываю дверь. Никаких поцелуев. Нечто из убеждений осталось со мной. Все они остались! Лишь несколько адаптировались под новую правду.

Заваливаюсь на кровать, думая о желаемой отдыхе, но отчего-то засыпаю с трудом. Смотрю на царапающую окно ветку, слышу её вой, наблюдаю силуэт маленького Беса. Спрашиваю:

— Когда ты оставишь меня?

Ответ не наступает. Силуэт обретает очертания, обрастает тенями — это сваленные на спинку стула вещи. Всё-таки не Бес. Резиденция молчит, но в ней нет места тишине — сквозь тонкие стены различаю шёпот бесед; что они обсуждают? северянку Голдман, которая не должна была ступать на земли Острога?

Стук в дверь — думаю, показалось. Продолжаю наблюдать за веткой (как же она напоминает о саде по лице Голдман), но стук повторяется. Резво поднимаюсь и собираюсь высказать янтарным глазкам недовольство — пускай найдёт для поцелуев кого-нибудь другого, для меня на сегодня впечатлений хватит. Распахиваю дверь и...

— Прости, что разбудила, — говорит Сара. Она выглядит заспанной, едва-едва отряхнувшейся от дрёмы. — Я и сама спала, но потом решила, что должна тебе кое-что показать. Возьми одеяло и следуй за мной.

— Одеяло? — переспрашиваю я.

Может, всё-таки сплю? Может, Сара явилась во сне?

— Быстрой.

Карамель Голдман из начала недели мало того, что не оказалась бы попросту в такой ситуации, окажись в ней — спокойно закрыла дверь и заползла в постель. Но Карамель Голдман из окончания недели с распираемым духом авантюризма взяла одеяло и последовала за отдаляющимся силуэтом Сары. Женщина проводила меня к главному входу Резиденции и попросила выполнения двух условий:

— Первое — ты закрываешь глаза. Второе — берёшь меня за руку. Надеюсь, от последнего тебя не стошнит.

На мой преисполненный скептицизма взгляд Сара уверенно кивает и повторяет озвученное.

— Если так надо, — соглашаюсь я и протягиваю руку.

— Не пожалеешь, — уверяет Сара.

— Почему мы у дверей? Сейчас комендантский час, выходить нельзя.

И женщина объясняет, что правила Нового Мира действуют исключительно на территории Нового Мира. Острог же знает истину — скрываться в домах не имеет смысла. Тумана нет, россыпи ледяных капель, прилипающих по утру к окнам и автомобилям нет, странного гудения из недр мира нет. Этот метод приструнения здесь не работает и даже не требуется — да, ночью холодней, но расщепляющей тебя на клочки заразы или сковывающей дыхание за секунду влаги не существует.

Сара берёт меня за руку — я закрываю глаза — и открывает входную дверь (приятная, забежавшая в дом прохлада морозит щиколотки).

— Всё ещё не могу свыкнуться, что дыхательная маска здесь не требуется, — говорю я, ведомая за женщиной. Ступаем по плитке, затем — по камням, затем — по траве. Трава щекочет и оставляет на коже влагу. У меня нет желания открывать глаза раньше времени. — Но без неё лучше.

— Что касается масок, — слышится голос Сары, — завтра будет шествие безликих. Хочешь принять в нём участие? — Не дожидаясь ответа или уточняющего вопроса, женщина смеётся: — Хотя на Золотом Кольце каждый день шествие безликих, но не имеющих лица и глаз истинно. Мы же — наоборот — будем выделяться, приковывать взгляды. И чем больше взглядов прилипнет к остроговцам, тем больше мы посадим зёрен сомнения к деспотической системе в умах обычных людей.

— Ты пригласила меня на вечернюю прогулку, чтобы прорекламирровать повстанческое шествие?

— Нет, это я вспомнила между делом. Каин не приглашал тебя? Наверное, боится перегрузить — на тебя и так много свалилось в за это время. Последние сутки вообще не примиряются с устойчивыми взглядами хорошенькой северянки, верно? Я и сама так думала...

Дочка некогда влиятельного управленца — держу эту мысль в голове. Мы так похожи? Не хочу стать второй Сарой...

— Ещё долго? — уточняю я.

— А ты торопишься?

Боги, это что, мой отец, Говард Голдман, в женском облике? Голдман-версия в юбке? Я потрясена их сходству характеров, хотя сначала Сара казалась мне слабой, отрешённой, незадействованной, плывущей по течению. В ней есть запал — определённо; притуплённый

некоторыми обстоятельствами, но готовый вырваться повсеместно охватывающий всё и вся пламенем.

Идём ещё немного, а после Сара велит:

— Открывай глаза.

Слушаюсь.

Мы стоим на пьядце. Осевшая влага блестит в начищенных шезлонгах, роса кропится на постриженной траве, ветер заставляет дрожать ножки парасолей. Но самое удивительное — в небе. Перед глазами рассыпаны десятки (нет, даже сотни) звёзд — крупных и мелких, ярких и блёклых, важных и выступающих второстепенно. Мириада светил, обрекающих людей под безучастным взглядом. Туманы Нового Мира скрывали звёзды, утаивали — сам град в одиночку смаковал их вид; пасмурные дни, скрепившиеся в пасмурные годы и десятилетия не позволяли существовавшим небесным самоцветам явиться к нуждающимся в них. Может, видя звёзды на небе, люди были бы чуточку счастливее?

Сара усаживает меня на шезлонг и помогает подвернуть одеяло, дабы утаиться от ночной прохлады и гуляющего по пьядце ветра. Садится на соседствующий шезлонг и признаётся в тайном месте силы, обращается к звёздам и насыщается. Даже аромат в воздухе особый — наэлектризованный, пышущий энергией, жизнью, будущим.

— Одеяла требовались для этого, — говорит женщина и поправляет своё. — Наслаждайся, Карамель.

Я смотрю на звёзды, которые видела лишь в проекции. И ощущаю проступившие слёзы. Эй, что такое? Быстро стираю их, припечатывая к щекам, и отворачиваюсь, дабы женщина ничего не увидела. Увидела. Наверняка заметила.

Сара спрашивает:

— Ты потрясена красотой звёзд или они навеяли воспоминания?

Решаю признаться, ударившись в несвойственную (или покрытую коркой льда и нелюдимости?) сентиментальность, ибо Сара из Острога не имеет никакого отношения к Новому Миру и управляющему аппарату идеального града.

— Дядя подарил мне проектор звёздного неба, сказав, что все эти звёзды — для меня; загадывай желания, Карамель, но не на падающие светила, а на крепко держащиеся в полотне мрака, ибо даже если они давным-давно потухли — их свет ещё доходит до нас, напоминая о значимости и величии.

— Очень чувственный подарок, — улыбается Сара. — Хочешь поговорить? Содержание происходящих в ночи бесед там же и остаётся — никто не выносит их на рассмотрение после взошедшего солнца, это негласное правило всех существующих и существовавших когда-либо на Земле.

— Давай, — соглашаюсь я.

— Как тебе Острог? Атмосфера в целом и команда Резиденции.

— Привыкну.

— Лаконично, — посмеивается Сара и откланяется, руками впиваясь в холодный шезлонг. — Ещё никто не был более краток и при этом насыщен. Я понимаю тебя: все эти люди кажутся чужими, а их смыслы — девиантными.

Обращаю взгляд на женщину. Она умело подцепляет меня последним словом.

— Но лишь в Остроге, — продолжает она, — ты разубедишься в девиантности, позволишь себе мыслить критически и допускать любые, даже разнящиеся с твоими и заявленными государством как политически верные, ценности.

Мы недолго молчим. Вспоминаю прошедший вечер, вспоминаю пробежавшее (или закоптившееся в уме, Карамель?) предположение, что Каин и Азуми приходится друг другу кем-то больше, чем соседями по дому и революции. Уже не пытаюсь анализировать, почему меня это интересует (возможно, шампанское дало о себе знать) — лишь представляю нависшую над юношей деву и разбираюсь в обстоятельствах.

— Азуми и Каин — пара? — любопытствую я.

— Из всего тебя беспокоит действительно это? — парирует женщина. И наблюдает моё недовольное лицо. — Что за взгляд, Карамель?

— Осаждаешь словно мой отец. Он всегда знает, что сказать, дабы привести в чувства и усмирить.

— Чему-то мы друг у друга, явно, могли научиться, — улыбается Сара. И это раздражает. — В Остроге нет жестко регулируемой системы и вступать в отношения и связь с кем-либо допускается без назидательного взгляда управляющего, разрешения и комментария. Хотя и в Новом Мире официальный статус пары — лишь формальность, ты уже поняла. У тебя есть мальчик?

— Был. Новый Мир решил разорвать пару из-за последних событий.

— И ты легко согласилась?

Было ли это легко? Могу себя убедить, что да. Настоять и поверить — в этом особенность человеческого мозга.

Отвечаю:

— Согласие даётся трудно, если испытываешь чувства и не можешь примириться с их отторжением. Я же не испытывала ничего. Ромео — хороший парень. Наверное, слишком хороший для меня, потому что хотел дать многое и сделать многое, а я всегда его отвергала, ссылаясь на Свод Правил и общепринятые нормы.

— Не любила его?

— Я — Карамель Голдман, вот ответ. Северянка, дочь управляющих Нового Мира, Создатель, и я не признаю чувств. Об этом пестрят все интервью, статьи и обращения. Чувства есть слабость, есть уязвимость, а человек, построивший град на граде, без пяти минут бог, не может быть слаб и уязвим.

Сара ведёт бровью и легко улыбается. Как это понимать? Затем спрашивает:

— Что отец думал о Ромео?

— Он был не сильно доволен моим выбором. Но разрешил нам стать парой, хотя — как я узнала позже — самостоятельно подыскал перспективного и богатого жениха. Мы бы всё равно расстались с Ромео.

— Это на него похоже, — отзывается Сара. Словно о давнем знакомом, и это не может не раздражать. — Всё-таки ты легко соглашаешься с расставанием...

— Потому что так правильно.

— Правильно для кого?

— Свод Правил не врёт.

— Твой отец поспорил бы.

Наберись сил, Карамель Голдман, и задай вопрос. Женщина явно провоцирует на него, подводит, хочет поведать. Почему не начнёт беседу сама? На это сложно ответить.

— Откуда мой отец, Говард Голдман, знает тебя, Сара из Острога? — воспользовавшись моментом, спрашиваю я. Обстановка к искренней беседе располагающая. Может, сейчас я узнаю ответы на интересующие вопросы?

— Если твой отец не рассказал об этом, на то были причины, — увиливает женщина. — Уважай его позицию.

— Я уважаю, поэтому не докучаю расспросами его, — говорю я. — Однако твоя позиция может быть отличительна. Откуда ты знаешь, Сара из Острога, моего отца, Говарда Голдмана?

Женщина увесисто молчит.

— Откуда тебя знает мой дядя, Алмас Голдман?

— От тоже не смог сохранить тайну нашего знакомства? — почти смеётся Сара. — Всегда любила Алмаса, но — о, прошу, не делай такое лицо и не смотри на меня так — любовью дружеской, почти братской. Из всех Голдман он питал ответные дружеские чувства, оберегал и защищал. Ему тяжело далось наше прощание. Не тяжелей, чем Говарду, но всё же.

Легче не стало. Понятней — тоже.

— Говард Голдман сказал, что ты — дочка некогда уважаемого управленца, однако твоя фамилия мне неизвестна. Вы были в одних кругах, прежде чем ты влюбилась и всё пошло наперекосяк? Поэтому знакомы?

— Ты умная девочка, Карамель Голдман, легко сопоставляешь. Мои ответы не нужны, сама видишь.

— Для чего отец дал тебе пистолет?

— Очевидно, нет?

— Чтобы ты сбежала из Картеля, — предполагаю я. — Но не понимаю причин: как он пошёл на такой риск, как ты приняла его жертву? Ты сама сбежала из Картеля, верно? И нашла Острог?

Сначала Сара не отвечает, затем же — выплёвывает резко, резво, с граничащим фанатизмом:

— Я его основала, Карамель Голдман. Повстанческое движение на плодovitых землях. Здесь были обхаживаемые южанами поля, но Резиденция и революционные мысли отсутствовали. Острог, милая моя, значит тюрьма, и здесь заключены все те, кому не хватило сил и ума соответствовать политическому режиму во имя безопасной и красивой жизни.

— Не понимаю... — спешно признаю я, — тебе не мил Острог? Я думала, каждый здесь отдаёт ему всего себя.

— Как донесёшь мысль — так о ней будут отзываться. Все, кто попадает сюда, питают искренние чувства: восхищение к этому месту, потребность в нём. Потому что людям дают дела и задачи, дают смысл жизни, нагромождают потерянную жизнь новой истиной. Мне ближе республика, демократия. Они здесь имеются. Нет тоталитарного режима, нет деспотизма. Каждый самостоятельно взаимодействует с Новым Миром и его представителями (фабриками, управляющими, южанами), выбивая право на возможность жизни у почвы — продают ресурсы, поставляют товар, снабжают продуктами. Никто не следит и не контролирует этот процесс, он отдан людям, остроговымцам. Однако ты напрасно думаешь, что в Резиденции нет главного. У любой революции есть направляющая рука, что заносит топор. Ты заметила, как Каин ведёт за собой толпы, обращает внимание людей? Заметила, как люди избегают тяжёлых речей Лоло? Заметила, как снисходительно относятся к моей компании, не ведая, что всё построено моими силами и слезами? Каждый наделён своей функцией, каждый выполняет свою работу. Моё дело — продавать революцию и нести

её идеи в массы посредством созданного образа.

Каждый, значит, продаёт свой образ? И за пределами Нового Мира — тоже. Ситуация неизменна.

— Я символ повстанческого движения, Карамель. Мне следует говорить о любви, быть дружелюбной и помогать в сплочении команды. Думается, Каин видит в тебе новый — нет, обновлённый — символ революции. Что даже чистокровная северянка, создатель идеального града, дочка влиятельнейшей семьи современности оказалась не согласна с деспотичным режимом, который почти двадцать лет спустя лишь больше стиснул находящихся под его гнётом людей, и регулированием всех сфер жизни.

— Я просто обделалась, это другое.

— Тебе не близка оппозиция?

Отмалчиваюсь. Потому что, во-первых, не знаю, что говорить: для только семнадцатого года жизни — достаточно сложный вопрос, а во-вторых, не смогу, скорее всего, сказать ничего хорошего или ожидаемого. Я всё ещё Goldman. Буду Goldman всегда.

— Если хочешь получать ответы на свои вопросы, не поскупись на ответы к чужим вопросам, Карамель, — лукаво улыбается женщина. При свете дня она казалась нежным цветком, но под закатное солнце (либо же, потому что иные из повстанцев не наблюдали выстроенному образу) являла суть — остроту шипов, ползущих по стеблю.

— Дядя подарил мне, — вдруг решаю признаться, хотя тему звёзд мы уже опустили (но в мыслях она резонирует до сей поры), — целое небо, усыпанное звёздами, а самую яркую его представительницу, ночник в форме пятиконечной — Бесу Goldmanу.

Почему я это говорю?

Почему ты это говоришь, Карамель?

Кара.

Почему в обмен на её секреты ты решила поделиться именно этим?

— Бесу? — переспрашивает Сара.

Мне казалось, каждый в Новом Мире в своё время успел переживать эту историю на устах, раздробить на крохотные кусочки сплетен, догадок и осуждений и бросить к дверям дома по улице Goldman; неужели она не читала Вестник? ...к слову, официальные каналы обошлись без комментариев.

Сара из Острога, не делай вид, что не понимаешь, о чём я, хочется воскликнуть и оставить женщину. Она вытягивает из меня признания? Хочет обрушить глыбы прошлого? Хочет полоснуть моим же раскаянием?

— Если ты не готова об этом говорить — не говори, я не вынуждаю, — говорит — вдруг! — женщина и спокойно пожимает плечами, вновь обращаясь к звёздам. Кажется, она в самом деле не ведаёт одну из тайн нашего дома. С чего я решила, что всем известны печальные пункты из биографии Goldman? С чего я решила, что покинувшей Новый Мир беженке любопытен хоть грамм новостей из обвинившего её града? С чего я решила, что именно моя семья представляет для неё интерес?

— Моему брату, — уточняю я. Как бы тяжело не давалось это признание.

— У Говарда есть сын? — искренне удивляется Сара и смотрит на меня. — Я думала, у вас в семье две дочки.

Отвечаю:

— Сейчас — да. Бес погиб, едва ему исполнилось шесть. — Слова даются с трудом, выскребаются из горла. Мерзко. Словно песок в рот набрала — вяжет. — Подрыв моста,

ведущего в Академию, — спотыкаюсь; горло сухое, чтоб его, а глаза влажные, — Мы шли на подготовительные занятия, но Бес убежал вперёд, а я отвлеклась. — Перевожу дыхание и, глядя на звёздное небо, представляю, что где-то среди них — Бес (то большая фантазия из-за пропущенных таблеток, Кара, ибо на самом деле Бес кремирован и находится в усыпальнице Голдман). — Погиб на месте.

— Сочувствую твоей утрате, Карамель — говорит Сара.

В тот день я потеряла брата и обрела себя. Тот самый транслируемый образ, который налип к хрупкому лицу. Отец говорил, что Свод Правил обезопасит меня, обезопасит нас, обезопасит семью. Если следовать ему, слушаться, нести в массы, действовать согласно обозначенным истинам, транслировать правильные и удобные законы, нас никто не потревожит и не тронет. Мы будем сильны и будем выстраивать идеальный мир вокруг нас. Идеальный Новый Мир. Совершенствовать град будущего, делать его лучше каждый день.

В разговоре с Каином в авто — на мой день рождения — он сказал, что я просто травмированный ребёнок. Не могу избавиться от этой мысли. Он всегда знал про Беса.

— Мне кажется, — предполагаю я, — Каину известно об этом пункте в биографии Голдман.

— Отчего тебе так кажется? — кивает Сара и поправляет на мне одеяло: прикрывает грудь, чтобы ночная прохлада на забралась под одежду и не стянула лёгкие.

Рассказываю. Женщина хмурится. Затем бросает:

— Ляпнул по глупости, вот и всё. Не думаю, что он знает больше меня, а я знаю много, Карамель.

Каин точно знал.

Делюсь мыслями:

— Подрывы в Новом Мире случаются не так часто, а если случаются — у всех на слуху. Но про Беса все словно забыли.

— Разве Свод Правил не регулирует заинтересованность людей в постороннем? — вопрошает Сара. — Палата Социума — во главе с Говардом Голдманом — сама же обложила законами, чтобы её представителей никто не трогал, а если смутные мысли и посещали головы людей — там же перегнивали.

— Мы — и отец больше всех — создавали лучший мир.

— Получилось? — с едва различимым ехидством выдаёт Сара.

— Получилось, только я подвела.

Не позволю ей порочить имя отца, обесценивать его труды и заслуги, принижать таланты. Не позволю. Я Голдман. Вне зависимости от происходящего вокруг, от отягощающих обстоятельств и мнения иных. Я — Голдман.

— Ты поступила так, как хотела, не вини себя, — говорит Сара. — Я — нарушившая законы — спустилась в Острог по необходимости, ты же — правдоборец, северянка, идеальный гражданин Нового Мира — спустилась в Острог по своему желанию. Кто обладает большей смелостью и решительностью?

Звучит хорошо (даже красноречиво), но не уверена, что истинно. Сама ли я решила оставить Новый Мир? Встреча с янтарными глазками внесла свою лепту: наши беседы, его признания. Жалоба Ирис, хотя её — как и проклятые статейки в сплетнике, ещё не вышедшие на официальный канал, на внешние СМИ — можно было умять, отец бы справился. Точно ли я сама приняла решение спуститься в Острог? Оно не навязано? Не желаю ли я очутиться вновь на улице Голдман, зная, что личный водитель отвезёт меня на

учёбу в Академию, где я встречу с навязанной социальными нормами подружкой и выбранным для отношений партнёром, после чего — в обеденный час — Золотое Кольцо одурманит блеском рекламных вывесок и бегущих строк, а на Здании Комитета Управляющих появится моё лицо, и наставляющий голос потребует послушания и следования Своду Правил. Понимаю, что плачу. Я бы отдала всё на свете, чтобы вернуться в идеальный (зная, что он не таков) Новый Мир. Я бы — чёрт с ним — вновь отдала Беса, чтобы увидеть наглое лицо сестры, услышать строгий голос матери, ощутить заботливый взгляд отца.

— О чём задумалась, Карамель? — спрашивает Сара.

— Предпочту оставить мысли при себе.

— Хочешь, поделюсь своими?

Согласно киваю.

— Сомневаться — нормально. И я была северянкой с роем сомнений в голове, когда оказалась...

Перебиваю:

— Сомнения, говорит отец, есть предатели неокрепшего ума, ибо они заведомо обрекают идеи и планы на провал, без возможности на реализацию.

— Он воспитал из тебя солдата, верно? — саркастически хмыкает женщина.

— Что?

— В твоём возрасте он позволял себе чувствовать, — настаивает она.

Выпаливаю резко:

— Закрой рот.

Сара удивляется. Отклоняется и просит повториться. Объясняюсь:

— Не позволю плохо говорить о нём. Никому. Кем бы ты ему не была и кем бы он не стал, Говард Голдман — мой отец, и его мнение оспариванию не подлежит. Он — закон Нового Мира. Он — власть всех пребывающих в нём. То, что ты находишься за пределами Нового Мира, не даёт тебе права судить о нём плохо.

А Сара не сдерживается и выплёвывает то, что собиралась долго держать при себе, не обнажая ни мысли, ни воспоминания:

— Я любила Говарда Голдмана, и ты смеешь наблюдать воочию, куда эта любовь привела, поэтому у меня нет мотивации или тяги оскорбить его, Карамель.

Замолкаю и отворачиваюсь. Смотрю на звёзды, которыми с добрыми (я надеюсь) намерениями поделилась Сара из Острога.

— Не хочешь узнать обстоятельства? Не хочешь узнать о нашем прошлом? — любопытствует беженка.

— Отец говорит, не задавать вопросы, к ответам на которые не готов. Я не хочу слушать твои ответы, какие бы вопросы (и догадки) меня сейчас не терзали. Я жила без этой правды и без неё проживу, спасибо.

— Вот как... — спокойно протягивает женщина.

— Но знай: ему плевать на тебя, Сара из Острога. Сейчас — плевать. Моего отца волнует только его семья — жена и две дочери.

— Не сомневаюсь, — улыбается женщина. — Ты забыла упомянуть дядюшку.

— Я сказала, до кого в этой жизни отцу есть дело, и брат — как иные родственники — не входят в список близких. И ты в этот список неходишь, про тебя отец даже не рассказывал — старая тайна, нарост памяти, вот кто такая Сара из Острога.

— У секретов, милая моя, как и у лжи не бывает срока годности.

— Я обозначила свою позицию: твоя правда и твоя история мне не нужны. Когда я сунула от любопытства нос в хронику с именем «сумасшедшей влюблённой», нарастающие комом проблемы привели к нынешней — непоправимой — ситуации. Я ничего не могу изменить.

— Так ты хочешь домой? — на выдохе выдаёт Сара. Вопрос сменяется утверждением, хотя моё выражение лица не даёт ни намека на правду. — Ты хочешь домой, Карамель Голдман.

Молчу. Сара добавляет:

— В Новый Мир. Твоё сердце отдано этому городу, даже не спорь. Сидя под его пятами — оплёванная его же правилами — ты восхваляешь город. Ты хочешь домой.

— Мои желания более неважны.

— Вернись, — улыбается Сара.

Как просто.

Насмехаюсь:

— Сейчас, только наболтаюсь с тобой, вздену дыхательную маску и пойду.

— Нет, серьёзно, — подытоживает женщина, — вернись. Отец простит тебя, Новый Мир простит. Все будут рады возвращению идеальной девочки Нового Мира, возвращению золотой наследницы Голдман. Революции не требуются жертвы семей, не требуешься ты.

— Каин говорит, я особенная.

— В этом он прав. Но жертва против воли — не жертвенность, а насилие.

— Теперь, мне кажется, моё место в Остроге.

— А моё в Палате Безопасности, как же, — язвит Сара.

— Одна моя новая знакомая сказала, что сомневаться — нормально.

— Но ты создана для Нового Мира.

— Он отказался от меня.

— Ты от него. Это разное.

Непонимающе смотрю в ответ.

— Ты можешь вернуться в любой момент. Уж кто-кто, а Говард Голдман — синоним рекламы — обыграет всё в лучшем виде: тебя зауважают ещё больше, тобой восхитятся ещё больше.

Перебиваю в который раз:

— Для скаута революции ты, Сара из Острога, отстойно справляешься со своими обязательствами.

Женщина смеётся.

— Всё-таки, — говорит она, — сходи завтра на шествие безликих, попроси Каина взять тебя с командой. Посмотри на Новый Мир ещё раз, но под другим углом. Посмотри на него так, как смотрят не живущие на улице с личным именем и не имеющие на чипе суммы с нулями.

— Мне нет дела до тех, кто не смог добиться аналогичных высот. Мало или плохо старались, я так считаю.

— Тогда не понимаю, что тебе нужно от революции, Карамель.

Дело в личной революции. Нутра. Характера. Роста.

— Мне бы хотелось вернуть веру в идеал. Создать или воссоздать этот идеал.

— В твоих силах на землях Острога возвести идеальный мир. Вопрос лишь е

необходимости: действительно ли это нужно. Другим людям или тебе. Оппозиция будет всегда — это требование дуальности сознания. Давай отправимся спать — завтра трудный день, Карамель. Попрощайся со звёздами до следующего раза: с неба они никуда не денутся, покуда на горизонте высятся дома Нового Мира.

Разглядываю Сару под светом неяркой луны, под россыпью гигантских и крохотных звёзд; тени падают на красивое и уставшее лицо. Она всё ещё — как глупо, спустя столько лет! — питает чувства к Говарду Голдману, но в последнем я уверена: только семья, состоящая из жены и дочерей, имеют для него значение. А просмотр той хроники — как напоминание, куда отступление от правил может привести. Говард Голдман умён, это его отличительное качество. А Сара лишь обладает миловидной внешностью. Наверное, потому дядя критично относится к Саманте Голдман — он знает, что она заменила (и это мудрое отцовское решение: избрать постоянство Нового Мира вместо повстанческих безуспешных вибраций) Сару из Острога, став женой Говарда Голдмана и родив ему троих детей. Сара сказала, что они с Алмасом были в тёплых отношениях — теперь очевидна неприязнь дяди к матери; он желал видеть рядом с братом другую. Но решать не ему. В который раз убеждаюсь в силе отца. Он — отличительно от меня — заслуживает место в Новом Мире. Он есть Новый Мир — растянувшийся по мостам-паутинам паук.

Оставляю звёзды и слова Сары. Ухожу спать — с новой попыткой тепло постели забирает меня в сон в тот же миг.

Кажется, мне всё привиделось и никакого Острога нет. Нет высоких деревьев и встрявших в них домов. Я проснусь в своей спальне. Я проснусь в своей спальне?

События восьмого дня

Просыпаюсь (всё-таки не в своей спальне, а произошедшее — реально) от гуляющего за дверью шума — кажется, резиденты двигаются по коридору, желая доброго утра и обсуждая планы грядущего дня. Стаскиваю себя с кровати и замираю у крохотного зеркала. Руки — привыкшие — желают после пробуждения дотянуться до положенных блистеров и банок с медикаментами, но живущие в Резиденции не принимают лекарств. Может, потому они девиантны? На них не хватает сдерживающих звериное нутро и успокаивающих скачущие гормоны средств. И всё же привычка (или дрессировка?) многих лет, заставляет думать, что я забыла о чём-то важном с утра — не хватает забравшихся в рот пилюль. Может, спросить у Каина могу ли я достать себе лекарств? Сомневаюсь, что безопасно отменять разом единый курс.

Из одежды Сара оставила мне несколько её вещей — обтягивающие джинсы, базовые футболки и плюшевые кофты поверх. Не мой стиль, но выбирать не приходится. В джинсах — кто придумал носить такую тяжёлую и грубую ткань? — ноги выглядят словно колесо со спицами; вот бы Золото посмеялась, выдумав схожую ассоциацию. Переодеваюсь и замираю у дверей: не желаю покидать комнату — выстраданную зону комфорта, зону безопасности. Шум притихает — должно быть, резиденты расходятся по делам. Выдыхаю и выхожу — застаю вмиг опустелый коридор, где ещё секундой ранее растекались беседы и шаги. Или мне показалось? Направляюсь в сторону ванной. Одна из оставшихся позади спальных дверей открывается — не обращаю внимания.

— Сара! Сара, — зовёт голос со спины, а его обладатель — высокий чёрный парень — пару раз хлопает меня по плечу. Пока разворачиваюсь (да почему же все они так и норовят потрогать друг друга...), слышу: — Что там с камерами на выходах из Южного? Почему не работают?

— Сара точно знает, — спокойно говорю я. — Но я — не она. Карамель, будем знакомы.

Парень смеётся и согласно кивает, извиняется и протягивает руку для пожатия:

— Август. Прости, со спины вы очень похожи.

— Её вещи.

Указываю на футболку, рукопожатие избегаю.

— Прости ещё раз. Северянка, все дела, — Август делает вид, что не хотел подавать руку, а почёсывает ей затылок. — Я знаю, что вы не особо тактильные ребята.

— А ты?

— Тактильный ли я? — забавляется парень. — В зависимости от обстановки, времени суток и степени близости.

На сальную шуточку спешу внести ремарку:

— Нет, с какого ты района.

— Ни с какого. Я с Острога — мои родители всю жизнь работали независимо от Нового Мира.

Август — видно — хочет продолжить повествование, однако видит кого-то дальше по коридору, прикусывает губу и говорит:

— Ладно, ещё поболтаем, поделимся историями. До встречи.

И уходит. За спиной выплывает азиатка Азуми. Надо было быстрее шагать к ванной, Карамель. Запомни это правило — не желаешь встречи с соседями: шевелись.

— Голдман! — восклицает она. — Так ты здесь! — Не успеваю ответить или удивиться. — А я думала, мы все словили массовую галлюцинацию и золотой наследницы никогда не было в Резиденции.

— Как оригинально, — равнодушно отвечаю я. — Твои предположения, какая ты по счёту, кто говорит мне подобное и ссылается на фамилию?

— Ты посмотри, золотая наследница умеет скалиться. Это в мать? Отец-то у тебя мягкотелый. Твоя породистость — проклятие, а не дар. Думаешь, все тебе неровня? Ну да, ты же Голдман.

— Отвали от неё, — вступается другая — появившаяся из соседней двери — девушка. Кажется, это Кармила. На ней цветастое короткое платье, а в руках зубная щётка и паста. Ванная комната здесь общая, на весь этаж одна.

— Карми, — не успокаивается Азуми, — мы знакомы много лет, а с дочуркой Голдман ты не проронила больше двух слов. Несправедливо, не находишь? Может, она тебе нравится? Сказать об этом Фрейе?

— Кармила, во-первых, — девушка не ведётся на провокацию — она спокойна и сдержана, но при этом резка и уверена в себе, — а, во-вторых, давай, скажи: но все и так понимают, что вопрос симпатии (кто кому нравится и не нравится) беспокоит исключительно тебя. Спрашивай с Каина, а от Карамель — отстань.

— Что ты вообще знаешь о нас?

— Я достаточно наблюдательна и умею делать выводы. — Кармила оборачивается на меня и, загребая в объятия, волочит следом. — Пойдём, блонди, провожу тебя в ванную: смоешь остатки сна и этот тупой разговор.

Быстро двигаемся по коридору. Благодарю за спасение.

— Не за что, — подхватывает Кармила. — Азуми не злая, ты не подумай. Просто её триггерит из-за Каина, но я не буду сплетничать. Захочешь — спросишь у него сама. Вообще мы дружелюбные, хоть иногда и спорим, и ругаемся. Не волнуйся и не бойся.

— Никогда.

— Ну да, ты же Голдман.

И снова эта фраза. Снова этой интонацией.

Ты же Голдман.

— Твоя девушка не будет ревновать? — спрашиваю я, когда Кармила заводит меня в ванную и отпускает.

— Не будет, у неё всё в порядке с самооценкой. Умывайся, я постерегу. Азуми, конечно, не в край поехавшая, но мало ли у неё с утра какое настроение. Потом пойдём в столовую, на завтрак. Ладушки?

Подхватываю:

— Ладушки.

— Тебе идёт это слово. Ты похожа на Сару, тебе говорили? О, вот глаза вытаращила. Внешне, ясно? Я не говорю, что ты «сумасшедшая влюблённая» или что ещё, о чём могла подумать северянка.

— А ты северянка? — быстро спрашиваю я. — Как попала в Острог?

— Обычно такие вопросы не задают, блонди.

— Обычно, верно. Вы пытаетесь углядеть злой посыл, подтекст, но иногда вопрос

означает сугубо вопрос.

— Ты мне нравишься, — выдыхает Кармила. — Не как Фрейя, прекрати выпячивать глаза, а как хороший и просто непонятый иными человек. О тебе говорят всякое, но я привыкла верить лишь увиденному воочию или узнанному от объекта сплетен.

— Я думала, здесь не обсуждают прибывших в Резиденцию.

— А в Новом Мире все живут согласно Своду Правил, вот только официально заявленная версия разнится с реальными обстоятельствами, не так ли?

— Одно разочарование сменяется другим.

Кармила смеётся. И говорит:

— Будь проще. Не в смысле будь простой, а относись ко многим вещам проще. Подавленные эмоции и истинное спокойствие имеют мало общего. Какая ты, Карамель Голдман?

— Пускай будет тайной, — протягиваю я.

— Значит, умная, — смеётся Кармила.

На самом деле я просто не знаю. В начале этой недели я была уверена в том, кто я, что из себя представляю и что меня ждёт. Кусаюсь:

— Сара говорит, у тайн и у лжи нет срока годности.

— Ого, — восклицает девушка. — В самом деле так сказала? На неё непохоже... хотя, может, все мы знаем разную Сару. Она тёмная лошадка, ты и сама поняла.

— Скажешь ещё что-нибудь о ком-нибудь? Чтобы я была готова.

— К такому — увы — не подготовиться. Ты — Голдман и к прочему северянка, а потому привыкла действовать согласно инструкции, отвечать по написанным текстам, выступать перед прогретой толпой. Но жизнь не имеет ничего общего с государственным гласом или представлением ребят из Академии. Не думай, что я зануда или у меня есть стычки с академистами, моя сестра (у нас общий отец, но — шок! — разные матери) учится в Академии. Мне же — как незаконнорождённой — нашлось место в низовьях Золотого Кольца, не выше Южного Района так точно. Там я познакомилась с Фрейей, она занималась с машинами, и на неё — как на специалиста — вышел Каин. В итоге позвал обеих в Резиденцию. Выбор у нас был небольшой. Да и у тебя, Голдман — тоже. Одна из девяти Палат. Даже — видя тебя и зная твой характер — меньше: дай угадаю... тебе пророчили Палату Социума, место подле отца, чтобы гонять на бумагах остроговцев.

Опускаю глаза без желания продолжать беседу. Кармила отмечает:

— В Новом Мире отсутствие зрительного контакта означает неуважение к собеседнику. Ты же просто смущена, я вижу. Кто бы что не говорил, но ты ещё ребёнок, Голдман. А все ждут взрослых решений и взрослых поступков, дают этим. Тебе сами прожитые годы велели ошибаться и обжигаться.

Отец решил по-другому.

— Не говорю за других, но — если что — подруга, хотя бы одна, у тебя здесь будет. Кармила.

И она протягивает руку. Для рукопожатия.

— Перебори себя, Голдман, ну же, — говорит тонкий девичий голос. Усмехается, но не злобно, как это делали другие.

Скрепляем наше знакомство рукопожатием.

— Видишь, даже перчатки не понадобились, северянка.

И эта шутка кажется безобидной. Благодарю ещё раз — за спасение и за беседу.

Кармила проводит меня до дверей в столовую, говорит, что вернётся за подругой в комнату, но я могу заходить одна.

— Там много всех, — утверждает девушка, — Азуми с занесённым топором не выпрыгнет, уж поверь. И Каин уже давно там, до встречи.

Толкаю дверь и неспешно захожу — благо, внимания на меня никто не обращает. Эй, Кармель, и давно отсутствие внимания стало чем-то позитивным для тебя?

Помещение несильно большое, похоже на кафетерий в Академии; только столы не натёрты до блеска и вместо керамических и фарфоровых тарелок — пластик.

Замечаю янтарные глазки — Каин садится за пустой стол на несколько персон, ставит перед собой поднос, раскладывает еду. В компанию к нему никто не торопится. Приближаюсь и, нависнув, спрашиваю:

— Когда ты собирался позвать меня на шествие безликих?

Каин едва не давится запихнутым в рот сэндвичем; кашляет и выплёвывает кусок хлеба. Не могу сдержать язву:

— Манеры отсыхают у повстанцев сразу же, как они приходят к этому статусу или несколько позже?

— На какой из вопросов тебе ответить? — неясной улыбкой подхватывает юноша. Шутка ему не нравится, но и обиду — видно — позволить не может. — Садись, поговорим. Будешь завтракать?

— Я не меняться вопросами пришла.

— Садись, поговорим.

Теперь это звучит не как предложение, а указом. Следую ему: падаю на стул напротив.

— Приступим.

— Не шути про повстанцев, — шёпотом просит Каин.

О, то есть про северянок можно...

— Разве же здесь собрались ранимые души? — восклицаю я. — Мне казалось, нестигаемые по воли и глухие к посторонним словам.

— Настроение по утрам у всех разное.

— Это я заметила.

Мимо нас проходит подоспевший к завтраку Август и его рыжеволосая подруга (они и вчера были вместе, однако её имя мне неизвестно). Следом в столовую врывается что-то с жаром обсуждающая пара дев — о, Кармила и Фрейя (вторую вижу впервой). Приходят и те, чьи имена мне неизвестны: мужчины и женщины.

— Будешь завтракать? — повторяет Каин.

Благодарю и отказываюсь.

— Впереди насыщенный день, уверена? — уточняет парень. Затем смеётся: — Или желаешь отобедать на Золотом Кольце?

— Сразу же после своего интервью для Новостей и шопинга.

— А серьёзно?

Признаюсь, что в пищу употребляю только растительные продукты и органику, исключая продукты животного происхождения, а представляемые сэндвичи противоречат принципам. Янтарные глазки выдают в их стиле:

— Ты борешься за права почти вымерших животных, что обитают только в пробирках и лабораториях?

В своём стиле отвечаю, что не терплю на языке вкуса искусственных помоев.

— А я-то думаю, с чем этот сэндвич, — и Каин кивает на остатки завтрака. Возможно, я обидела его, но какое мне дело? — Что-то знакомое, из высокой кухни. Оказывается, искусственные помои! С таким отношением, Голдман, далеко не уедешь и долго не протянешь.

Отдаю лаконичным:

— Оставь мои принципы без комментариев.

Никогда прежде не приходилось отстаивать взгляды, ужасное чувство. Для чего кому-то вообще с ними спорить?

— Еда не заслуживает такого внимания, просто не парься.

— Не меняй меня, даже не пробуй.

— Это просто еда.

— Именно. И она не заслуживает такого внимания, сам сказал. Отвали от меня.

Оканчиваем спор и недолго сидим в тишине. В тишине — друг с другом, ибо окружающие нас не замолкают ни на секунду: разговаривают и смеются.

— Прости, я погорячился, конфетка, — и вот уже янтарные глазки улыбаются. — Ты попала в абсолютно новое место, в абсолютно иную среду, незнакомую обстановку, атмосферу, а я не позаботился о твоём комфорте должным образом. Если пойдёшь с нами на шествие — обещаю, куплю тебе органические булочки или что ты там ешь, я даже не знаю. Стебель сельдерея, салат, что хочешь. На поле могу украсть для тебя тыкву, хочешь? Я украду тыкву, ты только скажи!

Смотрю в раскаивающиеся глаза. Представляю, как Каин ворует для меня тыкву. И — вдруг! — хохочу.

— Голдман умеет улыбаться, серьёзно? — вспыхивает из ниоткуда явившаяся Азуми, но её саркастичный тон не перебивает мой смех от представляемого с тыквой Каина. Каин реальный — без тыквы — бросает на Азуми гневный взгляд и велит выбирать слова.

— Это просто шутка, моя любимая буква Ка, — говорит девушка и садится рядом с нами. — Что обсуждаете?

— Что ты прошла мимо, и нам от этого хорошо, — подхватывает Каин. — Не время, Азуми. Я найду тебя, когда потребуется.

— Когда потребуется, посмотрите на него, — хмыкает азиатка и резко встаёт. — Как всегда — ищешь только по нужде!

— Ты хочешь что-то обсудить? — спрашивает юноша — строго. — Сейчас?

Ощущаю накатившую неловкость от присутствия в чужом споре. Споры родителей я всегда избегала, представляя, что их нет вовсе. Споры иных не заставляла, ибо спор есть деструктивная единица в социальных отношениях, так говорит Свод Правил.

Надо же. Я вновь вспомнила Свод Правил. Есть некоторая близость с этим документом: не имеющим материальной оболочки, но вшитым в сознания людей; я читала — и читала, и читала, и читала — Свод Правил, сложенный в буквы из двоичного кода, заучивала, впитывала, слушала цитирование в утренних Новостях. Свод Правил вобрал в себя все истины Нового Мира — истины, которые ведут к идеальному обществу, строят идеальный град.

Азуми уходит, оставив после себя аромат сандалового дерева и накалённую обстановку. Каин от досады собирает второй сэндвич — добавляет больше зелени и меньше ветчины, надкусывает, рассуждает, что не пришёл к осознанности, дабы открыть себе веганство. Улыбаюсь и спрашиваю осторожной интонацией:

— Вы пара?

— Я и Азуми? — уточняет Каин и, получив кивок, посмеивается: — Нет, упаси. Азуми

— сплетница и скандалистка, мы иногда проводим время вместе, ничего серьёзного.

Значит, просто общаются. Как и все друг с другом. Как и все друг с другом?

— А зачем ты спрашиваешь? — и вот Каин загадочно улыбается.

Не поддерживаю, не пытаюсь флиртовать в ответ; выдаю реальное:

— Вы спорили таким тоном, словно у вас есть обязательства друг перед другом. Как у партнёров.

— В Остроге и низовьях Нового Мира нет официального партнёрства: каждый общается, как пожелает, и встречается, с кем пожелает.

— Это я знаю. И это вносит некоторые...неудобства, знаешь ли, размытость в отношения, какими бы они не были. Нет устойчивой позиции — лишь пограничные состояния.

— Я сам к полумерам не привык, — забавляется Каин. — Когда пожелаю, чтобы — выражаясь понятным тебе языком — девушка стала моей парой, тогда сообщу ей об этом.

— Есть кто на примете?

— Имеется.

— Очень интересно.

— Надеюсь, ты не стала за одну ночь сплетницей Резиденции? Все девочки здесь — жуткие сплетницы. Но хочешь главный секрет? Мальчики — куда большие сплетники.

— Ещё интересней.

— Видел ночью тебя и Сару на улице. Окна моей спальни выходят на пьядцу, не подумай, я не следил. Душевно поболтали?

Отвечаю размыто:

— Да, не хватало гласа старшего поколения. Я привыкла слушать и прислушиваться к наставничеству взрослых. Непривычно, что в Резиденции почти всем заправляют молодые.

— Думаешь, у них ветер в голове?

— Просто отсутствие опыта, набранного десятилетиями жизни.

— Количество опыта, — вновь спорит Каин, — не зависит от прожитых лет.

— Однако, — подхватываю спор, — прожитые года добавляют возможности для его получения. Лучше скажи, почему не позвал меня на шествие и что там ожидается.

Юноша признаётся, что не хотел нагружать меня событиями на второй день пребывания в Резиденции. Шествие безликих пройдёт по некоторым этажам Золотого Кольца — видя нас, другие жители (чаще всего это делают южане) смогут присоединиться к идущим, толпа нарастёт.

— Никогда не видела шествие прежде, — признаюсь я.

Или видела? В день рождения, Карамель. Одиночку, что шагал против толпы, в маске, на которой изображена улыбка, нарушающая правила использования средств индивидуальной защиты органов дыхания. За ним последовал Патруль Безопасности. Шествующий забрался на верхний этаж, разве такое допустимо?

Спросить у Каина или нет?

Продолжаю:

— Я бываю, то есть бывала, на Золотом Кольце каждый день, тебе известно. Но никогда не видела шествующих.

Каин отвечает:

— Потому что нас нигде и никогда не афишируют (даже в Вестнике), а без новостной огласки нас будто бы и нет. Информация война уже началась, и мы проигрываем, Карамель, потому что у Острога нет своего издания, а влезть в государственный нам не по силам.

Прошу рассказать ещё. Мой друг повествует, что на шествие безликих выходят утром, чтобы застать как можно больше отправляющихся на работу или по делам горожан — они увидят, они прозреют. И, засев в душных офисах или на службе у северян, будут размышлять об увиденном.

Я точно встречала идущего против толпы — на его дыхательной маске была нарисована раскосая улыбка. Его цель — мгновенное привлечение внимания; его задача — посадить в голову мысль о неповиновении, вскрыть ящик (нет, не Пандоры) девиантности.

У него получилось.

Шествие безликих перетекает с нижнего этажа на верхние. Патруль Безопасности не трогает улыбающихся в масках, так как не привык нападать на группы; резать нужно в одиночку, хвататься по отдельности. Иначе — сами же посеют семена сомнений, принесут смуту городским. Игнор Патруля Безопасности и городских властей умён и прагматичен — граждане, мельком увидев шествующих, посчитают, что им показалось (они убедят себя в том) или вовсе не акцентируют внимание, потому что понимают — любопытство деструктивно, а раскачавшееся воображение девиантно.

Проходит немного времени и на шествие безликих собирается лишь крохотная часть команды. Сара остаётся в Резиденции, она — как я узнаю позже — всегда остаётся здесь: не покидает земли Острога, то принцип. Кармила клюёт в щёку Фрейю, что с заспанным видом заваривает отдающий синтетическими помоями кофе, и обещает не задерживаться. Обращается ко мне:

— Твоя лучшая подружка не оставит тебя сегодня без компании, блонди. Босс, — и она кивает на Каина, — сказал, что ты идёшь на шествие, а потому я с вами.

— Это необязательно, — говорю я, пытаюсь размять ситуацию: Кармила в самом деле оставит Резиденцию только ради меня?

— Обязательно, если мы подружки.

И девушка подмигивает. Моя названная и заявленная официально подруга Ирис всё, что сделала за историю нашей дружбы — стащила пару шарфов из вещевого отдела, потратила половину (утрировано; от карманных средств, разумеется) казны Голдман, пофлиртвала с парнем (с партнёром, Кара, что за ерунда) и написала жалобу (наверное, ты её заслужила). Почти незнакомая Кармила уже встала на мою защиту и решила поддержать в новом деле.

— Ты только покинула Новый Мир, — шёпотом — дабы не расслышали другие присутствующие резиденты — говорит девушка, — а, значит, возвращение туда может даваться тяжело. Эмоционально. У тебя было всё в Новом Мире, а затем сам же Новый Мир это отнял. Я побуду рядом, Карамель. Плечо поддержки, все дела. Можешь не опираться на него, северянка-брюзга — просто знай, что оно есть. Ментальное плечо, ладушки?

— Ладушки, — расслабляюсь я.

— Только обещай, что по возвращении мы зависнем вместе с Фрейей: заплетём друг другу косички, накрасим ногти, приготовим печенье, разберём карбюратор — без разницы, лишь бы одной компанией.

Кармила такая... странная. Чудесная, даже чудная, но не в плохом смысле. Она искренняя и — кажется, я понимаю только сейчас в чём проявлении силы — сильная, ибо не боится принимать свои же слабости, открыто говорить об ощущаемом. Путаница

подавленных чувств во мне же и перегнила, что с ней делать? Я не ощущаю ничего, не ощущаю близости со всеми этими людьми — с подарившем мне шанс на жизнь вне Картеля Каином, с понимающей от и до Сарой, с умеющей дружить Кармиллой. Смотрю на резидентов — не могу понять: со мной что-то не так или с ними...

— Загляни перед выходом из Резиденции в комнату, там сюрприз, — шепчет ветром пронёсшаяся Сара.

Говорю Каину, что увидимся позже, появились дела. Он согласно кивает, хоть и смеётся:

— Второй день, а уже обзавелась связями и какими-то заботами. Хорошо, конфетка, я зайду за тобой.

Кратко улыбаюсь и оставляю столовую, пересекаю коридор и — как же ворот жёсткой футболки жмёт горло; я могу задохнуться? — оказываюсь в своей спальне. На кровати лежит сложенный комбинезон. Мой комбинезон. Но — отличительно от вчерашнего дня — чистый, без следов спешки, торопливости и побега, без песка подле Дамбы и станционной копоты. Возвращаюсь к цвету стерильности и удобной ткани, не забываю про перчатки — подарок Каина. Даже здесь — в Остроге — я выгляжу как северянка, иное отторгается. Не могу сбросить кожу.

— Выглядишь словно голос молодёжи всего Нового Мира, — говорит некто из коридора (сама виновата — опять не закрыла дверь). — Твой голос доносит правильные истины?

На пороге стоит наркопринцесса.

— Снова на крышу? — спрашиваю я.

— Куда ж ещё. Хотела позвать тебя, да, боюсь, ослепну от такой белизны.

Сара постаралась и подготовила для меня мой комбинезон. Очень чутко. Чтобы я не возвращалась в Новый Мир в неудобном для меня.

— Вот, возьми, — говорит девушка и сбрасывает с себя диковинный бомбер (выглядит он старо и привлекательно одновременно). — Модницей не назовусь, но даже я не выдержу, если ты поднимешься на поверхность в одной из плюшевых кофточек Сары, такая дичь. — Наркопринцесса приближается, а я пытаюсь отступить. — Замри, недотрога. — Она набрасывает свой бомбер мне на плечи и быстро застёгивает заклёпки. Как близко... Застываю напротив, не в силах пошевелиться. — Твой отец собирает старые книги, мой — старые куртки. Типа ретро. Носи на здоровье и как-нибудь верни.

— Ты странная, — всего и отвечаю я.

— А кто нет? — Девушка улыбается. — Я стою напротив северянки в Остроге. Можем посоревноваться в степени странности.

Рассказываю (не знаю, насколько эта информация секретна и можно ли ею делиться с иными находящимися в Резиденции), что собираюсь на шествие безликих. И подытоживаю (словно не собираюсь возвращаться):

— Спасибо, ты научила меня много новому.

— Например, держать незнакомцев за руки?

Осознаю, что всё это время стискиваю хрупкие ладони наркопринцессы. Сама. Девушка улыбается — у неё красивая добрая улыбка — и говорит:

— Не смущайся за свои желания, северяночка. Я поняла, что ты про наши беседы и знания, которые не даются посредственными учебниками из Академии. Мир куда больше представляемого — его масштабность поражает; всё узнается.

— Конфетка! — вдруг зовёт голос из коридора. — Ты готова?

Каин заглядывает в спальню и хмурится в сторону наркопринцессы.

— Что тебе здесь надо? Это комната Карамель.

— Взаимно, Каин, — сплёвывает дева — пренебрежительно, с досадой, а мгновение спустя с ласковой улыбкой обращается ко мне. — Ладно, я пойду, северяночка. Увидимся по любую сторону баррикад.

Наркопринцесса уходит — сворачивает в конец коридора, откуда слышится лязг окна и скрип петель, ощущается забравшаяся в Резиденцию прохлада.

— Это было грубо с твоей стороны, — говорю я.

— Семейка Каннабис торгует наркотой, — оправдывается Каин.

— А ты — революцией. Что страшней?

— Давай не будем ссориться.

— Уговорил.

Каин отводит меня в сторону и протягивает нечто в руке.

— Что это? — спрашиваю я.

— Примерь. Тебе понравится.

Маска. Самая обыкновенная дыхательная маска для передвижения по городу. Равнодушно пожимаю плечами и хочу отказаться от подарка (у меня имеется своя), однако Каин переворачивает её. На лицевой части маркером нарисованы улыбка и крохотная, завёрнутая в фольгу, конфета.

— Так нельзя, — едва слышно проговариваю я.

В самом деле нельзя. Изменять внешний вид дыхательной маски, выдаваемой Палатой Безопасности, есть нарушение закона.

— Кто запретит, конфетка? Мы сами диктуем себе правила, Новый Мир — не указ для повстанцев.

Кто громче всех говорит, продолжительней молчит при действительной необходимости. Надеюсь, Каин не такой. Он вдохновляет людей, но я в броских речах не нуждаюсь — мной движет личная причина, личный конфликт.

Или же нет?

— От подарков не отказываются, конфетка, — настаивает юноша. — Я сделал её для тебя, даже карамель нарисовал.

— Золотого цвета, — отмечаю я.

— Ты же Голдман.

Сколько раз в своей жизни — и в хорошем контексте, и в плохом — я слышала: «Ты же Голдман». Интересуюсь:

— Как другие относятся к этому?

— К тому, что наши ряды пополнились выскочкой из Северного района?

Моментально меняюсь в лице: принимаю отчуждённый вид, покрываюсь коркой льда и нелюдимости.

— Так обо мне говорят?

— Нет, я прикалываюсь, — смеётся (так просто) Каин. — Мы не обсуждаем членов команды, конфетка, мы уважаем их предысторию, уважаем приведшие к нам обстоятельства. То, что было до Острога, обнуляется. Людям свойственно меняться.

Не согласна.

Люди никогда не меняются. Их выгибают обстоятельства, ситуации, они изменяют

принципам и характеру, но по существу своему они никогда не меняются. Истина вскрывается, нутро выползает наружу. Рано или поздно.

И сегодняшнее утро продемонстрировало, что глас Каина отличается от истины — все в резиденции живут по личным установкам, наплевав на комфорт других. Или янтарные глазки слепы?

— Примеришь? — спрашивает Каин.

Принимаю маску и креплю её на лицо.

— Карамель Голдман улыбается, зовите Патруль, — смеётся юноша рядом со мной.

Шутливо подталкиваю его в плечо и говорю:

— Опять издёвки, янтарные глазки.

— По поводу глазок... часто ими засматриваешься?

Чёрт.

Он умеет смутить.

Замираю напротив, но с ответом не тороплюсь. Каин цепляет маску себе на лицо. Остаются только янтарные глаза и нарисованная маркером улыбка.

— Думаешь, я легко отстану от тебя и не потребую ответа? — подначивает он. — Так насколько часто?

Съязви, Карамель. Промолчать не получится.

— Эй, голубки, — раздаётся спасительный голос Сары, — команда выходит. Вы готовы?

— Мы ещё вернёмся к нашему разговору, — говорит Каин и отступает к позвавшей нас. — Всегда готовы, солнце!

Покидаем Резиденцию, покидаем земли Острога. Так скоро... Мягкая почва сменяется полой плиткой, плавкий шаг, к которому я привыкла, сменяется бессердечным стуком. Мы идём по неосвещённой станции — солнце проглатывает мгла бетонных сооружений.

Намеренно не смотрю в окно, чтобы не наблюдать отдаляющуюся станцию Острога и пугающие своим видом мосты. Каин садится напротив — улыбается.

— Не слишком ли ты молод для повстанческих движений? — спрашиваю я.

— В этом деле не бывает рано, не бывает поздно, — отвечает Каин. — Ты поступаешь угодно сердцу, угодно нутру, угодно характеру. Вне зависимости от социального статуса, вне зависимости от прожитых лет. К нам присоединяются отчаявшиеся беглецы из Южного района, изгнанные судом, не нашедшие себе применения в черте города, несогласные с политическим режимом. С нами даже (отныне!) северянка — дочка влиятельнейших управленцев Нового Мира.

И так всегда.

Не доросла Карамель Голдман до того, чтобы её имя стояло без второстепенных слов и уточняющих оборотов. Одно. Само. Всем от меня всегда требуется статус семьи, фамилия.

Обиженно отвожу взгляд. Кармилла сидит недалеко от нас, без компании: глаза её закрыты, губы нашёптывают неслышимое.

— Что она делает? — тихо вопрошаю я.

— Молится, наверное, — говорит Каин и окрикивает девушку. — Давай потом. Не нагнетай.

Вступаюсь за Кармиллу:

— Почему ты ей запретил?

— Потому что может, — отвечает сама Кармилла. — Все слушаются Каина.

Остроговцы сменили деспотизм массы на деспотизм одного лица? Не поверю. Да и не похож Каин на того, кто указывает или принуждает. Он мелок для правящей рукояти, это видно невооружённым взглядом. Каин — обыкновенный (если в этом контексте применимо слово «обыкновенный») идущий против политического режима революционер. Поначалу, правда, мне казалось, все остроговцы дружны друг с другом, но напряжение между стиснутыми обстоятельствами и местом обитания проскальзывает.

Как ты могла оказаться здесь, Карамель?

Смотрю на Кармиллу, что бегло смотрит на меня и кивает. Остальные пребывающие в вагоне мрачны и угрюмы, задумчивы и растеряны.

— Что за кислые лица? — вдруг восклицает Каин. Он желает выступить с подбадривающей речью, однако руки Кармиллы плавно выуживают из-под блестящей куртки дыхательную маску — она крепит её к лицу. Вот и улыбка. Искусственная покрывает реальную.

Каин проглатывает укол и продолжает рассуждать о важности грядущего дня.

— Чем он отличается от предыдущих шествий? — с задиристой интонацией восклицает некто из команды.

— Вам известно, — строго отвечает Каин и выдерживает небольшую паузу. — В этот раз с нами младшая Голдман.

У меня есть имя.

— Я благодарен за вашу поддержку, — продолжает Каин, — каждого из вас. Мы делаем то, о чём другие только грезят. Мы создаём Новый лучший Мир — истинно. Не через ограничение, а расширение. Не территории, нет. Мыслей. Сознания.

Оказываемся в туннеле — вагон покрывает тень, лица остроговцев теряются в небытии; ощущаю их присутствие, но не вижу глаз — пустые оболочки катятся подле.

Час — или около того — спустя поезд замирает. Покидаем станцию — опасаясь, что в основаниях домов Нового Мира окатит тревогой или волнением, но то не происходит. Кармилла на всякий случай держится рядом.

— Тебе идёт улыбка, Карамель Голдман, — забавляется девушка, глядя на мою дыхательную маску.

— Взаимно.

И вновь над головой угнетающее пространство мостов и крыш. Неспешно бредём к Золотому Кольцу, откуда начинается шествие. Как свойственного Новому Миру — бредущим навстречу людям плевать на присутствие шагающих в иную сторону, они сосредоточены на своих делах и мыслях, на своих лицах. Мы двигаемся навстречу потоку, сталкиваемся с ним, нарочно задеваем плечами, цепляем глазами. Держусь чуть за Каином, чтобы не привлекать излишнего внимания конкретно к себе, рядом вьётся Кармилла.

Горстка людей, что мы из себя представляем? Как я могла пойти на это? Как согласилась и возжелала сама?

И вот примыкает первый человек. У него бедная одежда и ещё более бедный взгляд. Но он присоединяется к шествию безликих, он идёт бок о бок с нами. Не проронив ни единого слова, он вливается в симбиоз двигающихся. Мы поднимаемся по лестнице, и там нас встречают редящие горсти людей; идущие (не все) меняют направления шага и подстраиваются к нам. Кармилла подмигивает. Участвовала ли Миринда в шествии безликих? Она зачастую бывала в хозяйственных отделах на нижних этажах — значит, могла встречать разрисованные маски. Присоединилась ли она к ним от обиды на дом Голдман

или всегда была верна людям, что дают ей кров, еду и безопасность?

Следующий этаж.

Замедляемся. Ловлю взгляд женщины, что выискивает нечто в сумочке, но под пристальным наблюдением со стороны отвлекается и замирает. Она смотрит на мою улыбку. Смотрит, как я отдаляюсь. Смотрит и думает. Не идёт дальше и не возвращается к былым делам — потрясена и озабочена, ошарашена. Зерно сомнения посажено.

Маски — наш язык протеста.

Маски, что служили средством обезличивания толпы, стали нашим инструментом за право голоса.

Нам закрыли рты — мы их нарисовали.

Оборачиваюсь и наблюдаю поспешно нарастающую толпу. К нам присоединяются люди в обыкновенных дыхательных масках — на корпусе из защитного материала нет улыбки, но улыбка читается во взгляде: прищур, морщины в уголках глаз, приподнятые от задора брови.

Этаж за этажом мы идём. Преодолеваем ступени и колонны, оставляем пустые, хоть и наполненные изнутри, отделы, игнорируем зазывающие вывески неоновых нитей.

И вот мы на поверхности. На верхнем этаже Золотого Кольца; после деревьев Острога дома выглядят вычурно, безжизненно, плаксиво, убито. Я смотрю на тянущиеся монолиты и не понимаю, как смела восторгаться ими. Серые пугающие дома прокалывают серое, лишённое не только цвета, но и смысла быть цветным — небо. Где-то там — я знаю — грустят звёзды, на которые не смотрят. Где-то там — за вбитыми домами, за искусственными тучами — утаено солнце.

Каин просит остановиться рядом с ним — у парапета. Мы выбиваемся из потока идущих людей и встаём у края платформы, взглядом врезаемся в пугающее и восхищающее красотой и монументальностью Здание Комитета Управляющих. Оно вызывает одновременно восторг и опасение.

— Салют в твою честь, Карамель Goldman, — говорит Каин и через секунду город потрясает взрыв.

Нет.

Нет-нет-нет.

Огненное зарево с аккомпанементом из лопающегося стекла вздымается вверх по нескольким этажам — те рассыпаются, а сам город — поражённый — замирает. Каждый в Новом Мире смотрит на зияющую дыру — пугающую полость — в Здании Комитета Управляющих. Чёрный дым — словно все находящиеся там люди разом прикуривают — громадиной ползёт по изуродованным конструкциям.

Это неправильно.

Так быть не должно.

Оно упадёт?

Отец там?

Успокойся, Карамель. Кара. Будь Карой, когда это больше всего требуется.

Наблюдаю за взбирающимся вверх куполом чёрного дыма. Мы пропали. Каин смотрит на меня. Не на город, не на расколотое здание (хотя имеет к нему непосредственное отношение), а на меня.

В голове не укладывается, ведь Каин подорвал Здание Комитета Управляющих — символ незыблемой власти, символ единой системы правления, символ града будущего, символ сплочённости находящихся под куполом людей, символ...

— Посмотри на меня, конфетка, — велит голос подле.

Игнорирую. Да пошёл ты, Каин.

Это и моё Здание Комитета Управляющих. Я восхищалась им (и восхищаюсь до сей поры). А если внутри — на одном из этажей — был отец? Он эвакуируется? Он успеет это сделать? Он жив? Здание рассыплется?

— Скажи хоть что-нибудь, Голдман.

— Ты понимаешь, что у этого будут последствия? — спрашиваю я и обращаю холодный (потому что воедино смешиваются презрение и страх, недовольство и ужас, беспокойство и опасения) взгляд.

— Мы движемся ради последствий, — отвечает Каин.

— Не предполагал, что они могут оказаться негативными для вас? Что, если точка «до» покажется приятней и выгодней, нежели «после»? Возможно, сейчас ты обрэк всех остроговцев и старожилов отлучённого района.

— Мы пытаемся. Мы пробуем. Мы резонируем, чтобы нас услышали.

Больной ублюдок. Нет, это точно неправильно.

— Северяне вас не простят, — утверждаю я.

Вас.

Не нас.

Я не имею к этому отношения.

Или уже имею?

Повлияла ли я — своим присоединением к резидентам — на решение подорвать главное городское здание?

Впервой Золотое Кольцо — шагающие по нему — замерло: люди обратили (не боясь быть наказанными или привлечёнными) взгляды на дребезжащее Здание Комитета Управляющих. А если там отец? Вспоминай, Карамель, какой день недели. Отец дома, точно. Отец не может быть не дома.

Люди молчат. Новый Мир молчит — мы смотрим на последствия единожды прозвучавшего взрыва. Похожий взрыв унёс жизнь Беса Голдмана, похожий взрыв (меньший по радиусу) расколол мосты для пешеходных троп и отправил людей в пустоту. Новый Мир не паникует и не боится, Новый Мир ведёт себя подобающе — мы с горечью на сердце наблюдаем последствия чужой слабости, наблюдаем израненный символ города, нашей власти, нашей жизни. В серое небо вползают новые — раньше невидимые — цвета: графита, смолы, копоти, лакрицы, торфа, фантома. Если бы Здание Комитета Управляющих могло схватиться за бок и прикрыть оторванную часть металлической плоти...

Говорю:

— Мне непонятна политика разрушения, Каин. Почему вы пытаетесь воззвать через хаос и разруху?

— Потому что наши голоса не слышны, Карамель. Слышны взрывы и выстрелы, слышно что-угодно, но только не людские голоса — мы неспособны докричаться до вас, вы далеки, вы застряли в своих воздушных замках и ослепли от неоновомого света бесконечной рекламы; мы — даже не эхо, нас не слышно.

— Мог бы уведомить, что собираешься снести половину этажей у Здания Комитета Управляющих.

— Я думал, ты будешь воодушевлена этим.

— Серьёзно? Кого ты пытаешься обмануть? Меня или себя? Чтобы Карамель Голдман и

обомлела от вида разваливающегося Здания Комитета Управляющих? Считаешь, у меня нет и не было никаких принципов, ценностей и привязанностей? Между прочим, в Здании Комитета Управляющих заседают мои родители! Мои родители!

— Известно! — восклицает Каин. — Однако они не там. Не сегодня. Это сообщила Сара, и, если ты разуверилась во мне и моих словах, ей точно можешь верить.

Слова несколько успокаивают.

И секунду спустя второй взрыв потрясает Новый Мир — после него сотни летающих дронов мчатся к полыхающему зданию. Стыжу Каина, что ему неизвестна мера, а он оправдывается, что второго удара быть не должно. Начинается паника. Всё-таки. Ведь за вторым может последовать третий взрыв, и ещё, и ещё, и ещё — пока все дома не обрушатся и не отправятся под пяты, пока град не расколется на кусочки, пока люди не падут в низовья, из которых поднялись. Золотое Кольцо дрожит — в самом деле вибрирует. А люди несутся, спасаются, торопятся — к своим машинам или в отделы, садятся за парапеты или кучкуются в стороне. Наблюдаю за потерявшими самообладание паразитами Нового Мира.

— Надо уходить, — говорит Каин.

И — вдруг! — мне кажется, я вижу у края платформы Ромео. Оставляю Каина и бездумно кидаюсь в сторону ускользящего силуэта. Люди напирают, как загнанные в угол — метятся из стороны в сторону, толкаются, пружинят, липнут, а потому я не могу ни нагнать, ни увидеть Ромео. Я даже не уверена в том, что видела его. Может, в очередной раз похожий молодой человек... Выкрикиваю имя.

— Ромео! — слышит юноша и, держа руки распахнутыми, оборачивается.

Каин загребает меня в объятия и волочит следом: выбиваюсь и кричу, велю оставить меня, вернуться, пройти вместе — всё и разом. Потому что теряю Ромео из виду, ибо он теряется в толпе незнакомцев, в толпе истинно безликих. Каин тащит: говорит о наступающем Патруле Безопасности, однако я не слышу (не желаю слышать).

— Успокойся, ты же Голдман! — выпаливает дрожащий голос.

— Пошёл ты, Каин из Острога! Отпусти!

Вырываюсь. Удаётся. Бегу к месту, где стоял Ромео, но Ромео — как и другого похожего юноши — там нет. Растеряно озираюсь — куда он пропал? Смотрю вниз — через парапет, в пустоту, в низовья Золотого Кольца, низовья Нового Мира, несуществующее полое пространство. Некто хватает за плечо и удерживает силой подле. Оборачиваюсь — взглядом препираюсь с лишённой цвета формой Патруля Безопасности. Один из служителей закона — вот как, попалась. Говорит что-то по наушнику, не даёт вырваться. Об этом предупреждал Каин — всех вместе, разом, они не задерживают; цепляют по одиночке. Особенно — в момент паники. Вдруг появляется сам Каин. Весом влетает в стоящего столбом служителя порядка; тот теряет равновесие и оказывается на удерживающем от падения парапете. Каин помогает парапет преодолеть, так просто. Выбрасывает человека с Золотого Кольца. Нет-нет-нет-нет...

Так нельзя.

— Так нельзя...

Сжимает пальцы на коже — на том же самом месте, давит плечо. Гляжу на пустующее пространство, где раньше находился служащий из Палаты Безопасности, а ещё раньше — Ромео. И позволяю себя увести. Не помню — точнее не понимаю — как оказываемся несколькими этажами ниже: теряемся в спасающейся толпе, прячемся в подобии переулка закопчённой улицы.

— Сейчас нам пригонят машину, нужно убраться с Золотого Кольца, — говорит юноша.

— Ты столкнул человека с края платформы, — говорю я.

— Прости, это вынужденная мера.

— Ты столкнул его...

— Я знаю, хватит напоминать.

Сначала Каин спокоен и пренебрежителен, затем — резок и сердит.

— Он перелетел парашют, — уточняю я, — и отправился в самый низ Нового Мира. Ты представляешь это? Хоть осознаёшь?

— Знаешь, — качает головой, — фактически он не долетел до основания домов, мы уже обсуждали подобие натянутого тента, что делит новый и старый миры.

— Серьёзно, ты об этом? По твоей вине служащий из Палаты Безопасности не вернётся сегодня домой. Его не увидит семья. Понимаешь?

— Карамель, — на выдохе роняет Каин и присаживается ко мне, берёт за руки, — я осознаю произошедшее, как никто другой, потому что произошло оно по моей воле... Но поступок осмысленный, вот уж извини. Сделал бы вновь, ибо я взял на себя тяготу этих мыслей, спасая тебя, Карамель. Никому — ни единому служащему Патруля — я не позволю прикасаться к тебе. Пугать. Причинять зло. Даже если придётся убивать.

— Это неправильно... — пускаюсь в спор.

— Правильно, — перебивает юноша. — И тебе известно, как это называется.

Про что он?

— Совершить преступление и взять на себя ответственность за содеянное ради значимого человека, ради его жизни — это правильно.

Про любовь?

— Каин...

— Прости меня, конфетка. Я пойму, если ты не будешь смотреть на меня как прежде. Если...

Обнимаю его.

— Мне страшно, Каин.

— Я понимаю, конфетка. Прости, что заставил это пережить, всё пошло не по плану.

Юноша отвлекается: отвечает по наушнику. Я же слушаю: гудящую — всё ещё — толпу этажами выше; шум разрезающих воздух машин и дронов. Особенно много дронов. Они пытаются залатать раненное Здание Комитета Управляющих?

Каин говорит:

— Сара передаёт, что Патруль Безопасности оцепляет мосты и выходы из Южного района.

— Что это значит?

— Мы не пройдем к станции. Не сможем. Ради псевдо-безопасности Северный район отлучают от Южного.

Предполагаю:

— Мы не можем долететь на авто? Почему этого до сих пор никто не сделал?

— Потому что радиус передвижения машин ограничен — вылетишь за пространство воздушного ориентирования, или как оно называется, панель управления отключится. Да-да, сама. И тогда встреча с бездной — пожирающим всех и вся ртом — Нового Мира неизбежна. В общем, воздушное ориентирование только близ домов и на Дамбе. Над водохранилищем машины тоже не держатся.

— Там летают дроны Патруля Безопасности, точно.

— И грузовые дроны в том числе.

— Никогда их не видела.

— Тем хорош комендантский час. Когда прикажешь гражданам спать, можешь бодрствовать (и бесчинствовать) сам. А ещё на Дамбу не выходит ни единого окна, ох уж это уникальное и предприимчивое градостроение.

— Так неприятно всё осознавать.

— Послевкусие горечи пройдёт, — улыбается Каин. — Осталось решить, что нам делать. Подожди, переговорю по уху.

Киваю и ожидаю. На самом деле не понимаю, как можно оцепить десятки мостов и лишить город десятков троп. Бредущие мимо нас люди торопятся — стараются не оглядываться на лестницы. Никогда не видела передвижение по Золотому Кольцу столь деструктивным, столь хаотичным. Шаг людей всегда был размерен, одинаков, спокоен, лаконичен — они взирали впереди себя или на обращающееся к ним Здание Комитета Управляющих. Что с ним будет? Что будет со всеми нами?

Отхожу от витрины, у которой мы затаились, и замираю у парапета: смотрю на вырванный клочок, кусок, на оглоданный бок здания. Надеюсь, родителей там не было.

Что теперь будет?

— Отойди от края, — велит настигший Каин и мягко ведёт в сторону. — Люди сейчас взволнованы, могут толкнуть случайно.

Случайно.

— Посмотри на меня, Карамель.

Поднимаю взгляд.

— Ты растеряна, я понимаю.

— Всё в порядке.

— Столько всего случилось, я понимаю твою растерянность: это нормально.

— Хватит навязывать эмоции, которых нет!

— Тогда что с тобой было, конфетка? — спрашивает Каин. — Перед тем, как тебя схватил патрульный. Отчего ты замерла на месте, а следом бросилась в сторону?

— Мне кажется...

Признаваться или нет?

— Мне кажется, я видела Ромео. На краю платформы, он стоял с распахнутыми — словно крылья — руками. Этого же не может быть?

— Вот уж вряд ли, — спешит разуверить юноша. — Дьюсбери сегодня на учёбе в Академии, это подтвердит Сара. Тебе показалось, потому что ты соскучилась по нему и желала встречи. К прочему из-за волнения, адреналин зашкаливает у всех.

— Я почти уверена, что это был Ромео, — утвердительно качаю головой. — Мгновение спустя он пропал с края платформы. Не могу понять...

Каин в который раз за сегодня прикасается к наушнику.

— Сара, — говорит он, — подтверди, что Ромео Дьюсбери сегодня прибыл в Академию. — И уже обращается ко мне: — Требуется немного времени.

Подаёт наушник. Делаю исключение из правил, поблажку принципу: ставлю наушник и здороваюсь с Сарой по другую сторону линии.

— Подтверждаю, — говорит женский голос. — Дьюсбери зафиксирован утром на входе Академии. Что-то ещё?

— А родители?

— Что за вопросы? — обиженно фыркает Каин. — Само собой...

— Говард Голдман и Саманта Голдман на момент подрыва Здания Комитета Управляющих зафиксированы... — секунду, изучаю этот вопрос — пребывали на улице Голдман. Оба.

— Спасибо, Сара. До связи.

Отключаюсь и протягиваю наушник другу. Он восклицает:

— Ты слишком чувствительна, Карамель, я не ожидал!

Ненавижу говорить про чувства. Не признаю чувства. Не терплю, когда на них ссылаются, навязывают. Не желаю даже в беседах наблюдать. Зачем Каин сказал про них? Едва собираюсь высказаться, юноша останавливает меня жестом и отвечает по наушнику. Без наушника он был приятней — сейчас же из него собеседник равный отцу.

Подхожу к краю платформы и смотрю — нет, не на Здание Комитета Управляющих — под ноги. Удивительно. Я делаю то, что запрещено самим Сводом Правил, что приравнивает к недостойным и отсекает от принадлежности к северянам...но никому до этого нет дела. Я смотрю в низовья Нового Мира, на разинутую градом пасть, на всепоглощающую бездну.

Каин говорит:

— Не смотри вниз, этого делать нельзя.

— Ты сам посеял семена сомнений — я смотрю на погубленных мной.

Юноша равняется, встаёт подле.

— Не вини себя, — говорит он. — Ты поступала так, как тебе было велено, как от тебя ожидали. У нас ещё будет время и возможность показать Новому Миру, как лучше и правильной. Для людей, в первую очередь. Не для системы, не для её слепых исполнителей. Для самих людей — живущих в городе граждан. Не вини себя, Карамель.

А если я не виню? Не ощущаю какой-либо стыд или дискомфорт от производимых действий и от сказанных речей? Я всегда пренебрежительно относилась к выходцам их Южного района. Моё мнение не изменилось, но я увидела, что есть исключения. Есть особые люди. Особенные. И вот я смотрю в Острог, которого там нет — Старый Город, тайна за семью печатями. Никому неизвестно, кто там живёт и как, в каких условиях и с какими целями. И живут ли вообще, или скупо доживают. Я смотрю в преисподнюю — мы сами согнали недостойных в низовья Нового Мира. Было ли мне до них дело? Нет. Беспокоило ли меня нахождения там несчастных? Тоже нет...и вину мне не навязать, чувствую это.

Мой друг отвлекается на сообщение по наушнику, а мгновение спустя объявляет новости:

— Только что сообщили о готовящейся на Дамбе поставке, так скоро. Ты понимаешь, что это значит?

Следую за Каином — к одной из посадочным платформ. Нас ожидает авто — пустое, водителя нет.

— Транспортное средство на сегодня, — говорит Каин и подмигивает.

Сажусь на пассажирский диванчик, наблюдая за юношей, что оказывается за рулём и отбивает на панели управления неясную комбинацию. Удивительно, даже не касается чипом. И чипа нет, и автомобиль не требует. Прошу разъяснить.

— Фрейя — подруга Кармиллы — занимается машинами, держит автомастерскую. Не знаю, говорил тебе кто-нибудь или нет. В общем, она перепрашивает панели управления. К

ней в Острог спускают детали — затем на заводах или в частных мастерских Нового Мира собирают машины по-новому. Итог: личный чип для передвижения не требуется. В мозгах автомобилей стоит его имитация.

Это так интересно...и неправильно. Спрашиваю, где сейчас сама Кармила, где другие, пришедшие на шествие безликих, ребята.

— Не пропадут, не беспокойся.

— Я не беспокоюсь.

— А похоже на беспокойство.

В некоторые моменты горю желанием вклеить Каину.

— Мы пришли вместе, — утверждаю я, — разве не должны уходить тем же составом?

Ты поддерживаешь с ними связь? Где они?

— Затаились на Золотом Кольце. Они не пропадут, Карамель, повторяю ещё раз. Они — опытные выживальщики, они — остроговцы, они — революционеры. Ты, конфетка, сама Goldman, каждый второй знает твоё личико и даже голос — вот, за кого следует беспокоиться, понимаешь? Ни один Патруль нас не пропустит, мы не пройдём ни единый мост — наверняка отец семейства Goldman выскивает тебя, выцепляет. Мы должны позаботиться о твоей сохранности, удостовериться в твоей безопасности. Ты важнее.

Летим.

Покидаем Западный район, несёмся по воздушным полосам Северного. Наблюдаю Здание Комитета Управляющих — удручённого вида. Вокруг него собрались десятки, если не сотни, дронов. Людей эвакуируют с посадочных платформ на крупных автомобилях Патруля Безопасности — впервые наблюдаю их; выдаёт цвет — как униформа.

— Вы долго готовились к подрыву Здания Комитета Управляющих? — уточняю я. — Моё появление в Остроге сопутствовало ускорению деяний или так совпало?

Каин задумывается, после чего отвечает:

— Врать не буду. То, что происходит, произошло бы обязательно, независимо от твоего наличия в команде. Не хочу преуменьшать твою значимость, конфетка, ведь она велика, потому что появление младшей наследницы Goldman как глоток свежего — не испорченного заводскими трубами Южного района — воздуха для всех находящихся в Остроге людей. Повстанцы увидели: даже северяне, руководство которого перекрывает нам возможность держаться на поверхности, поддерживают их, переосмысливают поведение и взгляды и открываются истине. Сама Goldman — дочь влиятельнейшего управленца Нового Мира — присоединилась к нам. Ты дала людям надежду, а надежды не хватало. Надежда мельчает со временем, уверенность в силах спадает — новые законы, которые вступают против южан и остроговцев, и ограничения, которыми мы обладаем, срывают розовые очки с глаз: иногда кажется, будто бороться нет сил.

— Что ты почувствовал, когда увидел подрывающееся Здание?

— Больше не боишься слов с этим корнем?

— Я не буду повторять вопрос, но запомню, как ты увильнул от ответа.

Каин слабо улыбается и говорит, что скрываться не желал.

— Почувствовал, — говорит юноша, — будто всё меняется или поменяется в скором времени. Будто наши действия наконец обрели вес, стали осязаемы. Будто нас услышали, и впереди только хорошее.

В этом наше отличие. Я ощутила пустоту. Точнее — опустошение. Крушение идеалов, но не как речевой оборот. Здание, которому мы едва ли не поклонялись подобно идолу —

божественному столпу, сотворённому богами-нами — могло рухнуть: отправиться в небытие и захватить с собой половину населения и иных домов.

Переспрашиваю:

— Так для чего вы это сделали?

— Ты и сама знаешь, конфетка. Мы просто хотим, чтобы нас слышали. Мы хотим вернуть наши права, а южанам присвоить большие. Богатые не живут, а бедные не выживают, при этом золотая статистика учит в Академии будущих управленцев тому, что утопия реальна, а Новый Мир — «апофеоз человеческой мысли и градостроения».

— Завези меня домой, — прошу я.

— Что ты сказала?

— Давай, водитель. На улицу Голдман, дорога тебе известна?

— Ты передумала быть с нами? Из-за подрыва..?

— За кого меня держишь, янтарные глазки?

— Тогда не понимаю, Карамель.

— Если Сара права — тебе же лучше, чтобы она была права — родители дома. Мне нужно переговорить с ними.

— Ты в своём уме, конфетка? — восклицает Каин. — Тебя ищет весь Новый Мир, а ты хочешь заехать к предкам на чай?

— В том и дело: Новый Мир ищет меня по каждому закоулку Нового Мира и не станет искать в самом очевидном для нахождения месте. Тем более у Патруля Безопасности сегодня иные заботы.

Киваю на Здание Комитета Управляющих, из раненного бока которого валит дым. Каин удручённо вздыхает:

— Это ненормально...

— Чего ты боишься? Что я запрусь дома и оставлю тебя на парковке? Что всё отменяется, и я передумала? Не доверяешь мне?

— Манипуляторша...

— Улица Голдман. Затем — куда посчитаешь нужным. Я пойду за тобой.

— Одно условие, — резко бросает Каин. — Ты молчишь про пятый район.

Выруливаем и мчимся к улице Голдман. Наблюдаю дроны и автомобили.

— Пожалуйста, не задерживайся, — просит Каин. — Я понимаю, что ты могла соскучиться по семье, но я не смогу остаться на парковке, если к дому прибудет Патруль Безопасности. Без чипа меня даже Залу Суда не представят — скинут с крыши, а я как дурак буду думать об оставшейся без защиты Голдман.

Улыбаюсь юноше, хотя понимаю, что сквозь дыхательную маску того не видно.

— Тебе идёт твоя улыбка, — говорит Каин.

Значит, замечает по глазам.

— Я быстро, не скучай.

Выбираюсь на посадочную платформу и поспешнодвигаюсь к прекрасному дому Голдман — ладонь вжимаю в панель: считывается чип, замок открывается. На меня взирает служащая.

— Ты будешь молчать, — говорю я, но то не требуется. Миринда падает на пол. Переступаю через потерявшую сознание служащую и поднимаюсь на второй этаж — как и следовало ожидать, дверь в отцовский кабинет распахнута, а на фоне панорамного окна в скрюченной угрюмой позе сидит сам мужчина. Неспешно продвигаюсь к нему.

— Решила вернуть книгу? — спрашивает спина.

Оборачивается. У отца грустный впалый взгляд — кажется, ночь была беспокойной и лишённой сна. Не позволяю голосу дрогнуть и свойственно фамилии кидаю:

— Мне сообщили, оба родителя Голдман в доме по улице Голдман. Почему я вижу одного?

Отец ухмыляется:

— Даже не хочу спрашивать, кто тебе сообщил, но твоя мама взаправду переживает исчезновение дочери и последующий подрыв Здания Комитета Управляющих...она отъехала к нашим старым знакомым.

— К кому? — удивляюсь я. — Мы ни с кем не общаемся, ни с кем не дружны по-настоящему. К кому она могла поехать за помощью, советом или поддержкой?

— К Левиафан. Более не скажу. Ты и так подковырнула своим любопытным носом достаточно тайн. Пускай хоть одна сохранится. Ты умеешь не любопытствовать, если знаешь, что не готова узнать правду. К тайне с именем Левиафан ты не готова.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Спасибо за прямоту.

— Тебя остроговцы манерам учили?

Не удерживается, я его понимаю. Язва неизбежна, она в черте характера Голдман.

— Зачем ты пришла, Карамель?

— Ты несильно рад, верно?

— Я понимаю, что ты не останешься. Но и задержать тебя не смогу.

— Конечно, — соглашаюсь я. — Это было бы негуманно. А к Патрулю Безопасности ты не обратишься.

— Будь добра нагуляться и вернуться домой, желательно — без вопиющих последствий типа лично подорванного Здания Комитета Управляющих. Просто поброди по улицам, поболтай с незнакомцами и вернись живой.

— Выглядишь дерьмово.

— Удивила.

Отец прикусывает губу, хотя ему такие привычки несвойственны — он контролирует всех и вся, и себя в первую очередь: мимику, жесты, тембр голоса. Говорит, что на лице отпечаталось волнение за любимую дочку: всю ночь дроны выискивали наследницу Голдман, а при свете дня то продолжили делать служители порядка из Палаты Безопасности. Завтра Новый Мир ожидает от Говарда Голдмана официальное заявление — комментарий к происходящему.

— Знаешь, что я скажу? — спрашивает отец.

Перебиваю его:

— Скажи, что Новый Мир построен не на старом городе, а на костях и лжи.

Отец — что несвойственно его натуре и вечно сведённым от сосредоточенных дум бровям — улыбается:

— Думаешь, это никому неизвестно, дочка?

— Скажи всему Новому Миру, что тебе известна причина подрыва Здания Комитета Управляющих.

— А мне известна?

— Разумеется! Ты сросся с Палатой Социума, ты был женат на работе все эти годы, и как никто иной знаешь причину подрыва Здания Комитета Управляющих. На себя обращают внимания те, к кому вы относитесь с пренебрежением, в то время как роль их в нашем мире

велика и значима. Знаешь, какую мысль следует донести всем тем, кто за каждым твоим словом в Новостях заглядывает в рот и цитирует их после в Вестнике? Скажи, что это только начало: и вы будете слышать взрывы окружающих зданий, покуда не услышите вопли молящих о пощаде людей. Острог существует и томится под деспотизмом ваших пят, а знающие то южане — запуганы, но чем больше вы умалчиваете о нагнивающих проблемах, тем больше гнили получается в итоге. Не указывай идеальным людям идеального града на их несовершенства — то их погубит, сотрёт личности; но — будь добр и великодушен по отношению к изгнанным твоим гласом и погубленным твоей рукой — поведай правду об Остроге: несчастном младшем брате, отлучённом от родных земель. Острог и Новый Мир — единое целое.

— Нет, Карамель.

— Скажи, что Острог равен Новому Миру.

— Дочка...

— Я так рада тебя видеть, пап...

Отец меняется в лице. Не помнит, чтобы называла его так. Не помнит, чтобы выказывала радость встрече хоть единожды. Правильно помнит.

— Ты был в Остроге? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит мужчина. — Это место не для северянина Нового Мира. И я признаться, удивлён, что на тех тщедушных землях оказалась моя дочь — кровь Голдман, истинная северянка, Создатель града будущего, в скором времени — управляющая.

— Тебе известно, как выглядит Острог? А то, что он не под нами, а за чертой города?

— Разумеется...

— Поэтому, говоря со мной об Остроге, ты никогда не смотрел под ноги? Я думала в том твоя сила: одолевая интерес, распирающее любопытство (тогда же я научилась притуплять собственное) и не опускать глаза на недостойных. А ты просто знал...их там нет.

— Я тебя разочаровал? — спрашивает отец. И даже сейчас его голос не дрожит, а лицо спокойно, хотя — более чем уверена, иначе для чего задавать вопрос? — на душе ураган сомнений.

Спешу его разубедить:

— Нет! Нет, никогда бы. Я всё так же считаю тебя великим умом Нового Мира — так и есть. Я считаю тебя мыслителем, прогнозистом, управляющим. Создателем. Ты выстраиваешь Новый Мир, адаптируешь его под себя, подгоняешь под меня, неважно — ведь ты мнёшь словно незастывшую глину, так плавно и уверенно. Ты стойко выносишь сваливающиеся беды и — упали даже небо Нового Мира — не колыхнулся бы, а атлантом расправил плечи. Я восторгаюсь твоим умом и спокойствием, твоими отстранённостью от внешнего и сосредоточенностью на внутреннем — для меня это служило идеалом, было какой-то недостижимой высотой, потому что перебороть нечто деструктивное и разрушающее внутри себя не удавалось. И я приняла решение не отторгать тёмные стороны, а принять их.

— Для этого необязательно покидать отчий дом и оставлять Новый Мир вообще.

— Мне стало душно на поверхности.

— В следующий раз просто скажи о своих волнениях, дочка.

— В следующий раз? — переспрашиваю я.

— Ты вернёшься домой. Рано или поздно, я уверен. И — разумеется — если Острог не убьёт тебя, а мне бы, во-первых, не хотелось этого, а, во-вторых, ты не позволишь ему.

Оставляю мысль отца без ответа. Признаться, поражаюсь ей.

Пока что не Острог покушался на мою жизнь, а Новый Мир. Острог простодушен и наивен (воду делают мутной повстанцы из Резиденции, старожилы же отщипнутого от Нового Мира района спокойны и доброжелательны). Хотя, может, отец знает что-то, чего не знаю я? Или не знает ничего, а потому делает выводы самостоятельно. В этом сложно разобраться. Каждый живёт со своей правдой, и истина никому не дана.

— Знаешь, я познакомилась с Сарой, — говорю я.

Отец криво усмехается:

— Ответы нашла сама, дочка.

— Она значима для тебя?

Отец награждает холодным взглядом:

— Для меня значима только моя семья — жена и две дочери, ты знаешь. Больше никто — все остальные могут пропасть, и я не замечу их отсутствия; ваше же пережить не смогу.

— Беса ты пережил спокойно...

— Это не было спокойно, Карамель. Это было трудно и долго.

Отец сидел напротив бутылки — беседовал с ней. Мать сидела на антидепрессантах. Золото сидела на коленях Миринды. Я сидела в одиночестве. Тогда мы раскололись и больше не смогли собраться.

— Значит, эта горе-революционерка просила за свою деревню дураков? Ты пришла за правами Острогу по указке чужака?

Отвечаю спокойно:

— Нет. Ей неизвестно, что мы беседуем, неизвестно, что я приехала домой.

— Тогда зачем ты просишь признать Острог частью Нового Мира, Карамель? У этого есть какое-то объяснение помимо жеста доброй воли?

— Если бы ты видел Острог своими глазами...если бы видел дома, что построены на деревьях высотой как наши небоскрёбы (их кроны пугающе великолепны, в них прячутся крыши и люди), если бы видел солнце, покрывающее землю (оно не сокрыто пасмурным небом и грузными тучами), если бы видел россыпь звёзд в ночи (и это не подаренный дядей проектор). Сразу же передумал, я говорю серьёзно.

— Я не в том возрасте, чтобы гнаться за обманывающей своей внешностью обёрткой. Мне важны перспективы, гарантии. Будущее. В Остроге будущего нет — игра в революционеров не вечна.

— Знаешь, что мне не нравится? Позиция Нового Мира, в которой богатые не живут, а бедные не выживают. То утомительно.

— Критикуешь дающую тебе блага и удобства партию. Бьёшь по руке, что тебя кормит. И с каких пор тебя волнуют бедные...Ты, вдохновившись чьими-то речами, обманываешь саму себя: тебе нет никого дела до недостойных, тебя всегда интересовали исключительные люди, конкретные. Ты не должна просить за целый народ из-за одного к ним принадлежащего. Скажи, ты ведь с кем-нибудь познакомилась, прежде чем спуститься в Острог? Наверняка с молодым человеком...

— Какое это имеет отношение?

— Наверняка с ровесником, да? Теперь он кажется тебе ближе родителей, ближе семьи.

— В твоих словах нет смысла!

— Как и в твоих поступках, дочка. Сядь и подумай.

— Я думала всё время. Всё время, что стояла у тебя за спиной, у этого самого окна.

Кажется, каждый день. Я думала над всем, чем ты кормил, и верила тому. Оно оказалось ложным.

— Не ложным, — сощурившись, поправляет отец. — Несколько иным. Правда, бывает, щипается. Ничего с этим не поделаешь. Поэтому я делал правду удобной для тебя. Той, которую бы ты приняла и которая сделала тебя лучше.

— Ты уже понял, что «лучше» и «идеально» не синонимы?

— Как тебе Сара? — перебивает отец.

Желает сменить тему? Как угодно! Задушу своей правдой:

— Она сказала, что любила тебя.

— Зашла с козырей...

— А ты её?

— Карамель, — спокойно улыбается отец, — я был молод и глуп (примерно, как ты).

Это произошло в прошлом, там же и осталось.

— Не могу представить, как могло получиться, что вы были вместе, а в следующий миг она в психиатрическом отделении Картеля. И знаешь что? Правда мне неинтересна. Опасаюсь, что она потрясёт меня или обидит, испортит наши отношения, а я этого не хочу.

— Отношения портишь своими выходками ты, Карамель.

— На самом деле я не прошу ничего ужасного или неправильного. Дай огласке то, что всем и без тебя известно. Увековечь имя Острога, дай ему форму...

— Тебе известно, что в забытьё без причины не отправляют?

— Известно. А то, что случилось со мной?

— Эту ерунду, — говорит отец, подразумевая слив и порочащие статьи в Вестнике — мы бы решили в течение нескольких дней, и никто бы о ней не вспомнил. Но ты не пожелала — сама.

Он говорит серьёзно? Всё это можно было решить? Так просто?

— А Патруль Безопасности? Для чего он был на приёме Goldman в «Фалафели»?

— Не забывай, в каком мире ты живёшь.

— Идеальном?

— Прекрати язвить, дочка, я пытаюсь помочь, донести правду. Патруль Безопасности не шёл за тобой — он охранял тебя. Поступило предупреждение (это опасение с моей стороны), что тебе хотят причинить вред иные. Так и вышло, не находишь?

Нет.

Нет, не может быть.

— И раз уж у нас время откровений, я признаюсь, — кивает отец. — Ту запись... хронику из Картеля, с нашей общей знакомой в главной роли. Я её не смотрел. Этого видео никогда не было у меня на компьютере — кто-то прислал файл. Я открыл его, узнал Сару и, всё бросив, ушёл. Ты зашла в кабинет не в то время.

Не может быть.

Обманывает ли отец?

Дядя велел никому не верить, кроме семьи...но не семья ли собрала вокруг меня наибольшее количество секретов? И где сам дядя? Вновь пропал, вновь замолчал. Каким сторонним бизнесом (он законен?) занимается Goldman, если не позволяет задавать лишние вопросы даже членам семьи? Отстранённо спрашиваю о местонахождении дяди и его отношении к происходящему.

— Золото отправили пожить к нему, пока всё не уляжется, — говорит отец.

— Пока все не забудут о существовании старшей дочери Голдман?

— Пока взорванное Здание Комитета Управляющих не перестанет полыхать, как минимум. К этому ты тоже имеешь отношение?

Отрицательно качая головой. Отец вздыхает:

— И на том спасибо.

— Знаешь, — признаюсь в глубоко запрятанных, а может явившихся совсем недавно мыслях, — я всё думала...не затрави мы южан и остроговцев, не загони их в жесточайшие рамки — может, они бы не устроили тот теракт и не взорвали мост, по которому шёл Бес.

Отца не трогает — что ему свойственно — ни единая эмоция. Скупое лицо отвечает:

— Зря ты об этом думала — лишь потратила время.

Что.

— Мост бы взорвали в любом случае, — продолжает отец. — Не по той причине, а по иной — всё равно, в этом природа людей недостойных, находящихся ниже нас, нами же по той причине отторгнутых. Их жадные рты заглатывают всё, но всем они к прочему недовольны. Мост могли взорвать за неделю до прогулки Беса, через год или десять. И, прости, что признаюсь в этом, я благодарен, что там оказалась не ты.

— Хочешь сказать...

Нет, отец не может быть жесток настолько.

— Да, хочу, — резко отвечает он. — Ты — старшая в семье, ты — наследница Голдман. И ты — моя любимая дочь. Если бы требовалось выбирать... — отец делает глубокую паузу, — моё решение тебе известно. И так бы поступил каждый в семье Голдман. Оттого твоё предательство горчит ещё больше, но мы не в обиде. Ты ищешь себя. Каждый из нас искал — разными путями, разными возможностями. Обретал одни убеждения, предавал другие. Нарращивал принципы. Ошибался, но ошибки покрывал пришедшим опытом. Но пока ты в поисках себя, постарайся себя же не потерять, ладно?

— Ты не злишься?

— Нет, ты же моя дочь. Моя кровь.

— А Бес? — утверждаю я, всё ещё не в силах принять слова отца. Да, они зверски пощипывают моё эго, возносят и без того соседствующую с пиком Здания Комитета Управляющих самооценку, но...мы говорили не о чужих людях, не о незнакомцах. А к младшему брату я испытывала тепло и привязанность.

— Я сказал, кого любил больше и чью бы потерю не пережил, прекрати переспрашивать, — горько признаётся отец. — Родители, которые говорят, что любят детей одинаково — вруны или ещё не поняли жизни, не протёрли глаза с размытыми представлениями о ней. К каждому ребёнку свои чувства — они особенны, уникальны. Но не надо из матерей и отцов создавать себе богоподобных кумиров — нам тоже свойственно выбирать. Если не веришь мне, дочка, верь своему дяде. С ним у вас особенная связь.

— Он тоже врун.

— Но ему враньё ты прощаешь, заметь.

Не терплю, когда отец оказывается прав в подобных спорах.

— Не согласна принять помощь (или попросить её) от родного отца — не отгораживайся от Алмаса. Вы с ним бунтари, хоть и не кровные.

— Что ты сказал?

— Сказал, что у нас одна мать, но разные отца. Ты и сама это всегда замечала, просто игнорировала факты.

— Но повторные браки возбранены, а отношения вне официально объявленного партнёрства супругов считаются тяжелейшим нарушением в Зале Семьи.

— ...и слепо верила Своду Правил, — отец вздыхает. — Надо же, ты заучила закон и не один. Прямо-таки библия нового века, а ты живёшь по постулатам. Моё тебе откровение, даже библия — художественное, из раза в раз переписываемое, произведение. Не стоит жить по чьей-то писанине.

— Её писали святые. А нами — Создателями и без пяти минут Богами — писался Свод Правил. Забавно.

— Чувство юмора имеется и в небесной канцелярии, и в Здании Комитета Управляющих.

— Не могу поверить...

— К каждой из наших бесед ты оказываешься не готова.

— Да как же тут подготовишься! Все друг другу врут!

— И ты начни, в чём проблема?

— А, может, дружно перестанем?

— Дочка, — говорит отец, — мы выстраиваем вокруг будущих поколений лучший мир, для чего же вы своими руками претворяете все старания в пыль?

— Лучший не равно идеальный, а идеальный не равно правильный.

— Но он лучший из возможных! Лучше быть не может, понимаешь? Хуже — да. Но не лучше. Тебе известно, что все девять Палат корректируют политику и законы, обтачивают истины Нового Мира, стремятся сделать его ещё более благоприятным, усовершенствовать, понимаешь? Его делают удобным универсально. Мы — не закостенелые фанатики старой системы, мы модернизируем имеющуюся. Как можем. Как получается. Потому что все мы тоже люди.

— А я думала, Боги и Создатели...

— Всё ещё злишься?

— На то, что ты пытался — словно в пробирке — вырастить из меня идеальный образец идеального гражданина идеального мира? Ну как сказать...

— Я хотел для тебя всего самого лучшего, дочка. А знаешь что? — Напиши, — и отец протягивает перед собой чистый лист бумаги, — напиши имена тех, кто причастен к сегодняшнему подрыву. Запиши тех, кто несёт смуту в наш идеальный град. Мы найдём их. Запиши любого, кого пожелаешь — и его вздёрнут в этот же вечер.

Смотрю на белую пугающую поверхность. Цвет стерильности. Цвет чистоты. Цвет, на котором не место ошибкам. Мой любимый цвет. И он же всегда пугал. Беру карандаш и думаю.

— Запиши имена тех, кто постепенно — медленно, но верно — уничтожает Новый Мир. Запиши имена виновных во всех бедах.

— С радостью, — говорю я и исполняю от меня требуемое.

Протягиваю лист. Отец с улыбкой принимает его, но, прочитав, корчится и рвёт бумагу.

— Думаешь, это смешно?

— Ты просил написать того, кто во всём виноват.

Я написала «Новый Мир».

Отец сердито качает головой.

— Хочешь, покажу свою новую дыхательную маску? — спрашиваю я и, не дожидаясь ответа, достаю её из бомбера и швыряю на стол. — Хоть кто-то на улице улыбается.

— Совсем крыша поехала, Карамель? Ты была на шествии, среди этих фанатиков и психопатов, серьёзно? Ты была там? Ты?

— В это так сложно поверить?

— Для чего, дочка? Для чего эта демонстрация?

— Для демонстрации, вот так поворот! — саркастично отзываюсь я. — Мы живём в мире, в котором даже улыбка — преступление.

— Демонстрация чрезмерных эмоций — преступление, — поправляет отец. — И то — на публике. Дабы не разрушать идеалистическую картинку града высших людей, самих Создателей.

— Ты сам в это веришь?

— Ты в это верила, и мне было достаточно.

Молчу.

Смотрю на отца.

Думаю.

Решаю.

И — вот — говорю настойчиво:

— Ты знаешь, что нужно сделать, мы друг друга поняли. Я пойду — меня ждёт водитель.

— Какой же?

— Мой. С которым я ездила на учёбу и Золотое Кольцо всю неделю. Ничего не изменилось вокруг нас, только мы поменялись. Внутренние трансформации отличительно от внешних происходят быстрее.

Оставляю кабинет и отца в нём. Не следует...

Не следует и Бес, что ранее тенью напоминал о своём некогда присутствии в доме. Заглядываю в собственную спальню — даже запахи те же (мне их не хватало), а распахнутая шкатулка — подарок Каина — осталась лежать подле кровати. Ничего не тронут, не побеспокоено. Вечно разряженный сенсор, утаенная из домашней библиотеки книга, приготовленная к стирке служащей одежда, вываленные из рюкзака учебники. Вот только террариум пуст.

— Где мой паук? — восклицаю я.

— Отпустил его, — признаётся отец. Отдалённый голос где-то далеко-далеко в кабинете (коридор растягивается на метры). — Ты права, дочка, живую душу потребно отпускать на волю, где она сама решит свою судьбу.

Забавно.

Собираюсь покинуть дом, но перед этим обращаюсь к служащей, что застыла в коридоре:

— Не смотри на меня так, я не призрак.

— Разумеется, мисс Голдман.

— И не перебивай. Слушай. Ты свободна от обязанностей в семье Голдман, Миринда. В твоих услугах больше не нуждаются.

Женщина лепечет очередное «мисс» и бросается навстречу, но я останавливаю её жестом и объясняю:

— Ты была нанята для меня, верно? Но я не вернусь. Наверняка у тебя есть в жизни планы посерьёзней, нежели подтирать слюни уже повзрослевших Голдман. Отец переведёт любую сумму, которую ты назовёшь, можешь не сомневаться. Скажи — это моя просьба.

— Спасибо вам, мисс Голдман.

— Тебе спасибо, Миринда. Ты свободна.

Оставляю родительский дом — Каин внимает моему приближению.

— Поволновался, янтарные глазки? Думал, не вернусь?

— Я в тебе не сомневаюсь, конфетка.

Машина поднимается в воздух. Смотрю на впечатанный в руку сенсор, которым открыла дверь дома по улице Голдман — наверное, больше то не произойдёт. Улица с нашей фамилией постепенно отдаляется. Представляю отца в кабинете. Представляю мать, которая вот-вот вернётся и которой супруг даже не сообщит о визите пропавшей дочери. Представляю поспешно собирающуюся служанку. Представляю Беса в саду. Когда-то в саду были высажены кустарники, тянулись ветви, деревья высились из-под плит. Их не стало, как не стало Беса. Качель дрожала по ветру без внимания, арки из живучего плюща повторили судьбу отлучённого района от Нового Мира — смирились с погибелью.

Мы беспокойно петляем меж улиц — вдоль полос воздушного ориентирования: встраиваемся в ряды, прячемся за иными машинами. Лицо Каина искажает волнение, даже опасение. То и дело юноша заглядывает в зеркало дальнего вида и меняет направление, выворачивает от одного здания к другому.

— Что происходит, Каин? — спрашиваю я.

— Нас преследует одна и та же машина, — отвечает он. — Почти уверен, что это некто из Патруля. Наверняка прознали о твоём визите домой...

— Как это возможно?

— А то не знаешь...

Каин бросает раздосадованный взгляд и вклинивается за очередной несущейся в воздухе машиной. Из-за подрыва Здания количество летающих автомобилей увеличилось в несколько раз — обыкновенно все задействованы в работе, единый механизм под названием Новый Мир не знает отклонений и исключений (работа без перебоев): каждая из шестерёнок (людей) выполняет поставленные задачи и находится в уготовленных местах; ныне система дрогнула — люди в подобии паники (панику не разрешали, поэтому напряжение лишь витало в воздухе и читалось во взглядах, а движения граждан стали рваными и резкими) оставляли главный улей — Здание Комитета Управляющих — и расползались по крохотным норам-домам.

— Я тебя не очень поняла, Каин, — говорю я.

— Только не говори, что не знаешь про слежку в чипе.

— Про что?

— Про... — юноша хочет повторить, но резко бьёт по тормозам — едва успеваем остановиться перед несущимся поперёк потоком авто, — ты серьёзно, конфетка? В твоей руке не только паспорт, банковская карта и прочие забавы. Там отслеживающее устройство.

— Не может быть! — препираюсь я. Не понимаю, отчего повышаю голос.

— А как иначе ты объяснишь, что Патруль Безопасности увязался за нами так скоро? Поболтай ты с родителями чуть дольше, останься на ещё одну кружку чая...

— Хочешь сказать, мы рисковали, остановившись у родительского дома?! Рисковал ты?

— Не хочу, но скажу. Да. Я думал, тебе известно про секретники устройства в твоей же руке, — укоряет Каин. — Этот чип впаян в тебя не первый год, а ты даже не интересовалась его спецификой?

— Никто и никогда не делился такими подробностями. Но...получается, Новому Миру

было известно, что мы отправились в Острог?

— И да, и нет, — объясняет Каин. Летим дальше. — За пределами города стоят глушилки — Сара их контролирует. Ты пропала с радаров, и это могло значить не так много — либо тебя убили, деактивировав чип, либо ты покинула город (мест для этого немного, сама понимаешь — лишь Острог), но в Остроге деятельность Патруля Безопасности не имеет влияния, силы и государственного права. Новый Мир понял, что ты отправилась к изгнанным до официального изгнания.

В голове проносится мысль, что никого изгнания бы не было...так сказал отец. Следующая мысль перечёркивает его слова — иначе не объяснить побег Сары из Картеля.

— И ты спокойно потащил меня на шествие безликих в центр Нового Мира, зная об отслеживающем устройстве в руке? Ты в своём уме, Каин?

— Я думал, тебе известно! — кричит он, но тут же успокаивается. — Прости, конфетка, я правда так думал. Что ты на свой страх и риск делаешь это, что готова к ответственности в случае задержания, что плевала на установки Нового Мира...

— И теперь нам не попасть на станцию, ведущую к Острогу, потому что мосты перекрыты, а Южный Район оцепили служащие правопорядка.

— Расклад — дерьмо, согласен.

Добавляет, что отслеживание чипа не ведётся онлайн, а выдаёт точки фиксации — то есть периодически происходящие остановки, местоположение постоянно обновляется, но не показывает движение в прямом, мать его, эфире.

— Твой чип сдал твою локацию на Золотом Кольце, на какой-нибудь из полос воздушного ориентирования, затем — в доме по улице Голдман. Патруль Безопасности увязался походу дела. Значит, тебя ищут, желают отдать под Суд.

Отец обещал иное. Ничего не понимаю...

— Что ты предлагаешь? — спрашиваю я. — Что можешь предложить для решения этого вопроса?

Не знаю, улавливает ли Каин отчаяние в голосе.

— Я бы на твоём месте выскреб чип из-под кожи, пока он не паразитировал.

Сама мысль пугает.

Чип — твой идентификатор, чип — твоя принадлежность к Новому Миру. Сколько несогласия и отвращения я испытала, когда увидела пустующее, не тронутое печатью Нового Мира, запястье Каина. И он предлагает отказаться от него? Отказаться от отметины управляющей системы, рукояти правления, от самой партии.

— Это всего лишь клеймо, Карамель, я говорил, — режет юноша. — Те, кто над вами, ставят штампики на своих подопечных. Пересчитывают вас подобно скоту на убой.

— Это не порядковый номер, — спорю я. — И он, конечно, тоже, но также...

— Паспорт, банковская карта, и прочее, и прочее, — перебивает Каин. — Я слышал это сотни раз.

— ...а также чип — это право находиться в Новом Мире.

— Разве ты не желала покинуть его? Разве не ты хотела отправиться в пятый район за новой жизнью, оставив лживую систему по ту сторону водохранилища?

Каин продолжает:

— Чип — та самая опухоль, которую ещё можно удалить из организма; она не успела разрастись и не обхватила иные органы. Но чем дольше в тебе инородное тело, тем больше бед и боли приносит, и тем сложнее его извлекать. Решение за тобой, в любой случае.

Просто...Ладно, это не просто, но я скажу. Все мы идём на какие-то жертвы, Карамель. Извини, что так получается, но мы в опасности в черте города, покуда Новому Миру известно твоё местоположение — мы не скроемся, не спрячемся: нас настигнут. Рано или поздно. Можем быть в бегах до открытия мостов и границ (а сколько нам ждать?), менять локации, но это утомительно, я говорю серьёзно.

Все мы идём на какие-то жертвы.

Однажды я увижу пятый район — место из грёз. Там нет обмана, выхлопы не гуляют по душным улицам, не надо носить защитную маску...И ради представляемого будущего я готова пойти на жертвы.

— Помоги мне, Каин, — прошу я. Впервые прошу о помощи кого-то. — Я хочу избавиться от чипа.

Наверняка есть какое-нибудь приспособление, безопасно извлекающее его. Так же, как чип ставят в запястье — дело секунды, больше подготовки и бумажной волокиты; должен быть способ выудить его из-под кожи.

Каин отвечает нерешительным согласием. Догадываюсь его реакции и добавляю уверенное:

— Я прошу удалить чип не потому, что советовал ты, а потому что сама хочу. Вернём Новому Миру его игрушку.

Юноша кивает — в его глазах мельтешит волнение. Мы двигаемся по улицам — вдоль полос воздушного ориентирования; наконец — кажется — отрываемся от преследующего Патруля Безопасности. Каин говорит, что у него есть квартира на распутье Северного и Южного районов в небольшом многоквартирном здании; негласное укрытие, там мало и редко кто бывает. Вряд ли впечатлит избалованную северянку, но мы можем затаиться. Единственное — с чипом в руке туда соваться опасно; следует избавиться раньше.

— Я доверяю тебе, Каин.

Янтарные глазки петляют по дорогам, и мы оказываемся ближе к заводам Западной части города — спускаемся; мосты вяжутся над нами в узлы, серое небо прячется — словно — в клетку (или запирают нас?), а иные машины редуют. Каин говорит, что свидетелей здесь происходящему мало (весь интерес направлен на Здание Комитета Управляющих; может, его подорвали не только в знак протеста, но и для моего аккуратного исчезновения?). К прочему, деактивация чипа северянки в низовьях Нового Мира близ озлобленной на богачей части города не покажется подозрительной.

Мы замираем у пустующей посадочной платформы — кажется, век здесь не парковались. Небо над нами нет, лишь мосты, крыши, углы других зданий; не знала, что Новый Мир может быть так мрачен и угрюм (а кто-то здесь живёт и работает...), потому что Новый Мир сам по себе сер и скуп на проявление не только эмоций и чувств, но и красок.

Смотрю в окно (даже здесь виднеется Здание Комитета Управляющих — его верхний кусок), пока Каин производит какие-то действия в стороне. Вдруг моя дыхательная маска валится к коленям.

— Эй! — восклицаю я. — Зачем отстегнул?

Пальцы Каина застывают у лица.

— Ещё не привыкла, что можно без неё? — спрашивает юноша и поправляет мои волосы — заправляет прядь за ухо.

Уклоняюсь и говорю:

— С ней всё же лучше. Воздух в Новом Мире, хоть и не опасный, как учит Академия, не

вредный — посмотри на дерьмо, что валит из труб. Даже здесь.

— Подумал, ты хочешь отдохнуть от маски.

— Впредь не думай за меня. И разве не опасно в черте города светить лицом? Всюду камеры!

— Только не с обратной стороны продовольственного завода. Камеры здесь намеренно сокрыты, чтобы южане могло подворовывать поставки, а остроговцы спокойно транспортировать товар.

— Фантастика...

— Разве?

От досады жмусь в спинку кресла. Янтарные глазки протягивают таблетку (одну из тех, что каждое утро принимает порядочный гражданин Нового Мира, дабы быть здоровым и ощущать принадлежность к системе):

— Препарат понизит чувствительность.

По ощущениям, не видела эти разноцветные пилюли целую вечность, на самом же деле — только день. Удивительно, как наполнены происходящим последние сутки...уже вторые. Кажется, до встречи с Каином я не жила ни единого дня. Послушно принимаю таблетку — успокоительное, но юноша говорит, что для извлечения чипа этого недостаточно, поэтому он введёт обезболивающее вокруг него. Каин достаёт из-под сиденья аптечку и рассыпает содержимое, находит шприц, стерильные бинты и обеззараживающее средство.

— Ты когда-нибудь делал это прежде? — спрашиваю я. — Извлекал чип?

— Обижаешь, конфетка. С моим опытом я бы мог открыть студию по удалению чипов.

— Как-то несмешно.

Картинка перед глазами трясётся — буквально, секунду. Каин продолжает:

— Из известных тебе — Азуми. Не обращала внимание, что на месте извлечённого чипа у неё татуировка?

— Тоже сделаю татуировку, — говорю я.

Теперь точно всё плывёт....

Кажется... кажется, эффект от препарата наступает.

Это ведь эффект от препарата?

— Хочешь татуировку? — уточняет Каин и вяжет на моём запястье жгут.

Зачем?

Соглашаюсь:

— Хочу.

— Таблетка уже действует, — смеются янтарные глазки. — Былая Голдман бы такого никогда не предложила.

Наблюдаю извлекаемый и взбирающийся под кожу шприц. Место укола перестаёт ощущаться — так быстро? Или проходит больше времени? Ничего не понимаю.

Интересуюсь:

— Будет больно?

— Не знаю. — Каин пожимает плечами. — У меня и чипа никогда не было.

— Переформулирую. Как вели себя те, кому его извлекали?

Лицо моего друга теряют очертания.

— Как минимум, держали рот закрытым...Я скажу, когда начну, Карамель. Предупрежу заранее, ладно?

Но Каин не предупреждает. В этот же миг ощущаю колкий удар. Роняю взгляд — кожа

расползается словно перезревший, лопнувший томат. Там же сочится красное... К ладони продвигается сжатый мужскими пальцами пинцет. Чувствую себя — перед глазами всё становится мутным в самом деле — неважно.... И потому теряю сознание.

Каин приводит в чувства: нависает надо мной и испуганно дышит, в руках держит извлечённый чип и разящий спиртом бинт.

— Ты очнулась.

— Ожидал другого?

Резко поднимаюсь — картинка всё ещё нечёткая, плавающая, мир качается и дрожит (или качаюсь и дрожу я?).

— Сказала бы, что боишься крови, — восклицает Каин.

— Сказала бы, если знала. Теперь знаю.

Смотрю на руку — вся обвязана тканью и бинтом, сквозь которые сочатся алые пятна.

— Ставить его было проще, — говорю я.

Установка чипа не занимает много времени — крохотное устройство с огромнейшим потенциалом и значением вводят специальным аппаратом: прислоняют к коже, и ты ощущаешь секундный (даже меньше) укол. В тот же миг чип начинает действовать.

Уточняю:

— Закончил?

— Да, ты проспала всё веселье.

Каин даёт посмотреть на чип, после чего сдавливает его, разламывает. Крохотные микросхемы летят из машины через окно — в основания домов.

— Поздравляю, Карамель Голдман, ты больше не в системе. Новый Мир тебя не преследует.

Не могу поверить, что чипа нет. Я помню его всю сознательную жизнь. Приглядываюсь к повязке, трогаю.

— Шрам останется, — предупреждает Каин и убирает инструменты. Моя задумчивость не даёт покоя. Подступает обратно и берёт израненную руку, подносит к своему лицу и целует тыльную сторону. — За веру и героическую стойкость.

Смущаюсь, но жест не перебиваю — даю закончить.

— Могу только представить, — улыбаются янтарные глазки, — какое облегчение ты ощущаешь, какую свободу.

Я должна чувствовать именно это?

Выдаю неуверенно:

— Наверное.

Оставшуюся часть поездки мы молчим. Каин возвращает нас на поверхность: движемся по дорогам знакомого Северного района. Маски снова на лицах, люди — всё так же торопливы и напуганы, дроны — не переставая — слетаются к Зданию Комитета Управляющих. Наверное, его уже всюю реабилитируют. Только реабилитация в этот раз серьёзная, и займёт не один и не два месяца, как это было с подорванными заводами.

— Приехали! — восклицает Каин, когда мы замираем на посадочном месте у одного из многоквартирных домов. — Прости, я не знаю, на сколько мы тут задержимся. Надеюсь, Патруль Безопасности быстро переберется, и мы сможем вернуться в Острог.

— К деревьям, — говорю я, глядя на бесконечную паутину мостов и сотни домов из серых блоков.

— Я — к команде. Ты — к деревьям, — смеивается юноша. — Зайдём быстро,

конфетка. Встреча с соседями по этажу нам не нужна.

Покидаем машину и двигаемся к крыльцу; Каин прислоняет к считывающей панели подобие чипа — магнитный ключ; с такими ходят детишки, которые не достигли возраста присвоения порядкового номера в системе Нового Мира и у которых — из-за постепенного роста — противопоказания к установке чипа. В Академии вход только по сенсору, поэтому чип к моменту поступления впаивают под детскую кожу.

Смотрю на обмотанную ладонь. Минутами ранее здесь было то, что делало меня северянкой и давало права. Задираю голову и смотрю на крыши Нового Мира — интересно, они насмеются надо мной? Злорадствуют? Проклинают? Или даже не замечают?..

Каин смотрит на меня и аккуратно утаскивает в подъезд — говорит, что у успокоительного, судя по всему, была большая дозировка. И хорошо, что квартира на первом этаже.

Не помню, как мы оказываемся внутри. Но мгновение спустя я сижу за столом и смотрю в окно через закрытые жалюзи.

— Что-нибудь видно? — спрашивает Каин. Каким-то обеспокоенным тоном.

Прихожу в себя. В самом деле смотрю в закрытые жалюзи? Осматриваюсь — мы на скромной кухне, за обеденным столом, а передо мной плюющийся паром электрический чайник и кипяточная кружка с бледным напитком. То есть...мы уже сколько-то времени здесь, если Каин успел всё это сделать? Уточняю:

— У меня мозги поплыли, да?

— Я тоже так подумал, — отвечают янтарные глазки.

— От этого не умирают?

— От плывущих мозгов или передозировки лекарством? Да как-то больше глюки ловят, знаешь.

Наблюдаю сосредоточенное лицо. Решаю высказаться:

— Но ты о чём-то думаешь, я вижу.

— Думаю, что это было не успокоительное...

— В самом деле?

— Мне кажется — только не злись, конфетка, — что я накормил тебя наркотой, поставляемой наркопринцессой.

— Ух ты!

— Точно, наркота. Goldman в трезвом уме уже бы огрела чайником и назвала идиотом.

— С последним пунктом ты справляешься сам.

Каин нервно замирает напротив:

— Твою мать, я дал наркоту несовершеннолетней северянке, чей папаша придумывает законы Новому Миру.

— Так уж и быть, жалобу не подам, — смеюсь я. — И папочке не расскажу.

— Сара меня убьёт.

Всё.

Перестаю что-либо помнить, ощущать. Перестаю быть. Перестаю существовать. Наблюдаю полое, не имеющее ни цвета, ни запаха, ни вкуса, ни звука (просто состоящее из ничего) пространство. Вязко пребываю в нём. Времени здесь нет, чувств — тоже. Боль отсутствует. Как и мысли. Всё, что есть — ощущение нахождения, ощущение пребывания где-то вне.

— Goldman, — раздаётся голос сверху. — Goldman, очнись.

Так и поступаю.

Открываю глаза — возвращаюсь в реальный мир. Темно. Света нет. Лежу у Каина на коленях: он придерживает мою голову и поправляет волосы. Вплавляюсь в тягучий, мягкий взгляд.

— Что за хрень, янтарные глазки?

Такая близость настораживает и пугает, вносит нечто деструктивное. Я не позволяла вторгаться в моё личное пространство (и даже Ромео не разрешала нарушать допустимое расстояние между партнёрами); кем себя возомнил остроговский мальчик?

— Что тебя смутило, конфетка? — парирует Каин, когда я резво отстраняюсь.

— Смутило, что я оказалась у тебя на коленях.

Смотрю по сторонам. Мы сидели (кто-то сидел — Каин, кто-то лежал — я) на полу. Ни единая лампа над нами не горит, ни единый светильник. За окном стемнело — зажглись десятки и сотни фонарей, очерчивающих полосы воздушного ориентирования и пешеходные мосты, загорелись рекламные вывески, подсветилось каждое окно Здания Комитета Управляющих (откусанный бок оказался сокрыт соседствующим многоквартирным домом). Сколько времени прошло? Уже вечер? Ночь? Нет, не ночь — машины летают.

— Прости, — говорит юноша; в темноте видно только его глаза и очерченный городским неонem силуэт, — я испугался за тебя и пытался привести в чувства. Прошло несколько часов...близится комендантский час.

Щурюсь:

— Не предполагал, что я померла по твоей вине?

— Первые пару секунд, пока не уловил дыхание.

— Ты и дыхание слушал, ну здорово. Какие ещё откровения?

— От тебя приятно пахнет, Карамель.

— Заткнись.

Каин улыбается и продвигается. Желает поцеловать? Город подсвечивает нас так волшебным и ранимым; наблюдаю ставшее близким лицо. В воздухе рассекают десятки автомобилей, и никто из водителей и пассажиров не знает о происходящем безумии на полу квартиры с потушенным светом. Посылаю сигнал, опустив взгляд. Я не готова. Не хочу. Для меня это какая-то совершенно иная степень близости, так воспитал Свод Правил.

— Прости, — в спешке извиняется Каин и отодвигается. — Не знаю, что на меня нашло. Говорю же — от тебя приятно пахнет.

Вспоминаю, как недавним касанием губ юноша огрел тыльную сторону руки...даже это неправильно. Моё тело не терпит чужого внимания. Вспоминаю, как недавним касанием юноша рассёк ладонь и извлёк чип. Вот, что иллюстрирует близость характеров и нравов. И неужели это случилось враздву?

Поднимаю руку и смотрю — повязка насквозь пропиталась кровью. Под ней — на ладони — в самом деле нет чипа. Нет моей принадлежности к Новому Миру. И Новый Мир по мне не плачет, ведь я лишь часть механизма, незаметная и легко заменимая, крохотная шестерёнка, которая должна была выполнять уготовленную работу, но не справилась, однако устройство не выйдет из строя из-за мелкой никчёмной детали.

Каин наблюдает мою растерянность и говорит:

— Не могу представить твоё облегчение без этого чипа.

Поспешно соглашаюсь, хотя так не считаю. На самом деле, я не знаю, как должна считать, что должна испытывать, как себя вести. Такому не учат в Академии.

— Ты много лет находилась под суровым и назидательным взглядом Нового Мира, — продолжает Каин, — под присмотром Патруля Безопасности. И — вдруг — обрела истинную свободу. Теперь тебя никто не контролирует, представляешь?

— Что-то мне нехорошо...

— В каком смысле?

Смотрю на руку. Нет больше чипа, нет идентификатора. Моя принадлежность к Новому Миру стёрта...неужели я совершила подобную глупость? Не могу себя контролировать (может, всё ещё виновата таблетка?) — глаза наполняются слезами.

— Карамель... — только и протягивает Каин, когда я прижимаю руки к лицу и плачу. В этот же миг наступает комендантский час — подсвеченные дома, дороги и улицы гаснут, лишь Здание Комитета Управляющих продолжает бессердечно смотреть на пресмыкающихся перед ним людей, что исполнительно забились в норы. — Я не знаю, что делать, Карамель...я могу что-то сделать для тебя?

Вернуть домой на неделю назад?

— Нет.

— Ладно.

Ладно.

— Проводи меня в комнату, — говорю я. — Столько всего свалилось, я бы хотела отдохнуть и собраться с мыслями.

— Разумеется.

Каин показывает соседнюю спальню. Точнее — единственную спальню. Сам же остаётся на диванчике в совмещённой с кухней гостиной.

— Если что — знаешь, где меня искать, — пытается пошутить юноша, но я не в настроении. — Отдыхай, Карамель. До завтра.

Падаю на заправленную кровать и взглядом впираюсь в потолок. Будь я сейчас дома, включила проекцию звёзд...будь я сейчас в Остроге, вышла бы на пьядцу, чтобы созерцать звёзды воочию.

Что мы имеем, Карамель? Какой расклад?

Вновь выставляю перед собой руку — рассматриваю повязку. Ладонь скулит целиком; действие обезболивающего проходит, как и это никчёмное плавающее состояние после таблетки, оказавшейся не успокоительным. Умно со стороны семейства Наркопринцессы дублировать форму пилюль (не удивлюсь, если с их связями, и лекарство, и наркотик штампуются на одном заводе); такие можно носить с собой в офис и не вызывать никаких подозрений.

Сегодня ты лишилась чипа, выставила себя революционеркой-психопаткой перед отцом, стала свидетельницей подрыва Здания Комитета Управляющих, приняла участие в шествии безликих в дыхательной маске, нарушающей закон её эксплуатации.

Вчера тебя едва не схватил Патруль Безопасности, и ты сбежала в Острог, где познакомилась с бывшей отца и ещё кучей странного народа.

Позавчера Новый Мир решил втоптать тебя в землю, обвинив во всём, в чём только мог и не мог.

За день до этого ты встретила свои семнадцать лет, получила желаемого паука, несколько раз порыдала и застучала подругу за лобызанием с каким-то стариком, отчего она решила подать жалобу первой. Кстати, ты не прочла подаренную Ромео книгу.

Ещё раньше ты поссорилась с партнёром, потеряла сознание в кабинете психолога и

сбежала с уроков в Академии.

Перед этим ты познакомилась с янтарными глазками и посмотрела в кабинете отца видео с психопаткой-бывшей.

Наконец — мы добрались до кульминационного момента — твой водитель пропал и из Академии тебя подвёз какой-то родительский недруг, но перед этим ты в традициях дня поругалась с Ромео, а ещё утром съела неправильное количество таблеток.

Ничего не забыла? Ты просто великолепна, Карамель Goldman! Коллапс — это не про катастрофу много лет назад; коллапс — вся твоя неделя, от и до. Не забудь написать книгу о том, как спустить в унитаз все доступные блага и богатства, как лишиться роскоши, удобства, безопасности и комфорта.

Пытаюсь заснуть — не выходит. Отрываю голову от подушки и оглядываюсь — снова кошмар? А голос в голове — такой навязчивый, такой угрюмый — причитает, что я потону в грязи этого города. Или голос не в голове?

— Тебе известно это? — спрашивает некто более осязаемо и громко.

Смотрю через плечо — встречаюсь взглядом с Ромео. Тело осыпает мелкой дрожью. Что это значит? Часть его лица — припущенную бровь, чёрный зрачок и уголок высушенных губ — освещает отдалённое Здание Комитета Управляющих. Не верю происходящему, но оставляю кровать и подкрадываюсь к другу.

— Ромео? — спрашиваю я. — В самом деле Ромео?

Иду к нему, не понимая, что происходит. Такой он красивый в лишённой света комнате; как аккуратно и изящно подсвечивается его кожа тона кофейного зерна. Здание Комитета Управляющих окидывает гордый юношеский силуэт направленным светом подобно театральному фонарю. Кажется, вновь сон... Да, сон. Обман. Я не приняла положенные медикаменты, но приняла иное лекарство — теперь сознание самостоятельно кормится картинками. Наверное, я схожу с ума, но отчего-то мне радостно. Нет, не отчего-то, а от присутствия и вида Ромео. Я сама себе его выдумала, потому что соскучилась. Не так и сложно в этом признаться...

— Что же ты делаешь, — отвечает юноша и со свойственной только ему одному интонацией протягивает, — сладкая девочка?

Как же я скучала по его обращению, по его голосу! Хоть и вечно противилась... Я хотела услышать «сладкая девочка» в исполнении Ромео, потому что он игнорировал горечь моего характера и соль воспитания; видя только хорошее. Не перспективное, а именно хорошее.

— Что же ты делаешь? — повторяет юноша.

— А что происходит?

Ромео смотрит на расставшуюся с чипом руку, но я признаюсь в ином:

— Я видела тебя на Золотом Кольце и очень хотела подойти.

— Я бы тоже этого хотел, — во мраке соглашается юноша. — Жаль, что не успела.

— Когда-нибудь мы увидимся снова, обещаю.

— Знаю.

— Побудь со мной ещё.

Ромео на выдохе роняет моё имя и раскрывает объятия — кидаюсь к другу и, припав на колени подле, прижимаюсь, что есть сил. Ромео склоняется и обнимает спину — утопаю лицом в академической рубашке, в загребающих ладонях. Сжимает. Ромео гладит мои волосы и просит подняться, но я ощущаю себя бессильной перед ним; признаюсь, что так и

не прочла подаренную книгу. О чём она?

— Увы, уже не читаешь, — кивает юноша.

— Зачем ты так говоришь?

Поднимаю глаза — никого нет. Ромео нет. Растворился в воздухе. Так просто. А я, щупая пустоту, щупая голое пространство, пытаюсь из последних сил выцепить присутствие Ромео. Никого нет.

События девятого дня

Просыпаюсь от стука в дверь. Каин зовёт по имени и велит вставать — пришли срочные новости. Говорю, что сейчас выйду, а сама с трудом отлипаю от стула, рядом с которым спала и спинку которого обнимала. Неужели ходила во сне? О, Карамель...разумеется, ходила во сне. Не Ромео же явился тебе в ночи, не выдумывай. Всё сон. Но у тебя проблемы, если ты начала лунатить.

Выхожу к Каину — янтарные глазки ожидают в коридоре.

— У тебя срочные новости, — повторяю я.

— Срочнее некуда. Мне только что сообщили, — и юноша щёлкает пальцем по наушнику, — о готовящейся поставке на территорию пятого района. Она не в планах, а на носу. Поставка вот-вот отправится.

— Мы можем улетать? Откуда такая спешка?

— Наверное, управляющие всполошились после подрыва Здания Комитета Управляющих. Не будем медлить. Ты готова?

— ...Не знаю.

Правда, не знаю. Едва я познакомилась с Острогом и живущими там, едва обзавелась новыми друзьями, как янтарные глазки сообщают о новом, перехватывающем дыхание, событии.

— Не знаешь? — восторгается Каин. — Всё это я делаю ради тебя, конфетка. Только скажи — отправимся в пятый район. Как ты хотела.

Он прав. Не стоит забывать — всё делалось во имя пятого района, всё вело к нему. Изначально я должна была отправиться туда, а не спускаться на земли Острога...Смотрю на повязку — ещё вчера в ладони обитал чип, открывающий все двери в Новом Мире, дающий тебе привилегии, имя и средства. Жертвы не могут быть напрасны. Тем более из-за Патруля Безопасности, что оцепили мосты и станции, мы не сможем вернуться в Острог неизвестное время.

Говорю:

— Я готова.

— Идём. Без завтрака справишься?

— Всё равно не люблю завтракать.

Быстро собираемся и оставляем временное укрытие; цепляем дыхательные маски на лица, пересекаем подъезд — серый, полый, как коридоры в Академии — и выходим на крыльцо. Утренний прохладный воздух бьёт по открытой части лица; присутствует запах гари — после вчерашнего пожара. Смотрю на Здание Комитета Управляющих, раненного гиганта. Вокруг него до сих пор кружат дроны, но верхние нетронутые этажи — что очевидно — будут продолжать работу. Новый Мир не перестанет функционировать. А я ведь не поинтересовалась, каким образом и кто смог напичкать средние этажи Здания Комитета Управляющих взрывчаткой...

— Держи руки в карманах, — велит Каин.

Исполнительно прячу их.

— Который час? — спрашиваю я.

— Куда-то торопишься? — забавляется юноша.

— Не слышала и не видела утреннего обращения на Здании Комитета Управляющих.

Новости уже были или комендантский час ещё не закончился?

Каин растерянно выдаёт:

— Не закончился, его сегодня продлили — видел в Вестнике. Граждан просили дольше посидеть в домах. Новостей тоже не было. Наверное, из-за вчерашних событий. Может, их отдел зацепило или попросту собираются выступить позже. Увидим.

— Ладно...

Мы садимся в машину. Небо сегодня по-особенному серое, такое бывает? Словно подсвеченное с обратной стороны.

— Расскажешь, как приобрёл квартиру в Северном Районе? — спрашиваю я. Да-да, без банковского счёта, наличия кредитной истории и средств на покупку в том числе.

— На стыке Северного и Южного, — поправляет юноша. — Один важный человек откупился, чтобы я не рассказал его секрет.

Кротко улыбаюсь:

— Какой?

— Какой человек или какой секрет? — смеётся Каин. — Не скажу, иначе останусь без квартиры или окажусь на следующий день в мусорном баке. А, может, сразу в двух.

Понимаю, что он шутит...но это не укладывается в голове. Отказываюсь принимать испорченность Нового Мира. Новый Мир — несмотря на его минимальные проскальзывающие несовершенства — идеален. Или нет? Кажется, нет...

— О чём-то задумалась? — Каин перебивает мысли.

— Ерунда.

Мы взмываем в воздух и летим. Юноша делится:

— Я увижу пятый район вместе с тобой, представляешь?

Поднимаю глаза — врезаюсь в улыбку. Каин удерживает руль одной рукой, а вторую кладёт мне на ногу. Едва не оставляет ожог пятернёй; ощущаю, как кожа плавится. Ты. Чего. Парень.

— Я мечтал увидеть пятый район, конфетка, и — наконец — исполню это, но не один, а вместе со значимым для меня человеком.

Искренняя, даже искрящаяся интонация заставляет выкинуть из головы дурное, заставляет вытерпеть жест, вторгающийся в моё пространство.

— У меня есть друзья в Восточном районе, — рассказывает Каин. — Они занимаются поставками провизии и медикаментов пятому району. До окончания комендантского часа мы должны сесть на вертолёт и пересечь водохранилище.

— Значит, летим в Восточный район, — соглашаюсь я.

Восточный специализируется на поставках и производстве: десятки фабрик и заводов выплёвывают грязь и пыль из своих труб, прикуривают, дымят.

— Понаблюдаем, — говорит юноша, — что грузят для самых важных шишек Нового Мира. А затем отправимся вместе с грузом.

— Звучит просто.

— Подозрительно, да? — улыбается Каин. — Сам не понимаю отчего...

— Почему ты не улетел раньше?

— Я не говорил?

— Скажи ещё.

— Просто не мог.

— А сейчас?

— И сейчас не могу, но делаю это ради одной заносчивой, любящей задавать вопросы и выводить людей, особы.

— Звучит убедительно.

Мы одни в небе — парим. На огромном полотне докучливого серого цвета вырисовывается крохотная точка — наше авто. Людей на пешеходных тропах нет, улицы молчаливы — словно целый город вымер. Или никто и никогда здесь не жил вовсе. Да и жили ли?

Роняю взгляд в низовья Нового Мира — ещё одну загадку, разрешение которой не встретится ни на моём веку, ни на веку будущих поколений. Меня не интересует возможное существование Старого Города, моя жизнь сосредоточена в Новом Мире. А ещё я открыта знакомству с пятым районом. Когда-то думала, под пятами сокрыт Острог — место изгоев и изгнанников, сбежавших из-под Суда или покинувших стены Картеля. Когда-то считала, на нижних этажах таятся рабочие, отправленные поддерживать град на граде стремлением искупить вину за ошибки предков. Поднимаю глаза. Вот и Здание Комитета Управляющих. Столп. Гигант. Сам атлант. С откусанным боком имеет вид победителя (может, он переиграл нас и потому насмехается? хотя, признаться, лик его спокоен и горд — как всегда). Здание Комитета Управляющих кажется безучастным, но все деяния, разговоры и мысли вьются вокруг него. Вьются подобно дронам, что в нынешний момент зашивают раненный корпус строения. Удерживающие конструкции исполнили своё предназначение. Карабкающиеся в темноте и без воздуха люди не пропали зря — ценой жизнью тогда и сейчас помогли выстоять, помогли выдержать теракт. Здание Комитета Управляющих — символ Нового Мира, символ нерушимости власти, сплочённости народа и идеалов. Оно выдержало удар и выдержит ещё сотню, покуда верящие в него люди будут взирать с уважением и восхищением. Памятник целой исторической эпохи. Монструозный зиккурат. Его острый шпиль протыкает небо Нового Мира, устремляясь в ещё более светлое и прогрессивное будущее, и рассылает лучи и волны, что дают людям связь, а властвующим — наблюдение за ними. Начинаю подозревать, что Здание Комитета Управляющий — тот же герой нашей истории: одушевлённый и чувствующий, несущий собственную правду и преследующий собственную цель. Центр Нового Мира. Центр равно разделённых районов. Центр скопленных государством людей. Но не окажется ли центром проблем или разрушительной утопией?.. Серые, выстроенные в ряд дома демонстрируют сплочённость людей и приверженность к единой касте — мы проносимся над панелями, что сливаются в единое полотно. Туман почти сходит с улиц, ныряя через парапеты со стилобатов и крыш. Со мной рядом заставивший пробудиться, открывший глаза на не идеальность системы. Каин словно бы ощущает мысли о себе и уверяет в правильности наших решений. Ловлю янтарный взгляд и решаю признаться (когда если не сейчас?):

— Если бы не твои глаза, не заговорила тогда с тобой.

Каин косится и улыбается сквозь дыхательную маску, переспрашивает:

— Глаза? Что это значит?

Объясняю:

— За день до твоего появления, Каин, из Академии меня подвозил один человек. Это был мужчина. Я обратила внимания на глаза — янтарные, это первая проскользнувшая ассоциация. Никогда не видела более притягательного истораживающего цвета. Мы беседовали о Новом Мире и моём участии в рекламной кампании (думаю, речь про Богов и Создателей в адрес южан тебе известна), а затем он отказался от оплаты, сказав, что только

и требовалось — посмотреть на меня.

— Это очень странно, Карамель, — настороженно протягивает юноша. — Одна благодарность незнакомцу — он, получается, дал мне шанс познакомиться с тобой ближе.

— Просто немыслимо.

— Не бойся, больше ты его не увидишь. Мы оставим Новый Мир.

— Но ты вернёшься? — спрашиваю я.

— Не будем загадывать.

— Ты уклончив. Резиденция не сможет без отдающего указания.

— Сейчас у меня одна задача — обеспечить твою безопасность, конфетка.

Жилые дома сползают всё ниже и ниже, редуют крыши — оказываемся в Восточном районе. Заводы и фабрики неустанно дымят, разница лишь в том — сейчас они не издают монотонных звуков: молчат и курят, только.

Спускаемся к посадочной платформе, замираем.

— Спрячь руки, — говорит Каин. — Ты взяла перчатки?

Киваю и достаю их из карманов. Белые. Прекрасные. С трудом натягиваю ткань поверх бинта.

— Давай торопиться. До окончания комендантского часа всё меньше времени.

Поспешно покидаю авто и следую за другом. Грязная улица упирается в не менее грязный переулок (над головами сетка из пешеходных нитей). Нас призывают распахнутые складские двери. Каин кивает и держит за собственной спиной — заходим. На улице ни души — безмолвно, тихо, спокойно. Едва пересекаем порог склада — также целиком состоящего из серых ровных панелей — сталкиваемся с десятком людей (словно это другой мир, нетронутый предписанием вести дела беззвучно и не отвлекать иных), что с жаром беседуют друг с другом и неустанно (а также в спешке) работают: чрезмерно быстро двигаются, ловко грузят крупные ящики, исполнительно пересчитывают их и добропорядочно сверяют с накладными. Внутри помещения рассыпан гогот. Шёпотом уточняю у своего друга, известно ли этим людям, что и для каких целей они делают.

Слишком уж оживлёнными и довольными кажутся. Я понимаю, Восточный Район недалеко продвинулся от Южного, ведь — в большинстве своём — здесь работали южане с примыкающих пешеходными тропами улиц. Каин отвечает, что — то известно северянке — исполнители южной части города не привыкли задавать вопросы. Они исполнители. А свои догадки оставляют в головах, не привыкшие делиться. Для обсуждения достаточно иных тем — от низкой заработной платы и нехватки средств на закрытие базовых потребностей до беспокойств, связанных с возможной потерей рабочего места, если компания будет объявлена нетребуемой. Как смешно это слышать, учитывая, что Академия учила — безработицы в Новом Мире нет, нет и бедности, нет угнетения, нет опасений за светлое будущее. Мы — вершина человеческой мысли, апогей градостроения.

...но всё это касалось детишек богатеев, обучающихся в Академии, что готовила будущих управленцев.

Стой, Карамель. Давно тебя беспокоят обделённые и немощные? Не ты ли рассуждала, что — значит — они не заслужили более высокого уровня жизни, если не смогли его добиться?

— Подожди здесь, — говорит Каин и оставляет меня около стены, чтобы я не мешала общему движению. — Надо обговорить с их начальником.

Спрашиваю:

— Вот они, твои друзья из Восточного?

— Некоторые, да.

— Ладно.

Юноша отдаляется — замирает у контролирующего работу, здоровается за руку (но руки не обнажает, не снимает перчатки (как делал то в Резиденции); уровень доверия и близости становится очевиден).

Загружаемые ящики тонут в находящейся под укутывающей тенью части склада. Приглядываюсь — понимаю, что там находится дрон, однако его большую часть покрывает брезент.

Дроны несильно отличаются друг от друга — лишь габаритами, которые зависят от направления деятельности. Занимающиеся поставками велики — они двигаются отдельно от воздушных полос для машин; чаще всего по нижнему уровню Нового Мира — замирают у складов, фабрик и заводов, обмениваются друг с другом и в итоге поставляются к основанию Золотого Кольца. Продукты, вещи, товары, прочее. Симпатичные мне дроны не связаны с транспортировкой — есть наблюдающие, как глаза Нового Мира (словно разбросанных камер и считывающих сенсоров недостаточно). Они кружатся хаотично в черте города и иногда над водохранилищем. Едва не ныряют в воду, проносятся над её гладью и возвращаются к верхушкам зданий Северного Района. Также есть дроны ремонтные (иллюстрируемые попыткой залатать выкорчеванный взрывом кусок в Здании Комитета Управляющих) и спасательные (на случай чрезвычайных ситуаций типа аварий или возгораний). На последних имеются средства для оказания помощи или содействия, они контролируются Палатой Безопасности.

Я предполагала, что большие дроны можно использовать и для транспортировки людей, просто в том никогда не было необходимости. И, значит, отличительно от машин, запрограммированных не покидать черту города, дроны могут пересечь дамбу и водохранилище.

Смотрю на ускорившихся людей — мужчины торопятся, кормят тень последними единицами груза. С корпуса дрона сползает покрывающий материал — сам дрон блестящий и красивый; видно, что новый.

Вспоминаю сон с участием Ромео, вспоминаю, как теплилась на его коленях. Это ужасно и прекрасно воедино. Виной всему лекарства, понимаю. Следом вспоминаю юношу, похожего на Ромео, на краю Золотого Кольца. И его распахнутые руки. Не хочу думать или предполагать (то девиантно для жителя Нового Мира).

— На твоих руках кровь, — говорит мужчина.

— Что?

Размышляю в этот момент о Ромео и, признаться, сказанному пугаюсь.

— Извините? — переспрашиваю я.

Голос уточняет:

— Кровь. На перчатках.

— Поранилась, — быстро отвечаю и, даже не глянув, засовываю руки в карманы.

— Случается.

Мужчина согласно кивает и уходит.

Как же, Карамель, случается. Именно с той рукой, в которую Новый Мир вплавляет чип-клеймо-жучок.

Возвращается Каин — наблюдает растерянный вид и уводит в сторону.

— Ты побледнела, конфетка, всё хорошо?

Показываю руку.

— Ещё кровит, — говорит Каин. — Не беспокойся, ты просто не даёшь ей покоя, вечно тормозишь.

— Что за слово такое...

— Как прибудем — сменим повязку, договорились? Ну, готова к посадке?

— Не думаю, что ради меня задержат рейс, так что готова.

— Очень смешно, конфетка. Всё загрузили — остались мы. Не прощайся с Новым Миром, он тебя не заслужил.

— Твои друзья из Восточного, — и я незаметно киваю на работающих, — не спрашивают, почему ты в компании северянки садишься на дрон с продуктами?

Каин улыбается:

— Повторюсь: они научены не задавать вопросы. Тем более перелёт не на добровольной основе — мы заплатим. Я заплачу.

— Вот как. Чем же, мальчик без чипа и, соответственно, денег?

— Одной услугой, она тебя не касается, конфетка. У кого нет чипа, пора бы это понять и признать, платят делом или информацией. Да, такому не учат в Академии.

Омерзительно.

Новый идеальный Мир идеален лишь в теории — на бумаге и по законам. Но всё это — лишь верхушка айсберга. В том вина человеческой природы?

— Выше нос, девочка с поверхности, — говорит Каин и щёлкает — надо же! — мне по носу. Хочу возмутиться, но юношеский силуэт отдаляется. — Поторопись! Комендантский час близок.

Взбираемся в воздух — схоже взлетают авто; плавный подъём и аккуратное движение. Вот только дрон — отличительно от машин — шумливый и покачивающийся. Люди — южане, рабочие — остаются под пятнами; не провожают взглядами: смотрят в планшеты и на бумаги, сверяют время и дату поставки, сверяют груз. Полотно, покрывающее транспорт, соскальзывает — остаётся на складском полу. Дрон покидает завод — Новый Мир без эмоций встречает очередную механическую детину. Мы утаиваем своё присутствие в тени, примирившись с компанией огромных деревянных ящиков, внимаем гулу работающего автопилота, различаем за распахнутым отсеком для погрузки нарастающие здания. Серые дома провожают нас, а работающие и живущие в них не ведают о нашем присутствии — окна выходят на другую сторону. Очень умно, Новый Мир, очень предприимчиво. Мы пролетаем над городом — мимо петляют десятки иных дронов: некоторые стремятся к Зданию Комитета Управляющих, некоторые падают к заводам. Ранним утром город кажется другим. Не моим. Ненастоящим. Не хватает натиска машин среди воздушных полос, не хватает бредущих по мостам людей. Мосты — паутина. Город — ловушка. Кто паук? Приближаемся к водохранилищу — узнаю подобие пляжа, серо-черный песок, скрипучий и налипающий, лицемерные здания, спокойную воду. Вот-вот мы оставим Новый Мир. Земли под ногами больше нет, свершилось. Впервой обращаю внимание (со стороны города того и не увидеть): от дамбы отлипают и спускаются несколько лестниц, что ведут к пристани. Там стоят моторные лодки, на одной из них — люди. Очень интересно. Какие ещё секреты есть у города и его жителей?

Всё это кажется нереальным. Смотрю на собственные руки в надежде, что на них есть правда. Однако правда заключается в окровавленном бинте и вырезанном чипе. Для города

меня больше нет. Города для меня — тоже. Впереди пятый район, выдуманый рай с деревьями и крохотными домами, почвой и чистым небом. Там будут звёзды.

Каин предлагает подойти к краю платформы и посмотреть на отдаляющийся город, на уменьшающиеся дома, на Здание Комитета Управляющих — гнилой кусок, что облеплен ремонтными дронами словно мухами; острый пик прокалывает небо, прокалывает сердце.

— Не думаю, что это хорошая идея, — перечу я.

— Не думай, просто сделай.

Как знакомо.

Мы ступаем близ. Порыв ветра бьёт в ноги, а тело дрожит от прохлады и высоты. Смотрю на Новый Мир с нового ракурса, под другим углом — всё такой же прекрасный и идеальный, бессердечный и вдохновляющий.

Каин отвлекается: говорит, что должен срочно ответить по наушнику. По мере разговора его выражение лица неустанно меняется — с растерянности до восторга, от опасения до ликования. Десятки эмоций пробегают друг за другом. Что за новости, янтарные глазки? Всё хорошо? Здание Комитета Управляющих вновь подорвали? Мосты к Южному Району открыли? Что случилось?

Комендантский час проходит, узнаю это по отряхивающемуся ото сна городу: серые улицы озаряет искусственный свет, блики сплетаются друг с другом и бьют в лица горожан, машины поднимаются в воздух, мы для них — незаметная крошка.

Всматриваюсь в отдаляющийся город. Здание Комитета Управляющих на месте — от него, как днём ранее, не валит дым, всё спокойно; дым собирается зашлакованным облаком над Восточной частью города. Южная даже не проглядывается за гигантами-домами Северного приятеля. Восточный до открытия Золотого Кольца молчалив. Приглядываюсь — под острым пиком Здания Комитета Управляющих танцуют частицы пыли, которые складываются в изображение. Из-за блика не могу разглядеть показываемое или выступающего.

— Новости, — отрывисто бросает Каин. — Карамель, там твой отец.

— Что?

— Твой отец выступает с обращением, — говорит юноша и разворачивает меня к себе за плечи. — Говард Goldman просит признать Острог своей частью и дать независимость, просит прекратить притеснять и унижать заслуги южан. Обращение в общих чертах, всё передала Сара. Как это понимать, Карамель? Что за обманный манёвр?

Не могу поверить.

Папа.

Он сделал это!

Меня переполняет нечто прекрасное — какое-то новое, удивительное, странное чувство. Чувство! Я не боюсь его. И слёзы — однако не от душевной тоски или эмоциональной боли — наполняют глаза и ползут по щекам, делая их и губы солёными и невкусными. Признаюсь:

— Это не обман. Моя просьба отцу.

Каин теряет:

— Когда? Вчера? Для этого ты ездила домой? Ты просила...свободу Острогу?

— Ты грезил, чтобы вас услышали. Вас услышат. Вас уже слышат.

— Ты сумасшедшая, — по-доброму смеётся мой друг. — В хорошем смысле, но сумасшедшая. Я нисколько не ошибся, когда посмотрел в твои глаза впервые — всё в них

было.

Каин быстро смотрит на город. Новый Мир остаётся за дамбой. Теперь у Нового Мира есть ещё один шанс стать новее — обновлённое, умнее, терпеливее, красивее. Чтобы все, собранные на землях Нового Мира и Острога люди, ощущали единство. Чтобы Коллапс не повторился. Юноша обращается ко мне:

— Но как, Карамель? Ты знакома с Новым Миром шестнадцать полных лет, а со мной — меньше недели. Как?!

— Подумала, вы хорошие люди. И вы — равно жителям Нового Мира — движетесь к загаданному идеалу, стремитесь выявить блага.

Каин держит меня за плечи. Жужжание дрона заглушает мысли, не говоря о словах. Мы несёмся в сторону Пятого Района, невысказанно. Смотрю в янтарные, понимающие меня, глаза и в который раз ощущаю — вплавляюсь в них, застреваю, тону.

— Всё будет хорошо, — говорю я.

Это странное чувство... Теперь другое.

Хочу поцеловать Каина. Притянуться к лицу и попробовать прокусанные от волнения губы. В самом деле хочу. Склоняюсь к нему.

— Не у тебя, — перебивает Каин.

— Прости?

— Прости, — кивает он.

Притягиваюсь к лицу, игнорируя сказанное.

— Знаешь, — говорит мой друг, а я замираю на крошечном расстоянии от его лица, — что требуется любой революции? Жертва революции. Знаешь, в чём нуждаются массы? В мученике. Знаешь, что подорвёт авторитетность управляющих? Павший перебежчик, покаявшийся за то, что вразумил иному — отходящему от канонического и всеми принятого — мнению.

Подкатывает тревога. Обманывает ли интуиция?

— Не понимаю тебя, — говорю я.

— Понимаешь, Карамель, ты не дура. Я уже говорил.

Руки сильнее сдвливают плечи. Поцелуй меня, Каин, на этом хватит.

— Ты боялась утонуть в грязи Нового Мира, но знаешь ли ты, Карамель, что страх лишь приближает его? Ты боялась утонуть в Новом Мире, и я не позволю тому случиться, мной обещано — тебя ждёт реальная глубина, о которой ты грезила.

— Прости? — в который раз переспрашиваю я.

— Прости, — говорят янтарные глаза, — жертва революции. Так надо, ведь ты сделала, что требовалось.

А руки выталкивают меня из дрона.

Кажется, я больше не хочу поцеловать Каина.

Я ничего не хочу.

Огромный дрон неспешно отдаляется — ввысь; становится мелким — как надоедливая муха. Разрезаю руками воздух и в оставшиеся секунды до столкновения с водой желаю что-нибудь переосмыслить, но всё становится ясным как небо над Острогом. Стоило догадаться по его дерьмовому имени, не зря оно мне не понравилось в первую же встречу.

Кошмар становится явью. Страх приближает его явление. Осталось слишком много вопросов, кто ответит на них?

«Мы ваши Создатели!» — вторит голос над головой: слова разверзают город, а слоги

рассыпаются и налипают на дороги, что скрещиваются паутиной.

«Мы будущее этого мира» — продолжает говорящий. Я с трудом открываю плачущие от соли глаза и наблюдаю ухватывающую воду, что стремится обнять меня; ощущаю удар волны.

«И если вы живёте...»

Вода наполняет лёгкие словно сосуд, но чья-то дрогнувшая рука не останавливается, а потому жидкость переливает через край, ошипывает, давит.

«...дышите нашим воздухом...»

Вскидываю руками к некогда молебному небу, но вместо того сталкиваюсь с бессердечной водой.

«...едите нашу пищу...»

Я хочу закричать.

«...смотрите на наше небо...»

Кричу.

«...Знайте! Без нас не было вас».

Захлёбываюсь: ледяная жидкость взбирается и наполняет изнутри.

«Вы нашим подчинённые, а мы Боги».

Тело обдаёт жаром; я чувствую: вот-вот вспыхну, загорюсь.

«Восхваляйте же своих Создателей!».

Открываю глаза.